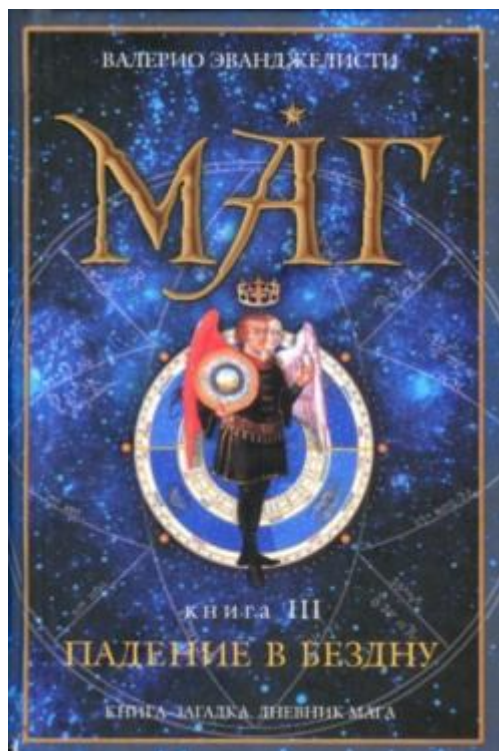

Валерио Эванджелисти Падение в бездну

Маг – 3

Скан — keiten, вычитка — Юрчик Библиотека Старого Чародея
«Маг. В 3 книгах. Книга 3. Падение в бездну»: Эксмо, Домино; М., СПб.; 2009
ISBN 978-5-699-32735-5

Аннотация

XVI век. В Европе бесчинствуют четыре всадника Апокалипсиса, неся с собой ужасы войны, чумы, голода и братоубийственной ненависти. Кажется, что грядет конец света.

И только Мишель Нострадамус знает, сколько еще испытаний выпадет на долю человечества. Его имя окружено пеленой тайны. Он видит сквозь барьеры времени, предсказания его с пугающей точностью сбываются и в XXI веке.

«Падение в бездну» — третья книга романа В. Эванджелисти «Маг», в которой Мишель Нострадамус попадает ко двору французских королей и проходит до конца свой жизненный путь, окруженный богатством и славой. Правда, за гранью жизни и смерти Мишеля ждет поединок с темными силами. Но это не страшит его, ведь он Маг, творец и хозяин миров.

**Валерио Эванджелисти
Падение в бездну**

АБРАЗАКС. АБСУРД

— *Неизменяемой судьбы не существует!* — крикнул молодой священник. — *Не бывает судьбы, predetermined заранее!*

— *Это так,* — ответил Ульрих. — *Но существует судьба, изменить которую ни у кого не хватает сил. Это требует громадного совместного усилия, а человеческий эгоизм такого не приемлет.*

Нострадамус с испугом почувствовал, что снова подпадает под обаяние старого мага. Казалось, весь космос склонился перед ним.

Дети-уродцы благоговейно распластались на песке, образовав гигантский ковер из живых тел, сквозь который то здесь, то там пробивались растения или выглядывала зеленоватая чешуя рептилий. Пятиконечная звезда недолго мерцала на темном небе и вскоре растворилась в легком, теплом свечении, вернувшем пустоте видимость небесного свода. Только пронизывающий холод напоминал двум мужчинам и женщине, что они находятся в царстве бреда.

Нострадамус вдохнул отдающий металлом воздух и с ненавистью посмотрел на Ульриха, стараясь заглушить в себе безграничную любовь к старику.

— *В гробнице триумвира ты сказал, что Владыку Ужаса остановит союз, заключенный врагами. Эти трое когда-то имели имена. Диего Доминго Молинас, испанский инквизитор. Катерина Чибо-Варано, женщина, одержимая страхом физической старости и жаждой мести. Отец Михаэлис, иезуит, для которого я олицетворял презренную идею predeterminedности судьбы. Никто не ненавидел меня так сильно, как они. Теперь же, как видишь, все трое рядом со мной.*

Ульрих прикрыл глаза, словно сиюсь вызвать давние воспоминания. Космос повторил движение его зрачков и качнулся. Поднялся ветер, засыпал песком спины детей, и они стали неразличимы на фоне пустыни, покрытой горбиками перетекающих с место на место дюн.

— *Я помню час своей смерти,* — сказал Ульрих. — *С тобой были два спутника, но в колодец спустился только ты. Ты нашел меня на плите, посвященной тройственному богу, и начал задавать глупые вопросы.*

— *Глупые в твоём понимании,* — возразил Нострадамус. — *Я спросил о жене, которую разыскивал.*

— *А я тебе ответил, что ничего о ней не знаю и вообще женщинами не интересуюсь. Я уже подходил к порогу физической смерти. А жену ты нашел в другом месте.*

Нострадамус поднял плечи, чтобы не выдать дрожи, охватившей его при воспоминании о жене.

— *Бесполезно ворошить такое далекое прошлое. Как видишь, я принял твой вызов и победил. Законы любви в очередной раз оказались сильнее законов ненависти. Только любовь может стать сильнее времени.*

Губы Ульриха сложились в деланно любезную усмешку. Он покачал головой:

— *До чего же ты наивен, Мишель. Твои бывшие враги перестали тебя ненавидеть, но и любить не начали. Не их души объединятся, чтобы испугать меня и остановить Владыку Ужаса.*

Человек в черном плаще поднял палец.

— *Не передергивай, колдун,* — сказал он злобно. — *Владыка Ужаса — это ты сам, вместе со своим хозяином Сатаной.*

При упоминании о Сатане ветер превратился в ледяной трепет, словно небо задрожало от страха. Дети-уродцы глубже зарылись в песок, совсем пропав из виду. И тут же на небе возникло лицо слабоумного новорожденного — лицо Парпалуса. Оно было маленьким и далеким и походило на сморщенную звезду.

Ульрих не обратил внимания на эту сцену. Только проворчал:

— *Диего Доминго Молинас, вы и в загробном мире остались таким же неуклюжим. На земле Владыка Ужаса уже правит, или будет править в будущем, или правил в далеком прошлом. Ну же, его не так уж и трудно назвать. Мишель, помоги своему другу. Что может повернуть ход истории вспять? Что может лишить людей уверенности в том, что они люди, и заставить их впасть в первоначальный хаос безумия?*

— *Не знаю, — ответил Нострадамус.*

— *Все ты знаешь. Ты говорил об этом во всех своих книгах. Не может быть, чтобы ты не понял того, что тебе внушал Парпалус. Он тысячи раз диктовал тебе это имя, и тысячи раз ты его записал.*

Далекое лицо Парпалуса сморщилось в злобной усмешке, и все восемь небес и 365 эонов Абразакса пошли складками. Нострадамус напряженно силился разгадать загадку, но признал свое поражение.

— *Не понимаю, — прошептал он.*

Ульрих издал короткий смешок.

— *Ладно, я тебе помогу: вспомни четырех всадников Апокалипсиса. Кто был второй? Это он сеет распад и безумие.*

И тут Нострадамус понял. Он уже хотел ответить, как вдруг неслыханное открылось его глазам, и перед ним замелькали тревожные и пугающие образы. Раздался громopodobный цокот шестнадцати копыт четырех гигантских коней, окутанных мраком: белого, гнедого, черного и бледного с прозеленью. Отливая кровью, взметнулись вверх золоченые шпаги. Латы из человеческих ребер, опрaвленных в металл, вздрагивали и звенели. Сквозь смотровые щели невиданных шлемов красновато поблескивали зрачки в пустых глазницах черных лиц.

Дикий, леденящий душу рев поднялся со всех сторон. Хаос воцарился во вселенной, а вместе с ним — ужас.

ВОИНСТВО ГОСПОДНЕ

Осень 1555 года выдалась в Риме необыкновенно мягкой, яркое, теплое солнце продлеvalo в городе лето. От этого страдали кварталы бедноты, где громоздились друг на друге покосившиеся дома с тесными, душными двориками, а население жило за гранью нищеты. Сушь усиливала вонь, идущую из узких улочек от нечистот и огромных куч мусора, зачастую мешавших проходу. Тлетворный воздух проникал и в дворянские дома, которые не были, как в других европейских городах, изолированы друг от друга, а высились вперемежку с домиками бедняков, непосредственно включаясь в городскую суету.

Зато в садах аристократов, отделенных от города центральной стеной, в эту необычно жаркую пору было хорошо. Особенно в тихих, ухоженных садах Ватикана. Деревья и трава на газонах немного пожелтели от отсутствия влаги, но прогулка по дорожкам неизменно обещала благоуханную прохладу. Поэтому прелаты предпочитали, покинув свои палатцы, по утрам спускаться в сад и обсуждать все дела в тени папских покоев.

Головы кардиналов иногда венчали широкополые шляпы из темно-красного шелка, украшенные белыми бантиками и напоминавшие зонтики. Именно такая шляпа красовалась на голове слишком молодого для своего ранга прелата, который шел под руку с другим, тоже молодым священником с длинными белокурыми волосами, одетым в черное. На почтительном расстоянии за ними следовали двое слуг-турок.

— Я впервые встречаю доминиканца, перешедшего в орден Иисуса, — со свойственным ему легкомыслием сказал своему спутнику кардинал Алессандро Фарнезе. — Уверяю вас, падре Михаэлис, я ни разу ни с чем подобным не сталкивался. Видимо, взгляды кардинала де Турнона гораздо шире моих.

Себастьян Михаэлис уловил осуждение в его тоне, но виду не подал.

— Его преосвященство де Турнон понял мои мотивы, — сдержанно сказал он.

— А именно?

— Мне не удастся изложить их в двух словах. Но основную причину я бы сформулировал так: доминиканцы плохо поняли или вовсе не поняли ни кальвинизма, ни лютеранства и настаивали на том, что обе доктрины — не что иное, как варианты ересей прошлых веков. Они приняли их с тем же ожесточением, с каким некогда отнеслись к катарам или к спиритуалистам.

— А иезуиты?

— А они поняли, что имеют дело с новым феноменом, и бороться с ним надо равноценным оружием. Игнаций Лойола не случайно был офицером при дворе короля Испании. Так называемые реформаты представляют собой опасность, границы и величина которой пока не определены, и к ним надо применять стратегию конкисты.

Алессандро Фарнезе приподнял брови.

— Ну уж что касается насилия, назовем это так для простоты, то тут доминиканцы никому не уступят. Уже три века они командуют инквизицией. Правда, и францисканцы от них не отстают, но первенство все же за ними. *Domini canes*, псы Господни, мастино...

— Мастино? Да нет, это черно-белые далматинцы.

Падре Михаэлис прищурил голубые глаза.

— Говоря о конкисте, я имел в виду завоевание умов. Я долгое время был инквизитором при Матье Ори, главном инквизиторе Лиона. Я присутствовал при пытках и сам пытал, жестоко и тупо. По-моему, наступил момент действовать по-другому. Применять образование и культуру вместо догматических выкладок, тонкость вместо силы. Попади инквизиция в руки иезуитов, она не превратилась бы, как теперь, в инструмент, которым невозможно пользоваться.

Кардинал вздохнул.

— Я в этом убежден. Но не так-то просто вырвать инквизицию из рук доминиканцев.

Он сделал широкий жест.

— На самом деле речь идет о структуре беспорядочной и устаревшей, представляющей собой удручающее зрелище. Испанская инквизиция стала целиком инструментом имперской воли, римская до поры до времени отошла в тень, а инквизиция католических районов Германии одержима охотой на ведьм и проспала врага в собственных рядах.

Падре Михаэлис кивнул.

— Все, что вы говорите, верно. Однако иезуиты — новая и наиболее закаленная сила, которой располагает церковь. Договоритесь с ними, ваше преосвященство. Они станут превосходными инквизиторами.

— Да, может быть. Однако, если не ошибаюсь, тот же Игнаций Лойола не желает видеть своих людей в рядах инквизиции.

— Это так, — заметил отец Михаэлис. — Но не бывает правил без исключений. Игнаций не возражает, если единичные иезуиты при чрезвычайных обстоятельствах займут места в инквизиции. Например, в Риме или там, где нависла угроза кальвинизма.

Алессандро Фарнезе улыбнулся.

— Бьюсь об заклад, что вы помышляете о Франции.

— Да, ваше преосвященство, — ответил Михаэлис, даже не пытаясь возразить. — Матье Ори — представитель прошлого, и он уже стар. Полагаю, что достойно наследовать ему мог бы только иезуит.

— Например, вы.

Михаэлис уловил сарказм в словах кардинала, но не обиделся.

— Во Франции крепнет партия гугенотов. Прекрасно организованные банды иконоборцев угрожают изображениям святых и порой их уничтожают. В Париже церковь кальвинистов заявила о себе официально. И это уже третье заявление, после Страсбурга и Мео. Я жду, что Лион с минуты на минуту последует их примеру.

Алессандро Фарнезе собрался ответить, но тут один из слуг, высокий араб с умным лицом, подошел к нему с легким поклоном.

— Простите, ваше преосвященство, но папский слуга делает нам какие-то знаки.

Может быть, понтифик хочет с вами говорить.

Кардинал нахмурился. Он и вправду увидел на пороге одного из входов в личные покои Павла IV маленького человечка, который размахивал руками.

— Вот бессовестный, — проворчал он. — Ватиканская бюрократия возомнила, что все в ее власти. Простой камердинер осмеливается развязно махать мне руками, вместо того чтобы подойти и представиться.

Он обернулся к слуге:

— Иди скажи этому человеку, что я сейчас приду. И вели ему в пять часов пополудни явиться ко мне в палаццо, где он получит палок по заслугам.

Слуга бесстрастно поклонился и побежал выполнять поручение. Падре Михаэлису понравилась жесткость Алессандро Фарнезе. За обманчивой легкостью, юным обликом и изнеженностью манер таилась недюжинная закалка. Кардинал вновь принял любезный вид.

— Должен покинуть вас, отец Михаэлис. Я понял, что вам нужно от меня, и приложу все усилия, чтобы вам помочь. Но для того, чтобы французская инквизиция перешла в руки иезуитов, необходим шумный успех в борьбе с еретиками, который убедил бы Папу не иметь больше дела с доминиканцами.

— Успех? Какого рода?

— Подумайте об этом сами, — ответил Алессандро Фарнезе. — Я могу только назвать вам имя: Пьеро Карнесекки.

Михаэлис наморщил лоб.

— Я уже где-то слышал это имя, только не помню, при каких обстоятельствах. Не можете ли вспомнить, ваше преосвященство?

Кардинал весело тряхнул головой.

— Нет, у меня нет времени. Подумайте сами. В конце концов, орден Иисуса славится умением собирать информацию. Вот и проявите это умение.

И он удалился, широко шагая.

Выпрямившись после поклона, падре Михаэлис наблюдал, как прелат входил в здание. Камердинер протянул сложенные ладони, но Алессандро Фарнезе прошел мимо как ни в чем не бывало. За ним проследовал слуга. И Михаэлис почувствовал глубокое почтение к кардиналу.

Он шел по аллее, ведущей к выходу, то и дело приветствуя кого-нибудь из встреченных служителей церкви. В ушах продолжало звучать имя Пьеро Карнесекки. В его мозгу оно, непонятно почему, ассоциировалось с именем Пьетро Джелидо, монаха, ставшего кальвинистом и умершего в Милане несколько месяцев назад. Джелидо был представителем верхушки партии гугенотов в Лионе. Может, таинственный Карнесекки принадлежал к той же партии? Это имя соединялось у него с одной из редких оправдательных сентенций инквизиции. Однако бесполезно было лезть из кожи вон: в римской коллегии иезуитов он получит всю необходимую информацию.

Он шел по грязным извилистым улочкам, где перед жалкими темными домишками сохло на веревках вылинявшее тряпье. Рим был из тех городов, что и не пытались маскировать свои язвы. На каждом углу стояли нищие: кто жалостно тянул что-то заунывное, кто униженно молчал, кто предлагал какие-нибудь невероятные и не всегда законные услуги. Но между нищими и власть имущими существовало что-то вроде лукавого соглашения, словно и те и другие договорились разделить общую участь, не без выгоды для каждого. Дворяне не скупились на милостыню и не считали зазорным принимать у себя в домах вожakov и характерных представителей уличной жизни. А беднота, в свою очередь, не удивлялась при виде прелатов или горожан благородных кровей, которые по вечерам направлялись не только к известным куртизанкам, но и к обыкновенным проституткам из таверн. На улицах имела силу особая ироничная терпимость к человеческим слабостям, чуждая духу кальвинизма, и это делало Рим нечувствительным к влиянию Реформации.

Михаэлис знал об этом особом римском климате и был далек от того, чтобы его одобрять. Однако он чувствовал, что именно здесь сформировалась идеальная почва для

роста и процветания ордена иезуитов. Иезуиты трактовали главную концепцию своей теологии, концепцию Троицы, как способность Бога проецироваться в мир людей и смешиваться с этим миром. Такая концепция была абсолютно чужда доминиканцам, которые культивировали теорию предопределения, в непримиримой жесткости не уступая лютеранам и кальвинистам. Человек находится в руках Божьих, и его участь после смерти целиком зависит только от Его воли. Иезуиты же настаивали на свободе выбора, то есть утверждали, что каждый человек волен сам избрать путь спасения или гибели.

Это призывало последователей Игнация Лойолы вмешиваться в мирские дела, не боясь запачкать руки и не пытаясь силой поставить свои идеалы выше реальности. Реальное очищение должно произойти не от внешнего вмешательства, а произрасти изнутри под руководством священнослужителей, которые будут жить жизнью своих братьев, нуждающихся в спасении. Даже если для этого надо будет прикоснуться к смертному греху или совершить его во имя добра.

Римскую коллегию, в которую направлялся Михаэлис, основал четыре года назад сам Игнаций. Она была задумана как суровая школа для кандидатов в иезуиты и должна была формировать железных людей, способных к абсолютному подчинению. Строгость нравов и полнота образования в коллегии быстро привлекли внимание городского дворянства, и все начали хлопотать о зачислении туда своих отпрысков. Поколебавшись, Игнаций согласился, ибо одной из основных идей ордена иезуитов была открытость внешнему миру. Тем более если речь шла о том, чтобы сформировать личный состав ордена, призванный влиять и повелевать. Воспитание в духе своей концепции христианства означало расширение могущества ордена.

Римская коллегия, как и германская, основанная чуть позже, располагалась в просторном здании со строгим фасадом без всяких украшений над входом. Дверь была закрыта, и Михаэлис позвонил. Не успел он выпустить из руки цепочку звонка, как смотровое отверстие в двери открылось. Он понял, что его изучает пара недоверчивых глаз. Почти сразу же дверь распахнулась, и монах с редкими седыми волосами пригласил его войти. Он казался сильно взволнованным.

— Отец Михаэлис, вы как раз вовремя! Игнацию снова пришлось остаться в постели! Этот приступ не похож на другие: он гораздо сильнее!

— С ним есть кто-нибудь?

Старый иезуит отрицательно покачал головой:

— Сейчас никого. Он никого не хочет видеть, кроме падре Диго Лаинеса, который заходит, когда может. Но я уверен, вас он примет. С тех пор как вы вступили в орден, он считает вас своим сыном.

Это были лестные для Михаэлиса слова. Он и раньше замечал, что Игнаций Лойола, основатель и первый генерал ордена, относится к нему с симпатией. Перейти в иезуиты из доминиканцев означало больше, чем просто сменить организацию: надо было принять другую теологическую концепцию и другую форму проповеди. Словом, это означало сменить жизненный выбор.

Старик провел его во внутренний двор к двум лестницам, ведущим на первый этаж. У всех священников и студентов, попавшихся им по пути, был печальный вид, и все разговаривали вполголоса. Орден пребывал в угнетенном состоянии по причине медленной агонии Игнация, длившейся вот уже целый год. Не было иезуита, который не испытывал бы к своему генералу глубокого, почти сыновнего чувства. Чувство это, основанное на слепом доверии, было сродни тому, что испытывали к своим командирам солдаты удачи. Оно передавалось и юным студентам, которые так гордились своей принадлежностью к коллегии, что, казалось, обретали иммунитет ко всем страстям, типичным для их возраста.

У двери скромной кельи учителя Михаэлис столкнулся с Жеромом Надалем, недавно назначенным главным викарием. В отличие от другого преемника, утонченного и рафинированного падре Лаинеса, Нададь был дороден и высок. В толстых пальцах он сжимал маленькую, но объемистую книгу.

— Это вы, падре Михаэлис! — воскликнул француз. — А я уже собирался посылать за вами. Мне надо с вами серьезно поговорить.

— Я бы сначала хотел приветствовать Игнация, если он в силах дать мне аудиенцию.

— О, конечно. Пойду доложу о вас.

Старый иезуит прошел в соседнюю комнату и тотчас же вышел обратно.

— Входите, падре Михаэлис, — шепнул он, — но долго не задерживайтесь. Генералу нужен отдых.

Взволнованный, Михаэлис вошел в келью. В ноздри ударил тяжелый запах сырости и пота. Не обращая на это внимания, он обвел взглядом маленькое помещение. Чтобы привыкнуть к полумраку, глазам понадобилось несколько секунд. Келью освещала всего одна свеча, зажженная перед распятием, раскинувшим по голой стене исхудалые руки.

Игнаций Лойола был укрыт одеялом до подбородка. Под тканью угадывалось хрупкое, похudevшее тело, которое сотрясал озноб. Но осунувшееся лицо испанца, озаренное глубоко посаженными, лихорадочно блестящими глазами под широким лбом, сохраняло свойственное ему жесткое и собранное выражение. Болезненное состояние выдавала только необычайная бледность губ под длинными, пышными усами. Усы вместе с коротко остриженной бородкой составляли единственное воспоминание о прошлой жизни Игнация, испанского аристократа, закаленного в битвах и дуэлях.

Михаэлис опустился на колени возле ложа и хотел приложиться к прозрачной руке генерала, но тот отдернул руку и сделал ему знак подняться. Потом улыбнулся с неожиданной теплотой.

— Спасибо, что пришел навестить меня, сын мой, — прошептал Игнаций на великолепном французском. — Как видишь, я собираюсь покинуть этот мир.

Он чуть приподнял правую руку, как бы пресекая все возражения.

— Я это знаю и не боюсь смерти. Единственное, что меня страшит, так это то, что мое скромное дело на службе Господу останется незавершенным. Утешает только то, что у меня есть такие наследники, как ты.

Михаэлис был польщен похвалой, но постарался побороть грех гордыни. Это ему удалось, и он заговорил с искренней скромностью:

— Вы смущаете меня, учитель. У меня нет особых заслуг, и если я обладаю хоть какой-то добродетелью, то это всего лишь отражение света, исходящего от вас. От вас и от ордена.

— Всякий свет исходит от Господа, — ответил Игнаций с усталой улыбкой.

Лоб его покрылся каплями пота — видимо, каждое слово давалось ему с трудом.

— У нас мало времени, а я должен поговорить с тобой о важном. Мне сказали, что ты думаешь возглавить французскую инквизицию, потеснив доминиканцев, несмотря на то что орден не слишком жалуется эту организацию и склоняется к тому, чтобы принимать в ней участие только в чрезвычайных обстоятельствах.

Михаэлис вздрогнул. Он чуть не спросил больного, откуда у него эта информация, но вовремя прикусил язык, обозвав себя дураком: все иезуиты составляли рапорты на себя и своих товарищей. Не из страсти к доносительству, а потому, что генерал по справедливости имел право на постоянную информацию о состоянии здоровья ордена. Воинство Господне должно являть собой единый организм, и все его составляющие должны дышать в унисон.

Должно быть, Игнаций угадал эти мысли, потому что его улыбка стала чуть шире.

— Не бойся, я знаю, что тобой руководили неличные амбиции. Будучи доминиканцем, ты уже побывал в инквизиторах и рано или поздно занял бы место Матье Ори. Я спрашиваю о другом: ты действительно считаешь необходимым, чтобы наш орден взял бразды правления святой инквизиции Франции в свои руки?

Михаэлис задумался, потом произнес с глубокой искренностью:

— Да, я так считаю. Франции напрямую угрожают поборники так называемой Реформации. Число гугенотов растет день ото дня, и корона не в силах поставить заслон их наглости. Доминиканская и францисканская инквизиция думает, что справится с ними силой, на самом же деле только разжигает их противодействие. Здесь нужна инквизиция,

ориентированная на профилактику и воспитание. А такие концепции разрабатываем только мы, иезуиты.

Посерьезнев, Игнацио кивнул.

— Это верно. Если такова воля Господа, я разрешаю тебе попытаться осуществить твой замысел. Я же, со своей стороны, постараюсь, чтобы его святейшество услышал мой слабый голос. Нам вдвойне повезло, что Папа был инквизитором и происходит из ордена кьетинцев, во многом близкого к нашему. — Его слова прервал приступ сухого, болезненного кашля.

Михаэлис воспользовался паузой, чтобы поднести к губам руку больного и благоговейно ее поцеловать.

— Благодарю вас, падре, — прошептал он.

Игнаций принял дань почтения, потом отнял руку и сердечно попрощался:

— Ступай, сын мой. Будь безжалостен к любому, кто угрожает церкви, но помни, что наша конечная цель — любовь. И если когда-нибудь в тебе возобладает ненависть, ты потеряешь себя и скомпрометируешь наше дело. Но я верю, что ты сможешь обуздать свои страсти.

— Не сомневайтесь, отец мой, — ответил Михаэлис, вставая с колен.

Из комнаты он вышел со слезами на глазах. О Жероме Надале он совсем забыл, зато главный викарий не забыл о нем и сразу подошел, со свойственным ему угрюмым выражением лица.

— Падре Михаэлис, я полагаю, вы собираетесь отправиться во Францию, не так ли?

Михаэлис быстро вытер глаза ладонью.

— Да, у меня есть туда поручение.

— Я в курсе. Но есть еще дополнительное поручение, которое я должен вам доверить. Думаю, вы не сочтете его пустым.

Михаэлис удивленно вскинул глаза.

— Что за поручение?

Вместо прямого ответа Надаль сказал почти зло:

— Вам лучше моего известно, что больше всего от доминиканцев нас отличает так называемый Божий суд, то есть практически доктрина предопределения. Они утверждают, что судьба каждого человека полностью зависит от воли Божьей. Мы же считаем, что это слишком похоже на тезисы лютеран и кальвинистов.

— Излишне напоминать мне об этом.

— Нет, не излишне.

Надаль показал книгу, которую держал в руке.

— Вот уже десятилетия по всей Европе ходит множество всяких брошюр с пророчествами, которые претендуют на предсказание будущего до деталей, словно оно кем-то записано. Уверен, что вам все это известно.

Михаэлис пожал плечами, давая понять, что это его не интересует.

— Да, ну и что? Это всего лишь собрания глупостей, потакающие людскому легковерию.

— Я считал вас более проницательным.

В тоне Надаля чувствовался сардонический оттенок.

— Не понимаете? Писания такого типа преподносят теорию предопределения, с которой мы боремся, как нечто само собой разумеющееся. Хуже того, они распространяют ее среди народа. Не сочтите это излишеством, но, на мой взгляд, идеи лютеранства проникают в головы именно через такую литературу, продающуюся на каждом углу.

Михаэлиса поразило это наблюдение, но позиций он не сдал и заметил скептически:

— Думаю, это поделка на продажу, состряпанная невеждами. Толпа обожает включаться в игру, даже зная, что ее обманывают.

— Да, но бывают исключения. Эта книга, к примеру.

Надаль постучал по переплету толстым, как сосиска, пальцем и открыл титульный лист.

— Эти пророчества написаны неким... — он прищурил глаза, чтобы лучше разглядеть. — Нострадамусом. Они имеют невероятный успех. Два издания за несколько месяцев, и планируются переводы. Он уже весьма популярен при французском дворе. Представьте себе, что получится, если идея отрицания свободы выбора заразит Екатерину Медичи, которая и без того слишком увлечена всякими магами и астрологами. Или еще того хуже — заразит ее супруга. И крупнейшее христианское королевство распахнет двери гугенотам.

Смущенный Михаэлис наконец сдался.

— Понимаю, — прошептал он. — За прошедшие годы я уже несколько раз слышал об этом Нострадамусе, или о Мишеле де Нотрдаме. Но что я могу сделать?

— Пока, может быть, и ничего. Однако мне известно, что вы хотите добиться руководства инквизицией во Франции. Если вам это удастся, настоятельно рекомендую потратить часть энергии на борьбу с Нострадамусом и прочими колдунами. Парадоксально, если идеи, которые мы громили на Тридентском соборе, бросив вызов доминиканцам, начнут распространяться среди простонародья или в правящей верхушке заальпийских королевств.

Михаэлис понял, что за мощным телосложением и почти грубыми манерами Надаля кроется необычайно проницательный ум. Следовало бы об этом знать, принимая во внимание, что Надаль был викарием Игнация. Он смиренно склонил голову.

— Вы правы. Уверяю вас, как только появится возможность, я обрушу на Нострадамуса всю свою энергию.

Он поднял глаза.

— Можно задать вам один вопрос, падре?

— Конечно.

— Приходилось ли вам слышать о некоем Карнесекки? Пьеро Карнесекки, думаю, флорентинец...

Викарий рассмеялся.

— Приходилось ли мне о нем слышать? Еще бы!

Он дружески взял Михаэлиса под руку.

— Пойдемте, я вам расскажу об этом мошеннике. Это один из самых крупных просчетов инквизиции доминиканцев.

ОГНЕННЫЙ ПАУК

Элегантная карета с гербом правителя Прованса графа Танде свернула на широкую, сильно разъезженную улицу, вдоль которой выстроились красиво украшенные здания. Кучер придержал лошадей и наклонился к кабине.

— Здесь много гостиниц! — прокричал он, порядком устав от блужданий по городу. — Лучшая из них напротив, гостиница «Сен-Мишель». Она носит ваше имя. Как думаете, подойдет?

Несмотря на боль в ногах, Мишель де Нотрдам задремал и был недоволен, что его разбудили и вернули к этой боли. Высунувшись в окно, он хмуро оглядел улицу, где почти все дома были гостиницами. Та, что напротив, и в самом деле выглядела не так мрачно, как остальные.

— Ладно, — громко сказал он. — Высаживай меня. Может, и из-за названия, но эта мне кажется более приемлемой, чем все, что мы до сих пор видели. Остановимся на этой. А теперь помоги мне сойти.

Кучер спрыгнул с облучка, открыл дверцу и поддержал Мишеля под мышки. Тот застонал, но кое-как встал на ноги.

Кучер обошел карету сзади, взял маленький сундучок с вещами пассажира и, держа его за обе ручки, медленно пошел к гостинице.

— Ну хоть бы один слуга вышел выпрячь лошадей и заняться багажом! — проворчал он. — Сразу видно, что мы в Париже.

— Это верно, — сказал Мишель, ковыляя следом, — но мне не хочется искать другие гостиницы. Все они либо слишком дороги, либо намного хуже этой.

Мишель вовсе не рад был очутиться в столице. После обряда, за которым последовало временное поражение Ульриха из Майнца, Жюмель была беременна. Он бы предпочел остаться рядом с ней. К тому же он успел соскучиться по звонкому голосу маленького Сезара, которого обожал. Несмотря на хлопоты двора и старания Жана Фернеля, он, сколько мог, откладывал поездку. Но потом в дело вмешался Клод Савойский граф Танде, и ему пришлось отправиться в дорогу. По иронии судьбы, едва отъехали от Салона, у него начался острейший приступ подагры. Теперь уже он был уверен, что это подагра.

Париж произвел на него ужасное впечатление, особенно из-за климата. Вместо прозрачного и чистого неба Прованса над ним висело другое небо: пасмурное, облачное и вовсе не летнее, хотя на дворе стоял июль. Кроме того, в городе царил хаос, повсюду шныряли нищие, и Мишель подозревал, что здесь полно воров. Он искал гостиницу в районе Шатле, полагая, что близость полицейского корпуса сделает это место более безопасным. Оказалось, все наоборот: возле башни, где размещались жандармы и одна из многочисленных парижских тюрем, кишмя кишел самый ненадежный народ. Гостиницы были не более безопасны, чем перекрестки на больших дорогах, за исключением тех, что требовали за ночлег плату размером в месячный заработок. Ко всему этому прибавлялись грязь, уличные драки, речь, пересыпанная непристойностями, и неслыханная наглость. Такой столица виделась Мишелю, привыкшему к изящным городам и прелестным пейзажам Прованса, где золото пшеничных полей чередовалось с густой зеленью оливковых рощ.

У входа в гостиницу кучер поставил сундук на землю и распрощался:

— Граф Танде велел доставить вас сюда, но ничего не сказал о том, когда вы собираетесь обратно. Когда мне за вами приехать?

Мишель пожал плечами.

— Я и сам не знаю. Но обо мне не беспокойся, я вернусь пассажирским экипажем.

— Тогда желаю вам счастливого пребывания в столице и счастливого возвращения.

Мишель огляделся. Первый этаж гостиницы выглядел как остерия, с длинными деревянными столами и крышей из тяжелых закопченных балок. Хозяин и разбитная служанка были заняты сервировкой стола для единственного постояльца гостиницы, молодого длинноволосого человека, который сидел к Мишелю спиной. На нем красовался богато расшитый костюм из желтого шелка, и занят он был только едой. Судя по всему, юноша принадлежал к аристократам.

Едва освободившись, хозяин бросился к новому гостю. По дороге он вытирал руки о передник, который когда-то, в далекие времена, был белым.

— Что вам угодно, мессер? Ночлег? Перекусить? Можем предложить и то и другое.

— Мне как раз и нужно и то и другое. Сколько стоит ночлег?

Трактирщик назвал умопомрачительную сумму.

— Вы шутите? Боюсь, что мне придется остановиться на несколько дней. Где же я возьму такие деньги?

— Забота ваша. У нас не торгуются, — грубо ответил хозяин, в упор рассматривая Мишеля. — Как вы успели заметить, на улице полно гостиниц. За более умеренную плату они предложат вам постель с блохами и суп из гнилых овощей.

Задетый грубостью хозяина, Мишель собрался уйти, но острая боль в ноге заставила его отказаться от этой затеи. Куда-нибудь идти, да еще с сундуком в руках, он был не в состоянии.

— Ладно, остаюсь здесь, — сказал он с обреченным видом. — Хотя бы на несколько дней.

— У вас есть деньги?

— Я могу заплатить аванс, и за первые дни.

Мишель почувствовал, как в нем закипает гнев.

— Дружище, я не нищий. А вот вы, похоже, вор. Если вас это интересует, то знайте: я

Мишель де Нотрдам, врач из Салона-де-Кро, и в Париж прибыл, потому...

Возглас удивления с другой стороны зала не дал ему договорить.

— Нострадамус! Быть не может!

Молодой человек в желтом камзоле вскочил с места и подбежал к Мишелю. Он был очень взволнован.

— Я правильно понял? — спросил он. — Вы действительно Мишель де Нотрдам?

— Да, — удивленно ответил Мишель.

Лицо у юноши было доброе и симпатичное, вот только орлиный нос немного великоват. Он поклонился с преувеличенным почтением.

— Позвольте представиться. Дворянин Жан де Морель, оруженосец, владетель Гриньи и Плесси, маршал при апартаментах королевы¹. И ваш большой почитатель.

— Весьма рад познакомиться. Но...

Морель строго обернулся к хозяину гостиницы:

— Я выступаю гарантом доктора и предоставляю ему все необходимые средства. А вам должно обращаться к нему с таким же почтением, как ко мне.

Хозяин явно испугался.

— Конечно, господин де Морель. Я и представить не мог, кто такой этот господин. Если бы я знал...

— Ну вот, теперь знаете. Отнесите его багаж в лучшую комнату и приготовьте достойный обед.

Он подождал, пока трактирщик удалится с вещами, и сказал:

— Пожалуйста, доктор де Нотрдам, окажите мне честь выпить со мной стаканчик в ожидании обеда.

Он проводил Мишеля к своему столу и, видя, что тот двигается с трудом, бережно помог сесть на скамью. Усевшись напротив, он указал служанке, с любопытством наблюдавшей за сценой, на пустой графин и стакан.

— Еще вина, Франсуаза, и такого же доброго.

Мишель успел заметить, что платье на грациозной, чуть полноватой девушке было застегнуто до самого горла. Глубокие декольте, так скрасившие его студенческие годы, теперь во Франции не носили. Это была заслуга, или вина, Екатерины Медичи, поборницы более строгих нравов, а также результат растущего влияния партии гугенотов, жесточайших врагов моральных вольностей эпохи Валуа.

Но Мишелю было не до того.

— Благодарю вас, мессер, за ваше великодушие, — сказал он, улыбаясь, насколько позволяла боль в ногах. — Вы сказали, что являетесь моим почитателем. Позвольте спросить — почему?

Де Морель не скрывал восторга:

— Вот уже несколько лет я читаю ваши предсказания. Я считал их необыкновенными, пока месяц назад не приобрел лионское издание пророчеств. Тогда я окончательно утвердился во мнении, что вы обладаете исключительным даром и можете видеть то, что скрыто от глаз простых смертных.

Мишель вовсе не был расположен обсуждать эти темы с незнакомым человеком. Он заметил слегка смущенно:

— Видите ли, то, что кажется вам даром, на самом деле может оказаться проклятием. Умение заглядывать в будущее еще не означает, что сразу станешь счастливым.

— Могу себе представить. Вы только и говорите, что о войнах и катастрофах.

— Для этого не надо пророческого дара: достаточно посмотреть вокруг.

Франсуаза вернулась, неся в одной руке графин и чистый бокал, а в другой блюдо,

¹ Оруженосец — дворянское звание; следующая ступень — рыцарь, шевалье. Маршал — с XIII века — командующий частью королевских войск. (Прим. перев.)

которое ловко поставила на стол. На блюде дымились толстые макароны, фаршированные мясом и зеленью, которые в Италии называли равиоли, с кусочками говядины, приправленными петрушкой и вареным шпинатом.

Мишель пальцами взял пару кусочков равиоли и отправил в рот. Де Морель сделал то же самое. Прожевав, он спросил:

— Королева знает о том, что вы в Париже?

— Нет еще. Я думал известить ее через своего друга, Габриэле Симеони. Но у меня обострилась подагра, и теперь я не знаю, когда смогу до него добраться.

— Симеони? Вы имеете в виду астролога? О, с ним я хорошо знаком.

— В самом деле?

Приятно удивленный, Мишель налил себе вина. Боли в ногах стали утихать.

— Он сейчас при дворе?

— К сожалению, нет. Он завербовался в королевское войско и сейчас, надо думать, марширует в сторону Пьемонта. При дворе он оставил женщину, с которой живет, некую Джулию. Вы с ней знакомы? Необычайно красивая итальянка... Но что с вами? Вы так побледнели...

Мишель закрыл глаза. В его мозгу вдруг промелькнуло видение тесного и пыльного подвала, с паутиной, висящей с потолка. Чья-то рука с лампой старалась осветить полустертую надпись: *D. M., Dies Manibus* ². Такая надпись часто попадалась в древних римских гробницах.

И тут же видение сменилось: появилось странное, тревожное небо, все в разноцветных спиралях туманностей. С него свешивалось гигантское лицо новорожденного с пухлыми губами, гладкими щеками и желтыми кошачьими глазами с узкими щелками вертикальных зрачков. Чудовище что-то ему нашептывало...

Раньше Мишель испугался бы такой галлюцинации. Теперь же он научился владеть собой, хоть и был взволнован. Он выслушал все сказанное и приказал демону убираться. Тот удивился, но повиновался. Разноцветный космос исчез вместе с ним.

— Вы что-то сказали?... — спросил Мишель, встряхнувшись.

Он наслаждался сознанием собственной силы. Древний обряд, который они с Жюмель совершили несколько месяцев назад, казалось, ввел его в согласие с мирозданием. Торжествовать было рано, но он подозревал, что достиг наконец состояния Мага, человека, причастного божественным тайнам.

Де Морель нервничал.

— Я спросил вас, не плохо ли вам. Вы очень бледны.

— Нет, я прекрасно себя чувствую.

Мишель искал глазами служанку.

— Принесите, пожалуйста, письменные принадлежности. Они ведь у вас есть?

— Конечно. У нас часто останавливаются нотариусы и адвокаты. Сейчас принесу.

Она вернулась с пером, чернильницей, чистыми листами бумаги и с плохо сшитой конторской книгой.

— Хозяин забыл, но Шатле издал указ, что каждый, кто останавливается в парижских гостиницах, должен оставить в книге записей свое имя. Думаю, всему виной религиозные волнения.

Не говоря ни слова, Мишель расписался в книге. Подождав, пока девушка унесет ее за стойку, он взял лист бумаги и, под изумленным взглядом де Мореля, написал:

Quand l'écriture D. M. trouvée
Et cave antique ? lampe découverte,

² «*Dies manibus* (лат.) — «Посвящается богам-манам». Маны, то есть души умерших предков, у древних римлян, как и у большинства народов, отвечали за спокойствие и благополучие семейного очага. (Прим. перев.)

Loi, Roy et Prince Ulpien esprouvé,
Pavillon Royné et Duc sous la couverture.

Когда обнаружится надпись Д. М.
И под древние своды войдут со светильником,
Закон, Король и Принц Ульпиан будут испытаны.
Королева и Герцог в павильоне скроются³.

Он заметил, что юноша пытается прочесть написанное, и улыбнулся, сложив листок и отложив его в сторону.

— Вы присутствовали при рождении одного из пророчеств, — сказал он, не скрывая удовлетворения. — Только прошу вас, не расспрашивайте меня об этом. Я и сам отчасти не понимаю, что меня толкает записать пророчество. И часто не понимаю смысла того, что записал.

Было видно, что де Морель готов засыпать Мишеля вопросами, но такая просьба его остановила.

— Хорошо, я больше ни о чем не буду спрашивать. Я начал говорить о Симеони и о женщине, что живет с ним. Поскольку он в Италии, доложить о вас королеве и устроить встречу с ней могу я.

— Буду вам очень признателен. Надо только подождать, пока успокоится моя подагра. Дайте мне хотя бы несколько дней.

— Как вам угодно, — ответил де Морель. — я тем временем смогу насладиться вашим обществом. Я и мечтать не мог о такой чести.

Остаток обеда прошел в светской болтовне о трудностях сосуществования Екатерины Медичи и любовницы ее супруга, некой Дианы де Пуатье. Собеседники уже вставали из-за стола, когда в гостиницу вошли трое агентов городского патруля, гражданской полиции Шатле, которую прозвали спящей гвардией. Их можно было сразу узнать по нарочито скромному платью и серым плащам, из-под которых торчали шпаги. Только дворяне, да и то не все, имели право на передвижение по городу с оружием, и поэтому было совершенно немыслимо встретить на улице горожанина с ножнами, подвешенными к поясу.

Однако сбиров отличало не столько оружие, сколько грубое и вызывающее поведение. Они напрямик направились к хозяину, который разбивал и гасил головни в камине, поскольку обеденное время прошло. Схваченный за плечо, хозяин вздрогнул, задел вертел, и остатки мяса упали на еще не погасшие угли.

Де Морель коснулся руки Мишеля.

— Делайте вид, что не замечаете их, — шепнул он. — Все уже привыкли, что городской патруль взимает часть выручки у трактирщиков. Когда-то они занимались этим потихоньку, а теперь, видно, обнаглели от привычки к безнаказанности.

Но дело, судя по всему, было не в деньгах. Агенты прошли с хозяином к стойке, велели Франсуазе показать книгу записи постояльцев и начали быстро ее листать.

Де Морель еще раз успокоил Мишеля:

— Не тревожьтесь. Они выискивают имена испанцев, швейцарцев и немцев. Первых — как возможных шпионов, а остальных — как подозреваемых в принадлежности к гугенотам. Количество кальвинистов в Париже стремительно растет. Среди них попадаются достойные люди, но в большинстве своем это интриганы, которые ни во что не ставят престиж короны.

Мишель предпочел воздержаться от комментариев. Было видно, что де Морель разделяет взгляды Екатерины Медичи и герцогов Гизов, яростных противников Реформации. Сам же он хоть и был католиком, но к его вере примешивались черты того древнего христианства, где бок о бок с Богом Создателем существовали божества рангом ниже, а

³ Катрен LXVI, центурия VIII. Перевод Л. Здановича.

земля и небеса кишели демонами, когда добрыми, а когда и злыми. Он и сам имел с ними прямой контакт, и Ульрих из Майнца давно учил его, что только благодаря этой концепции космос перестает быть непостижимым. В конце концов, и ортодоксальный католицизм разделял Бога на три ипостаси, чтобы объяснить его вмешательство в людские дела.

Он с легкой тревогой следил за сбирами, не рискуя ни взглянуть на них прямо, ни заговорить. Де Морель тоже приумолк. Мишель собрал с блюда последние равиоли. Чтобы придать себе важный вид, он поднял голову и стал разглядывать жирного паука, который между стеной и потолочной балкой растянул идеально восьмиугольную паутину. Прошло еще несколько минут. Имен в книге регистрации не должно было быть много, но может быть, сбирь с трудом разбирали почерк.

Внезапно Мишель почувствовал, как де Морель напрягся. Один из людей в серых плащах направился к их столу, и спустя мгновение ему на плечо легла рука.

— Это вы записались как Нотрдам? — невыразительным голосом спросил жандарм.

— Да, — ответил Мишель, и сердце у него забилося где-то в горле.

— Не угодно ли последовать за нами: наместник вас разыскивает. Он хочет с вами поговорить.

Де Морель с шумом вскочил.

— Я оруженосец и маршал при дворе королевы, — прошипел он, сверкая глазами. — тот господин — мой друг, он только что приехал. Дайте ему отдохнуть. Завтра я сам провожу его к наместнику.

Жандарм склонился в полупоклоне, насмешливо улыбаясь.

— Вы же видите, мессер, что мы не арестовываем этого человека. Его вызывают для беседы и потом проводят обратно.

Мишель поднялся, и ноги снова разболелись. Он сказал уверенно, правда слегка осипшим голосом:

— Не беспокойтесь, господин де Морель, я вернусь быстро. Прошу вас только проследить, чтобы мне приготовили комнату.

Юноша дрожал от негодования.

— Я тотчас же пойду к королеве, добьюсь, чтобы меня приняли, и доложу о произведенном вами аресте.

— Нет, мессер.

Это сказал один из жандармов, стоявших у стойки, коренастый крепыш с хмурым и властным лицом.

— По приказу Шатле наш визит сюда должен остаться в тайне. Нарушивший приказ пойдет под арест.

Он немного смягчил тон:

— Успокойтесь, господин оруженосец. Доктор Нотрдам будет доставлен сюда со всеми почестями.

Мишель в замешательстве кивнул и сделал рукой знак де Морелю.

— Слышите, друг мой? Не волнуйтесь обо мне, скоро увидимся. Благодарю вас.

Слегка прихрамывая, он прошел мимо застывших перед камином хозяина и служанки. Трое жандармов окружили его и направились к выходу. Они уже были на пороге, как вдруг раздался резкий крик. Все разом обернулись.

Паук с потолка упал прямо на служанку и запутался у нее в волосах. Закричав, она стряхнула его в камин, на горячие угли. Но он в тот же миг выбрался и побежал по стене. Удивительное дело: лапки его горели, как восемь соломинок. Еще через мгновение паук сорвался со стены и упал на пол. Смерть превратила его в темный обугленный комочек, от которого еще поднимался еле заметный огонек. Вскоре и он погас.

У всех волосы зашевелились от ужаса. Трактирщик перекрестился, Франсуаза расплакалась. Первым опомнился шеф жандармов.

— Выходите, выходите! — просипел он и подтолкнул Мишеля к выходу.

Его люди, сильно побледнев, поспешили за ним.

У входа в гостиницу стояла черная карета с задернутыми занавесками. Мишель с трудом поднялся: боль в ногах была так сильна, что он боялся потерять сознание. Один жандарм уселся рядом с ним, остальные двое — напротив.

— Я должен завязать вам глаза, — сказал крепыш, прежде чем закрыть дверцу, и достал из кармана черный платок.

Мишель подчинился, и карета покатила. Он стал пленником, и в темноте, застилавшей глаза, вереницы мыслей и чувств побежали в мозгу, насканивая друг на друга. Страх не был главным из них. Стоило ему подумать о Жюмель, как страх отступил: ведь он боялся только за нее, а не за себя. Пожалуй, из всех чувств преобладало смутение, и перед глазами настойчиво маячил пылающий паук.

Мишель попытался навести порядок в этом хаосе и поразмыслить о значении видения. Восемь лапок было у паука. Восемь углов у паутины. Небес было тоже восемь. И восемь эпох мироздания, из которых последняя обернулась катастрофой... Сильнейшая боль в суставах отняла у него всякую способность мыслить, и до глубин этих символов он не добрался. Он откинулся на спинку сиденья, и разум его вернулся в животное состояние.

Карету затрясло на ухабах, и Мишель понял, что его везут совсем не в направлении Шатле.

— Куда мы едем? — спросил он. И добавил, почувствовав, что догадка превращается в уверенность: — В Сен-Жермен-ан-Лейе, ведь так?

— Вас это не касается. Молчите, — резко бросил крепыш.

Под колесами кареты была уже не булыжная мостовая, а неровная и каменистая проселочная дорога. Потом начался щебень и наконец мягкая садовая дорожка.

Мишеля вывели из экипажа, и в ноздри ему сразу ударил запах свежескошенной травы. Вокруг него кто-то шептался, и слышались звуки быстрых шагов. Наконец, после долгого пути по каменистой дорожке, который болезненно отдавался в ногах, он услышал скрип двери, и его ввели внутрь какого-то помещения.

Свежий и влажный воздух сменился теплым и душным, и в нем витал запах воска. Люди в сером повели его подлинным коридорам, крепко держа с обеих сторон за локти. Потом они ослабили хватку, и чья-то нервная рука сняла повязку с его глаз.

Сначала он зажмурился от яркого света, потом заморгал глазами. В глубине комнаты, на фоне голубых с золотом стен, он различил очень некрасивое женское лицо, асимметричное, со скошенным подбородком. Но тело женщины в элегантном черном платье было великолепно и гармонично: высокая грудь, плавные, широкие бедра без намека на полноту.

В волнении Мишель опустился на одно колено, не замечая боли.

— Моя королева... — прошептал он.

Екатерина Медичи подошла к нему и тронула за плечи.

— Встаньте, друг мой, — тихо сказала она. — Вы не представляете, насколько нам нужны.

МАГ И КОРОЛЕВА

Падре Михаэлис не был ханжески враждебно настроен к светской жизни, но банкет в огромном зале замка Сен-Жермен-ан-Лейе его шокировал. Для французских подданных настали тяжелые времена. Генрих II и герцог Гиз назначали все новые и новые поборы на войну в Италии и защиту южных границ, и даже клир был обязан платить в королевскую казну определенную квоту со своих доходов. Только знать, чьи отпрыски отправлялись на войну, пока была освобождена от военных налогов.

Львиная доля отчужденных таким образом сумм была бы доступна, если бы двор хотя бы на месяц отказался от этих безрассудных праздников. Но никто, кроме падре Михаэлиса, не осмеливался об этом даже помыслить. Для всех было естественно часами сидеть за столом и отказываться от большинства роскошных блюд только потому, что к горлу от переедания

подступала тошнота.

— Я действительно больше не могу, — не выдержала блондинка, сидевшая справа от иезуита.

Он знал, что ее зовут Джулия, и она любовница одного флорентийского астролога. На этом его сведения заканчивались.

— Взгляните, падре, они несут куропаток и кроликов. Еще немного — и кого-нибудь вырвет. А ведь еще не носили рыбу.

Мажордом, оруженосец и целая армия пажей тащили к столу Екатерины Медичи, после ветчины, фрикаделек, сосисок и птичьего фрикасе, новые мясные блюда. Королева беседовала с каким-то бородачом, сидевшим слева от нее, и не сразу подала знак ставить блюда на стол. Слуги остались стоять, почтительно склонив головы, с дымящимися подносами в руках. Наконец она слегка кивнула головой, и кушанья поставили на стол в центре зала. По тому, как морщились лица прислуги и как быстро шуршали по ливреям обожженные пальцы, можно было догадаться, что подносы были горячие. Ожидание монаршего соизволения оказалось болезненным.

Тут вперед выступили резчики с острыми ножами. Нарезанное на куски мясо выложили уже на сервировочные подносы. Кравчие тем временем разливали белое вино либо предлагали миндальное молоко или сладкую розовую воду. Спросом пользовалось главным образом вино. К другому питью прикоснулись, похоже, только трое сыновей королевы, смирно сидевшие справа от матери. На хорах над дверью музыканты играли изящные пьесы Жаннекена и Клода Лежена.

Дама по имени Джулия жестом обвела застолье:

— Смотрите, они все уже навеселе. Иначе им не сохранить аппетит. Во времена Валуа в этот момент начинали петь фривольные баллады с намеком. По счастью, у вашей королевы изысканный музыкальный слух, и она терпеть не может вульгарности.

Падре Михаэлис с симпатией взглянул на молодую женщину, которая разделяла его отношение к банкету. У нее было овальное лицо с правильными чертами и живые голубые глаза. Ни одна из дам за столом явно не могла сравниться с ней красотой. К тому же она, наверное, была скромна и стыдлива, поскольку упорно не замечала прелата, что сидел напротив и отпускал в ее адрес нескромные комплименты. Нынче прелат состоял в кавалерах Элен д'Ильер, подруги королевы, прославленной своими любовными похождениями. Джулия была одета в скромное платье с мужским жабо, а на голове у нее красовался расшитый чепец, из-под которого выглядывала непокорная прядь белокурых волос, выбившаяся из косы. Ничто в ней не располагало к соблазну, разве что природное обаяние.

— Почему вы говорите ваша королева? — спросил Михаэлис, который в привычных условиях не стал бы тратить время на разговоры с женщиной. — Разве вы не француженка?

— Я итальянка и родилась в Камерино, в Тоскане.

— Могу я узнать ваше полное имя? Вы велели называть себя Джулией, и это действительно итальянское имя, но так и не сказали фамилии.

На ее лице застыла учтивая улыбка.

— Позвольте, падре, не раскрывать моего полного имени. Могу вам сообщить только то, что вскорости буду носить. Я буду зваться Симеони.

— Ваш жених в Италии?

— Да, в Пьемонте. Он принимает участие в осаде Вольпиано. Как только он вернется, мы поженимся.

— О, долго вам ждать не придется!

Это сказал человек, сидевший слева от Михаэлиса. Иезуит сурово на него взглянул, и тот, смущенный таким взглядом, счел необходимым прибавить:

— Извините, что вмешался. Я не смог удержаться, услышав слова мадемуазель.

Он поклонился Джулии.

— Уверяю вас, Вольпиано продержится несколько месяцев, а потом падет. Карла Пятого уже не интересуют поля сражений и победы его генералов. Он стар и болен и

надеется только достойно умереть. У имперского войска больше нет командующего. Его агрессия похожа на последние судороги умирающего зверя.

Михаэлис слушал незнакомца с любопытством и уважением. Его собеседнику на вид было лет пятьдесят, по краям почти лысого черепа спускались длинные светлые волосы, черные глаза, окруженные легкой тенью, живо поблескивали. На нем была сутана, по которой невозможно было определить, священник он, прелат инкогнито или член какого-то пока не утвержденного ордена.

Незнакомец понял, что его изучают, и поспешил представиться.

— Мое имя Пьеро Карнесекки. Я прибыл из Венеции, где живу постоянно, а по рождению я флорентинец.

Падре Михаэлис вздрогнул, не веря своей удаче. Он знал, что человек, которого он разыскивает, находится при дворе: за тем он и приехал в Сен-Жермен. Но никак не мог себе представить, что тот окажется рядом с ним за столом.

Прежде чем он успел ответить, Джулия воскликнула:

— Мне кажется, мы с вами знакомы! Вы меня не помните? Мы познакомились в прошлом году в Лионе!

Карнесекки кивнул.

— Верно. Я прекрасно помню вашу матушку, герцогиню...

— Молчите! Мама умерла. А упоминать ее имя все еще опасно. Пусть покоится с миром. Не знаю, заслужила ли она уважение при жизни, но к мертвым надо относиться почтительно.

Тут подоспели слуги, раздающие мясное блюдо. Вместо тарелок перед Михаэлисом и его собеседниками положили большие куски черного хлеба и начали накладывать на них мясо. Джулия, поморщившись, отказалась, остальные взяли по маленькому кусочку с ароматным соусом.

Падре Михаэлис был очень доволен тем оборотом, который начал принимать обед. Поскольку все замолчали, он принялся поддерживать разговор.

— Вы здесь по приглашению королевы? — без особых церемоний спросил он.

— Я — да, — ответила Джулия. — Габриэле принадлежал к группе придворных астрологов. В нее входили еще Лука Гаурико, Жан Фернель, Козма Руджери...

Карнесекки согласно кивнул и указал на центральный стол:

— А самый знаменитый из них сидит рядом с королевой. Вон тот краснолицый человек с бородой, в квадратной шапочке.

— Я его уже заметил, — сказал Михаэлис, — и решил, что это придворный врач.

— Нет. Это знаменитый Нострадамус, автор пророческих альманахов. Вот уже несколько месяцев, как о нем говорит вся Европа.

Михаэлис снова вздрогнул. Поверить в такую удачу было трудно. Теперь уже двоих необходимых людей он нашел за одним столом с собой. Если бы он оставался доминиканцем, он расценил бы это как перст судьбы. Но он был иезуитом и поэтому отнесся к счастливому совпадению просто как к милости Божьей. В обоих случаях речь шла просто о стечении обстоятельств.

Теперь нужно было время, чтобы выработать план действий. Он обернулся к Джулии:

— Почему же тогда Габриэле Симеони отправился на военную службу? Обычно свой патриотизм берегут для родной страны, а не для той, что служит пристанищем.

Джулия согласилась:

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Дело в том, что родина Габриэле, Флоренция, принесла ему одни разочарования. Теперь он француз в полном смысле слова. Но он записался в королевское войско вовсе не по этой причине.

— По какой же, если не секрет?

— По причине страсти Екатерины Медичи к древностям. Это кажется странным, но это так. Возле Вольпиано есть одна римская гробница, которая очень интересует королеву. Габриэле отправился с нашим войском в Италию не для того, чтобы воевать. Он должен

вскрыть гробницу. А дальше я ничего не знаю, и пожалуйста, не спрашивайте меня.

Михаэлис нашел объяснение весьма странным, но понял, что Джулия не сможет сообщить деталей. Да и не до того ему сейчас было. Он отпил глоток вина и повернулся к Карнесекки:

— Вы носите рясу, но непонятной принадлежности. Вы священник?

Карнесекки улыбнулся.

— О, даже более того. Вернее, был. А потом инквизиция сочла нужным лишить меня всех отличий.

Он произнес эти слова просто, словно речь шла о событии абсолютно банальном.

Михаэлис нахмурил брови. Он был в курсе случившегося, но виду подавать не хотел.

— Инквизиция Франции?

— Нет, римская, во главе с самым фанатичным из моих врагов, братом Микеле Гизлери. Успокойтесь: с меня сняли обвинения. За меня заступились кардинал Хуан Альварес из Толедо, Козимо Медичи и сам Папа Юлий Третий.

— Интересно, — пробормотал Михаэлис.

Он пальцами оторвал кусочек крылышка куропатки, отправил его в рот и начал рассеянно жевать, обдумывая свои сложные комбинации. Одна деталь не вписывалась. Он попросил разъяснения:

— Падре Карнесекки... я ведь могу называть вас падре? Если среди ваших друзей Козимо Медичи, то как вы оказались здесь? Известно, что королева враждебно относится к Козимо и благоволит к флорентинцам, восставшим против его диктатуры.

Карнесекки кивнул.

— Все это так, но я близкий друг Франсуа Оливье, главного придворного канцлера. Вон он, у торца стола, элегантный брюнет с длинными усами. Примите также во внимание, что нынче власть Козимо Медичи над Тосканой не вызывает споров. Он покорила Сиену, и пока достаточно. Флорентийские эмигранты вправе рассчитывать если не на конкретную поддержку, то на симпатию.

Михаэлис понял и больше спрашивать не стал. Он получил все интересовавшие его сведения. Теперь можно было внимательно разглядеть королеву и сидящего с ней рядом человека с бородой. Редкостную некрасивость Екатерины Медичи еще больше подчеркивали выпученные глаза. Иезуит всего раз видел Диану де Пуатье, но легко догадался, почему Генрих II предпочел ее Екатерине. И дело было не столько в чертах лица, сколько в манере себя держать. Хотя Диане уже перевалило за пятьдесят, в каждом ее жесте сквозила соблазнительность. К тому же ее голос, звучный, с легкой хрипотцой, безошибочно воздействовал на мужчин и гораздо сильнее, чем ее красота.

Между тем настало время рыбных блюд: внесли лавраков, золотых рыбок и камбалу. Наиболее прожорливые из гостей спешили скорее разделаться с мясом, чтобы не пропустить рыбу. Все были уже достаточно навеселе. Во времена Франциска I в этот момент мужская часть стола, как правило, начинала распускать руки и заигрывать с женщинами, забавляясь их возмущенным повизгиванием, которое отнюдь не означало недовольства. Теперь же вся сложная игра соблазна и кокетства сосредоточилась во взглядах, перешептываниях и смущенно-зазывных улыбках. Жизнь продолжалась и под скипетром Генриха II, только желание, чтобы получить законное гражданство, теперь маскировалось под добродетель.

Падре Михаэлис наклонился к Джулии. Он вполне оценил ее красоту, но не делал никаких далеко идущих планов. Отказ от земных радостей был для него хоть и мучителен, но окончателен.

— Я полагаю, ваш друг Симеони знаком с Нострадамусом?

— Да, они очень дружны. Я тоже с ним знакома, хотя и бегло. Думаю, он меня позабыл. Он пару раз посмотрел в мою сторону, но не думаю, чтобы узнал.

— Что он за человек?

Джулия развела руками.

— Я не настолько близко с ним знакома, чтобы судить. Несколько лет назад он не

казался мне таким уверенным в себе. Он был рассудочен и осторожен, как и всякий обращенный еврей. А теперь, если бы не его академическое одеяние, я бы приняла его за особу королевской крови.

Мишель де Нотрдам и вправду чувствовал себя рядом с королевой весьма вольготно. Он редко первый обращался к ней, но когда Екатерина задавала ему какой-нибудь вопрос, он отвечал сдержанно и непринужденно. Выглядел он серьезным, задумчивым и чуть-чуть грустным. Михаэлис заметил также, что шевелюра пророка сохранила цвет воронова крыла, а вот в бороде серебрились седые пряди.

Джулия продолжала:

— Он обращается с Екатериной Медичи слишком свободно. Со стороны любого другого она сочла бы такую фамильярность наглостью. Она долго уговаривала его, прежде чем залучила ко двору. Получив приглашение, он приехал в Париж, а потом еще месяц заставил себя ждать, ссылаясь на подагру.

Карнесекки отрицательно покачал головой.

— Дело было не совсем так. У меня сведения из первых рук, от Франсуа Оливье: еще в день прибытия Нострадамуса тайно привезли сюда, в Сен-Жермен. Он навещает Екатерину почти каждый вечер. Вот почему у них такие доверительные отношения.

— У всякой таинственности есть мотивы, — прокомментировал Михаэлис. — О чем же они беседовали по вечерам?

— О сыновьях королевы, — уверенно ответил Карнесекки. — Нострадамус сказал ей, что царствовать будут все трое. Понимаете, что это означает?

— Конечно.

— А я не понимаю, — возразила Джулия. — Объясните, пожалуйста.

Карнесекки решительно взмахнул рукой.

— Если будут царствовать все трое, значит, двое из них умрут молодыми.

Взгляд Михаэлиса скользнул по детям, сидящим на углу стола. Им явно было тяжело находиться здесь так поздно. Есть им уже не хотелось, и, чтобы скоротать время, они кидались кусочками рыбы.

А рыба, запеченная в ароматическом уксусе, была великолепна. Михаэлис взял себе кусочек: вкусный запах разбередил остатки аппетита. Проглотив, он спросил Карнесекки:

— Вы знаете, на чем основаны пророчества Нострадамуса? Только не говорите, что на астрологии. Астрологический прогноз не в силах предсказать смерть человека.

— Не спрашивайте меня об этом. Думаю, судьба каждого из нас уже начертана и Господь знает ее в деталях. Тот, кто хочет узнать свою судьбу, должен обратиться к Богу, а не к звездам.

Падре Михаэлис не удержался и бросил на Карнесекки злобный взгляд, которого тот, по счастью, не заметил. Джулия сказала:

— Мне известен метод Нострадамуса. Астрология тут ни при чем. Габриэле считает, что он слабый астролог и плохо смыслит в расчетах. Свои пророчества он получает магическими средствами.

Михаэлис взглянул на нее с интересом.

— Естественная магия?

— Нет, магия ритуальная. Думаю, он предсказал судьбу сыновей королевы, пользуясь магией зеркал. Он также практикует геомантию и искусство древних египтян. Он был любимым учеником Ульриха из Майнца.

— А кто такой Ульрих из Майнца? Я никогда не слышал этого имени.

— Может, для вас это и к лучшему. Ульрих... — начала объяснять Джулия, но тут же осеклась.

Екатерина Медичи резко встала, собираясь покинуть трапезу. Все гости тоже поднялись и поклоном приветствовали королеву. Она вышла, за ней принцы, камергеры, пажи и придворные.

Все еще не успели сесть на места, как Михаэлис увидел, что Нострадамус обошел стол

и с улыбкой движется к Джулии. Он слегка прихрамывал, и каждый шаг вызывал у него гримасу. Михаэлис внимательно к нему пригляделся. Нострадамус был среднего роста, пухлое и симпатичное лицо его казалось строгим только из-за длинной, с проседью, бороды. Серые глаза смотрели с искренней добротой и чуть грустно, хотя, может, он просто так улыбался. В руке он держал квадратную шапочку, которую, согласно этикету, не снимал за столом. На нем была длинная черная тога, как и подобало профессору и ученому мужу.

Нострадамус остановился перед Джулией.

— Наверное, вы меня не помните, но я вас не забыл. Я знаю, как вас любит мой друг Симеони. Я еще во время обеда вас заметил, но не мог подойти поздороваться.

Михаэлис заметил, как Джулия все ниже опускает голову.

— Господин де Нотрдам, вы поистине великодушны. В прошлом я немало помогала моей матери делать вам зло. Теперь я прошу у вас прощения и от ее имени тоже.

— Вы не должны просить у меня прощения. Трагический конец вашей матери искупил любую ее вину. Что же касается вас, то вы были тогда наивны, да, впрочем, и теперь тоже. Кроме того, вас любит близкий мне человек, и мне этого достаточно, чтобы относиться к вам по-дружески.

Услышав такие слова, Михаэлис вдруг обнаружил, что его охватывает чувство, которого он никак не ожидал. Он ревновал к Симеони и, может быть, даже к Нострадамусу. В мозгу неожиданно вспыхнуло подозрение, что обаяние Джулии задело его больше, чем следовало. Он в ярости отогнал эти мысли, досадуя на себя за то, что поддался им. Единственным истинным чувством он считал равнодушие, но именно его-то и не хватало.

Чтобы отвлечься, он повел себя слегка развязно.

— Мадемуазель, не хотите ли представить меня доктору Нотрдаму? — сказал он, подходя. — Я много о нем слышал и буду рад познакомиться.

Слегка опешив, Джулия кивнула.

— Это падре...

— Падре Себастьян Михаэлис из ордена Иисуса, — уточнил он.

Нострадамус внимательно на него взглянул.

— Иезуит? Вот так так! Вы — первый иезуит, которого я встретил. Однако я слышал, что ваш орден собирается перевернуть всю церковь вверх дном.

Михаэлис подыскивал слова для ответа, как вдруг Джулия глухо вскрикнула:

— Господи боже!

Она в ужасе указала на кусок хлеба, который оставила на столе. Он весь переливался от черных, блестящих скарабеев. Карнесекки отпрянул от стола. Элен д'Ильер упала в обморок и повисла на руках прелата-сердцееда, который, пользуясь отсутствием королевы, принялся жадными руками расшнуровывать ей корсет.

Нострадамус взглянул на Михаэлиса, и глаза его стали жесткими. Джулия прижалась к его руке, словно пытаясь предотвратить вспышку гнева.

— Это не он, — быстро шепнула она. — Вы упомянули Ульриха из Майнца.

Они обменялись понимающими взглядами, и пророк, прихрамывая, удалился. А тем временем дамы, кавалеры и слуги сбегались, чтобы собственными глазами посмотреть на пугающее чудо.

РИМСКАЯ ГРОБНИЦА

— Пытать женщин всегда неприятно, — с притворным сожалением заявил правитель Прованса Клод Танде, посасывая гипокрас⁴ с ароматом апельсиновых корочек, которым его угостил Мишель.

Жюмель остановилась на пороге с подносом в руках и бросила на гостя враждебный

⁴ Гипокрас — тонизирующий напиток, легкое сладкое вино, обычно с добавлением корицы. (Прим. перев.)

взгляд.

— Если вам это так неприятно, зачем тогда пытаете?

За него ответил Мишель, правда без особой убежденности в голосе:

— Дорогая, господин граф только придерживается закона. Декрет, изданный в прошлом месяце, предписывает карать смертью за сделанный аборт. Правитель должен исполнять волю короля.

Клод Танде пылко закивал головой, встряхивая черной шевелюрой, начавшей сидеть с висков.

— Это так, мадам. Скажу вам, что женщины еще пользуются преимуществами: их просто вешают, и все. Вот вы бы побывали на пытке какого-нибудь еретика в Париже. Я одну видел года три назад, после Пасхи. Сначала раскаленные щипцы, потом перебитые молотом суставы, а потом и колесо. Здесь, в провинции, правосудие слишком кротко и милосердно.

Жюмель вышла, не говоря ни слова, но глаза выдали поднявшуюся тошноту. Мишель почувствовал, что должен поддержать жену:

— Извините, господин граф, но мне кажется, что вам самому отвратительно вешать женщин. А в данном случае казнили девушку девятнадцати лет. Меня там не было, но представляю себе, насколько мучительна была агония.

Мягкое лицо правителя слегка заострилось.

— Детоубийство — это бич, который надо искоренить. Вы себе не представляете, сколько девушек, под предлогом того, что их изнасиловали, или по причине нищеты, избавляются от плода. Их в десятки раз больше, чем ведьм, однако до прошлого года ведьм отправляли на костер, а этих миловали. Так что февральский эдикт тысяча пятьсот пятьдесят шестого года — чистейший акт правосудия.

— Да, но возраст...

— Инквизиция передает в наши руки подростков, обвиненных в ереси. Не вижу причин проявлять милосердие к женщинам.

В атмосфере гостинной, несмотря на выглянувшее солнышко, сверкающий снег и веселые сосульки за окном, повисла тяжесть. Мишель попытался выправить дело, налив гостю еще гипокраса.

— Что скажете о моем напитке? — спросил он. — Традиционной корице я предпочитаю аромат апельсина.

— Необыкновенно вкусно, — отозвался граф, с сожалением отрывая губы от бокала. — Судя по этому эликсиру, вы прирожденный алхимик. Скоро получите жидкое золото⁵, как Денис Захария при наваррском дворе.

Мишель не смог сдержать дрожи.

— Я слышал эту историю. Что, так и было на самом деле?

— Кажется, что так. И Захарии удалось получить не только жидкое золото, способное исцелить любой недуг, но и добиться трансмутации слитков свинца в слитки золота. И это ужасно.

— Почему?

— Потому что Жанна д'Альбре гугенотка и принадлежит к партии кальвинистов. До сих пор она довольствовалась скромными ресурсами Наваррского королевства. Представьте себе, что будет, если гугеноты во всей Франции получат неисчерпаемый источник золота.

Тут в комнату вошла Жюмель. Усевшись в кресло, она вытянула ноги, что противоречило приличиям, но вполне оправдывалось ее большим животом. Они с Мишелем решили назвать будущего ребенка Шарлем или Шарлоттой, в зависимости от того, родится мальчик или девочка.

⁵ Жидкое, или питьевое, золото (*aurum potabile*) — состав, способный, с точки зрения алхимиков, исцелять любую болезнь. (Прим. перев.)

— Если бы золото можно было получать просто так, оно потеряло бы всякую ценность, вы не находите?

Граф Танде посмотрел на нее с удивлением. То, что женщина как ни в чем не бывало устроилась рядом с беседующими мужчинами, было само по себе неприлично. Но она еще и встревала в разговор, что просто не лезло ни в какие ворота. Может, правитель и задал себе вопрос, а не откланяться ли и не уйти ли прочь из этого дома. Однако на деле он улыбнулся и сказал:

— Меткое наблюдение. Доктор Нотрдам, ваша жена — самая умная женщина в Салоне. Мишель был доволен:

— Это правда. Она изменила мою жизнь. Без нее я больше не смог бы жить.

Жюмель, ничуть не смущаясь авторитетом гостя, сказала вежливо, но сухо:

— Вы бы и других женщин нашли умными, если бы позволили им говорить.

Выходка была рискованная, но граф Танде уже решил для себя все принимать с юмором.

— Ну, может быть, вы и правы. Женщин, которые хорошо себя ведут, наверное, слушают чаще.

Он взглянул на Мишеля.

— Кстати, о женщинах, которые говорят. Как вы нашли нашу королеву? Вот уже шесть месяцев, как вы вернулись, а до сих пор не открыли мне, о чем же вы беседовали при дворе.

Мишель нахмурился.

— Я уже имел честь объяснить вам, господин граф, что дал слово не разглашать этой тайны. Тем не менее могу вам сообщить, что Екатерина Медичи — особа тревожная и весьма подвержена меланхолии. Она опасается за будущее детей и боится обострения конфликта между католиками и гугенотами. И очень страшится гражданской войны.

— Она впадает в меланхолию потому, что Генрих предпочитает ей Диану де Пуатье?

— Может быть. Конечно, со мной она об этом не говорила. В Париже ходят слухи, что она так и не смирилась со своим положением, хотя оно тянется уже давно. Генрих посещает ее постель, только когда его заставляет Диана, и происходит это три-четыре раза в год. Наверное, это очень унижительно для Екатерины.

— Будь я на месте королевы, я бы тоже завела себе любовника, — бесхитростно заявила Жюмель. — Более того, подозреваю, что любовник у нее есть.

Слегка смешавшись, Мишель коротко рассмеялся.

— Не думаю. Учти, что королева очень добродетельна. Более того, да простит мне граф то, что я скажу: она ужасно некрасива, и больше лицом, чем фигурой.

— При свете на виду лицо, а когда свечи погашены, важно только тело, — сказала Жюмель, словно нарочно стараясь вывести гостя из себя. — И потом, королеве достаточно приказать любому из дворян развлечь ее немного. Кто же осмелится ей отказать?

Тут она явно переборщила. Уже сама по себе должность Клода Танде не позволяла ему слушать подобные вещи. Едва не поперхнувшись, граф быстро допил остаток гипокраса и поднялся.

— Уже поздно, — сказал он. — Мне пора. Благодарю вас за гостеприимство.

Мишель тоже встал.

— Это я благодарен вам за визит. Ваша поддержка так драгоценна для меня и моей семьи. Я знаю, что вы назначили моего брата Бертрана своим оруженосцем. А это еще один мотив для благодарности.

— Бертран мужественный человек, в прошлом году он всеми средствами добивался, чтобы его послали на осаду Вольпиано. Но я не отпустил: мне самому нужны такие люди. Из него получится прекрасный чиновник.

— Не сомневаюсь, — ответил Мишель.

Он подождал, пока Клод Танде распрощается с Жюмель, и проводил его до двери. На улице, под снежными хлопьями, таявшими на лету, правителя ожидали полдюжины всадников и готовый экипаж с предупредительно открытой дверцей.

Мишель закрыл дверь и вернулся в гостиную. Жюмель убирала со стола. При появлении Мишеля она выпрямилась, держа в руке графин.

— Наверное, ты станешь меня упрекать, — сказала она с насмешкой и с вызовом в голосе, — или побьешь, как сделал бы любой добропорядочный муж в Салоне.

Мишель улыбнулся.

— И не подумаю даже. Хотя тебя и следовало бы отшлепать, как девчонку. Но я знаю, что, как только ты встанешь на колени и подставишь мне голый зад, мною овладеют иные желания, не такие безгрешные. Потому я тебя шлепать и не стану.

Лицо Жюмель стало веселым и хитрым.

— И это говорит тот, кто в прошлом году поклялся сделать кое-что триста шестьдесят пять раз. Я не считала, но навскидку — всего десять-двенадцать.

— Но ведь ты сразу забеременела.

— Ну и что? Вот увидишь, все можно. Хоть сейчас. Дети с Кристиной, спальня свободна...

Жюмель свободной рукой ударила себя по лбу.

— О господи! Мы же совсем о нем забыли!

Мишель тоже встрепенулся.

— И правда! Бедный Марк, он ждет уже больше часа!

— Я поднимусь и позову его, — сказала Жюмель, снова поставив графин на стол. — Отправлю его вниз и пойду провожаю детей.

И она убежала.

Оставшись один, Мишель помешал дрова в камине. Он задумался над давнишними обвинениями в том, что уделяет Жюмель мало внимания. Надо было признать, что они более чем обоснованны. Он всегда находил ее прекрасной и чувственной, но со временем оценка переходила в плоскость абстрактную. Истина заключалась в том, что он желал ее все меньше и меньше. По мере того как их отношения становились глубже и интимнее, а единение полнее, плотское влечение ослабевало. Ритуал фибионитов стал для них и кульминацией физической близости, и началом ее угасания. Ее сменила та форма любви, которая на самом деле есть дружба высочайшей пробы. Может, лучше было бы иметь рядом с собой одну из тех недалеких женщин, которых воспел Аретино и жестоко осмеял Рабле. Но тогда бы не было духовного удовлетворения. Он задался вопросом, так ли уж естественна для людей моногамия, и тут же отбросил эту греховную мысль, как и чудовищное предположение, что и Жюмель может задаться тем же вопросом. И его охватила острая ностальгия по тем временам, когда он навещался к девушкам в таверну...

Эти опасные размышления были прерваны появлением монаха-августинца, уже в годах, но все еще крепкого и моложавого. Мишель в смущении шагнул ему навстречу.

— Ради бога, извините, отец Ришар. Я совершенно о вас забыл.

Монах равнодушно махнул рукой.

— Не волнуйся, Мишель. И называй меня Марк, как когда-то в Сен-Реми.

— Хорошо, — улыбнулся Мишель и указал гостю на диван. — Садись поудобнее и объясни наконец, почему ты не захотел встретиться с графом Танде. Если не ошибаюсь, ты ведь из-за него приехал в Салон.

Марк Ришар устроился на диване среди подушек.

— Не хотел тебя компрометировать. Я сопровождаю правителя только по необходимости, и в его глазах я личность подозрительная.

Мишель садиться не стал.

— Объясни, в чем дело, — резко сказал он и добавил, словно желая смягчить впечатление: — Хочешь апельсинового гипокраса?

— Нет, пить мне не хочется... Мишель, твоя родня из Сен-Реми, наверное, сообщила о неприятностях, что были у меня с инквизицией. Викарий инквизиции, старик Луи де Роше, допрашивал по моему делу твоего брата Бертрана и сестру Дельфину.

Эта тема была Мишелю неприятна, но он не пытался уйти от разговора.

— Да, я все знаю. Но ведь все кончилось хорошо, и ты снова вернулся настоятелем в монастырь Сен-Поль-де-Мансоль. Необоснованные обвинения не выдерживают испытания временем.

— Это правда. Но обвинение вовсе не было необоснованным.

Мишель вздрогнул, поискал глазами графин с гипокрасом, налил себе в бокал и отпил половину.

— То есть ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что принадлежу к реформатской церкви Франции. Я убежденный кальвинист.

Мужественное лицо Марка Ришара стало жестким, но карие глаза смотрели по-прежнему с нежностью.

— Я считаю эту религию истинной. А Папа — всего лишь один из европейских интриганов.

Мишель допил бокал и присел на табурет возле камина.

— Понимаю. Но чего ты хочешь от меня?

— Прежде всего хочу знать, что ты об этом думаешь.

Если бы этот вопрос задал чужой, Мишель выгнал бы его из дома. Но со старыми друзьями так не поступают. Уклониться от ответа тоже не выходило. Он глубоко вздохнул и сказал:

— Постараюсь быть искренним, хотя это и усложнит мне задачу. Коррумпированность огромной части католической церкви скандальна и очевидна. Не менее скандальна та жестокость, с которой католики расправляются с гугенотами, и те вопросы, что гугеноты перед ними ставят. Что же до вашей чистоты обрядов — она вне дискуссий.

Мишель немного помолчал.

— Но ведь и вы поддерживаете нетерпимость. Вы не так свирепы, как паписты, и гнев ваших иконоборцев не идет ни в какое сравнение с кровожадностью инквизиторов. Но я спрашиваю себя: что будет, когда вы станете сильнее? Ведь вы в точности будете повторять то, что творят ваши противники. И в Германии, и в Швейцарии уже пылают ваши костры. В Англии палачи трудятся без отдыха. В плане теологическом для меня не составило бы труда признать вашу религию самой верной Христу, а ваши ценности — идеалами свободы. Но теология существует для теологов, а на практике ее применяют люди.

— А что ты думаешь о предопределении?

Мишель очень удивился и пробормотал:

— Судьбы всех людей предначертаны. Иначе я не смог бы записать ни одного пророчества.

Марк Ришар улыбнулся.

— Тогда ты наш. Да я и всегда это знал. — Он посерьезнел и нетерпеливо повел плечами. — Слушай, Мишель. Я здесь не случайно. Религия, в которую я верую и которая, я знаю, сродни и тебе, подвергается все большим и большим преследованиям.

— Что-то не похоже, что вас сильно преследуют, — отпарировал Мишель, начиная раздражаться.

Он не любил таких разговоров и старался от них уходить. Его внутреннее христианство отличалось от религий обеих враждующих сторон.

— У вас вся Наварра, вам симпатизируют многие при дворе. Король Генрих вас терпеть не может, но королева изо всех сил старается его утихомирить. Что же до остальной Европы...

— Нет-нет. — Марк Ришар замотал головой. — Во Франции нас собираются уничтожить в угоду новому Папе. Я полагаю, ты знаешь, кто из кардиналов сейчас наиболее влиятелен.

— Ну... несомненно, де Турнон. Внешней политикой занимается именно он. И он, конечно, ваш противник.

— Да, и не только он. Есть еще и кардинал д'Арманьяк, его достойный соратник, и

Алессандро Фарнезе. Он из них самый могущественный, хотя сразу это и не распознаешь. Его маневрами был избран новый Папа: это он втащил в Ватикан старого инквизитора, явно настроенного профранцузски.

Мишель, мало разбиравшийся в политике, растерялся.

— Но, по-моему, никто из них не действует против вас.

— Совсем наоборот. Все они, и особенно кардинал де Лорена, поддерживают так называемый орден Иисуса. Ты что-нибудь о нем слышал?

Мишель счел нужным изобразить неведение.

— Совсем немного.

— У нас нет врага более ожесточенного, — гневно произнес Марк Ришар. — В отличие от доминиканцев и францисканцев иезуиты мобилизуют мирян. Они открывают школы и конгрегации верующих. Ни один из орденов сегодня не пользуется такой властью. Основатель ордена при смерти, но это не мешает экспансии иезуитов, в частности, в Бразилию.

— Не вижу, чем это мешает гугенотам.

— На самом деле понять нетрудно. Ты еще услышишь об экспедиции Никола Дюрана де Вильганьона в Бразилию. Ее цель — основать в Бразилии колонию гугенотов, которая служила бы образцом для нашего континента. Но иезуиты высадились в Бразилии раньше нас. Кроме того, нам не хватает средств. Нельзя требовать невозможного от адмирала Колиньи, который до сих пор нас финансировал. Он уже и так предоставил нам флот.

— Да, но при чем тут я? — запротестовал Мишель, все более нервничая. — У меня нет денег на субсидии. В Париже я вынужден был залезть в долги, и королева компенсировала мои расходы. Кроме того, мне пришлось пожертвовать ее дары на строительство канала Крапонне.

— Да я и не прошу у тебя ни гроша. Дело в другом. В своих пророчествах ты часто упоминаешь спрятанное сокровище.

Марк Ришар взял со стола копию лионского издания центурий, уверенно ее открыл и прочел:

Dessous le chaine Guien du ciel frappe
Non loing de la est cach? le tr?sor
Qui par longs siecles avoit est? grapp?:
Truv? mourra, l'oeil crev? de ressort.

Небом будет поражен у подножья горной цепи⁶.
Рядом клад древнейший спрятан.
Тот же, кто найдет его, примет смерть скоростижно
От удара в глаз пружиной⁷.

Марк Ришар закрыл книгу.

— Ты ради забавы смешал карты, но смысл понятен. Гиен — это, должно быть, Гиень, значит, Аквитания. Под дубом, пораженным молнией, лежит сокровище, спрятанное много веков назад. Тот, кто его отыщет, умрет: пружина ларца выбьет ему глаз.

Мишель, вне себя, поднял плечи.

— Каждый раз я вынужден повторять одно и то же. Я не знаю значения своих

⁶ Перевод не отвечает толкованию Ришара, а следовательно, и автора. Видимо, здесь имеет место совпадение в произношении слов *chaîne* (цепь) и *chêne* (дуб). Первые строки могут звучать по-иному: «Там, где гиенский дуб расколот молнией, неподалеку спрятано сокровище». (Прим. перев.)

⁷ Катрен XXVII, центурия I. Перевод Л. Здановича.

пророчеств. Я пишу их либо когда рассудок затуманен видениями, либо когда расположение звезд будит мою фантазию. Думаю, мои пророчества действительны, но в точности утверждать не могу. До сих пор совпали только очень немногие.

— Но одно совпало точно, и оно-то меня и интересует, — ответил августинец, не замечая, что становится слишком назойлив. Закрыв глаза, он прочитал наизусть:

Quand le sepulcre du grand Roniaïn trouv?,
Le jour apres sera esleu pontife:
Du senat gueres il ne sera prouv?:
Empoisonne son sang au sacre scyphe.

Найдут гробницу знатного латинца,
Наутро Папа новый будет избран.
Но он сенатом утвержден не будет,
Его отравят, яд в священной чаше⁸.

Мишель в замешательстве поглядел на гостя.

— Что ты тут нашел особенного? Я сам ничего не понимаю.

Взгляд Марка Ришара омрачился.

— А ты меня не разыгрываешь? Всем известно, что предпоследний понтифик, Марцелл Второй, был избран в апреле прошлого года вопреки протестам многих кардиналов, то есть папского сената. Почти наверняка он был отравлен вином, налитым в потир, священную чашу, во время мессы. Как ты мог все это предвидеть? Ты же это написал года четыре назад!

Мишель не выдержал.

— Я не знаю! Я не знаю, понимаешь?!

Конечно, отчасти он лукавил, но отчасти был искренен и уж точно не был расположен раскрывать гостю свои приемы.

— И потом, что тебе с этого? Какое отношение все это имеет к нашему разговору?

— Гробница латинянина. О ней повествуют многие твои стихи, и все говорят о том, что там зарыто сокровище. Это легко увязать с указанием на *гиенский дуб*, о котором шла речь. Но это не дуб в Гиени, а дуб, покрытый gui, то есть омелой. Я угадал?

Мишель начал понемногу ненавидеть друга.

— Может, и так, но я не знаю.

Марк Ришар вскочил с дивана. Казалось, он тоже разозлился.

— Не верю! Сокровище существует, и ты прекрасно знаешь, где оно! Дуб, покрытый омелой, римская гробница, вскрытая незадолго до избрания Павла Четвертого, последователя Марцелла Второго. Классическое посвящение гробницы Д. М. (Dei Mani). А место? Об этом ты тоже говоришь!

— Брось! Не можешь ты этого знать, потому что я сам не знаю.

— Неправда, мы оба знаем. Ты сам мне дал прочесть, в одном еще неизданном пророчестве. Ульпиан. Дураки прочтут и решат, что тут упомянуто одно из имен императора Траяна или имя юриста Ульпиана. Но мы-то с тобой знаем, что речь идет о Вольпиано, где бушевали битвы, прежде чем заключили перемирие в Воселе. Вольпиано, то есть практически Турин. Гробница с сокровищем недалеко от Турина. Так?

— Хватит!

Язвительный тон бывшего приятеля довел Мишеля до бешенства. Он указал на дверь.

— Убирайся, пока я окончательно не потерял терпение! Нет у меня никаких кладов для твоих замыслов! Вы, гугеноты, прекрасно рассуждаете. Вас губит фанатизм, порождающий насилие. Боюсь, что вам будут платить той же монетой.

⁸ Катрен LXV, центурия III. Перевод Л. Здановича.

Марк Ришар двинулся к выходу, но на пороге обернулся.

— Мишель, нам очень нужен этот клад. Жизненно необходим. Мы не остановимся ни перед чем, чтобы его добыть.

Женский голос за его спиной воскликнул:

— Послушайте только этого таракана! «Мы не остановимся ни перед чем!» Ишь какой приткий! Зато я знаю, что тебя остановит: хорошая порция палок!

Это была взбешенная, с растрепавшимися волосами, Жюмель. Обеими руками она держала над головой здоровенную суковатую палку, видимо взятую в дровяном сарае. Перепуганный Марк Ришар с ненавистью на нее взглянул и бегом бросился прочь. Дверь за ним громко захлопнулась.

Жюмель опустила свое оружие. Она чуть задышалась и придерживала левой рукой большой живот.

— Этот дом становится прибежищем придурков! Что было надо этому монаху?

— Сокровище, — улыбаясь, ответил Мишель. — Не больше и не меньше.

— Ты сказал ему, что мы, слава богу, зарабатываем на приличную жизнь?

— Да у меня же есть сокровище.

Он подошел к жене и ласково провел рукой по ее волосам. Она притворно отстранилась, закрыла глаза и подставила губы. Казалось, она сейчас замурыкает, как кошка.

ЕРЕТИК

«Экзекуторы по вопросам богохульства», трое магистратов из сложного аппарата венецианской инквизиции, наводили страху больше всех. Сейчас они с надменным видом восседали в своих креслах, а перед ними на коленях стоял Пьеро Карнесекки. Попыткам его не подвергали, и на теле не было видно ран, но он все равно судорожно вздрагивал, как от холода, хотя из открытых на Риадельто окон веяло горячим летним воздухом.

Старший из магистратов вытер тыльной стороной ладони струящийся по лбу пот и обратился к коллегам:

— По моему мнению, наша компетенция не распространяется на этот случай. Разумеется, писания подозреваемого могут быть расценены как богохульство. То же самое можно сказать и обо всем, что вышло из-под пера так называемого «Кружка реформатов». Однако основным преступлением является ересь. Я полагаю, подозреваемого следует сдать римской инквизиции, которая его и запрашивает.

Коллега слева, помоложе, со здоровым и цветущим лицом, энергично затряс головой.

— Не согласен. Рим только и ждет, чтобы покончить с венецианской автономией. До сих пор мы держались. Но передать нашего заключенного будет означать подчиниться претензиям папства, при всем почтении к его святейшеству Павлу Четвертому. Предлагаю сдать его Совету Десяти, поскольку ересь входит в его юрисдикцию.

Старший магистрат изумился:

— Но ведь именно Совет Десяти передал дело нам. Впрочем, я не знаю зачем.

— Зато я знаю, — с горькой улыбкой сказал третий магистрат, худощавый, с копной седых волос. — Подозреваемому удалось заручиться поддержкой Козимо Медичи и Ферранте Гонзага. У него такие покровители, что его арест рискует перейти в дипломатический скандал. Нам его просто спихнули, потому что никто не хочет иметь с ним дело.

Старший магистрат сурово на него взглянул:

— Такие вещи не говорят в присутствии подозреваемого.

Он вздохнул и посмотрел на Карнесекки.

— Ну хорошо. Продолжим. Пусть войдет свидетель защиты.

Падре Михаэлис, скрывавшийся за бархатным занавесом, очень удивился. Ни в Риме, ни в Лионе инквизиция никогда не открывала имени свидетеля, будь то свидетель обвинения

или защиты. Сделав хорошую мину при плохой игре, он сдвинул занавес и вошел в зал.

Карнесекки обернулся к нему, и на его измученном лице отразилось удивление.

— Вы? — воскликнул он. — Вы с вами познакомились в прошлом году при дворе...

— ...Екатерины Медичи, — закончил Михаэлис.

Он был возмущен таким отступлением от ритуала. Видимо, Венецианская республика собиралась воспользоваться независимостью своей инквизиции, чтобы подорвать устои инквизиции римской. Этого допускать было нельзя. Как только закончится этот фарс, он тут же обратится к кардиналу Алессандро Фарнезе, чтобы тот проинформировал Папу. Все венецианское духовенство в сговоре.

Карнесекки попытался улыбнуться и с мольбой сложил руки.

— Благодарю вас от всего сердца, падре. Вы едва со мной знакомы, а явились свидетельствовать в мою защиту. Это прекрасно.

Михаэлис не ответил и поклонился экзекуторам.

— Вы меня знаете, и, может быть, это даже хорошо, что не надо будет повторять идентификацию личности на этом трибунале. Я принадлежу к ордену иезуитов, основанному покойным Игнацием Лойолой. Уже несколько лет этот орден существует и в Венеции. Спрашивайте меня, и я отвечу на все вопросы, кроме тех, что будут истолкованы во вред обвиняемому.

Михаэлис произнес все это вежливо, но жестко. Старший экзекутор, казалось, немного смешался. Он быстро перекинулся с коллегами несколькими словами на венецианском диалекте, потом сказал:

— Падре, мы проводим не процесс, а предварительное расследование. Как видите, здесь нет нотариусов и никто не ведет протоколов. Присутствующий в зале Пьеро Карнесекки подозревается в богохульстве и ереси. Если у вас есть аргументы в его защиту, пожалуйста, изложите их.

Михаэлис заговорил, взвешивая каждое слово и стараясь высказываться как можно убедительнее:

— Высокочтимые экзекуторы, что касается виновности подозреваемого в ереси, то я могу представить косвенное свидетельство. Этот человек никогда открыто не выступал против церкви. Он действительно поддерживает некоторые тезисы реформаторов, но в своих сочинениях просит о созыве очередного заседания Тридентского собора и высказывает пожелание, чтобы его идеи были там обсуждены. Таким образом, он не восстает против церкви и признает ее авторитет. Это необходимо учесть.

Худолицый экзекутор согласно кивнул и обратился к старшему коллеге:

— Это абсолютно верно, и это доказывают все изученные нами документы. Заметьте к тому же, что говорил иезуит, а у реформаторов нет больших врагов.

Старший пожал плечами.

— Вполне вероятно, но решающим аргументом это быть не может.

Он посмотрел на Михаэлиса.

— Падре, нас занимает не только это. Наша задача — понять, содержалась ли в сочинениях подозреваемого хула в адрес Бога. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Те из его сочинений, что я читал, не содержали выпадов ни в адрес Бога, ни в адрес Сына Божьего, ни в адрес Духа Святого. Конечно, они полны ложных утверждений и фальсификаций, но определить их как богохульство нельзя. Полагаю, что вы произвели обыск в жилище арестованного. Нашли ли вы там доказательства обвинения?

Магистрат сделал неопределенный жест.

— В техническом смысле выпадов против Божества мы не обнаружили. Мы нашли сочинения Лелио Сочини, Лонио Палеарио, Пьетро Джелидо и других лютеран. В них содержится меньше богохульных слов, чем ежедневно произносят здешние гондольеры, по крайней мере напрямую, без метафор. Однако имеется зашифрованная рукопись...

Экзекутор не закончил фразы, потому что в зал вошел посыльный в красной с золотом короткой тунике. Он подбежал к экзекутору, вручил ему сплошь покрытый печатями пакет и

быстро вышел.

Магистрат вскрыл конверт и вытащил оттуда листок, который тут же пробежал глазами. Лицо его обрело выражение твердой решимости. Михаэлис это заметил и прикидывал, хороший это знак или плохой в той игре, которую он вел. Но прежде чем пытаться это выяснить, надо было ответить еще на один вопрос.

— Ваше превосходительство, вы начали говорить о рукописи. Что это за рукопись?

— Очень странная рукопись, в ней удастся прочесть только название: «Arbor Mirabilis». Там полно непристойных рисунков обнаженных женщин в непонятных сосудах, а также невиданных цветов. В этом трактате, если это действительно трактат, могут содержаться богохульные суждения, например, под рисунками. Но он зашифрован, а подозреваемый, похоже, не владеет ключом к шифру.

— Это потому, что его пока не подвергли пытке, — буркнул самый молодой из магистратов. — Сразу бы и рукопись прочел.

Карнесекки, который внимательно прислушивался к диалогу, впервые запротестовал. Судя по лязганью, он был прикован к месту металлической цепью.

— Я ничего не знаю об этой книге! — крикнул он, содрогнувшись. — Она принадлежала французскому магу, так называемому пророку!

Падре Михаэлис оживился.

— Какому магу? — спросил он, стараясь скрыть интерес.

— Знаменитому, тому, что издает альманахи... Нострадамусу!

Михаэлис в душевном порыве возблагодарил Господа. Оба следа, по которым он шел, Карнесекки и Мишеля де Нотрдама, снова чудесным образом сошлись. Теперь стало ясно, что Господь направил его по верному пути. И он обязался посвятить ночь благодарственной молитве.

Теперь настал миг решающего броска, продиктованного новой уверенностью.

— Прошу вас, ваше превосходительство, — сказал он, обращаясь к старшему магистрату, — велеть увести обвиняемого. То, что я хочу сказать, не предназначено для посторонних ушей. Говорю вам это как иезуит, выступающий не только от своего имени, но от имени высшего руководства.

Свидетель, пусть и авторитетный, обращался к трибуналу неслышанным тоном. Трое магистратов снова посовещались по-венециански. Худолицый возмущался больше всех и сильно жестикулировал. Однако старшему, после колоритного увещевания, удалось утихомирить коллегу. Он жестом подозвал двух солдат, стоявших в глубине зала.

Заключенного с трудом подняли и поволокли прочь. Стало видно, что ноги его скованы цепью, и из-за этого он мог передвигаться только маленькими шажками. Он умоляюще взглянул на падре Михаэлиса.

— Вы будете меня защищать, правда?

Тот ничего не ответил, только опустил и снова поднял веки. Это можно было расценить как согласие. Карнесекки закричал:

— Я буду вам благодарен всю жизнь! Понимаете? Всю жизнь!

Стражники буквально приподняли его над землей, понуждая идти, нелепо хромая.

Старший экзекутор подождал, пока закроются портьеры в глубине зала, потом медленно сказал:

— Падре Михаэлис, мы выполнили вашу просьбу исключительно из почтения к ордену Иисуса. Надеюсь, теперь вы сообщите нам, что же вас так заинтересовало, что заставило нарушить протокол допроса.

Михаэлис почтительно склонил голову.

— Вы правы, ваше превосходительство. Я должен вам сообщить конфиденциально, что бывший епископ Пьеро Карнесекки разыскивается римской инквизицией по подозрению в тяжком преступлении. Он был сообщником гугенотов, которые пять лет назад похитили из застенков лионской инквизиции Мишеля Серве.

Экзекутор с красным лицом изумился:

— Вы имеете в виду Микеле Сервето, еретика, которого потом сжег Кальвин?

— Именно так.

— Я полагаю, вы просите препроводить подозреваемого во французскую инквизицию?

— Совершенно верно. Я берусь сам препроводить его в Лион с небольшим эскортом. Дайте мне пару людей, но только до Пьемонта, а там подключится французская стража. И конфликт между вашей компетенцией и компетенцией Совета Десяти будет разрешен. А заодно освободитесь и от неугодного заключенного, за которым стоят сильные покровители.

Красное лицо экзекутора озарилось. Он повернулся к старшему коллеге:

— Это действительно решает все! Тем более что мы не можем продолжать расследование такого запутанного и странного дела.

Глава комиссии посмотрел прямо на падре Михаэлиса.

— Идея хороша, но пришла слишком поздно.

Он показал только что полученное письмо.

— Наш дож, Лоренцо Приули, приказывает немедленно отпустить Пьеро Карнесекки на свободу. Венеция предоставляет ему надежное убежище на срок, который он сам сочтет необходимым.

Михаэлис боялся такого исхода событий с того момента, как в залу вошел гонец, одетый в цвета Венецианской республики, но протестовать даже не пытался.

— Я полагаю, вы должны повиноваться, — прошептал он.

— Правильно полагаете.

Все трое магистратов поднялись с кресел. Заседание окончилось, но Михаэлис вовсе не был расположен признать свое полное поражение.

— Высокочтимые магистраты, — сказал он, — я понимаю, что все противоречия для вас закрыты. И улики, которые вы собрали, вам больше не нужны. Среди них есть одна, которая мне очень бы пригодилась.

— Которая? — спросил старший экзекутор, стаскивая тогу.

— Зашифрованная рукопись. У нашего ордена во всех уголках земли имеются ученые, сведущие во всех языках и науках. Может быть, им удастся расшифровать язык, который вам кажется непонятным.

Магистрат пожал плечами.

— Почему бы и нет? Тем более что дело закрыто. Пойдемте со мной.

Михаэлис по лестнице спустился за экзекутором на первый этаж и прошел в маленькую комнату. Там, не обращая внимания на душные испарения от близости каналов, двое молодых людей разбирали и приводили в порядок документы. Дела громоздились на длинных стеллажах, которые прогибались под тяжестью переплетов. В комнате было нечем дышать, и чиновники кашляли от пыли.

Вспотевший экзекутор сделал им знак не вставать с мест и кашлять себе спокойно. Он снял с полки среднего размера рукопись и протянул ее Михаэлису.

— Вот «*Arbor Mirabilis*». Рукопись ваша. Можете делать с ней, что хотите.

Михаэлис пролистал манускрипт и застыл от изумления. Текст был записан буквами, похожими на буквы всех алфавитов сразу и в то же время ни на что не похожими. Иллюстрации шокировали. В аляповатых, ярко раскрашенных рисунках было что-то неодолимо плотское и непристойное, даже если на них были изображены растения или созвездия.

Он закрыл рукопись с чувством необъяснимой неловкости.

— Вы не спрашивали у Карнесекки, от кого ему достался манускрипт?

— Спрашивали. Кажется, ему доверил рукопись некто Симеони, один из тех флорентийских астрологов, которыми кишит двор французской королевы.

Михаэлис вздрогнул. Он хорошо помнил, как встретился с невестой Симеони на банкете в честь Нострадамуса, организованном Екатериной Медичи. Ее звали Джулия, и она оставила по себе слишком приятное воспоминание, отпечатавшись в памяти без тени того, что принято называть грехом. И тогда он убрал ее из памяти, а теперь вот она снова

появилась...

Он отвлекся от мысли, и вдруг дрожь охватила его. Это была дрожь удачи. Симеони был связан с Карнесекки, Карнесекки — с Нострадамусом: такое перекрестье судеб не могло быть случайным. Теперь надлежало смоделировать его с помощью того знания человеческой породы, которым владеют только иезуиты, тогда как другие ордена тешат себя пустыми абстракциями. Он явно был у цели.

Он закрыл рукопись, подняв маленькое облачко пыли из засохших чернил, и, подождав, пока рассеется его серебристая пелена, почтительно поклонился магистрату:

— Благодарю вас, ваше превосходительство. Я передам его святейшеству ваше почтение.

Экзекутор тоже поклонился, на миг забыв о чопорности, подобающей его должности.

— И скажите ему также, что в Венеции обитают его верные подданные, пусть и влюбленные в собственную независимость.

— Не премину.

И Михаэлис двинулся к выходу с манускриптом под мышкой.

Выйдя, он окунулся в море света. Солнце вспыхивало в воде канала, скрывая грязную воду под сияющей завесой. Стоял полдень, и прохожих на улице было не много. Он зашагал по направлению к церкви Санта Мария Ассунта, давно ставшей штаб-квартирой иезуитов. Военная терминология здесь подходила как нельзя лучше. Иезуиты жили в городе как бы на осадном положении, что превращало их общины в своего рода маленькие крепости.

Многие знатные горожане были настроены к ним враждебно и хотели бы выселить орден из города. Но дожи сознавали могущество ордена и до поры выдерживали натиск знати. Еще хуже дело обстояло с религиозной жизнью Венеции. Непомерное количество церквей и монастырей заставляло думать, что в городе обитают благочестивые граждане, проводящие свои дни в поклонении Господу. Но одного взгляда на Венецианский карнавал было достаточно, чтобы эта иллюзия рассеялась.

Монахини имели обыкновение выходить из монастырей в масках и роскошных декольтированных платьях, и мало кто из них возражал, если какой-нибудь резвый кавалер запускать руку им за корсаж или под юбку. Тем более что мужчины наведывались в женские монастыри почти каждую ночь. Патриархи не уставали клеймить это беззаконие, но положить ему конец не удавалось. Сладострастие было, казалось, главной чертой венецианцев, столь же неистребимой, как и богохульство.

По счастью, реформатов было немного, и все они принадлежали к мелкому дворянству. В таких условиях проповеди иезуитов, адресованные и к дворянству, и к простым горожанам, имели хорошие результаты. Если и не выходило убедить горожан отказаться от фривольных костюмов, зато удавалось посеять недоверие к кальвинистам. Хитрые иезуиты давали понять, что победа реформы церкви на корню пресечет все вольности. А для венецианцев не было угрозы страшнее.

Михаэлис отправился как раз к одному из лучших проповедников ордена, который обитал неподалеку от Санта Мария Ассунта. Падре Эдмон Оже был человек среднего возраста, светловолосый, что необычно контрастировало с темными, лихорадочно поблескивающими глазами. Он не отличался красотой Михаэлиса, но представительность, приятный голос и спокойная, слегка чувственная жестикуляция обеспечивали ему успех среди женской аудитории. Впрочем, завсегдатаями проповедей и были по большей части женщины.

— Как вы вовремя, — сказал падре Оже на своем экспансивном французском. — Вы уже знаете о поражении при Сен-Кэнтене?

— Нет. А что случилось?

— Три дня назад войско французского короля было разбито при Сен-Кэнтене Эммануэлем Филибером Савойским, командиром фламандской армии испанского короля.

Михаэлис, который в последнее время занимался чем угодно, но только не политикой, нерешительно спросил:

— А где это: Сен-Кэнтен?

— Это в Вермандуа, на севере Франции, недалеко от Бельгии. Теперь Филипп Второй напрямую угрожает Парижу. Не исключено, что он решит отомстить за своего отца, Карла Пятого, и положить конец французской монархии.

Как и все иезуиты, падре Михаэлис был лишен патриотизма. И если новость заставила его затрепетать, то только оттого, что он знал о связях Папы с французами. Падение Парижа открыло бы дорогу на Рим имперским войскам, которые герцог Альба уже стягивал под городские стены.

— А войско Франсуа де Гиза? Мне известно, что оно потеснило герцога Альбу. Говорили, что французы чуть ли не взяли Неаполь.

— Солдат герцога Гиза уже отзывали во Францию.

Голос падре Оже помрачнел.

— В опасности не только Париж, но и Рим. Вся политика нашего понтифика разваливается на куски. И виноват во всем Алессандро Фарнезе: это он уговорил Папу связаться с Генрихом Вторым. А Генрих вот-вот потеряет корону.

Михаэлис в смятении рассматривал гондольера, который энергично греб, окуная весла в маслянистую от отбросов и мочи воду. Подумав немного, он сказал:

— Павла Четвертого не смогут низложить. Филипп Второй на это не осмелится.

— О, разумеется. Но Рим может потерять свободу маневра, и это плохо.

Падре Оже вздохнул.

— Во всем этом маразме есть только один момент, положительный для нас.

— И какой же?

— Генрих Второй, который очень благочестив, может расценить свое поражение как Божью кару за терпимое отношение к гугенотам. Кроме того, угроза его трону исходит из Фландрии, страны, более других подверженной влиянию Реформации.

Михаэлис выгнул бровь.

— Мне это соображение кажется немного натянутым.

— Это не так.

Черные глаза падре Оже сузились.

— Если Генрих сохранит королевство, на что я надеюсь, он обязательно найдет виновного в своем поражении. И виновный будет близко. Я уверен, что уже нашлись те, кто нашептывает ему на ухо имя козла отпущения.

— Вы считаете, что это мы, иезуиты, нашептываем?

Отец Оже еле заметно улыбнулся.

— А кто же еще? Если Генрих сохранит трон, ему больше не придется жаловаться, что у него нет инструмента для борьбы с гугенотами. Уже несколько месяцев, как во Франции есть инквизиция. И король располагает...

На этот раз падре Михаэлиса передернуло не на шутку.

— Да что вы такое говорите? Инквизиция во Франции есть уже несколько веков! Глава инквизиции там Матье Ори...

— Но он больше не великий инквизитор! — удивился падре Оже. — Разве вы не знаете? По просьбе Генриха его посол в Риме, Оде де Сельве, испросил у Папы разрешения создать во Франции инквизицию по испанской модели. Разрешение пришло в апреле. Теперь и во Франции имеется истинная Святая палата⁹: ее составляют кардиналы Борбона, Лорены и Шатийона.

Падре Михаэлис почувствовал, как рушатся его надежды. Он раздраженно бросил:

— Никто из этой троицы ничего не достигнет. Французская инквизиция родилась мертвой.

Отец Оже только ухмыльнулся в ответ.

⁹ Святая палата (Santo Ufficio) — официальное название инквизиции. (Прим. перев.)

— Да нет, что вы. Вы позабыли об иезуитах. Наше призвание — не командовать, но влиять. Названные мной кардиналы не принадлежат к нашему ордену, но тем не менее находятся у нас в подчинении.

Михаэлис задумчиво помолчал, потом сказал:

— Вы едете во Францию?

— Да, хочу посмотреть, как дела в Париже.

— Я еду с вами.

— Учтите, я еду сразу в столицу. Путь не близкий.

Падре Михаэлис указал на рукопись у себя под мышкой.

— Ничего, у меня есть что почитать.

МОНСТРАДАМУС

Недавно построенные ветви канала Крапонне начали потихоньку оживать равнину, островки нежной травы вокруг них протянулись до самых холмов. Работы были еще далеки от завершения, и по всей равнине развернулась огромная строительная площадка, по которой двигались фигурки обнаженных по пояс рабочих. Многие пытались распевать, орудуя лопатой и киркой, но солнце стояло в зените, и от жары голоса быстро хрипли, ритм движений нарушался, и голоса смолкали.

Однако зрелище это мало интересовало Симеони и Мишеля. Они тихонько переговаривались, стараясь, чтобы не услышал кучер, молодой парень, которого им откомандировал нотариус Этьен д'Ожье специально для поездки на канал.

Симеони был очень бледен.

— ...Жуткое зрелище, уверяю вас. Я сразу раскаялся, что пошел на площадь Мобер, но была такая толчея, что обратно выбраться я не мог. Когда появилась повозка с мадам де Ратиньи, мадам де Лонжюмо и другими гугенотками, толпа начала выкрикивать оскорбления и кричать им «Шлюхи!». Над осужденными-мужчинами издевались гораздо меньше. Того и гляди, толпа могла стащить дам с повозки и разорвать в клочки. Может, для них это было бы и лучше.

Мишель нахмурился.

— Жюмель права. Фанатизм католиков направлен прежде всего на женщин.

— Ну вы же знаете священников... Спектакль, развернувшийся на площади, поражал варварством. И мужчин, и женщин раздели догола, а потом палач щипцами вырвал им языки. Некоторые женщины умоляли о пощаде, но голос кардинала де Лорена заглушил их мольбы. После пытки они стали навеки немыми. Костер, последовавший за пыткой, наверняка стал облегчением: все жертвы были покрыты кровью.

Потрясенный Мишель вздрогнул.

— Пугает то, что католики марают себя подобными преступлениями. Я знаком с королем Генрихом, и он казался мне человеком незлобивым и благородным. Не могу представить его в обличье кровопийцы.

— После поражения при Сен-Кэнтене он сильно изменился. Вы же знаете, что я служил в войске герцога Гиза, когда нас всех отозвали на родину, оставив Южную Италию Филиппу Второму. И все, начиная с герцога и кончая последним из офицеров, были уверены, что мы потерпели поражение из-за терпимости Генриха к гугенотам. В общем, нас покарал Господь.

— Откуда появилось это абсурдное убеждение? — спросил пораженный Мишель.

Голос Симеони, и без того тихий, понизился до шепота.

— Лично у меня есть подозрение. Кому-то надо было внушить нашему королю эту мысль. Кому-то, кто рассчитывает на полное уничтожение гугенотов и кальвинистов и прибегает к любым уловкам, чтобы добиться своего.

— Кому — кому-то?

— Да понять нетрудно. Падре Этьен Оже, иезуит, объявил что-то вроде гражданской войны гугенотам. Известно, что кардинал де Лорена — большой друг ордена Иисуса. Это он

устроил карикатурный процесс против кальвинистов в Париже.

Симеони поднял руку ладонью вверх.

— Конечно, у меня нет доказательств. Иезуиты на первый взгляд не кажутся такими жестокими и оголтелыми, как доминиканцы. Но у меня такое чувство, что для достижения своих целей они не остановятся ни перед чем, включая и ложное науськивание.

Мишель не решился комментировать. Немного помолчав, он приказал кучеру:

— Отвези нас ко мне домой, здесь мы видели достаточно.

Оба, и он, и Симеони, замолчали. Только когда экипаж проезжал мимо госпиталя Сен-Ландр, что на главной улице Салона, Мишель наклонился к другу:

— Прошу вас, ни слова не говорите Жюмель о кострах в Париже. Она недавно прочла вывешенный на стене Компьенский указ о повсеместном истреблении еретиков и уже который день не может заснуть.

— Ваша жена умеет читать? — удивился Симеони.

Это был каверзный вопрос. Много лет назад Мишель ответил бы: «К сожалению». Теперь же он не боялся показаться плохим мужем, но ему надоело постоянно давать объяснения по этому поводу. Он закрыл вопрос общей фразой:

— Вы же знаете, что королевские указы вслух зачитывают герольды.

— И сентенции о казни, — вздохнул Симеони. — Боюсь, ваша жена уже столько их слышала. В Париже арестовали сто двадцать восемь кальвинистов. Думаю, что казнь семи знатных дам — только прелюдия ко многим последующим.

Когда они подъехали к дому в квартале Ферейру, Жюмель сама открыла им дверь. Она встретила Симеони очаровательной, без тени смущения, улыбкой:

— О, Габриэле! Как я рада вас видеть! Смотрите, теперь я несколько более одета, чем тогда, два года назад, когда мы впервые встретились... в необычных обстоятельствах.

Симеони наклонился и поцеловал ей руку.

— Мадам, будем считать, что в первый раз мы увиделись сейчас, а того, что произошло два года назад, никогда не было.

— Да ладно вам! Еще как было! — рассмеялась Жюмель. — В конце концов, это не так уж и странно. То, чем мы занимались с Мишелем, проделывают все мужчины и женщины, кроме разве что немногих монахов и монахинь. А вы разве не занимаетесь этим с вашей Джулией?

Симеони вспыхнул, но потом весело засмеялся.

— К сожалению, у нас редко вы падает такая возможность. Я только что вернулся с войны в Италии, а теперь долг зовет меня принять участие в защите Парижа. Я даже не знаю, где сейчас Джулия. Последний раз она писала мне из Лиона.

— Заходите, пожалуйста.

Симеони вслед за помрачневшим Мишелем вошел в дом. Жюмель догадалась, в каком состоянии находится муж, но говорить ничего не стала, а только вопросительно на него взглянула. Посторонившись, она пригласила гостя в гостиную.

— Теперь просто не знаю, где принимать гостей, — сказала она. — Гостиная, где Мишель обычно принимает клиентов, вся завалена книгами и бумагами. Пожалуй, я провожу вас наверх, в обсерваторию.

— Прекрасно.

Они поднялись по лестнице. Тут одна из дверей верхнего этажа открылась и на пороге комнаты показалась служанка Кристина, блондинка с невыразительным лицом и жесткими волосами. На ней был простой передник, прилегающий к плоской груди.

— Мадам, мне кажется, вам надо подойти к маленькому Шарлю. И Сезар с Магдаленой что-то беспокойны, сама не знаю почему.

— Иду, иду.

Жюмель улыбнулась гостю.

— Извините, мне нужно зайти к детям. Мишель проводит вас в кабинет.

— Конечно, идите, мадам. — Симеони поклонился. — И примите мои живейшие

комплименты. Уже трое детей, а вы так юно выглядите!

— Четверо, — отпарировала Жюмель. — Я ношу четвертого: Андре или Андреа, в зависимости от пола.

— Тогда я должен сделать комплимент и вашему мужу.

Глаза Жюмель лукаво блеснули, но тут же затуманились.

— О да. Всякий раз, когда он отвлекается от своих ночных бдений или не отправляется на прогулку к Когосским воротам, у него находится минута, чтобы меня обрюхатить. Тем более что уход за детьми — моя забота.

И она скрылась за дверью вместе со служанкой.

Мишель вздрогнул. Он даже представить себе не мог, что Жюмель знает о его эскападах к Когосским воротам, где располагался единственный в Салоне бордель. Он отправлялся туда каждую пятницу поздно ночью, полагая, что она спит или кормит очередного ребенка. Страхи теснились в его мозгу, но бороться с ними не было времени. Однако им овладела тревога, и с ней теперь надо было уживаться. Конечно, Симеони ничего не знал о Когосе. Мишель взял его под руку и потащил в кабинет. В мастерскую, как он сам его называл.

Пока они шли к кабинету, отстоявшему от других комнат, Симеони сказал:

— Знаете, Мишель, я приобрел ваш «Новый прогноз на тысяча пятьсот пятьдесят восьмой год», и меня очень удивил катрен о месяце июле.

Мишель в безотчетной тревоге остановился у двери.

— О чем вы? Я не помню наизусть все, что пишу.

— Вот об этих стихах.

Должно быть, Симеони выучил их наизусть, потому что сразу продекламировал:

Guerre, tonnerre, maints champs depopulez,
Frayeur et bruit, assault ? la frontiire,
Grand Grand failli, pardon aux Exilez,
Germaines, Hispans, par mer Barba Banniire.

Война, грохот, опустошенные поля,
Ужас, крики, нападки на границы,
Великий гранд ослаб, изгнанникам — пощады,
Испанцы, немцы по морю Варваров. Знамена¹⁰.

— А что вас так удивило? — спросил Мишель, заранее зная ответ.

— Вы рассказываете о грядущих событиях июля следующего года, но это точное описание того, что было со мной в году прошедшем. Война, пушечные выстрелы, опустошенные поля, ужас перед оружием: все это Италия, какой я ее видел. И дальше: угроза нашим границам со стороны немцев и испанцев, несмотря на закат Карла Пятого, гранда из грандов. В то же время наш король, чтобы устоять в осаде, как и его отец, призвал на помощь турецкий флот, выступающий под флагом корсара Барбароссы. А королева добивается от герцога Флоренции пощады всем флорентийским изгнанникам, сражавшимся во французской армии.

Мишель не растерялся:

— Это ваше толкование.

— Да нет, это правда! — запальчиво выкрикнул Симеони. — Не совпадает только дата. Скажите, в какое время года вы обычно составляете предсказания?

— Весной, и сразу надписываю посвящение. Это хорошее время, потому что альманах выходит как раз ко Дню всех святых в Лионе, который празднуют в ноябре. Во время

¹⁰ Перевод О. Егоровой.

праздника альманахи нарасхват, и не только мои.

Симеони покачал головой. Он вошел в кабинет, пропитанный какими-то острыми запахами, и уселся в кресло возле окна. Кот, вылизывавший себе шерстку на подоконнике, шмыгнул прочь.

— Мишель, вы забываете, что говорите с тем, кто, как и вы, был учеником Ульриха из Майнца и, как и вы, прошел инициацию огнем. Не по соображениям заработка вы пишете свои пророчества. Вам придется с этим согласиться.

Мишель не знал, насколько может быть откровенен с Симеони, с которым был едва знаком. Все больше смущаясь, он произнес небрежным тоном:

— Нынче я живу со своих публикаций, правдивы они или нет. Ремесло врача не приносит доходов, да и подагра не дает двигаться. Теперь я прежде всего писатель.

— Да будет вам, обманывайте кого-нибудь другого, но не меня. В ваших стихах кроется подвох, и сейчас я вам это докажу.

В тоне Симеони сарказм соседствовал и с немалой долей почтения.

— Первое издание ваших пророчеств содержит триста пятьдесят три катрена. Прибавим еще двенадцать ежегодных предсказаний, и в сумме получим число триста шестьдесят пять. Согласно еврейскому алфавиту — Абразакс.

Поняв, что его оккультную математику вывели на свет божий, Мишель огорчился. Он пробормотал невнятно:

— Вы забываете, что в этом году в Лионе вышло новое издание пророчеств: всего шестьсот сорок катренов.

— Ничего я не забываю. Прибавим еще двадцать шесть катренов из альманахов тысяча пятьсот пятьдесят пятого и пятьдесят шестого годов и получим число шестьсот шестьдесят шесть, число Зверя, то есть Дьявола.

У Симеони вырвался довольный хрипловатый смешок.

— И кого вы собираетесь обмануть, Мишель? Никакой астрологией вы не занимаетесь. Вы просто поддерживаете сношения с демонами, как и все мы, бывшие иллюминаты. И отрицать это вы не можете.

Мишель и не пытался. Он подошел к бронзовому сиденью, свидетелю его ночных бдений, и сказал уверенно:

— Габриэле, вы не хуже меня знаете, что вызывать демонов не означает обращаться к Сатане. Именем Бога демонов тоже можно сделать рабами и заставить действовать помимо их воли. Это соответствует деяниям Христа, которым все мы призваны подражать.

— Да я вас ни в чем не упрекаю! — поспешил вставить Симеони. — знаю, что вы не некромант, а настоящий Маг. Мне просто интересно, каким методом вы пользуетесь.

Мишель решил, что ему можно довериться. В противном случае надо было молчать.

— В молодости я пользовался наркотиками, пилозеллой и беленой. Это было время ученичества.

Симеони кивнул.

— Мы все через это прошли.

— Потом был период неконтролируемых выходов в иную реальность. Я попадал в незнакомые миры без артефактов или наркотиков. Порой для этого было достаточно одного слова.

Симеони снова одобрительно кивнул.

— Это вторая ступень инициации. Я прохожу ее сейчас.

— А у меня она уже за плечами.

Голос Мишеля стал торжественным.

— После ритуала фибионитов я получил высший контроль над своими видениями. Я в состоянии их вызвать произвольно, пользуясь древними ритуалами. В моем распоряжении имеется демон, и я могу в видениях приближаться к самым дальним границам вселенной.

— Это только подтверждает мои слова, — серьезно и просто сказал Симеони. — Теперь вы стали Магом, хозяином времени и точки пересечения мужского и женского начал.

— Да, благодаря Жюмель я познал женщину и ее роль в космосе. Она полностью противоположна той, что ей навязывает вульгарное христианство. Как подумаю, кем я в молодости считал женщин...

Голос Мишеля дрогнул, но всего лишь на миг. Воспоминание о Магдалене стало теперь хрупким призраком.

— Тем не менее назвать себя хозяином времени я не могу. За исключением редких случаев, мне не удастся привязать пророчества к конкретным датам. Если я и располагаю пророчества по месяцам, то только по требованию публики. Да и издатель Брото все время уговаривает их объединять.

— За исключением редких случаев? Но в тех «Пророчествах», что я читал, вы вообще не ставили даты.

— Я уже объяснил почему. Но есть исключения. Один из еще не напечатанных катренов относится к тысяча девятьсот девяносто девятому году. Это будет год войны, если в то время еще сохранятся войны.

Симеони пожал плечами.

— Три четверти ваших пророчеств касаются войн.

— Да, но этот катрен особенный. Мой демон-помощник, мерзкое создание по имени Парпалус, продиктовал его вместе с предсказанием, которое предшествует тому, что вы сейчас прочли.

Мишель сжал переносицу большим и указательным пальцами, закрыл глаза и прочел:

L? ou la foy estoit sera rompue:
Les ennemis les ennemis paistront,
Feu ciel pleura, ardra, interrompue
Nuit enterprise. Chefs querelles mettront.

Там, где сокрушена вера,
Враги пожирают друг друга,
Небо плачет огнем, пылает, мешает
И вредит бою. Командиры затевают ссору¹¹.

Открыв глаза, он сказал:

— Вот что вижу я в году тысяча девятьсот девяносто девятом, когда на землю спустится Владыка Ужаса. Противоречия с народами иной веры, с которыми ранее жили вместе, вражда порождает вражду. Потоки огня с небес, горящие брошенные предприятия. И все это — в угоду агрессивности нескольких важных персон. Хотите, прочту пророчество на этот год? Надо его найти среди бумаг...

— Нет, мне скоро надо идти. Да и тысяча девятьсот девяносто девятый год еще, слава богу, очень далеко.

Симеони положил руки на колени и подался вперед.

— Вот что еще хотелось бы узнать: каким типом магии вы пользуетесь? Амулетами и воскурениями? Магией зеркал? Гидромантией? Геомантией?

Мишель противился такого рода разъяснениям, но Симеони внушал ему безотчетное доверие.

— Всем понемногу, но прежде всего — магией кольца, — признался он. — Я знаю, что и вы в ней сведущи. Я читал вашу книгу под названием «Предсказание», где вы предсказываете победу нашего короля в Пьемонте благодаря магическому кольцу, обнаруженному в Лионе.

Симеони опечалился.

¹¹ Перевод О. Егоровой.

— Моя магия слаба. Мы победили в Пьемонте, но Италия в руках испанцев. Когда я поступал на воинскую службу, я предсказывал все наоборот.

Он тряхнул головой, словно отгоняя эту мысль.

— В Пьемонте я разыскивал одну гробницу. Она должна находиться между Турином и Вольпиано либо где-то поблизости. Но мне не удалось разыскать ни места, ни гробницы.

— И кто похоронен в этой гробнице?

— Полагаю, один из сановников Древнего Рима. Триумвир. На входе в гробницу должна быть надпись «D. M.», то есть Dei Mani — предается манам.

Мишель изумленно заморгал глазами, с трудом сглотнул и прошептал:

— Может быть, я смогу вам помочь. Но сначала скажите, что вы рассчитывали найти в этой гробнице. Уж не клад ли?

— В определенном смысле — да, — ответил Симеони. — Жан Фернель видел во сне римскую часовню, где было спрятано такое же кольцо, как то, что Гийом де Шуль, тоже бывший иллюминат, нашел в Лионе. Потому я вас и спрашивал, какую магию вы практикуете, надеясь, что это магия кольца.

— Да, но каждое обращение к магии должно иметь цель. Для чего вам нужно второе кольцо?

— Если вы читали мою книгу «Итальянский монстр», то знаете, для чего. Я хочу объединить Италию, которая сейчас представляет собой чудовище о семи головах, в единое королевство, подчиненное королю Франции. Одного кольца недостаточно, нужно дополнительное. Я двинусь с герцогом Гизом осаждать Кале, а потом вернусь в Турин.

Мишель улыбнулся.

— Думаю, вы наивны. Я ценю ваш патриотизм, но сомневаюсь, что магическое воздействие сможет изменить политическую судьбу вашей родины. Может, два кольца сразу и имеют большую силу, но судьбы наций записаны в другом месте.

С порога комнаты раздался голос, которого никто не ожидал:

— «Итальянский монстр»! Какое красивое название! Оно мне кое-что напоминает — «Монстрадамус». Не вы ли, случаем, автор и этой книги, Габриэле?

Это была Жюмель. Она стояла на пороге в своей характерной позе: руки в боки, роскошные груди вперед, как оружие защиты, и насмешливая улыбка на губах.

Симеони в замешательстве на нее посмотрел.

— «Монстрадамус»... Мадам, я не знаю, о чем вы... — пробормотал он.

— Я вам объясню, — вмешался Мишель. — «Монстрадамус» — книжонка, написанная против меня неким Эркюлем Французом. Пасквили в мой адрес множатся. Подозреваю за всем этим руку Ульриха или Пентадиуса.

Симеони нахмурился.

— Да, в посвящениях ваших книг я заметил полемику с загадочными клеветниками. Но мне ни разу не попадались их писания.

Он быстро обернулся к Жюмель.

— Мадам, клянусь вам самым дорогим, что Эркюль Француз — это не я.

Жюмель приподняла бровь.

— Предположим.

Симеони вскочил.

— Я вижу, что вы мне не верите. Расцениваю это как оскорбление.

Он бросился к выходу.

— Прощайте, оба.

И, сухо поклонившись, вышел.

Мишель тоже поднялся и бросил на жену укоризненный взгляд.

— Жюмель, да что на тебя нашло? Ясно, что не он на меня напал!

Она слегка улыбнулась.

— Да, но он такой нудный. Все никак не мог уйти. Я искала какой-нибудь предлог, чтобы его выставить.

Мишель задохнулся от гнева.

— Ты... Ты нарочно оскорбила...

— Зануду. Да, оскорбила, надо будет — оскорблю еще раз. У меня к тебе серьезный разговор.

Мишель почувствовал, что весь его гнев испарился. Он понял, что речь сейчас пойдет о Когосских воротах. Видимо, она совсем недавно об этом узнала.

— Жюмель, — начал он решительно, — у нас, мужчин, есть определенные потребности...

— Сядь, и поговорим, — ответила она, грациозно устроившись в кресле, где только что сидел Симеони.

И, увидев, что Мишель в нерешительности, прибавила насмешливо:

— Давай, давай, фибионит мой ненаглядный.

ПАРИЖ В ОПАСНОСТИ

Падре Михаэлис чувствовал себя не в своей тарелке в светском платье, которое решил носить. Теперь на его голове красовался высокий берет с пером, а из-под черного плаща выглядывал простеганный камзол. Распятие, всегда висевшее на шее, он спрятал под рубашку, и там оно противно цеплялось за светлые волосы, пышно растущие на груди. Но более всего его раздражали узкие, по моде того времени, бархатные штаны с непристойной сборкой на гульфике.

Не он выбирал себе такой наряд. Администрация парижской провинции приписала его к братьям-иезуитам, которых посылали в уголки, где у ордена не было своих представителей. Опасались или делали вид, что опасаются, мести гугенотов за события на площади Мобер. Кроме того, осадное положение Парижа отвлекало силы Шатле от их прямого назначения, и всякая шушера распустила хвосты. Одного священника и парочку монахов уже раздели среди бела дня и оставили на улице в чем мать родила. Такой участи иезуиты предпочитали избегать.

Падре Михаэлис подошел к винной лавке возле отеля «Клюни», где у него была назначена встреча с Симеони. Он осторожно заглянул внутрь, хотя и знал, что хозяин, записавшийся в вооруженный добровольческий отряд для борьбы с гугенотами, сегодня получил указание других клиентов не принимать. И действительно, за одним из столов, расставленных среди бочонков с вином, сидел только Симеони. Перед ним стоял графин красного вина. Хозяин расставлял в шкафу огромные запыленные бутылки и только кивнул в знак приветствия.

Лицо Симеони выражало скрытую муку, что и было замечено падре Михаэлисом с чувством удовлетворения. Он уселся напротив, под круглым светильником, положил перед собой книгу и начал без обиняков:

— Ваш «Монстрадамус» наделал шуму и продается, как хлеб. Я вам принес экземпляр нового издания. Вслед за Пьером Ру в Лионе его хотят напечатать многие издатели.

Симеони опустил голову.

— Вы же понимаете, что я никак не могу гордиться подобным успехом.

— И совершенно напрасно, — отпарировал Михаэлис.

Он снял со стены один из висевших там бокалов, обтер его изнутри указательным пальцем и протянул руку к графину. Налив себе на два пальца вина, он сказал:

— Борясь с Нострадамусом, вы служите церкви. Этим следовало бы гордиться, господин Симеони. Или прикажете называть вас Эркуль Француз?

Симеони еще больше погрузился.

— Не говорите мне о гордости. Меня шантажом заставили сделать пакость другу, и гордиться тут нечем.

— Шантаж? О каком шантаже вы говорите? — Падре Михаэлис изобразил крайнее удивление. — Если ваша Джулия Чибо-Варано, а теперь я знаю ее полное имя, была

замешана в событиях на улице Сен-Жак, я в том неповинен. Она посещала подозрительных дам, которые потом оказались фанатичными гугенотками. Ее имя назвала на процессе мадам Ретиньи, прежде чем ее лишили языка.

Слова Михаэлиса были жестоки, но тон оставался почтительным и спокойным. Симеони прекрасно понимал, какая угроза повисла над Джулией, и инстинктивно держался за человека, который в его представлении мог стать единственной опорой в надвигающейся трагедии.

Он был не в состоянии реально оценить эффективность своей позиции. Целиком погруженный в мрачную меланхолию, он слабо реагировал на внешние раздражители. Когда он заговорил, было такое чувство, что он обращается сам к себе.

— Костер стал позором, но процесс был еще позорнее. Вместо того чтобы предъявить узникам обвинение в кальвинизме или даже в ереси, кардинал де Лорена начал утверждать, что они состояли друг с другом в кровосмесительных связях: мать с сыном, брат с сестрой. Чудовищно. Если бы Джулию обвинили в такой мерзости, она бы покончила с собой.

— Успокойтесь, этого не случится.

Михаэлис налил Симеони еще вина и почти силой заставил выпить.

— Может, кардинал де Лорена и впал в излишество, не отрицаю. Все Гизы фанатики. Но вы должны отдать себе отчет, что раковую опухоль гугенотства надо уничтожить любыми средствами, и без всяких поблажек. Если вы добрый католик, вы не можете с этим не согласиться.

Симеони осушил бокал. Его красивое лицо стало красным и отечным.

— Не знаю, добрый ли я католик. Может, и нет. Но я всегда поддерживал Римскую церковь. Даже когда слушал рассказы о зверствах в Англии Марии Кровавой. Даже когда мне говорили о женщинах, зарытых заживо во Фландрии только потому, что их заподозрили в сочувствии к Реформации.

Михаэлис сделал небрежный жест.

— Все это преувеличения.

— Может быть. Но я своими глазами видел, как в двух кварталах отсюда толпа разорвала на куски несчастную старуху. Кюре огласил ее с амвона, потому что она не явилась к причастию.

— Это закон государства. Священник обязан заявить о тех, кто пренебрегает причащением.

— Продавца книг сожгли на костре по тому же обвинению, а он не мог ходить к причастию, потому что хромота.

— Это самое распространенное оправдание.

— И верхом нелепости было обвинить в инцесте арестованных на улице Сен-Жак. Не знаю, как Господь сможет простить кардиналу де Лорена и королевскому дому эту ложь. Не хотел бы я, чтобы в один прекрасный день такое обвинение было предъявлено королю или королеве и народ отреагировал бы таким же насилием.

Губы Михаэлиса растянулись в тонкой усмешке.

— Вы тоже занимаетесь пророчествами, доктор Симеони? После того, как написали «Монстрадамуса»?

Улыбка вдруг погасла.

— Послушайте, друг мой. Вас не касаются ни английская королева, ни гугеноты во Фландрии, ни местные кальвинисты. Для вас имеет значение только Джулия Чибо-Варано, не так ли?

Симеони кивнул.

— Прежде всего она.

— Прекрасно. Так знайте же, что я хлопочу о ее освобождении. Ее жизни ничто не угрожает, но думаю, что ей несладко в подземельях Шатле, в цепях, на мокрой подстилке. Более того, известно, что люди наместника особенно интересуются заключенными женского пола. А увидев в своей власти такое красивое, цветущее тело...

Симеони судорожно вздрогнул, застонал и сбивчиво заговорил:

— Боже мой! Но вы же не хотите сказать, что Джулию...

— Нет-нет!

Падре Михаэлис поднял руки:

— Эта женщина находится под моей личной защитой. И так будет, пока мне не удастся ее освободить. Я рассчитываю, что это получится достаточно быстро. И тому немало будут способствовать услуги, которые вы, господин Симеони, оказываете церкви.

Он налил собеседнику еще вина.

Итальянец жадно осушил бокал.

— Что я могу для вас сделать? Сочинить еще один пасквиль против Нострадамуса?

Язык у Симеони заплетался, и вместо последней фразы получилось какое-то дикое нагромождение слогов.

— Нет, вашего выпада более чем достаточно. Обвинение в колдовстве, которое вы сформулировали, должно дойти до нужных ушей. Я прошу вас о другом. Когда мы с вами познакомились, вы сказали, что и вы сами, и Нострадамус принадлежали ранее к какой-то секте некромантов, которой руководил некто Ульрих из Майнца.

Осовевшие глаза Симеони на миг прояснились.

— Иллюминаты. Вы об этом хотите узнать?

— Да, прошу вас.

— И Джулия будет спасена?

— Я сделаю для этого все возможное.

— Тогда слушайте внимательно. Это долгая история, и я с ней знаком только отчасти.

Симеони, давась слезами и отрыжкой, говорил с четверть часа, потом заключил:

— Ульрих жив, но очень болен. Точно не знаю, где он находится, но могу предположить, что кружит возле Нотрдама. Хочет поквитаться.

Михаэлис выслушал рассказ, прикрыв глаза.

— Смотри-ка... — пробормотал он, — гностическая секта в середине шестнадцатого столетия. Вот уж не ожидал ничего подобного.

Он взял бокал и отпил глоточек.

Лавочник, сидя на соломенном стуле возле стойки, перелистывал какую-то брошюру. Михаэлис не смог сдержать улыбки. Он узнал сборник пророчеств Нострадамуса за текущий год.

Симеони совсем опьянел и сидел, раскачивая голову из стороны в сторону.

— Вы обещаете сделать все возможное, чтобы спасти Джулию? — пролепетал он, бросив на Михаэлиса отчаянный взгляд. — открыл вам вещи, которых не знает ни одна живая душа.

— Вы прекрасно поступили. Мое положение не позволяет мне давать обещания и клясться, но заверяю вас, что позабочусь о Джулии самым подобающим образом.

Михаэлис встал.

— И что вы теперь думаете делать? Присоединитесь к армии герцога де Гиза?

— Да. А потом, если Джулия выйдет на свободу, уеду в Италию. Я разыскиваю...

Симеони задохнулся в приступе кашля и не закончил фразы.

— Тогда желаю удачи.

Михаэлис сделал прощальный жест, подошел к стойке и бросил на нее несколько монет.

— Когда он допьет этот графин, принесите ему еще, — сказал он хозяину — Я вижу, вы умеете читать. Если умеете еще и писать, записывайте все, что он будет бормотать в опьянении. А когда заснет, вышвырните его вон.

Лавочник, здоровенный краснолицый детина с густыми усами, нахмурился и спросил:

— Это грязный гугенот?

— Нет, это несчастный придурок.

Михаэлис двинулся к выходу, но на пороге обернулся и указал на брошюру в руках

лавочника.

— Вы читаете Нострадамуса. Что такого особенного вы в нем нашли?

Бычьи глаза лавочника просияли.

— О, это так захватывает... Знаете, что он предвидел в прошлом месяце?

— Понятия не имею.

— Слушайте. — Дитина сунул нос в брошюру и с большим трудом прочел:

Froid, grand deluge, de regne dechass?
Niez, discorde, Trion Orient mine,
Poison, mis si?ge de la cit? chass?,
Retour felice, neuve secte en ruine.

Холод, ливень, изгнана из королевства,
Отринута, в раздорах, нависла на востоке Большая Черепаха,
Злодей устроил городу осаду,
Счастливое возвращение, новая секта уничтожена¹².

Михаэлис помотал головой.

— Ничего не понимаю. А вы?

Лавочник смущенно улыбнулся.

— Ну... не все. Однако то, что я понял, удивительно точно.

Он начал загибать толстые пальцы, как бы считая верные предсказания.

— Были холод и дождь. Наш король не бежал, но добрался до войска, защищавшего королевство. Осажденный город — это Париж, отравленный так называемыми реформатами. По счастью, вернулась армия герцога Гиза, и новая секта гугенотов разбита.

— Хорошо, но что означает Trion Orient mine?

Лавочник развел руками.

— Вот этого я не знаю. Что-нибудь да означает.

Голос его дрогнул.

— А что, читать эту штуку — грех?

— Да нет, — пожал плечами Михаэлис и вышел на улицу.

Он не счел нужным объяснять, что Trion — латинское название Большой и Малой Медведиц, согласно Нострадамусу нависающих на востоке.

Небо было свинцовым, и дул ледяной ветер, необычный для этого времени года. Все это соответствовало настроению парижан. После победы при Сен-Кэнтене войска Филиппа II сосредоточились в Пикардии и, казалось, занимались в основном фортификацией местных замков. Тем не менее обитатели столицы чувствовали себя в опасности. Уже месяцы они жили в панике, что было вполне понятно: в городе наступили перебои со снабжением.

Признаками всеобщей тревоги были огромные кучи камней, сложенные у краев мостовой на случай, если надо будет соорудить баррикады. Бухты тяжелых цепей застыли в ожидании, пока их натянут поперек улиц, чтобы спотыкалась вражеская конница. Кое-где даже разобрали мостовую, чтобы можно было сразу начать рыть траншеи и всяческие ловушки.

Все уповали на все еще сильное и боеспособное войско герцога Гиза, которое вернулось из Италии. Обычно Париж плохо переносил в своих стенах солдат на постое. Солдаты тратили мало, пили много, еще больше воровали и докучали женщинам. Теперь же каждого воина с тремя королевскими лилиями на обмундировании встречали с почетом и снабжали всем необходимым, отдавая даже припасенное на черный день. В них видели щит от неприятеля, о котором не было известно ничего, кроме легендарной свирепости.

¹² Перевод О. Егоровой.

Огибая здание Сорбонны, падре Михаэлис шел по улице Сен-Жак, одной из четырех главных артерий сердца Парижа. В этом месте было сосредоточено многое из того, что орден Иисуса считал враждебным. Университет яростно ненавидел иезуитов и старался добиться от короля декрета, запрещающего им преподавать теологию. В коллеже без названия и официального статуса, куда направлялся Михаэлис, Сорбонна угадывала опасного соперника и требовала закрыть единственный официально разрешенный коллеж Билома.

Тем не менее именно на улице Сен-Жак находилась тайная консистория гугенотов, которую два месяца назад штурмовала подстрекаемая священниками толпа. Михаэлис при сем не присутствовал, но слышал такой рассказ: обнаружив в одном из дворцов чудовищную оргию, в ходе которой около сотни кальвинистов спаривались со своими родственниками, священники стали созывать народ, и толпа людей, доведенных до крайности осадным положением, с факелами двинулась к преступному зданию. В окнах замелькали бледные лица, кто-то попытался в панике бежать; выскочившего из дома мужчину растерзали и забили камнями. Подоспевшие жандармы арестовали распутников, которые притворились, что молятся...

Безымянный коллеж располагался во дворце Лангр, сбоку от холма Сен-Женевьев, и находился почти напротив Сорбонны, которую, в свою очередь, ненавидел. Поежившись от холода, падре Михаэлис потянул за шнурок колокольчика. Ему открыл худой, горбатый слуга с седыми волосами.

— Падре Оже у себя?

— Да. И падре Лаинес тоже. Оба уже о вас спрашивали.

Вход в коллеж выглядел скромно, но залы, сообщавшиеся с вестибюлем, были обставлены с роскошью: на стенах картины испанской школы на религиозные сюжеты, дорогая мебель. Это означало, что в данный момент иезуиты были в чести при дворе и у большей части дворянства. Студентов не было видно: скорее всего, они были на лекциях. Дисциплина у последователей Игнация Лойолы отличалась суровостью, но время от времени студенты получали даже уроки танцев. Считалось целесообразным воспитывать юных аристократов в духе общественных традиций.

Михаэлиса провели в душную маленькую комнатку с голыми стенами. За крошечным столом сидели падре Оже и падре Диего Лаинес, возглавивший орден после смерти Игнация. Они оживленно беседовали по-испански. Лаинес сделал Михаэлису знак остаться, и тот беспрепятственно дослушал конец разговора.

— С этой точки зрения мы добились успеха, — говорил глава ордена, человек с жестким, энергичным лицом, сохранивший, несмотря на возраст, абсолютно черную шевелюру. — Интеллектуалы нас ненавидят, но мы сумели завоевать признание народа и большей части дворянства. Теперь гугеноты не рискнут, как два года назад, спекулировать протестами бедняков. Простой люд на нашей стороне, а их считает виновными в своей бедности. Чуть только придет какая-нибудь напасть — они тут же отыграются на гугенотах. И это великолепно.

Падре Оже изобразил почтительное удивление:

— Отчего же тогда вы не так давно определили Францию как слабое звено в Европе?

— Потому что во Франции мы еще не завоевали буржуазию. В Испании ремесленники, зажиточные середняки и мелкие дворяне составляют довольно слабый класс, задавленный крупными аристократами-землевладельцами. Там нетрудно было установить тщательный контроль и заставить корону признать нашу необходимость. Здесь же другое дело. Здесь буржуазия сильна и крепнет с каждым днем. Из нее и выходят гугеноты.

— Позвольте с вами не согласиться, падре. Французский буржуа не интересуется религией, его больше занимают интересы выгоды.

— Здесь вы тоже ошибаетесь. Англия и Германия показали нам, что гугеноты находят сочувствующих среди людей среднего достатка и рабочих, которые воспринимают свое благополучие как знак Божьей милости. Лютер, Цвингли и Кальвин следуют именно такой интерпретации. В результате движение бедняков, как раковая опухоль, распространило свои

щупальца во все слои общества. Но историю делают те, кто живет в достатке, запомните это. Даже если кажется, что все наоборот.

Эдмон Оже развел руками.

— Может быть, вы и правы. Что же мы должны делать?

Умные серые глаза падре Лаинеса чуть сузились.

— Прежде всего — покончить с безрассудными проповедями доминиканцев и францисканцев. Их вековая суровость ведет к тому, что богатые живут в постоянном чувстве вины, и это толкает их ко всякому сброду. С точки зрения иезуитов, это не просто ошибка, но невероятная глупость. Материальное благополучие не есть грех, если оно идет об руку с верой. Именно вера несет с собой порядок, мирное сотрудничество сословий и земное воспроизведение небесной иерархии. Старинная басня Менения Агриппы, хоть и языческая по сути, имеет глубокий смысл: чтобы нормально функционировать, все члены должны двигаться согласованно и составлять вместе единый организм.

— В чем же я ошибаюсь? — немного растерянно спросил Оже.

Во взгляде Лаинеса появилась сердечность.

— О, ни в чем серьезном, успокойтесь. Если я приехал из Рима, это вовсе не означает, что я нахожу неправильными действия ордена во Франции. Вы прекрасно делаете, возбуждая население против гугенотов. Только ваши методы вызывают мятежи скорее против богатых, чем против еретиков. А это очень опасно. Наличие общего врага должно цементировать интересы общества, а не разделять. В противном случае мы рискуем толкнуть буржуазию в руки так называемых реформатов.

Падре Лаинес неожиданно замолчал, словно только что заметил присутствие в комнате Михаэлиса. Он сурово на него взглянул.

— Я вот уже несколько часов, как велел вас найти. Где вы пропадаете?

Михаэлис улыбнулся.

— Падре, вы учили меня, что иезуит, не живущий среди народа, — плохой иезуит.

Глаза генерала ордена смягчились.

— Вы слышали конец нашей беседы. Что вы обо всем этом думаете?

— Думаю, что как королевство Генриха Второго должно объединиться против внешнего врага, так и царство церкви должно объединиться против врага внутреннего. Ненависть может стать проводником любви. Всеобщая ненависть, направленная против тех, кто угрожает власти понтифика, поможет преодолеть разногласия и откроет дорогу гармонии.

— Именно так. Ненависть послужит любви, как грех служит добродетели. Игнаций думал точно так же.

— Отец Оже прав, когда утверждает, что нетерпимость народа обернулась в нашу пользу. Мы защищаем не политическую власть, а власть высшую. Политические кризисы преходящи, а потому нас не интересуют. Нам важно сформировать будущие поколения, а пока необходимо влиться в общество и прожить с ним вместе все кризисы. Ни у бедных, ни у богатых не может быть априорной свободы выбора. Все зависит от того, чья свобода и в какой момент может служить нашим целям, которые неизмеримо выше истории человечества.

Падре Михаэлис хоть и вежливо, но возражал против мнения генерала ордена, которое обсуждению не подлежало. Это было неслыханно. Падре Оже побледнел. Падре Лаинес, напротив, нисколько не обеспокоился. Он немного подумал и сказал:

— Это верно. Я неудачно выразился. Я полностью разделяю ваше мнение.

Михаэлис как не побоялся бросить вызов Лаинесу, точно так же не воспользовался своей победой. Ему подобные вещи были чужды. Он ограничился тем, что спросил:

— Зачем вы искали меня, падре?

— По двум причинам, — ответил генерал, коротко вздохнув. — получил эту рукопись, «Arbor Mirabilis», и тотчас же отослал ее в Германию, нашему другу графу д'Альтемпсу. Я знаю, что он сведущ в разных шифрах и редких языках.

— Вы прекрасно поступили, отец мой. Кроме всего прочего, я что-то слышал о том, что эта греховная книга написана немцем. Если желаете, я расскажу вам...

Лаинес замахал руками, и на его безымянном пальце сверкнул в свете свечи массивный перстень.

— Нет-нет, у меня и без этого дел полно. Впрочем, пришлите мне письменный отчет.

Он снова вздохнул.

— Мне известно, что Игнаций благословил вас возглавить инквизицию во Франции. Это так?

— Да, падре, — ответил Михаэлис в тревоге.

Он очень опасался «вето».

— Это было бы весьма желательно. Но вы ведь знаете, что мы, иезуиты, предпочитаем держаться за кулисами. В настоящий момент инквизицией Франции руководит близкий нам человек — кардинал де Лорена, из дома герцогов де Гизов. Лучше будет не смещать его, а всячески усиливать наше влияние на него. Вы со мной согласны?

Михаэлис склонил голову. Он лелеял надежду стать великим инквизитором Франции. Теперь генерал погасил эту надежду. Ему оставалось только повиноваться, *perinde ac cadaver*, аки мертвецу. Это было и к лучшему: теперь он понимал, что желание его греховно и эгоистично.

— Вы совершенно правы. Я поступлю согласно вашим пожеланиям.

— Тогда ступайте, и да пребудет с вами мое благословение.

Это означало конец аудиенции, но Михаэлис медлил поклониться и уйти. Он остался на месте и прошептал:

— Мне хотелось бы спросить ваше мнение, падре Лаинес.

— Говорите.

— Насколько трудно будет освободить с нашей помощью одну из арестованных на улице Сен-Жак? Она не только ни в чем не повинна, но и во многом может быть нам полезной...

Генерал фыркнул.

— Вопрос, заданный в такой форме, не может иметь ответа. Я не знаю деталей и знать не хочу. Не хватало мне еще заниматься всеми мелкими происшествиями по всей Европе. Решайте сами, полезно нам или нет ее освобождение: кураторы провинций — провинциалы нашего ордена пользуются полной автономией. Мне нужна только ваша письменная реляция.

У Михаэлиса перехватило дыхание.

— Кураторы провинций? Но я не куратор провинций!

— С этого момента вы им назначены. Под вашим началом Париж и Южная Франция. А теперь, прошу вас, не путайтесь под ногами.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА

Старый капитан Сюфрен, по назначению бальи исполнявший обязанности сутенера в борделе у Когосских ворот, волнуясь, закончил читать вслух.

— Прекрасно написано, — сказал он, ставя на место канделябр, который держал над книгой. — Одна из фрейлин маркизы Мантуанской стыдится плотской любви и принимает монашество. В этой истории содержится глубокая мораль.

У пятерых девушек, живших и работавших в борделе, глаза были полны слез. Одна из них, брюнетка с детскими чертами лица, вытерла слезы платочком и шмыгнула носом:

— Да, мораль есть, но не та, о которой вы говорите. Девушка через плотскую любовь познает любовь духовную. Когда ей становится мало земной любви, она открывает для себя всю полноту любви Господней.

Сюфрен поднял указательный палец.

— Бланш, не пытайтесь найти на этих страницах оправдание вашей жизни.

Девушка вскинулась:

— Я не согласна! Смысл именно такой, как сказала я!.. А вы, доктор Нотрдам, что об этом думаете?

Мишель, сидевший на диване рядом с самым известным хирургом Салона Жерве Бераром, отечески кивнул:

— Я больше согласен с тобой, чем с нашим приятелем Сюфреном. Маргарита Наваррская вовсе не собиралась обесценить физическую любовь. И фрейлина, и ее возлюбленный занялись бы ею без тени стыда, если бы маркиза не чинила препятствий. И фрейлина открыла для себя, что тело — всего лишь весьма посредственноеместилище души, которая вечно норовит из него ускользнуть, чтобы достичь высших сфер бытия... Что вы об этом думаете, Жерве? Я вижу, вы в замешательстве.

Хирург, человек средних лет, с уже седеющими волосами и круглым, полным лицом, встрепенулся:

— Я думал о другом. Как называется книга?

— «История счастливых влюбленных», — ответил Сюфрен, поглядев на титульный лист.

— На самом деле счастливее всех оказалась Маргарита Наваррская, умершая десять лет назад. Останься она жива, она бы увидела, что ее дочь Жанна д'Альбре вместе со своим мужем Антуаном Бурбонским стала гугеноткой. Наваррское королевство во Франции сравнялось с кальвинистской Женевой: настоящее змеиное гнездо.

От этой жесткой дефиниции Мишеля передернуло. Он сдержат гневные слова и постарался говорить спокойно:

Маргарита отличалась толерантностью ко всем.

— Даже слишком. И ее новелла дает понять почему. Она ни католичка, ни гугенотка, а руководствуется скорее идеями Плотина или Гермеса Трисмегиста. Это бы очень понравилось моему брату Франсуа, который тратит время на алхимию.

Мишель почувствовал, как гнев переполняет его. К счастью, все пятеро девушек запротестовали хором, а Бланш высказалась за всех сразу:

— Что за скучные и непонятные разговоры! По мне, так важно одно: вы, мужчины, презираете женщин, а потом оказывается, что одна из них — великая писательница. А вам не приходит в голову, что вы ошибаетесь?

Жерве Берар цинично ухмыльнулся.

— Нет, малышка. Известно, что между ног королевы холодны, как ледники или как святые. Возьми хоть Екатерину Медичи. Бывают мужчины-евнухи, но женщин-евнухов не бывает. Женщины отказываются от самоистязания, они хрупки и непостоянны и счастливы только тогда, когда подчиняются самцу.

Грубость этого выпада сразу же обнажила сущность борделя, завуалированную чтением редкостной новеллы. В таком маленьком городке, как Салон, не существовало иерархии среди проституток, как в Париже, Лионе или Бордо. Здесь не было куртизанок высокого полета, которых посещали бы дворяне и прелаты, но зато не попадалось и несчастных беспризорниц, вынужденных по ночам выходить на улицы. Если иерархия и существовала, то минимальная. Были девушки в тавернах, чьими клиентами становились грузчики и прочий рабочий люд, и имелся один официально разрешенный бордель под началом мадам Катрин Галин, в управлении которым принимали участие городские власти.

Бордель располагался на краю квартала буржуа, и буржуа были его основными клиентами. Круг довольно изысканный, и ни о каких меркантильных отношениях тут не могло быть речи. Дорогие ковры, мебель с претензией на элегантность, несколько картин и множество зеркал заставляли думать, что здесь разворачиваются вполне невинные события. Отчасти это было верно. Многие посетители, в том числе и Мишель, приходили сюда скорее, чтобы поболтать с друзьями в пенном облаке хорошеньких девушек, чем ради удовлетворения животных страстей.

Это не мешало борделю становиться первой ступенькой деградаций для девушек,

живших там на положении затворниц. Второй ступенькой к падению была таверна, третьей — нищета и последней — возвращение к той голодной жизни, от которой они спасались в борделе. Неизбежным следствием такого существования был стремительный физический упадок, как правило, сопровождавшийся болезнями, которые не только никто не умел лечить, но даже не думал изучать. Впрочем, все это рассматривалось как естественная расплата за путь греха.

В этот вечер у Мишеля разболелись ноги, и его выводила из себя вульгарность Жерве Берара. Он терпел Жерве только из уважения к его брату Франсуа, с которым дружил.

— Сударь, ваши суждения о женщинах оскорбительны не только для присутствующих барышень, но также для моей жены и матери, — отрезал он. — Я требую, чтобы вы принесли извинения.

Жерве Берар удивился, однако после секундного замешательства расхохотался.

— Перед кем я должен извиняться? Перед этими курочками? Что же до вашей жены... Она единственная, перед кем я бы извинился лично.

— Уймитесь, господа, — проворчал капитан Сюфрен, которому не впервой было разнимать и не такие схватки.

В последнее время Мишель часто сердился по пустякам. Может, тому виной была подагра...

— Господин Берар, еще раз прошу вас извиниться перед всеми присутствующими, включая девушек, — отчеканил он угрожающим тоном. — В противном случае вам придется иметь дело со мной.

— С вами? — Смешок Жерве прозвучал просто бесстыдно. — Да что вы мне можете сделать? На дуэль вызовете? Вы же слабы на ноги. Да и на то, что между ног, видно, тоже. Сколько я вас тут встречаю, ни разу не видел, чтобы вы повели кого-нибудь наверх. Вы только щупаете девчонок да иногда целуете.

Так оно и было, но Мишелю не хотелось это обнародовать.

— Немедленно возьмите свои слова обратно, иначе я заставлю вас горько пожалеть, — хрипло прошептал он.

Черные глаза Жерве Берара сверкнули злобой.

— Я знаю, почему вы никогда не показываете свое оружие, — прошипел он. — Это черным по белому написано в брошюре «Monstre d'abus»¹³: вы еврей, и вам неохота, чтобы все увидели, что вы обрезаны.

Самая юная из девушек, рыжеволосая, с грубоватым лицом, по имени Франсуаза, отчаянно запротестовала:

— Вранье! Доктор де Нотрдам вовсе не обрезан, могу поклясться!

Мишель был вне себя, но хорошо знал, что хирург только и ждал, когда он взорвется.

— Мне известна брошюра под названием «Monstre d'abus». Ее написал гугенот, и напечатана она, скорее всего, в Женеве. Вы действительно согласны с тем, что там написано?

Жерве Берар внезапно побледнел. Костры, на которых жгли гугенотов, истинных и мнимых, горели по всей Франции.

— Нет, я истинный католик, я только...

Мишель не дал ему закончить:

— Учитывая тот факт, что я не при оружии, может, вы и правы. Но учтите: меня знают при дворе, и во всей Европе у меня есть корреспонденты. Я пользуюсь дружеским расположением властей Салона. Скрести мы шпаги, вы, конечно, меня одолеете. Но если начнем тягаться влиянием, боюсь, что вам придется сменить ремесло.

Бланш захлопала в ладоши:

— Браво, Мишель! Вы при яйцах, хоть их никогда и не показываете!

Берар вскочил и стремительно вышел, невольно втянув голову в плечи. С нижнего

¹³ Чудовище заблуждения (фр.)

этажа донесся звук хлопнувшей двери.

Мишель тоже поднялся, нетвердо держась на больных ногах.

— Мне тоже пора, — сказал он. — Простите, если спугнул клиента.

— Некоторых клиентов лучше и потерять, — заметил капитан Сюффрен с высоты своего официального положения.

Пять улыбающихся и довольных девушек окружили Мишеля. Самая высокая из них, голубоглазая блондинка с фигурой Юноны, погладила его по бороде.

— Спасибо, доктор. Так редко случается, что нас защищают. Можно, я вас поцелую?

— Что ты, Мариетта, — ответил Мишель, слегка оробев. — Я не сделал ничего особенного.

Тогда девушка проворно сбросила бретельки легкой туники и приподняла руками роскошные груди.

— Тогда поцелуйте их. Я знаю, что они вам нравятся.

— Нет, Мариетта, — сказал Мишель, ласково улыбнувшись. — моим возрасту я должен только любоваться твоей красотой. Твоей и твоих подружек.

Несмотря на боль в ногах, он почти бегом сбежал по лестнице, вышел на улицу и, глубоко вдохнув вечерний воздух, зашагал к дому.

Теперь ему предстояло самое трудное. Дав ему понять, что она знает о его эскападах к Когосским воротам, Жюмель больше об этом не заговаривала. Мишелю же надо было выговориться, может, для того, чтобы отказаться наконец от этого развлечения, может, чтобы объяснить ей, зачем он туда ходит. Но она молчала, и у него недоставало мужества самому начать разговор. Ему нечего было сказать в свое оправдание. Да он и сам не знал, что толкало его в дом возле моста. Анализируя свои поступки, он вдруг понял, что просто стремится оттянуть неизбежное приближение старости.

Любой другой мужчина в Салоне продолжал бы тайком наведываться в бордель, а жену бы побил за то, что осмелилась ему перечить. Но их отношения с Жюмель резко отличались от принятых в те времена отношений между мужем и женой. Пусть она сквернословила, была вульгарна, непослушна и капризна, но она одна его действительно понимала, и их связывали узы крепкой дружбы. Они не случайно были на «ты», хотя в ту эпоху было принято говорить супругу «вы». Ритуал, когда они своей любовью уничтожили ауру ненависти Ульриха, был свидетельством этой близости.

И все же бордель у Когосских ворот провел между ними борозду. Днем их отношения были почти нормальными. Однако по пятницам, когда наступал вечер и она поднималась вверх к детям, он тайком выскальзывал из дома и бесшумно возвращался поздней ночью. По молчаливому взаимному согласию их физическая близость прекратилась. Только очень редко Жюмель, движимая скорее жадой материнства, изо всех сил прижималась к Мишелю, добиваясь проникновения. Дети, казалось, помогали ей заполнить возникшую чувственную пустоту, которая давала о себе знать все острее.

Обычно по ночам вопрос чувственного контакта даже не возникал. Она отправлялась спать, часто беря с собой кого-нибудь из детей. Он всю ночь просиживал в своем кабинете под крышей, не сводя покрасневших глаз с крутящегося кольца, которое разворачивало перед ним картины, одна другой ужаснее. Так продолжалось до тех пор, пока ноги не начинало сводить от боли, и тогда все тело мучительно вздрагивало, предчувствуя неминуемое наступление старости.

Погруженный в свои мысли, он не заметил, как у него за спиной затормозила двуколка. Чей-то приветливый голос вывел его из задумчивости:

— Доктор Нострадамус! Доктор Нострадамус!

Мишель огляделся и понял, где находится. Он был на главной улице квартала Ферейру перед домом Антуана Марка, брата первого консула Паламеда. Антуан Марк управлял экипажем, а рядом с ним сидел аптекарь Франсуа Берар. Он-то и позвал Мишеля. Уже почти стемнело, но свет фонарей позволял ясно различить их лица.

— Мишель, я знаю о вашей ссоре с братом, — взволнованно сказал Франсуа. — Прошу

у вас прощения от его имени. Он всегда был грубияном, и это доставляло нашей семье немало неприятностей.

— О, вам вовсе не надо извиняться.

Мишель был раздосадован, что его отвлекли от размышлений, но постарался улыбнуться.

— Инцидент исчерпан, если он действительно имел место. И уж конечно, вы к нему непричастны.

— Хотите, подвезу вас до дома?

— Мой дом в двух шагах.

— Это солидное расстояние для того, кто страдает подагрой.

Мишель почувствовал себя слегка униженным. Конечно, все знали о его болезни, но он предпочитал видеть себя сильным и властным мужчиной, далеким от земных невзгод.

— Спасибо, я прекрасно доберусь сам.

Антуан Марк наклонился к нему.

— Все равно садитесь, доктор. Я ищу вас весь вечер. У меня для вас известие.

— Известие? От кого?

— Он назвался вашим другом, но я ему не очень-то верю. У него такое зловещее, перекошенное лицо... Его зовут доктор Пентадиус.

Дрожь прошла по телу Мишеля. Он почувствовал сильное головокружение и тошноту. Голос сразу осип, хотя и звучал спокойно.

— Спасибо, я сяду в экипаж. Но тут нет места...

— Не беспокойтесь, я выхожу. Я уже дома, — сказал Франсуа Берар.

Аптекарь почти втащил Мишеля на сиденье. Как только он уселся, Антуан Марк тронул поводья. Мишель едва успел распрощаться с Бераром.

— Триполи, где вы встретили Пентадиуса? Он явился к вам в дом?

Триполи было прозвище Антуана Марка, которое он получил за склонность к путешествиям с приключениями. Теперь ему было около пятидесяти, и он оброс жирком, но в молодости побыл и шпионом, и искателем приключений, и повоевал в самых разношерстных войсках. По крайней мере, он сам так утверждал. Жители Салона, южане до мозга костей, слушали его байки разинув рот.

Триполи отрицательно покачал головой.

— Нет, я встретил его на улице. Он остановил свою карету рядом с моей двуколкой. С ним рядом сидела пышнотелая дама под черной вуалью. Когда Пентадиус меня окликнул, я решил, что он обознался, но он назвал меня по имени и оказался знаком с вами.

— И что он вам сказал? — нетерпеливо спросил Мишель.

— Он просил передать вам, что ваш учитель при смерти и находится в каком-то итальянском местечке. Перед смертью он хотел бы вас повидать и попросить у вас прощения.

— А вы не помните, как называется место?

— Нет, я даже у него не спросил. Уж очень у него рожа бандитская. Он говорил о какой-то «гробнице триумвира», которую вы якобы знаете.

Триполи скорчил свирепую гримасу, так хорошо известную во всех тавернах Салона.

— Если бы этот тип попался мне в темном переулке, я бы — вжик-вжик! — распорол ему брюхо шпагой. В Африке и Вест-Индии мне встречались такие типы с бегаящими глазами, и я ни одного не оставил в живых.

Мишель не обратил внимания на бахвальство приятеля. Всю оставшуюся дорогу он молчал. У него имелись мысли насчет «гробницы триумвира», вернее, они имелись у Парпалуса, который их нашептал. Надо бы его расспросить. Но он вовсе не собирался ни снова увидеть Ульриха, пусть и при смерти, ни выслушивать его предполагаемые просьбы о прощении.

— Через несколько дней я поеду в Италию, — продолжал Триполи. — По делам консистории Лиона мне надо повидать нашего брата Пьеро Карнесекки. Мы считаем, что

настало время вооруженных действий против этих мерзавцев католиков, пока они всех нас не перебили. Пары сотен хорошо обученных гугенотов хватит, чтобы преподать папистам хороший урок. Но мы должны согласовать это с Карнесекки, который основал консисторию и является нашим пастырем.

Эти слова вызвали у Мишеля сильную досаду. Он знал, что Триполи гугенот, да тот никогда этого и не скрывал, словно не понимал, насколько теперь это стало опасным. Природная толерантность провансальцев сильно пошатнулась. И если насилие, царившее в Париже и в Северной Франции, распространится и здесь, то Триполи не спасет ни то, что он брат первого консула, ни то, что он друг графа Танде. Меньше всего Мишелю хотелось, чтобы его втягивали в религиозные конфликты.

К счастью, они уже подъехали к его дому.

— Спасибо за приглашение подвезти, Антуан. К сожалению, ноги не позволяют мне столько путешествовать, сколько я бродил в юности. И приглашение Пентадиуса — не самое заманчивое.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Триполи, помогая ему сойти. — Я заеду попрощаться перед отъездом.

— Для вас мой дом всегда открыт.

Мишель подождал, пока экипаж отъедет, и заковылял к дому. Уже стемнело, и улица была ярко освещена светом, льющим из окон первого этажа. Жюмель обычно укладывалась рано, но нынче, должно быть, еще не ложилась. Это делало его возвращение малоприятным. Но бродить по улице, пока она не заснет, у него не было сил.

Он полез за ключом, но вдруг понял, что дверь приоткрыта. Он осторожно вошел в дом. Все светильники в коридоре были зажжены, но ярче всех сияла гостиная. Уж не хочет ли жена устроить ему сцену? Он сглотнул и двинулся в комнату.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что в гостиной на диване сидит их служанка Кристина, на руках у нее годовалый Андре, Шарль, притулившийся головкой к подлокотнику, спит, а Магдалена и Сезар играют на полу.

— Где Жюмель? — спросил он, стараясь отогнать охватившее его мрачное предчувствие.

Кристина в смущении распахнула голубые глаза.

— Она уехала, — сказала она тихо.

— Уехала? Как это уехала? — Мишель не мог поверить в то, что услышал.

Кристина указала на сложенный вчетверо листок бумаги на столе.

— Прочтите письмо. Наверное, там все сказано.

Мишель схватил бумагу, но, прежде чем прочесть, спросил:

— С кем она уехала? Мне кажется, к ней приходил незнакомец, верно? — Голос у него задрожал.

— Я никого не видела, — ответила Кристина, покачав головой. — Думаю, все сказано в письме. Единственное, что я могу сказать, так это то, что мадам долго паковала багаж.

— Я знаю, с кем она уехала, — мрачно прошептал Мишель.

Он подошел поближе к светильнику и развернул письмо. Почерк был корявый, и почти в каждой строке грамматические ошибки, что очень затрудняло чтение. Но смысл письма был предельно ясен.

С первой строки уверенность Мишеля улетучилась. То, что он прочел, в переводе на понятный язык выглядело так.

Дорогой Мишель!

Я решила оставить этот дом, может быть, навсегда. Не думай, что это было легкое решение. Я оставила детей, и сам можешь представить, какого страдания мне это стоило. Но я совершенно не представляю, как взять их с собой.

Ты был любящим мужем, и со временем наши отношения стали прекрасными. Не думай, что я упрекаю тебя за визиты в бордель. Ты прекрасно знаешь, что я была

такой же, как тамошние девушки, и понимаю, что их посетители зачастую ищут вовсе не физического удовлетворения. В твоём случае я полностью исключаю плотскую страсть. Я была бы рада, если бы ты, поняв, что я все знаю, сам бы откровенно обо всем рассказал. Но ты этого не сделал. Однако, повторяю, дело не в этом.

Дело в том, что как у тебя есть своя жизнь, так и у меня есть своя. Юность моя прошла нелегко, но мало кто из женщин был в юности так свободен, как я. За ощущение, что принадлежишь только самой себе, я заплатила унижениями и насилием. Именно это заставило меня научиться читать и писать. Жизнь в таверне не кончается, когда уходят посетители. Она только начинается. Так называемые падшие женщины живут своей жизнью, о которой мужчины даже не подозревают. А у семейной женщины своей жизни нет. Она посвящает себя либо детям, либо мужу. Муж может очень любить ее, но эта любовь для многих превращается в цепи. Ты существуешь не сама по себе, а только вместе с другим человеком. Многие женщины безропотно принимают ярмо. Я — нет, у меня не получается. Я пришла с улицы, где принадлежала только себе. И я не могу больше жить жизнью наседки.

Кончаю, потому что знаю, что ты не разберешь мои каракули. Но я должна была тебе хоть как-то все это сказать. Я уйду искать свою судьбу далеко отсюда. Прошу тебя, позаботься о детях. Оставляю тебе все, что имею, от дома до личного имущества. Может быть, когда-нибудь увидимся.

Прощай.

Анна Понсард, по прозвищу Жюмель

Мишель несколько мгновений стоял неподвижно, ошеломленный, потом скомкал письмо в кулаке.

— Проклятый Пентадиус! — крикнул он в бешенстве. — Кого ты думаешь обмануть? Да ни одна женщина в мире не напишет такой чертовщины!

Он снова подступил к Кристине:

— Ты уверена, что никого не видела у дверей? Двуколки, лошади? И не вздумай врать!

Испуганная девушка замотала головой. Дети заплакали.

— Собери мои вещи, — сухо приказал Мишель. — Я должен найти Пентадиуса и освободить Жюмель.

И прибавил вполголоса:

— Гробница триумвира. Там-то я и найду всю окаянную шайку.

ВЫЗОВ

Падре Михаэлис был поражен. Он никогда не думал, что гугенотов так много и что они такие наглецы. Весь левый берег Сены, от аббатства Сен-Жермен до башен Лувра на том берегу, полыхал факелами. К 13 мая 1558 года тысячи людей съехались в Париж со всей Франции. Шесть дней спустя они все еще были здесь, и количество их все возрастало. Псалмы, которые они распевали (и среди них «Judica tua, Domine»¹⁴, в переводе швейцарца Теодора Безе, звучавшие как угроза королю Франции), были слышны даже в Сорбонне.

— Брат, ты без факела, — сказал Михаэлису выросший у него за плечами здоровенный детина. — Возьми мой, я добуду себе другой.

В руке Михаэлиса оказалась какая-то тлеющая головешка. Неверное, тусклое пламя вызвало в памяти стихи странствующего поэта Аргюса Дезире:

Prenez ceux des conventicules
De nuict aux conciliabules

¹⁴ Суд твой, Господи (лат.)

Et le mettez tous dans le feu.

Возьмите тех, кто посещает тайные сборища
И ночные шушуканья,
И бросьте их всех в костер¹⁵.

Бедный норманнский священник, призывая отправить на костер всех гугенотов, и представить себе не мог, что тайные сборища и ночные шушуканья со временем превратятся в хорошо структурированную религию и массовые собрания. Каковым и являлось печальное зрелище, которое наблюдал Михаэлис. Несметная толпа гугенотов занимала Пре-о-Клерк, на просторном травянистом поле расположились на отдых парижские студенты. Кроме всего прочего, многие из присутствующих были вооружены. По полю то и дело проезжали всадники с пиками наперевес или со шпагами наголо, обеспечивая порядок. На самом же деле они были призваны предотвратить внезапные вылазки жандармов из Шатле.

— Посторонись! Посторонись! — слышались возбужденные голоса.

Падре Михаэлис выронил факел, начавший жечь пальцы, и отошел в сторону. В образовавшемся коридоре показались кони маленького кортежа, и он разглядел короля Наварры Антуана де Бурбона верхом на гнедом коне. Рядом с ним, прямо держась в седле, ехал его брат, принц Конде. За ними, сгибаясь под тяжестью арбалетов, следовали пешие воины. Толпа радостными криками приветствовала кулеврину¹⁶, которую тащили мулы.

Тут толпа сомкнула ряды, и Михаэлис оказался зажат со всех сторон. Орудую локтями, он протолкался к помосту, на котором уже занимали места король Наварры, принц и их свита. Стояла теплая лунная ночь.

Он уже знал, что Антуан де Бурбон не собирается обращаться к народу с речью. Должен был последовать прямой вызов Генриху II, и без того уже ожесточенному непомерно разросшейся церковью кальвинистов. И действительно, король не сказал ни слова и ограничился тем, что запел вместе с толпой псалмы. Говорить готовился пастор Пьер Давид, рядом с ним стоял еще один пастор: Франсуа де Гаи, по прозвищу Буанорман.

Давид изо всех сил старался утихомирить толпу, и наконец площадь стихла. Его слова не долетали до отдаленных уголков Пре-о-Клерк, и добровольцы из толпы громко их повторяли, чтобы могли услышать те, кто стоял в отдалении. Над площадью зазвенело эхо, торжественно повторявшее каждую фразу. В результате получился грандиозный спектакль не только для глаз, но и для ушей. Михаэлис был этим встревожен вдвойне.

— Братья, мой долг — очень серьезно вас предупредить! — выкрикивал пастор. — С сегодняшнего дня парламент запретил группам вооруженных людей собираться в позднее время для пения псалмов. Понимаете, на кого нацелен этот приказ?

Гневный вопль взвился над площадью, и по нему нетрудно было догадаться, каков был ответ. Вопль этот многократно повторялся по мере того, как слова пастора передавались к дальним рядам слушателей. Рядом с Михаэлисом какая-то женщина подняла над головой судорожно сжатые кулаки, а несколько горожан угрожающе схватились за шпаги, висевшие на поясах.

— Мало того, что невинных людей сожгли заживо, — продолжал Давид. — Мало того, что замучили многих женщин, отрубая им руки, ноги и вырывая языки, и все только за то, что они говорили правду. Теперь нам хотят запретить петь псалмы. Так вот, я вам скажу, что такой богохульный приказ мог отдать только Сатана в человеческом облике!

Снова раздался вопль гнева. Вверх взметнулись факелы; казалось, вспыхнула Сена и

¹⁵ Перевод О. Егоровой.

¹⁶ Кулеврина — пицаль. Ранние пицали были очень тяжелы, неповоротливы и могли иметь по несколько стволов. (Прим. перев.)

огонь вот-вот достанет до дворцов на том берегу.

— Сатану зовут Генрих! — взвизгнул кто-то. — А его демоны — это Гизы!

— Смерть Гизам! Смерть Гизам! — взревела площадь.

Давид поднял руку, требуя тишины.

— Успокойтесь, братья. Мы должны действовать хладнокровно. Завтра праздник Вознесения, и вся католическая нечисть выйдет на улицы со своими образами и статуями. Вот подходящий случай испытать наши силы. Предлагаю на рассвете тоже выйти на улицы и расстроить ряды священников во всем городе. Если мы вторгнемся в скопища фанатиков, несущих языческие изображения, то сомнем их, ибо наша религия истинная! Но наша цель — не насилие. Мы хотим, чтобы суверен и правители Франции поняли, что церковь Реформации — реальная сила, которую не одолеть ни кострами, ни декретами. А теперь скажите мне: вы согласны с моим предложением?

Ответом был такой оглушительный рев, что сомневаться не приходилось. У падре Михаэлиса появилась уверенность, что назавтра произойдет серьезная стычка. Идя на собрание по городу, он видел, как простолюдины из католического братства привязывали к шестам знамена. Парламентский запрет на собрания делал неизбежным вмешательство жандармов, а то и морской гвардии, расквартированной в городе со времен осады. Это могло расстроить все его планы.

Он вдруг зашпешил по направлению к Сене, расчищая себе дорогу пинками. Гугеноты снова принялись петь до потери дыхания, но теперь их пение обрело угрожающий характер. Лошади под дворянами переступали копытами, словно предчувствуя неминуемую схватку.

Михаэлис остановился только раз. В толпе гугенотов он заметил человека, с которым уже встречался раньше. Его звали Жак-Поль Спифане, и он снискал себе шумную скандальную репутацию из-за связи с высокопоставленным любовником и множеством мальчиков. Потом, пользуясь тем, что католическая церковь откровенно закрывала глаза на плотские грехи духовенства, он сделал блестящую церковную карьеру. Теперь, насколько знал Михаэлис, он стал епископом Невера и был близок ко двору Екатерины Медичи. Меньше всего он ожидал встретить Спифане здесь, в светском платье, распевającego псалмы вместе с гугенотами.

Он взял это открытие на заметку и поспешил скрыться, пока Спифане его не обнаружил. Добравшись до Сены, он спустился по каменной лестнице к самой воде. Уже совсем стемнело, но в свете факелов дорогу можно было различить. Он вышел на причал и остановился там, где сходни вели на одну из многочисленных плавучих мельниц, колыхавшихся на воде. Большое колесо медленно вертелось, поскрипывая на ходу.

Михаэлис по мостику прошел в свайную постройку. Просторный вестибюль здания был хорошо освещен коптящими светильниками и заставлен мешками с мукой. Звать не понадобилось: Джулия сама вышла из-за тюков и бросилась к нему.

— Ой, как хорошо, что вы пришли! — взволнованно вскричала она. — Я тут совсем одна, и мне страшно.

— В тюрьме вы тоже были одна.

— Не совсем. Там я была в компании других арестанток, гугеноток, настоящих или подозреваемых. Я надеялась только на вас, и вот вы явились как по волшебству. Вы спасли меня от тюрьмы, и теперь я ваша должница. Ведите меня, куда хотите, и я буду вам служить.

Михаэлис постарался улыбнуться.

— Вы действительно хотите уйти из этого убежища? Я, конечно, выполню ваше желание, но имейте в виду: в Париже сейчас неспокойно, особенно если идти через город пешком.

Падре Михаэлис ни за что бы себе в этом не сознался, но он был порядком смущен. Несмотря на порванное платье и длинные нечесанные волосы, Джулия была необычайно привлекательна. Может, из-за сверкающих голубых глаз, может, из-за того, что шелковая рубашка, прикрывавшая грудь, обнажила плечи. Она и вправду очень походила сейчас на мать, герцогиню Чибо-Варано, какой ее увидел Михаэлис, когда она освобождала из тюрьмы

Мишеля Серве: гордая, решительная, прекрасная.

Но член ордена иезуитов никак не мог позволить себе подобные мысли. К чужим плотским грехам иезуиты были чрезвычайно терпимы, особенно если эти грехи служили высоким целям. Однако их собственное поведение было безупречно. Не случайно на Тридентском соборе их представители так отчаянно защищали тезис о непорочности Марии даже после рождения Иисуса. Они отстаивали бескомпромиссную девственность служителей Бога. Всяческие нарушения были простительны несовершенной человеческой натуре, но Божьи солдаты обязаны были соблюдать строжайшую дисциплину и держаться подальше от греха, который, из соображений стратегических, был извинителен у всей паствы, включая высшее духовенство.

Джулия, должно быть, заметила смущение Михаэлиса и улыбнулась:

— Мне известно, что творится в городе. Сюда долетает шум, к тому же, сознаюсь, я все время выглядываю посмотреть. Думаю, стычка неизбежна. Завтра Вознесение, из каждой парижской церкви выйдут процессии, и будет чудом, если ничего не случится.

Она поправила спустившуюся с плечика шелковую рубашку, словно не понимая, что это на первый взгляд стыдливое движение только усилит замешательство иезуита.

Падре Михаэлис поспешил опустить и отвести глаза.

— Я тоже уверен в том, что опасность беспорядков существует. Лучше всего будет вам отсюда никуда не двигаться.

— Нет. Мельница плавает почти на середине реки, разделяющей враждующие стороны. Ее легко поджечь или утопить. К тому же проигравшие наверняка будут рассматривать ее как последнее убежище.

Михаэлис был вынужден согласиться. Уже две недели он прятал Джулию на мельнице, и ему нравилась идея держать ее здесь и дальше, чтобы она с нетерпением ждала каждого его появления. Но она была права.

— Соберите вещи, и пойдём.

Джулия развела руками.

— У меня нет ничего, что стоило бы унести с собой. Платья и украшения отобрали еще в Шатле, и теперь, наверное, их носит жена какого-нибудь наместника или прокурора.

— Тогда пошли.

Падре Михаэлис вывел Джулию наружу. Луна уже поднялась довольно высоко, а гугеноты все еще распевали псалмы, опьяненные идеей овладеть городом. Никто не обратил внимания, как из мельницы вышли мужчина и женщина и быстро зашагали по берегу. Перейти по мосту на берег, противоположный Пре-о-Клерк, не составляло труда. Михаэлис не собирался возвращаться в коллеж Сен-Жак, расположенный слишком близко от собрания еретиков. Он не знал, куда идти, но по дороге ему пришла мысль.

Джулия повисла у него на руке.

— Прошу вас, скажите, вы добились моего оправдания или только освобождения из-под стражи?

— Только освобождения. Оправдание вы можете получить только либо в результате расследования, либо по завершении процесса. Расследование еще идет.

— Значит, с минуты на минуту меня снова могут арестовать. Вы меня не освободили, а только помогли бежать. Вот почему вы меня прятали все это время...

— Не думайте об этом. Предоставьте действовать мне. В тюрьму вы не вернетесь, будет с вас и этого.

Михаэлис взглянул на лицо, которое стало еще прекраснее в лунном свете. Ему было приятно чувствовать на своей руке тонкую руку.

— Обвинение, выдвинутое против вас, зыбко и коварно. Вы были подругой мадам Лонжюмо, вдовой еретички. Эта дружба оказалась из тех, что дорогого стоят.

— Но я познакомилась с ней при дворе! Она была среди фрейлин королевы!

— Это ничего не значит. Она была не единственной из придворных дам, кому палач вырвал язык. В этом королевстве пощады кальвинистам не будет.

Тем временем они дошли до конца моста, ведущего к собору Нотр-Дам, единственного, на котором не собирались живописные шайки бандитов, маскирующихся под нищих, и нищих, готовых отразить происки карманников. Подобных подонков здесь не было, но ночная жизнь была ключом. Несмотря на поздний час, напротив собора горели несколько светильников. Время от времени вспыхивали стальные клинки, которые передавались из рук в руки и распределялись теми, кто предпочитал оставаться в тени.

— Сомнений нет, — прошептал Михаэлис, — завтра прольется кровь.

Он заметил, что пальцы его спутницы задрожали, и попытался успокоить ее, насколько позволяла темнота.

— Не тревожьтесь. До боевых действий еще много часов.

— Я не об этом думала, — ответила она дрогнувшим голосом. — вспомнила казнь мадам Лонжюмо. Она была доброй, нежной женщиной. Как же могли христиане замучить такое беззащитное создание?

Падре Михаэлис оцепенел.

— Друг мой, церковь приложила немало усилий, чтобы заставить всех признать себя единственной носительницей порядка в этом мире безграничного варварства. Даже там, где она не имеет прямого влияния, ей удалось предложить или установить общие правила и заставить власти их принять. Победа гугенотов вернула бы личную свободу сознания, и весь политический и моральный проект рухнул бы с крайне разрушительными последствиями. Обстоятельства диктуют нам довольно жесткие методы. На кону выживание мира, который держится на разделенных убеждениях.

— Насилие не может быть основой долговечного общества.

— Верно, не может. В этом и заключается то, что разделяет нас, иезуитов, и доминиканцев с их инквизицией: мы прежде всего стремимся завладеть сознанием. Но если зло укоренилось, мы тоже охотно беремся за меч. В большинстве же случаев предпочитаем воспитание и убеждение. И еще прощение, которое и есть основа Римской церкви.

Рассуждая, падре Михаэлис соображал, какое бы надежное убежище найти на этом берегу Сены. В центре острова Нотр-Дам было много дворянских домов, в которые можно было бы постучаться. И столько же их виднелось за другим мостом, начиная с дома, дружественного Гизам. Но Михаэлис не доверял ни дворянам, ни простолюдинам. В его глазах они были коррумпированы и коварны, хотя попадались и исключения. Гораздо больше он доверял трудолюбивым буржуа. Именно из этого класса вербовали себе сторонников гугеноты, и именно буржуа пополняли ряды иезуитов лучшими адептами. Эти люди наиболее чутки к обновлению католической церкви, не революционному, но и не консервативному.

После недолгого колебания он повел Джулию по улице Сен-Луи, где обитали по преимуществу адвокаты, врачи без обширной клиентуры, ремесленники и лавочники.

— Я отведу вас в дом одного моего друга, — сказал он. — Он охотно примет вас.

— Здесь тоже завтра развернется сражение, — заметила Джулия.

— Поверьте мне, здесь не будет очень жарко. Известно, что в сердце циклона всегда есть спокойная зона, а спокойствие — величина абсолютная. Вот увидите, стычки будут в других местах.

Он остановился перед двухэтажным домом, не отличавшимся особой элегантностью отделки, и несколько раз потянул за цепочку колокольчика, прежде чем на втором этаже открылось окно. Из него высунулась разозленная служанка с подсвечником в руке. Язычок пламени делал гротескным ее и без того грубое лицо.

— Кого вам надо в такое время? Господина Фабри нет дома, а господин Видель только что вернулся из Лиона. Он спит, и я ни за что на свете не стану его будить.

— Разбудите, — сказал Михаэлис тихо, но жестко. — Скажите ему, что его разыскивает провинциал, которого он хорошо знает. Пожалуйста, запомните это слово: провинциал.

Служанка хихикнула.

— Я его запомню и скажу ему завтра. А сейчас идите спать, и ваша дама тоже. Это время не для христиан.

Михаэлис оставил без внимания намеков на Джулию. Он вспомнил, как однажды Алессандро Фарнезе отреагировал на сопротивление ватиканского сторожа. Не было ничего забавнее наглости этого слуги.

— Кажется, я понял: вы гугенотка. Я просил господина Виделя более тщательно отбирать прислугу, да, видно, он меня не послушал. Придется вернуться к этому разговору. Надеюсь, что после вашей смерти он найдет себе прислугу получше.

Подсвечник заходил ходуном. Служанка перекрестилась.

— Господи, что вы такое говорите? Я добрая католичка! Это все знают!

— А почему в таком случае вы не слушаетесь провинциала? Может, вы не знаете, кто такой провинциал?

— Нет-нет, я знаю хорошо, — соврала служанка. — Я просто не расслышала. Пойду предупрежу господина Виделя.

Долго ждать не пришлось. Послышался лязг задвижки, и на пороге появился человек в ночной сорочке, с канделябром в руках. Возраст его определить было невозможно. На сероватом лице выдавался крупный нос, острые глазки глубоко запали, резко очерченный рот окружали глубокие морщины. Он был так худ, что сквозь сорочку виднелись ребра.

— Падре Михаэлис! — воскликнул Видель. — Какая честь!

Он поклонился Джулии.

— Прошу в мое скромное жилище, мадам.

На самом деле жилище, куда он их провел, отнюдь не выглядело скромным. Дорогие обои, скамьи из ценного дерева, мягкие кресла. Все комнаты сообщались друг с другом, коридора не было. В первой комнате на стене над погасшим камином красовалась большая картина в римском стиле, изображавшая, видимо, старинную медицинскую школу. Вдали виднелась колоннада и вершины гор, с маленьким храмом на каждой. Но рисунок был весьма приблизительным, и полотно закоптилось, поэтому точно определить содержание было трудно.

Покосившись на картину, падре Михаэлис спросил:

— Как идет ваша врачебная практика? Похоже, она приносит немалый доход.

— О, не говорите мне об этом! — простонал Видель и принялся зажигать свечи в гостинной. — Если бы не заработки астрологией, я бы давно разорился.

Закончив со свечами, он указал гостям на диван.

— Садитесь, пожалуйста. Я велю служанке принести вина. У меня есть еще слуга, но этот лодырь приходит только днем, а по ночам где-то кутит.

— Спасибо, не надо вина, — сказал Михаэлис, забыв спросить мнение Джулии.

Утонув в подушках, он заметил:

— Нынче вы еще и знаменитый писатель. Каков тираж вашей книги? Я имею в виду «Декларацию о беззакониях, невежестве и бунтарстве Мишеля Нострадамуса».

Услышав название книги, Джулия сдавленно вскрикнула. Михаэлис решил, что она заикалась, и не придавал значения ее возгласу.

Видель тоже не обратил внимания. Он коротко рассмеялся, обнажив бледные десны.

— Шесть тысяч. Но книга скорее не моя, а ваша. Вы мне ее продиктовали слово за словом.

Михаэлис пожат плечами.

— Не скромничайте. Это вы разбираетесь в астрологии. Вы показали несведущему читателю, что Нострадамус в астрологии смыслит очень мало или вовсе ничего не смыслит. Я сам немало удивился, узнав, что все его астральные карты ошибочны.

— Так оно и есть, — энергично кивнул Видель. — Он рассчитывает эфемериды¹⁷,

¹⁷ Эфемериды — таблицы ежедневно меняющихся положений Солнца, Луны и планет, которые публиковались в одноименных альманахах и представляли информацию, необходимую для расчета

принимая за основу положение Венеции, и при этом должен пользоваться опубликованным ниже руководством. Во Франции же небесная конфигурация совсем иная.

— Вот видите, как полезен ваш вклад, — с довольным видом прокомментировал Михаэлис. — бы ни за что не обнаружил этой неточности.

— Зато та часть книги, где разъясняется, что Нострадамус прибегает не к астрологии, а к магии, целиком принадлежит вам. Если книга разойдется, она рано или поздно попадет в руки французской инквизиции. А кардинал де Лорена колдунов не жалует.

— Да, но число процессов, которые он затевает, ничтожно. Папа ему уже за это пенял, — вздохнул Михаэлис и указал на Джулию. — Можете вы приютить у себя эту даму? Ненадолго, пока в Париже не поутихнут страсти.

Лихорадочный блеск, вспыхнувший в угасших глазах Виделя, как только они остановились на Джулии, ясно говорил о том, что он бы охотно приютил ее в своей постели, и надолго. Но он никогда не осмелился бы выдать свои мысли и перечить провинциалу иезуитов. Склонив голову, он сказал:

— С удовольствием, отец мой. Если мадам не стеснит скромная жизнь буржуа...

— Не стеснит, — отозвалась Джулия с мягкой улыбкой. — Мне приходилось жить и в худших условиях.

Она сказала бы больше, но Михаэлис остановил ее взглядом.

Поднявшись, он сказал:

— Уже поздно, мне пора. Господин Видель, вы — живое свидетельство пользы светских конгрегаций, которые мы организуем. Мы единственный орден, открытый для светского общества. Если наши замыслы увенчаются успехом, гугенотам некуда будет пускать корни.

— Будьте уверены, — ответил Видель.

Он в свою очередь поднялся и поклонился.

— Если вам нужны еще пасквили против еврея Нострадамуса...

— Пока нет. Наслаждайтесь плодами уже написанного.

Михаэлис направился к выходу, но Джулия его догнала:

— Падре, известите Габриэле, где я.

— Обязательно, друг мой. Симеони будет в курсе всех ваших неприятностей и вашего освобождения. И в дальнейшем он будет знать, как развиваются события.

— Благодарю вас. Вы необыкновенно добры.

Эта фраза чуть смутила Михаэлиса, и он поспешил удалиться. На улице ему попалась группа фанатиков, которая готовилась к процессии. Там были монахи и священники, но превалировал простой люд из самых бедных, вооруженный кольями и палками. Красноватый отблеск факелов вспыхивал на изображениях святых. Все мрачно поглядывали на тот берег Сены.

ГРОБНИЦА МАГОМЕТА

— Вы здесь когда-нибудь бывали? — удивленно спросил капитан Франсуа дю Плесси де Ришелье по прозвищу Монах, резко натянув поводья.

Измученный долгой верховой ездой, Мишель непонимающе на него взглянул.

— Почему вы спрашиваете?

— Читайте, что выбито на камне.

Капитан указал на мраморную доску на стене одной из патрицианских вилл на дороге, ведущей из Турина на северо-запад. Вокруг раскинулась цветущая равнина, на которой ветвилась на множество рукавов река, и то здесь, то там высились сельские домики. Утреннее солнце проглядывало сквозь легкий туман.

Мишель и Триполи подъехали поближе, чтобы можно было разобрать буквы на плите. Триполи прочел вслух:

*1556. Nostre Damns a log? ici
on il iia le Paradis l'Enfer
le Purgatoire je ma pelle
la Victoire qui mhonore
aurala gloire qui me
meprise oura la
ruine hntiere.*

Ришелье покачал головой.

— Здесь столько ошибок, что, похоже, писал какой-то неграмотный крестьянин. Только крестьяне не высекают надписей на камнях. Но смысл разобрать можно: «Нострадамус обитал в этом месте, которое есть Рай, Чистилище и Ад. Мое имя Виктория. Кто меня прочтет, тому слава, кто мною пренебрежет, тому конец».

Он повернулся к Мишелю:

— Вы не были в этих местах два года назад?

Мишель опешил.

— Нет, — пробормотал он. — Я уже много лет не был в Италии.

— Надпись говорит об обратном.

Ришелье заметил выходящего из хижины возле виллы конюха с пучком сена в руках.

— Эй, приятель! Как называется это местечко?

Тот с испугу выронил сено, очень уж его поразил бравый вид всадника.

— Оно зовется Виттория, синьор.

Ришелье подмигнул спутникам.

— Вот и раскрыта часть тайны!

Он пристально поглядел на конюха.

— Что же, по-вашему, отсюда есть вход в Рай, Чистилище и Ад?

— Ну да, — ответил конюх, все более смущаясь, — так называются три имения, окружающие виллу.

И тут глаза его озарились улыбкой.

— Вы, наверное, прочли надпись на камне?

— Так оно и есть. Но ведь из надписи следует, что два года назад здесь был доктор Нострадамус?

Взгляд конюха на миг потускнел, потом снова зажегся.

— Да нет, какой доктор? Nostre Damus — это Наша Владычица, то есть Мадонна. Надпись была выбита в честь перемирия в Воселе. К несчастью, текст сочинял наш цирюльник, а он совсем неграмотный. Теперь все господа, что приезжают сюда погулять, смеются над этой надписью.

— А почему того, кто уважит это жилище, ждет слава, а кто им пренебрежет — тому конец?

Конюх развел руками.

— Я же вам сказал, мессер, что наш цирюльник — полный невежда. Он хотел обратиться к Деве Марии, а получилось, что написал про Витторию. Рано или поздно нам, наверное, придется сколоть эту надпись.

Довольный Ришелье рассмеялся и подъехал к спутникам.

— Слыхали? Не надпись, а сплошное недоразумение. А ведь наверняка в следующем веке кто-нибудь будет ломать голову над ее расшифровкой, докапываясь до глубокого смысла.

Мишель, который с самого начала пути был мрачен, вымученно улыбнулся.

— Вы правы. Так случается и с моими пророчествами.

Он зябко повел плечами.

— Поехали, до Вольпиано еще далеко.

Они пришпорили лошадей и пустили их в рысь. Мишель ощутил нестерпимую боль в ногах, но тоска по Жюмель заглушала все остальные чувства. Он весьма смутно представлял себе цель путешествия. Гробница триумвира могла быть могилой Октавиана Августа в Риме. В 1521 году, когда, предположительно от яда, умер Папа Лев X, обнаружили один из украшавших мавзолеей обелисков и расшифровали надпись на нем, проведя атрибуцию. Но в снах Мишеля не фигурировали ни мавзолеей, ни обелиски. Ему снилась комната в подземелье, посвященная манам, душам умерших, и освещенная лампадой.

Однако Ульпиан, то есть Вольпиано, было точным указанием. В окрестностях Рима могло существовать местечко с таким названием и не иметь ничего общего с гробницей Августа. Нет, наверное, все-таки это был пьемонтский Вольпиано, где сражался Симеони. И не только Симеони, но и Ришелье по прозвищу Монах, на редкость неприятный проводник, который им достался.

Зычный голос Ришелье вторгся в мысли Мишеля, словно угадав, о чем он подумал:

— Видите, все поле усеяно костями? Здесь кости животных, но полно и человеческих. Тут мы порубили порядочно испанцев, которые пытались удрать после поражения, а заодно и крестьян, бежавших с ними вместе, то ли со страху, то ли потому, что были с ними заодно.

И правда, чем дальше они отъезжали от Турина, тем больше им попадалось сожженных домов, брошенных полей и целых кладбищ павшей скотины. Не было недостатка и в скелетах, болтавшихся на веревках на ветвях деревьев. Некоторые из них держались на уцелевших остатках хрящей и не разваливались.

В мозгу Мишеля теснились ужасающие картины, и он старался их отогнать. Чтобы как-то отвлечься, он прошептал:

— Наверное, это было ужасно.

— Не всегда.

Монах с усмешкой указал на буковую рощицу в поле.

— Вот тут я насладился прелестями одной девчонки, которую отбил у испанцев. Правда, потом перерезал ей горло, в отместку за бедных женщин Сен-Кэнтена. Вам, должно быть, известно, что солдаты Карла Пятого отрубали им руки, чтобы забрать кольца.

Мишель содрогнулся. Триполи все это время делал над собой нечеловеческие усилия, чтобы молчать, но наконец взорвался:

— Не думаю, чтобы та девчонка принимала участие в зверствах при Сен-Кэнтене.

— Нет, но она была немка, а значит, лютеранка. В тот же вечер я исповедовался, и наш капеллан отпустил мне грехи, хотя и за приличную сумму. Девчонка заслуживала костра. Со мной конец ее был скорым, да к тому же перед смертью она испытала наслаждение. Она верещала, как курица, но еретички все притворяются.

Мишелю на память пришел Люберон, и тошнота подкатила к горлу. Он сдержался только потому, что его поразила другая мысль. Триполи был фанатичным кальвинистом. Филибер Савойский, у которого они побывали в Турине, дал им в провожатые Ришелье. Он, хоть и сбросил недавно рясу бенедиктинца, остался ярым католиком и жаждал крови гугенотов. Мишель боялся, что они с Триполи вот-вот обнажат шпаги.

По счастью, пару дней Триполи с удивительным старанием сдерживал свой буйный характер. Он подождал, пока Монах от них отъедет, и наклонился к Мишелю.

— Я вспорю ему брюхо, — прошипел он. — Но сразу не убью: выпущу кишки и на них повешу.

Мишель отчаянно замотал головой:

— Сдержитесь, прошу вас! Этот мерзавец хорошо знает местность. Как только найдем гробницу, сразу же от него избавимся.

— Этот тоже найдет свою гробницу, — мрачно пообещал Триполи.

Дальше он ехал поодаль, замкнувшись в мрачном молчании.

К полудню добрались до Вольпиано. Мишель ожидал увидеть город, но перед ним, у подножия холма, лежала деревенька из немногих домов, прилепившихся к церкви. Должно быть, когда-то ее окружали стены, от которых остались только почерневшие камни. Вокруг нее виднелись круги траншей, уже заросших травой. Из земли торчал остов заржавевшей кулеврины и еще какие-то неузнаваемые детали от военных машин. Птицы свили на них гнезда, и виноградная лоза обвилась вокруг деревянных ручек.

Жизнь в деревне едва теплилась. Несколько лавчонок создавали видимость благополучия, но открылись они в домах, где крыши были проломлены катапультами и стены обвалились от артиллерийских обстрелов. В молчании ехали путники по кривым, вонючим улочкам. Единственной вехой на пути служила скрипящая на ветру вывеска трактира.

Время было обеденное, и в трактире человек тридцать солдат из французского гарнизона, болтая, поглощали свою нехитрую трапезу. Женщин не было видно, и это делало атмосферу таверны непривычной. Хозяин, седобородый старичок, указал вновь прибывшим на свободный стол.

— Располагайтесь, синьоры. Могу предложить вам телятину со специями, хлеб и белое вино.

Мишель опустился на скамью, чувствуя огромное облегчение: наконец-то ноги могли отдохнуть.

Видя, что спутники молчат, он кивнул за всех:

— Прекрасно. Но сначала мне бы хотелось у вас кое-что выяснить. Вы хорошо знаете местность?

— Я здесь родился, мессер.

— Известны ли вам поблизости какие-нибудь римские гробницы?

Старичок вздохнул.

— Гробницы... Могил здесь много, даже слишком. Но вот римских не припомню. Тут похоронено много солдат, и штатских немало. Но, насколько мне известно, ни одного римлянина.

Мишель подождал, пока трактирщик отошел, и обратился к спутникам:

— И все-таки я уверен, что место, которое мы ищем, именно здесь, по крайней мере в этом районе.

Ришелье отрицательно покачал головой.

— Я знаю это место как свои пять пальцев. Нет ни одной гробницы римлянина, тем более триумвира. Это вам говорит тот, кто велел вырыть больше могил, чем любой из офицеров королевского войска. В Меце некоторых еретиков я закопал живыми: берег лезвие шпаги.

Мишель снова испугался, что Триполи взорвется, но тот сохранял безразличие, достойное восхищения. Только глаза угрожающе поблескивали.

Вдруг в глубине зала, под фалдой паутины над столом, Мишель увидел знакомое лицо. Человек тут же опустил глаза и склонился над тарелкой. Мишель помедлил в нерешительности, но потом решил, что его не узнали. Перекрывая шум за столами, он крикнул:

— Габриэле! Габриэле Симеони!

Тот резко отодвинулся, словно пытаясь спрятаться за головами посетителей. Потом, очевидно, понял бесполезность маневра и приподнялся на стуле с вымученной улыбкой на губах, приветственно помахав рукой.

— Идите же к нам, друг мой! — пригласил его Мишель. — Присоединяйтесь к нашей трапезе!

И обернулся к спутникам:

— Это мой близкий друг, придворный астролог королевы. Он патриот Италии и стоит за ее объединение под французским флагом.

— Теперь, когда Карл Пятый умер, в этом нет ничего невозможного, — заметил

Монах. — Филипп Второй, мне кажется, скорее шут, чем король. Он долго не продержится.

Немного поколебавшись, Симеони направился к ним, держа в руках тарелку, нож и бокал. Поставив все это на стол рядом с прибором Мишеля, он остался стоять с вопросительным выражением на лице.

Мишель почувствовал его смущение и отнес его на счет робости. Чтобы помочь другу, он начал представлять ему своих спутников:

— Дорогой Габриэле, это Франсуа дю Плесси де Ришелье, капитан королевских аркебузирова. Может быть, при дворе вы знали его брата, который носит ту же фамилию. Это Антуан Марк по прозвищу Триполи. Он приходится братом Паламеду, первому консулу Салона, и дядей Адаму Крапонне, знаменитому инженеру, строившему военные укрепления в Меце... Но что с вами? Вы чем-то обеспокоены?

— Да нет, я просто никак не ожидал увидеть вас в Пьемонте, — поспешил объяснить Симеони, перешагивая через скамью и усаживаясь рядом с Мишелем.

Мишель оглядел друга. Его солидность и вальяжность куда-то подевались. Голубые глаза стали мутными, лицо, некогда тонкое и красивое, покрылось красными пятнами. Нос тоже был красен, а располневший живот обтягивал грязный мундир с королевскими лилиями, порванный во многих местах. Наметанный глаз врача определил необузданную страсть к бутылке, возможно, осложненную каким-нибудь из видов лихорадки, типичных для болотистых мест и трудной солдатской жизни.

Он решил не думать об этом.

— Я здесь нахожусь по милости нашего старого знакомого, Пентадиуса. Он похитил мою жену, Анну Понсард. Я только с виду спокоен, а на самом деле в полном отчаянии.

— Не вы один, — ответил Симеони бесстрастным голосом.

Мишель ожидал, что имя Пентадиуса заставит его хотя бы вздрогнуть. Но флорентинец ограничился тем, что осушил свой бокал и потянулся к графину, который хозяин только что выставил на стол.

Триполи был в курсе похищения Жюмель, но Ришелье ничего об этом не знал.

— Вашу жену похитили? — прошептал он. — Филибер Савойский мне об этом не сказал. Я думал, вы один из любителей римских развалин, потому и ищете гробницу триумвира.

Он отрезал кусочек мяса и задумчиво сказал:

— По счастью, у меня нет жены. Зато женщины все мои, каких пожелаю, только я сам их похищаю.

Симеони, казалось, поразила одна из фраз.

— Гробница триумвира? — сказал он, выходя из ступора. — Это та, о которой вы говорите в ваших катренах? *De Triumvir seront trouvez les os...*

— Да, — ответил Мишель. — Вы знаете здесь какие-нибудь римские останки?

— Нет, это я бы исключил...

Симеони вздрогнул.

— Скажите, а под триумвиром вы разумеете именно римлянина? Или...

— Или?

— ...или имеете в виду тройственность, присущую, к примеру, Святой Троице или таким языческим божествам, как Геката?

Это был один из тех случаев, когда Мишель не знал, что ответить. Фразы, которые нашепывал ему Парпалус, были отрывочными и непонятными. Видения, их сопровождавшие, тоже не отличались ясностью, за исключением разве что некоторых деталей. Может, прибегни он к пилозелле и белене, образы стали бы яснее, но вот уже много лет, как он не пил зелья. Даже исчезновение любимой жены не заставило его изменить принятому решению. Он хорошо знал, что, аккумулируясь в крови, зелье может привести к смерти или безумию.

Подумав немного, он спросил:

— Ваша гипотеза... говорит о триумвире как о существе из трех составных частей...

Вам известна в Вольпиано какая-нибудь посвященная ему гробница?

— В самом Вольпиано нет. А в половине дня пути верхом на восток, в долине Сузы, есть лес, который называют Боргоне. Там есть изваянная из камня человеческая фигура, стоящая на алтаре. Руки ее широко раскинуты, плащ развевается. Местные жители говорят, что это могила Магомета.

— Но Магомет не обладал тройственной сущностью.

— Не стоит обращать внимание на местные верования. Фигура, высеченная из камня, — почти наверняка Юпитер Доликейский (Болящий), которому поклонялись римские солдаты. Однако Юпитер, по верованиям язычников, составлял тройственное единство с Марсом и Квирином. Точно так же в капитолийской триале он изображен рядом с Юноной и Минервой.

Во время этого диалога Ришелье уплетал мясо за обе щеки, а Триполи, наоборот, рассеянно ковырял в тарелке, враждебно следя за ним глазами. Неожиданно их взгляды встретились. В глазах Ришелье вспыхнул вызов, Триполи тоже не опустил глаз, глядя на капитана с еле сдерживаемой яростью. Ножи заработали в тарелках, как шпаги.

Мишель, целиком захваченный рассказом Симеони, не заметил этой вспышки враждебности. Он посмотрел на собеседника:

— И гробница с фигурой, высеченной из камня, на самом деле существует?

— Да, но она очень глубоко. У входа, под дубом, увитым омелой, есть надпись, что она посвящена манам, душам умерших. Затем следует длинный ход. Когда тудаходишь, то не остаешься в темноте: тебе светит лампада, неизвестно кем поставленная в нишу.

Глубокое волнение овладело Мишелем. Он точно помнил сцену, о которой говорил Симеони. Он нервно спросил:

— Вы пытались пройти ход?

— Да, но вынужден был остановиться. Он обрывается в колодец с неровными стенами. Спуститься я не отважился.

Неожиданно все вздрогнуло от громкого удара кулаком по столу. Капитан Ришелье вскочил с места и сбросил со стола тарелку.

— Хозяин, — заорал он, — это мясо слишком сухое! Оно пахнет горелым, как гугенот на костре!

И он с вызовом уставился на Триполи. Тот не реагировал.

Встревоженный Мишель попытался встать со скамьи, но острая боль в ногах усадила его на место. Он протянул руки к Ришелье.

— Капитан, успокойтесь! Я только что понял, что наши поиски увенчались успехом.

— Вот и завершайте их в одиночку! — ответил офицер, продолжая сверлить Триполи взглядом. — Если, как я думаю, за этим столом сидит Иуда, мы с ним встретимся и поквитаемся во Франции.

Триполи опустил глаза и продолжал хранить молчание. В это время прибежал хозяин.

— Мессер, да что с вами? Мое мясо великолепно!

Ришелье схватил его левой рукой за бороду, а правой отвесил звонкую оплеуху.

— Не путайся под ногами, каналья! — рявкнул он хозяину в ухо. — Я уже понял, что ты еврей! Нынче мы заняты еретиками, но и до вас дойдет очередь!

Некоторые посетители вскочили на ноги. Какой-то солдат обнажил шпагу и бросился вперед с перекошенным лицом. Чтобы его остановить, хватило злобного взгляда Ришелье.

— Займись своими делами, приятель! — проревел капитан и скользнул взглядом по остальным. — Это относится ко всем. Да будет вам известно, что я Монах, капитан аркебузирова его величества. Думаю, вы обо мне слышали.

Видимо, это было верно, ибо по столам прокатился шумок. Солдат вложил шпагу в ножны и вернулся на место. Он шел тихо, словно стараясь, чтобы его не заметили.

Ришелье бросил еще один взгляд на присутствующих, выпустил бороду хозяина и вышел, тяжело ступая.

Мишель испытал облегчение. Мало того что сцена сама по себе была достаточно

жестока, она еще вызвала в памяти постоянный кошмар его юности: расправы над евреями. Он взял из рук Симеони графин и налил себе бокал вина.

— Когда дело католической церкви защищают такие типы, это пугает, — с горечью прошептал он.

Краем глаза с затаенной жалостью следил он, как, с трудом поднявшись с пола, хозяин собирает осколки разбитой тарелки.

— Церковь коррупции и насилия поневоле должна пользоваться услугами коррумпированных насильников, — заметил Триполи, вновь обретя свою дерзость. — Если увижу этого типа во Франции, сначала отрежу ему уши, а потом и всю голову. Но раньше лишу его мужского достоинства, чтобы с почтением относился к женщинам, которые исповедуют истинную веру.

— О, я восхищен вашим мужеством! — отозвался Мишель с иронией, которую Триполи не заметил.

Они закончили трапезу, едва перекинувшись несколькими словами, и заказали три комнаты. Прежде чем отправиться к себе, Симеони задержал Мишеля на лестнице, что вела наверх, и спросил:

— Знаете, что Джулию арестовали по подозрению в лютеранстве?

Мишель вздрогнул.

— Нет, я этого не знал. Признаюсь, все мои мысли заняты Жюмель. Поэтому и не спросил вас о Джулии.

— Не надо извиняться. Может, ее уже и освободили. Мне обещал помощь отец иезуит.

— Это неплохая гарантия. Иезуиты набирают силу.

Ноги плохо слушались Мишеля, и ему хотелось поскорее лечь.

— Идите спать и верьте в хорошее. Завтра мне все расскажете.

Симеони схватил его за руку.

— Если кто-то пойдет на предательство, чтобы спасти любимую женщину, вы его простите?

— Да. Любовь — главное из чувств. Но вы меня вовсе не предали, Габриэле. Ступайте в свою комнату и спите спокойно. Как только найду Жюмель, помогу вам отыскать Джулию.

Мишель провел беспокойную ночь в пыльной и грязной комнатухе, которая ему досталась. Рядом с ним не было гордой красавицы Жюмель, и он испытывал пронзительную муку. К тому же ему не давали покоя последние строчки катрена, посвященного гробнице с литерой D. M. которые ему нашептал Парпалус:

Loy, Roy et Prince Uipian esprouvee
Pavilion Royné et Duc sous la couverte.

Закон, Король и Принц Ульпиан будут испытаны.
Королева и Герцог в павильоне скроются¹⁸.

Что бы это могло значить? Он не знал. Однако всякий раз, когда он задавал себе этот вопрос, он видел простодушный и хитрый профиль Ульриха из Майнца, и к нему возвращалось воспоминание о крещении огнем.

В эту ночь ему несколько раз приснился старый учитель. В конце концов, чтобы избавиться от кошмара, он решил вовсе не спать. Тем более что на следующий день кошмар стал явью.

АБРАЗАКС. ПАУТИНА

¹⁸ Катрен LXVI, центурия VIII. Перевод Л. Здановича.

Казалось, морщинистое лицо Парпалуса, затерянное в глубине космоса, притягивает звезды. Они лучами выстраивались вокруг него и заполняли тьму тонкими ниточками света. Эти ниточки тянулись друг к другу, соприкасались, соединялись, и очень быстро на небе стала вырисовываться гигантская паутина совершенной восьмиугольной формы, с нечеловечески точно выдержанными пропорциями. В мозгу Нострадамуса все еще цокали шестнадцать копыт, но этот звук не соединялся ни с какими образами. Четыре темных пятна, четыре клубка страха не спешили появиться в его сознании и завладеть им.

Ульрих, выросший до гигантских размеров, указал на небо.

— Вот это зрелище, а? Ну можно ли создать антураж, более достойный возвращения Четырех Всадников?

Молодой священник вдруг заговорил сурово, демонстрируя неожиданную уверенность:

— Не твое дело определять время Апокалипсиса. Ты возомнил себя Богом и хочешь присвоить Его полномочия. Это тебя и погубит.

Ульрих взглянул на него с насмешливым сочувствием.

— Мой бедный друг, ты и сам толком не знаешь, почему оказался здесь, а пытаешься меня судить. Ты стоишь не больше тех насекомых, что снуют у тебя под ногами.

Юноша опустил глаза и вскрикнул. Песок вздыбился от myriad мелких темных капель, словно пошел дождь. У каждой капельки на глазах отрастали клешни и лапки, и все они силились выкарабкаться из песка. Эти усилия сопровождались взмахами крылышек с коричневато-стальным оттенком. И вся равнина, насколько хватало глаз, была заполнена насекомыми. Их непрерывное кишение сгибало ветви растений и разрушало песчаные дюны. То здесь, то там из-под них высывались личики детей с вытаращенными глазами, но тут же тонули в гуще царапающих лапками капель.

Нострадамус вышел из оцепенения.

— Ульрих, ты можешь обмануть кого угодно, но не меня. Этого мира на самом деле нет, он лишь плод колдовства. Мы образуем цепь любви, и все твои галлюцинации вмиг исчезнут.

Женщина, которая до этой минуты казалась окаменевшей, вдруг подошла к провидцу, и под ее ногами заскрипели крылышки и лапки.

— Скажите, что надо делать, Мишель. Я готова вам повиноваться.

— Взять за руки меня и вашего соседа.

Женщина попыталась прикоснуться к руке человека в черном плаще. Он, вздрогнув, отстранился.

— Я вас узнал, Катерина. Я любил вас и готов любить и дальше. Но прошу вас, не прикасайтесь к этому колдуну. Он в не меньшей мере посланец Дьявола, чем учитель, от которого он отрекся. Здесь Бога нет, а где нет Его, нет и любви.

— Твой Бог тоже не был сотворен из любви, Молинас! — с иронией вмешался юный священник. — Но ты прав. Мы даже не на военном небе, как нас хотят уверить. Здесь мы в аду. Я не стану образовывать никакой цепи, потому что таким образом мы прикуем себя к демону. Нострадамус, ваш трюк впечатляет. Вы с Ульрихом изначально были в сговоре. Вам нужно наше прощение, чтобы завладеть этим потусторонним пространством, потому что тогда мы окажемся прокляты.

— Мы и так прокляты! — крикнула женщина, подходя к Нострадамусу и протянув ему руку. — Если у нас и есть хоть какая-то надежда, она связана с этим человеком. Подойдите, Молинас, во имя любви ко мне! Подойдите и вы, Михаэлис! Вы мните себя святым, а сами продали веру, выбрав оружие обмана, преступления и безумия! Теперь вы сможете отыграть и очистить свою веру от крови, которой вы ее запятнали!

Оба отрицательно покачали головой и отступили на несколько шагов. Ковер из насекомых заколыхался под ними.

Ульрих звонко рассмеялся.

— А знаешь, Мишель, ведь ты предал меня не тем, что ослушался. Твое настоящее предательство в том, что ты стал магом лишь наполовину. Чтобы стать Магом, мало

видеть сквозь время. Надо еще обладать настоящей мощью и привыкнуть к тому, как она воздействует. Ты этого не достиг.

— Это не так, и я сейчас это докажу, — ответил Нострадамус. Он прижал к себе Катерину и повернулся к остальным: — Сейчас вы увидите, какому риску подвергнется реальный мир, если вы откажетесь противопоставить магию любви магии ненависти. Я покажу вам второго из Четырех Всадников, того, что откроет в тысяча девятьсот девяносто девятом году дорогу Владыке Ужаса. И сделаю это без помощи Парпалуса.

Ульрих удивился.

— Без Парпалуса? На это ты не способен.

— Еще как способен! Потому что я — Маг.

Нострадамус закрыл глаза и, продолжая обвивать правой рукой стан Катерины, поднял левую вверх. Слова, которые он произнес, не разжимая губ, пронесли под небесным сводом, как ураган, — BOR PHOR PHORBA BES CHARIN BAUBO TE PHOR BORPHORBA...

Результат был потрясающий. Пухлое, морщинистое лицо Парпалуса съежилось, и от него протянулись восемь огромных волосатых лап, покрыв всю паутину. Они казались трещинами на небесном своде, да, может, ими и были, потому что теперь обнажилась скрытая структура неба, состоящая из прозрачных пересекающихся пузырей, в каждом из которых содержалось гротескное изображение архонта¹⁹. Эти изображения были выполнены в виде едва очерченных обнаженных женских фигур, погруженных в кровь. Потoki крови текли от одного пузыря к другому, капая на песок, покрывавший землю ужаса. Из-под песка и насекомых начали выбираться чудища и дети-уродцы.

Ульрих, казалось, впервые встревожился. Он поднял руки и прокричал слова, которые, видимо, означали альтернативное заклятие:

— GOD FATHR O DIO HER DOYODOD O YO DAUGHTR OISTH DOZH O THOU GOD DO ISSTHER DOIASER DOIER LOSER DOYIN AS HER DOES ASTHER!

Ему не удалось даже закончить. Тучи насекомых взвились вверх, остальные продолжали ползать по песку. Те, что взлетели, обрели вид маленьких металлических летательных аппаратов, которые пикировали, поражали цель и снова взлетали. Те, что ползали по земле, обрели вид металлических колесниц, которые бороздили песок, испуская короткие вспышки огня. И те и другие были залиты падавшей сверху кровью.

Так продолжалось всего несколько мгновений, потом насекомые снова стали насекомыми, и новый кошмар уступил место привычному. Нострадамус выглядел очень усталым, пот катился с него ручьями.

— Ну вот вы и взглянули в лицо Второму Всаднику — войне. Так начнется год тысяча девятьсот девяносто девятый, и так он закончится, если вы откажетесь образовать цепь.

— Это и был Владыка Ужаса? — еле слышно спросила Катерина.

— Нет, то, что вы увидели, только его окружение.

Нострадамус обернулся к двоим, что держались в стороне.

— Идите сюда, друзья, — позвал он.

— Нет, — ответили оба, и голоса их переплелись. — Дай нам умереть.

Все это время Ульрих словно бы уменьшался в размерах, но сейчас снова воспрянул духом и обрел уверенность.

— Видишь, Мишель, твои жалкие усилия ни к чему не привели. Ты проиграл.

— Ничего подобного, — ответил пророк. — Теперь я понял, кто такой Владыка Ужаса и зачем тебе надо нарушить ход времени.

Ульрих усмехнулся.

— Даже если и понял, это тебе не поможет. Повторяю, ты проиграл.

— Это ты проиграл. Я призываю иную Троицу, истинную.

Абразакс взорвался от оглушительного крика. Парпалус подобрал лапы и скорчился,

¹⁹ Архонт — персонаж гностической космогонии, правитель каждой небесной сферы. (Прим. перев.)

световая паутина разорвалась в клочья. Но кричал не он. Кричал Ульрих, объятый неодолимым ужасом.

ДУШАМ УМЕРШИХ ПРЕДКОВ...

Падре Михаэлиса очень раздражали кустарники, которые здесь, в долине Сузы, в сердце леса Боргоне, непрестанно цеплялись за рясу. Хорошо еще, что он был в сапогах, а не в сандалиях, иначе его ноги давно превратились бы в сплошную рану.

— До камня еще далеко? — спросил он. — Я должен сегодня же вечером уехать, чтобы присоединиться к кардиналу де Лорена. Он все еще в Като, а это, насколько я знаю, дней пять пути отсюда верхом.

— Мы почти пришли, — заверил его Симеони. — Примите во внимание, что я был здесь всего раза два, а с последнего раза прошло шесть месяцев.

Он огляделся, как поступал время от времени, чтобы вспомнить место, и направился к цветущей куртине дикого лука и рододендронов около сосновой рощи.

— Что мне не нравится в декрете, который вы только что подписали, так это то, что он жертвует солдатами, такими как я. Вы уже сдали Филиппу Второму не только Ломбардию, но и всю Италию.

Падре Михаэлису о политике говорить не хотелось, но он ответил:

— Уверяю вас, что в Като-Камбрезис кардинал де Лорена действует не по своему разумению, а выполняет указания Генриха Второго.

— Это еще хуже. Капитуляцию подписывают после поражения, а не после целой серии побед. Взятие Вольпиано оказалось бесполезным. Теперь итальянцы, служившие Франции, вынуждены эмигрировать, чтобы не подпасть под репрессии испанцев. А о жестокости имперских войск ходят легенды.

Падре Михаэлис собрался было ответить: «Это ваши проблемы», — однако удержался и ограничился тем, что сказал:

— Во Франции идет гражданская война, и нельзя держать семь тысяч солдат на чужой территории. Кроме того, Франция одержала всего одну настоящую победу: в прошлом году при Кале. В Италии герцог де Гиз застрел в болотах Чивителлы. Так что король Генрих поступил разумно.

Симеони, наверное, тоже что-нибудь ответил бы, но тут они достигли маленькой котловины. На скале, среди кустарников, окружавших дуб, покрытый омелой, с трудом можно было разглядеть часовенку в нише, выдолбленную, вероятно, с большим трудом. Она изображала человека, раскинув руки стоявшего на алтаре.

— Юпитер Болящий, единый и триединый, — объяснил флорентинец. — Мы пришли к гробнице.

— А где она? Не видно ни одного подхода.

— Подождите.

Симеони ловко пробрался между валунами. Над одним из них выдавался большой сук. Симеони, как рычагом, откатил суком валун, и под ним открылась пустота. Оттуда вылетели несколько насекомых и в спешке выскользнул белый уж, испуганный ярким светом.

— Здесь лестница, — сказал Симеони, видя, что его спутник колеблется. — Спуститься нетрудно.

— Да, но как спуститься без света?

— Не бойтесь, тут есть свет.

И действительно, от лаза вниз вела лестница с выщербленными, но довольно широкими ступенями. Спустившись на несколько ступенек, падре Михаэлис сделал два удивительных открытия. Во-первых, вход постепенно расширялся и заканчивался самой настоящей пещерой. Во-вторых, стены, покрытые крошечными кристаллами, казалось, светились изнутри.

— Откуда идет этот свет? — спросил он с бешено бьющимся сердцем. — Там, в

пещере, кто-нибудь есть?

Симеони, продолжая ловко спускаться, отрицательно покачал головой.

— В гробнице, столетия запечатанной, находится много останков. Она наполнена газами, исходящими от медленно истлевающих в стенных нишах тел. Если вы когда-нибудь имели дело с трупами, вы должны знать, какие миазмы исходят от разлагающихся внутренностей.

Из пещеры, в подтверждение слов Симеони, тянуло зловонием, но падре Михаэлис энергично замотал головой:

— Не может быть.

Он указал на фронтон, где были высечены буквы «D. M., Dis Manibus».

— Это римская гробница. Трупные миазмы должны были давным-давно рассеяться, ведь прошли века.

— О, тут полно и более современных мертвецов, включая того, которого вы ищете.

Они спускались потихоньку, пока не достигли края темного колодца.

— Вот, здесь покоится Ульрих. Его положили на могильную плиту древнеримского полководца. Прошло уже семь месяцев с его смерти, и труп почти наполовину сожрали насекомые.

Михаэлис склонился над провалом колодца.

— Внизу нет блуждающих огней. Полная тьма.

— Да, спускаясь туда, надо зажигать факел. Но спуститься нетрудно: там много выступающих камней и углублений в скале.

Иезуит покачал головой.

— Я не собираюсь спускаться. Но хочу, чтобы вы мне рассказали о встрече Нострадамуса и Ульриха.

— Но я уже рассказывал! — запротестовал Симеони.

— Да, но на этот раз мне нужны детали. Пойдемте отсюда.

Когда они выбрались наружу, Михаэлис полной грудью вдохнул свежий лесной воздух, благоухающий всеми арматами весны. Он оглядел валун, закрывавший вход, и сук, служивший вагой.

— Я бы навсегда запечатал эту могилу, — заявил он. — Помогите-ка мне обрушить стены у входа, прежде чем подвинуть валун на место. Я заметил, что там белая глина, и это будет нетрудно.

На самом же деле им пришлось немало потрудиться, помогая себе сучьями. Они изрядно вспотели, пока отломали кусок стены, и тот обрушился на ступени. Пол просел в нескольких местах, и Симеони в испуге попятился, опасаясь, как бы под его ногами не разверзлась пропасть. Но потом, в переплетении кустарников, лаз сровнялся с землей.

— Вот и хорошо. А теперь камень, — сказал Михаэлис.

Они вдвоем приподняли валун с помощью ваги и задвинули его на место. Симеони вытер пот со лба.

— Все, — прошептал он упавшим голосом. — Это было действительно необходимо?

— Да. Я хочу, чтобы от иллюминатов не осталось даже воспоминания. Навсегда спрятать могилу их основателя — только первый шаг. Здесь скоро все зарастет и следов не останется.

Он указал на котловину.

— Давайте вернемся к лошадям, а по дороге вы расскажете мне о встрече Нострадамуса с Ульрихом.

И они начали продираться сквозь густой подлесок. Отдышавшись, Симеони сказал:

— Практически вы все уже знаете. Шесть месяцев назад я, Нострадамус и некто Триполи, гугенот по вере, пришли сюда. У входа в гробницу лежал обезображенный до неузнаваемости труп. Лицо и глаза его были выжжены, словно молнией.

— Может быть, он пытался войти в склеп с зажженным факелом, — заметил Михаэлис, — и спровоцировал взрыв скопившихся там газов.

Симеони кивнул.

— Мы так и подумали. Нострадамусу показалось, что он опознал в погибшем своего друга, священника-августинца из Сен-Реми Марка Ришара. На умершем была ряса.

Михаэлис нахмурил лоб.

— Марка Ришара, из-за его симпатий к кальвинистам, не раз допрашивала инквизиция Тулузы.

— По мнению Нострадамуса, он искал клад, чтобы предоставить его в распоряжение французских кальвинистов. И в гроте на самом деле было сокровище.

— Не перепрыгивайте, — приказал Михаэлис. — Вы спустились в пещеру. Что было дальше?

— Дальше мы подошли к колодцу, который вы видели. Там не было темно, как сегодня, напротив, из глубины лился яркий свет. Поэтому мы и решили спуститься. У Нострадамуса очень болели ноги, и мне пришлось ему помогать. Порой казалось, что он вот-вот упадет, но желание увидеть жену и Пентадиуса было так сильно, что...

Михаэлис его резко остановил. От удивления он прислонился спиной к сосне и уставил на Симеони указательный палец.

— А вот об этом вы промолчали! — сердито сказал он. — думал, Нострадамус отправился в Италию, чтобы встретиться с Ульрихом. При чем здесь его жена?

— О, я полагал, что это неважно, — пробормотал смущенный Симеони. — Нострадамус, несмотря на подагру, тайно приехал в Пьемонт, потому что из дома исчезла его жена. Он решил, что ее похитил Пентадиус, ассистент Ульриха.

Лоб Михаэлиса немного разгладился.

— А его там не оказалось.

— Нет, Пентадиус был, но, услышав обвинение в похищении, он от удивления как с неба упал. Он, конечно, личность скользкая и коварная, но на этот раз, похоже, он не врал.

— А вы не знаете, нашел Нострадамус жену или нет?

— Ничего не знаю. После разговора с Ульрихом он вместе с Триполи спешно отправился обратно в Прованс. Больше я не имел о нем никаких известий.

Михаэлис вздохнул, отстранился от дерева, о которое опирался, и они двинулись дальше. Михаэлис шел, поднимая рясу до колен.

— Расскажите о разговоре Нострадамуса с Ульрихом.

— Да рассказывать почти нечего, разговор был очень короткий. Главное я уже вам пересказал. Ульрих подождал, пока Нострадамус и Пентадиус перестанут препираться. Он лежал, расprostертый на мраморной плите, и с трудом приподнялся на локтях. Видно было, что он умирает, и это движение стоило ему нечеловеческого усилия. Он посмотрел на нас с Мишелем с доброй улыбкой и назвал нас «дети мои», словно мы все еще принадлежали к его церкви.

— Он объяснил вам, почему пришел умирать сюда?

— Поначалу нет, но потом объяснил.

— Тогда и вы мне скажете потом. Перескажите разговор в главных чертах.

— Хорошо.

Сосняк сменился орешником, и Симеони различил еле слышное ржание. Он перешел ручей, ставя сапоги на выступающие в воде камни, и подождал, пока на другой берег переберется Михаэлис. И только тогда сказал:

— Ульрих объяснил, что умирает от опасной заразы, которую принесла война. Его церковь на неопределенное время останется без руководителя. Он с грустью спросил Мишеля, окончательно ли тот отказался наследовать ему и возглавить невидимую церковь.

— И Нострадамус ответил «да».

— Конечно. Он был очень рассеян, видно было, что все его мысли заняты женой. Он ответил Ульриху, что вселенной движет любовь, а его церковь основывается на противоположном законе. Старик приподнял плечи и сказал приблизительно следующее: «Вера иллюминатов основывается на реализме. Космосом управляют слепые силы, которые

подчиняются только математическим законам. Стремясь все на свете привести к своим меркам, человечество впадает в иллюзию. Христос — чистый дух, выражение глубинного единства числа «три». Чтобы сделать его сущность понятной, его превратили в бродячего проповедника, призванного разрешить проблемы горстки пастушьих племен. Мироздание гораздо сложнее, и им правят божества, равнодушные к материальной реальности. По-настоящему существует только абстрактное». Ульрих практически изложил основы теологии иллюминатов.

Теперь они уже видели лошадей, привязанных к тополи. Падре Михаэлис сурово взглянул на Симеони.

— Вы тоже были иллюминатом. Вы действительно верили в эту чепуху?

— Да, — ответил тот немного смущенно. — каббала, и естественная магия рождаются из сходных концепций. Я, Нострадамус и некоторые другие отошли от этих концепций, потому что мы верим в различие между добром и злом. А мысль Ульриха напрямую продолжает греческую философию, отличную от Аристотелевой. Вы хорошо знаете, как наш век почитает греков.

«Вот в чем корень зла», — подумал про себя падре Михаэлис, отвязывая свою лошадь от тополя. Иезуиты, бросая вызов господствующей культуре, умели далеко заглядывать.

— Скажите мне еще две вещи, — обратился он к Симеони. — Вы говорили мне о том, что Ульрих назначил Нострадамусу какое-то свидание после смерти. Какими точно словами он это сделал?

— Мишель продолжал твердить, что всем правят законы любви и влечения. Ульрих на это сказал: «Это не так, но может стать и так. Восьмое небо очень чувствительно к возмущениям равновесия и соотносит свои законы с законами тех душ, что имеют к нему доступ. Ты этот доступ имеешь, но твоя воля слишком слаба, чтобы нарушить равновесие. Может быть, если ты явишься в эту сферу в сопровождении своих заклятых врагов, связанных с тобой цепью истинной любви, у тебя появится возможность насадить твой закон. В противном случае закон останется моим и материальный мир перестроится под него. То, что в мире абстракции представляет собой совершенное равновесие, в асимметричном ему мире материи станет хаосом и регрессом. И это правда, как правда то, что Владыка Ужаса спустится к людям в тот год, который нашептал тебе Парпалус». Это все, что он сказал.

Михаэлис задумался над этими словами. Не все ему было ясно, но спрашивать у Симеони уточнений не хотелось. Пусть думает, что ему все известно. Поэтому он только сказал:

— Теперь мой второй вопрос. Почему Ульрих выбрал именно эту гробницу, чтобы умереть?

Симеони тоже отвязал лошадь, вскочил в седло и ответил:

— Ульрих всегда говорил нам, иллюминатам, что на земле существуют места, которые граничат с восьмым небом: это точки пересечения трехсот шестидесяти пяти сфер Абразакса. Не спрашивайте меня, что это означает. Я знаю только, что под земной корой есть провалы, расположенные в виде сети, по которым даже неинициированный может добраться до области, граничащей с Богом. Гробница триумвира — один из таких порталов. Об этом говорит наличие в ней сокровища.

— Какого сокровища? — спросил падре Михаэлис, на этот раз не скрывая живого любопытства.

— Кольца в форме змеи, кусающей себя за хвост. Оно бесценно. Его и искал падре Ришар с таким рвением, что заплатил за это жизнью. И я искал долгие годы. Мы нашли его на пальце Ульриха, когда он испустил дух без всякой агонии.

— И у кого оно теперь? У Пентадиуса или у Нострадамуса?

— У Нострадамуса. Пентадиус сбежал, пока мы говорили с учителем.

Михаэлис кивнул и прищипорил коня. Оба всадника стали удаляться от леса Боргоне по широкой тропе, петлявшей среди плавных очертаний цветущих холмов. Свежий воздух и

прелесть пейзажа веселили путников, весеннее солнышко пригревало, но не опаляло. Однако время от времени на глаза им попадались страшные приметы недавних отчаянных боев.

Сожженные дома, скелеты домашней скотины, разложившиеся трупы повешенных, все еще качающиеся на ветвях дубов. Жестокость имперских войск была известна всем, но здесь в глаза бросались прежде всего свидетельства фанатизма герцога Гиза. И Чивителла была живым тому свидетелем: в первом отбитом у испанцев городе герцог приказал истребить всех обитателей, от новорожденных до стариков. Все Гизы, начиная с самого представительного члена клана, кардинала де Лорена, воспринимали любое сражение, данное французским королем, как эпизод бесконечной схватки между добром и злом, в которой зло олицетворяла гугенотская ересь во всех ее проявлениях. Следовательно, систематическая жестокость являлась для них долгом.

В этом они находили полную поддержку у Павла IV, полупомешанного и вечно пьяного Папы, который ежедневно бросал кровавые лозунги против реформатов. Это разрушенное водянойкой существо умудрилось убедить французского короля, что жестокость — единственный путь к спасению для христианства. Он даже кардинала де Лорена упрекал в проявлениях доброты в вопросах управления инквизицией, которой хотел командовать сам. По ту сторону Альп он находил уши, внимательные к его посланиям, а в крестьянах, имевших несчастье обитать рядом с театром военных действий, видел жертвы, предназначенные для его ненасытной ярости.

Падре Михаэлис ехал, не обращая внимания на ужасные картины, которые время от времени возникали среди роскошной, буйной зелени местных долин. Он опасался только одного вопроса, который Симеони ему уже задал и на который он обещал ответить на обратном пути. Проехав довольно большое расстояние, он услышал цокот копыт лошади Симеони, догонявшего его, и понял, что момент наступил. Он вздохнул и стал ждать вопроса.

— Падре, — сказал Симеони, — вы обещали мне вести от Джулии. Я очень волнуюсь за нее и почти не сплю. Когда я смогу ее увидеть?

— Успокойтесь, Джулия вне опасности. Вы прекрасно знаете, что я ее освободил и спрятал в надежном месте, чтобы оградить от преследований.

— Я знаю и вечно буду вам за это благодарен. Она все еще в убежище?

Падре Михаэлис утвердительно кивнул головой.

— Да, в Париже. Я спрятал ее в доме друга, преданного делу ордена иезуитов. Вы увидите ее сразу же, как только французские войска будут выведены из Италии и вы сможете свободно вернуться в столицу. Думаю, это вопрос нескольких дней.

— Не знаю почему, но вот уже целый год она не отвечает ни на одно мое письмо, хотя было время, когда я писал по письму в день.

— Очевидно, из осторожности. Она боится вас скомпрометировать.

Михаэлис наловчился врать, не меняя тона. Он велел Лорану Виделю перехватывать всю поступающую и уходящую корреспонденцию и читать ее, а потом сжигать. Такое одиозное решение было принято, чтобы не рисковать безопасностью молодой дамы. По крайней мере, Михаэлис заставлял себя верить в такое оправдание.

— Скоро я ее увижу, и это будет самый счастливый день в моей жизни, — прошептал Симеони и отстал от иезуита, словно боясь, что излишняя назойливость помешает сбыться его мечте.

Они уже были в виду Сузы, когда заметили, что из города выехал пышный кортеж. Он состоял из пехоты, аркебузирова и лучников, но вид у всех был отнюдь не воинственный. Казалось, они что-то празднуют и поэтому с таким воодушевлением размахивают штандартами цветов Савойского дома и знаменами, украшенными французскими лилиями. Среди солдат виднелись священники в полном облачении. За ними шла толпа, выкрикивая приветствия в адрес тех, кого пока не было видно.

Удивленный Михаэлис остановил лошадь на невысоком холме поодаль от движущейся колонны. Симеони сделал то же самое и о чем-то его спросил, но иезуит не услышал.

Колонну возглавляли нестройные ряды аркебузирова. Ими командовал всадник, закованный в стальную кирасу. Увидев путников, он подъехал к ним, поглядел на них сквозь щель в забрале и поднял забрало. Показалась небритая, грубая физиономия с косматыми бровями.

— Мы познакомились несколько месяцев назад, но вы, видно, меня не помните, — сказал он, обращаясь к Симеони. — Франсуа дю Плесси де Ришелье по прозвищу Монах.

— Я вас запомнил, — ответил Симеони без радушия, но и без враждебности. — Что это вы празднуете?

Ришелье показал на толпу за плечами.

— Мы не празднуем. Мы сопровождаем в Париж герцога Эммануэля Филиберто Савойского. Его брак с Маргаритой, сестрой его величества Генриха Второго, — одно из условий договора в Шато-Камбрезисе.

— А зачем вам столько вооруженных воинов, капитан? — спросил падре Михаэлис. — Мне кажется, дорога отсюда до Парижа не опасна.

Ришелье свирепо ухмыльнулся.

— Дело в том, что во Франции много славных шпаг и пороха. Настоящая война только начинается. Настало время гугенотов.

Капитан отсалютовал, опустил забрало и отъехал. Михаэлис заметил, как побледнел Симеони. Он не расслышал, что именно тот сказал, но общий смысл уловил:

— Мне надо немедленно увидеть Джулию.

А вот следующая фраза сомнений не вызывала:

— Мне надо что-нибудь выпить.

Михаэлис слабо улыбнулся.

— О, сейчас выпивка вам будет. Следуйте за мной. В Сузе полно таверн.

НАСИЛИЕ

— Как вам это удалось? — воскликнул Триполи, врываясь в гостиную.

Должно быть, он нашел дверь открытой и вошел без церемоний. И это было неудивительно. С того дня, как ушла Жюмель, дом Мишеля пребывал в запустении, несмотря на все старания Кристины. Входная дверь зачастую всю ночь оставалась открытой.

— Как вам это удалось? — повторил Триполи. — Вы не человек, вы сущий дьявол!

Мишель отложил тетрадь, куда что-то записывал, пользуясь короткой передышкой, которую ему дали дети, и ошарашенно посмотрел на друга.

— Как мне удалось что?

— С такой точностью предвидеть смерть короля!

У Мишеля перехватило дыхание.

— Как? Он умер? Я знаю, что он ранен на турнире.

— Умер! Умер! Вот-вот повсюду разнесется траурный колокольный звон.

— Бедняга... Мне очень жаль, — почти машинально произнес Мишель.

— А мне ни капельки не жаль. Он был скотина и мерзавец.

Триполи поднял кулаки, словно хотел бросить вызов тени монарха.

— Но нам сейчас это неинтересно. Нам важно, что вы предвидели событие в мельчайших деталях.

Если бы Мишель не был так подавлен, он бы воспринял это признание с гордостью. Но он всего лишь неохотно кивнул головой.

— Да, теперь я вижу, что так оно и есть. Достаточно будет заменить ячмень на пшеницу...

Триполи вытаращил глаза.

— Вы о чем? Оставьте в покое злаки! Я говорил о тридцать пятом катрене первой центурии ваших «Пророчеств». Я выучил его наизусть, ибо он войдет в историю:

Le lyon jeune le vieux surmontera

En champ bellique par singulier duelle:
Dans caige d'or les yeux lui crevera:
Deux classes une, puis mourir, mort cruelle.

Молодой лев победит старого
В странном поединке в ратном поле.
Проколет глаз сквозь золотую клетку:
Из одного станут два, затем — мучительная смерть²⁰.

— Потрясающе! Потрясающе! — заключил Триполи и упал в кресло, словно энтузиазм лишил его сил.

Мишель постарался собрать все свое внимание.

— Извините, но я не понимаю. Где здесь намек на Генриха Второго?

— Вы что, издеваетесь? — с подозрением спросил Триполи и подмигнул. — Да нет, я понял, это вы меня испытываете. Ведь ясно как божий день, что два льва, из которых один победил другого, это Генрих и его соперник на турнире двадцать девятого июня, граф Габриэль де Монтгомери. Он действительно ранил короля в глаз, проколов ему золотое забрало шлема, которое вы называете caige, намордник. Теперь Генрих мертв и горит себе в аду. Вы называете его смерть жестокой, а я считаю, что он умер слишком быстро. Что вы мотаете головой?

Мишель глядел с любопытством.

— Ваша интерпретация несколько натянута. Во-первых, Генрих был моложе Монтгомери, и того никак нельзя назвать «молодым львом». Во-вторых, дело было не на «поле боя», а на турнирной площадке на улице Сент-Антуан. И потом, вы забываете о двух флотах, которые стали одним. Как вы все это объясните?

Триполи был выбит из седла, но не окончательно.

— Мишель, вы все время повторяете, что не знаете смысла пророчеств, которые записываете. Да будет вам, доверьтесь мне. На этот раз вы раскрылись полностью, нравится вам это или нет.

— Но я прекрасно знаю значение этого катрена! — запротестовал Мишель с отчаянием.

Он хорошо помнил те образы, что прошли перед его глазами, когда Парпалус диктовал ему катрен.

— Там говорится о борьбе двух императоров, Ангела Старшего и Ангела Младшего в Византии три века назад. Младший победил Старшего и велел его ослепить в тюрьме Анемас в бухте Золотой Рог. И крестоносный флот, осаждавший город, соединился с венецианским. Теперь понимаете?

Триполи удивился, но согласился:

— Если все так, то ваше пророчество относится к прошлому, а не к будущему.

— Мои пророчества рождаются в сфере, где времени не существует.

Мишель понял, насколько поражен его друг, но вдаваться в более подробные объяснения не хотел. По счастью, Триполи переключился на более скромное наблюдение:

— Вы сами не так давно говорили, что предвидели смерть короля.

— Да, но не в этом катрене! В другом! Слушайте и судите сами. Я тоже прочту наизусть.

En l'an qu'un oeil en France regnera
La court sera a un bien fascheux trouble:
Le grand de Bloys son ami tuera:
Le regne mis en mal et doute double.

²⁰ Катрен XXXV, центурия I. Перевод Л. Здановича.

В тот год, когда один глаз правит Францией,
Придет двор в неприятное волнение.
Блуа великий друга умертвит,
Страна в беде, в большом двойном сомнении²¹.

— Сами переведете?

— Кое-что... — пробормотал Триполи. — Когда большое око...

— То есть великий король. Око в египетских иероглифах, которые я изучал, означает монарха. На самом деле это символ солнца.

— ...будет править Францией, двор окажется в ужасном положении. Вельможа из Блуа убьет друга. В королевстве все встанет вверх дном, и неопределенность удвоится.

Мишель мрачно усмехнулся.

— Понимаю, что эти строки мало что вам говорят. К сожалению, я все время имею дело с некомпетентными издателями, склонными к спешке. У меня в рукописи стояло grain, зерно, а не grand, вельможа.

— И что это меняет?

— Как полное имя графа Монтгомери?

— Габриэль де Лорж, владетель... — Триполи оборвал себя на середине фразы. — понял! L'orge! Ячмень!

— Лорж проводил при дворе в Блуа большую часть года. И должен вам сказать, что в прозаическом альманахе за тысяча пятьсот пятьдесят девятый год я предсказал на июнь гибель принца или суверена. И сразу же написал, что Франция возвеличит своего монарха. Что и происходит в данный момент.

Тут колокола всех церквей Салона и впрямь начали звонить. Потрясенный способностями Мишеля, Триполи побледнел и бросился к окну. Вся семья жившего напротив мельника столпилась на пороге. Население Ферейру, побросав дома и лавки, высыпало на улицу.

— Не хотел бы я, чтобы траур по этому негодяю послужил поводом к новым преследованиям гугенотов, — сказал Триполи. — Почему меня никто не слушает? Мы сильны, как никогда. С нами Бурбоны из Наварры, Колиньи, Конде — лучшая знать королевства. Граф Танде делал вид, что противостоит нам, но и он перешел на нашу сторону. Теперь, когда палач протянул ноги, нам надо только бросить клич и поднять народ против Гизов. Достаточно вспороть тысячу-другую животов — и, при поддержке Англии, скипетр наш.

Услышав такие слова, Мишель пришел в ужас. Образы насилия и жестокостей, мучившие его каждую ночь, были связаны с религиозными конфликтами. Он испытывал симпатию к реформатам и готов был признать, что, может быть, истинная вера принадлежит им. То, во что он по-настоящему верил, был синтез язычества и христианства, где древние олимпийцы, ставшие планетами, сохраняли свою мощь, но в рамках владычества единого, более сильного Бога.

— Боюсь, вы питаете определенные иллюзии относительно народных чувств, — сказал он, пытаясь подняться.

Боль в ногах не утихала.

— А также преувеличиваете, стараясь очернить Генриха. Народ считал его хорошим монархом.

— Что вы такое говорите? — взревел Триполи, перекрывая колокольный звон и нарастающий уличный шум. — За двадцать дней до турнира он отправил в Бастилию всеми уважаемых аристократов. Анна де Бург, Луи де Фор, Поль де Фуа и другие были лишены

²¹ Катрен LV, центурия III. Перевод Л. Здановича.

владений и в цепях брошены в тюрьму. Хорош король, что ожесточается против знати! Да полно, так действовали Калигула, Комод...

— Проблема реформатской церкви в том, что она находит много адептов среди знати и высшего духовенства и очень мало среди буржуазии и народа. В то время как в Германии или Англии...

— Мамочки мои, что за бардак в этом доме!

Последнюю фразу произнес женский голос.

Мишель, которому удалось наконец встать, резко повернулся к двери, но никого не увидел.

— Кристина? — неуверенно крикнул он.

— Это не Кристина, — сказал удивленный Триполи. — Я видел эту женщину, она намного выше Кристины ростом. Должно быть, она поднялась наверх.

С отчаянно бьющимся сердцем Мишель захромал к двери. Триполи его обогнал.

— Я, пожалуй, пойду, пока обстановка в городе не накалилась. Если вам понадобится вооруженная помощь, присылайте за мной. Граф Танде и Марк Паламед запаслись шпагами, и есть еще несколько аркебуз.

Но Мишель уже не обращал на него внимания. Он бросился к лестнице наверх и начал подниматься, с трудом преодолевая ступеньку за ступенькой. Сверху до него долетали голоски Магдалены, Сезара и Шарля, заливался плачем Андре, последний ребенок, которого ему родила Жюмель перед тем, как ее похитили. Догадаться, что творится наверху, он не мог.

У спальни сердце его забилося так сильно, что стало больно. В висках стучало. Он набрался мужества и заглянул в дверь.

Кристина сидела на краешке кровати в окружении троих детей. Четвертого, Андре, держала на руках Жюмель, покрывая его лобик поцелуями. Она подняла глаза.

— Привет, Мишель. Ну как ты? — только и сказала она.

От радости и удивления Мишель застыл на месте. Он вглядывался в лицо жены, все такое же очаровательное, вот только в обрамлявших его волосах цвета воронова крыла появилась седина. Позабыв о подагре, Мишель подбежал к ней, положил Андре на кровать и со страстью заключил ее в объятия, на которые получил теплый ответ. Он поцеловал Жюмель, но поцелуй получился целомудренный, потому что она отвела губы. Не обращая на это внимания, он ласково провел рукой по ее волосам, глядел и не мог наглядеться.

— Жюмель, как я испугался за тебя! — прошептал он. — искал тебя даже в Италии! Я боялся, что Пентадиус убьет тебя, чтобы отомстить за Ульриха.

Ее глаза удивленно расширились.

— Пентадиус? При чем тут Пентадиус?

Мишель выпустил ее из объятий.

— Разве не он похитил тебя? Тогда кто же?

— Никто меня не похищал, — пробормотала Жюмель. — Ты что, не прочел мое письмо?

Мишель не сразу понял ее, а поняв, пошатнулся. Он сделал знак Кристине:

— Уведи детей вниз.

Девушка взяла Андре и, приобняв остальных свободной рукой, подтолкнула их к двери.

— Закрой дверь, — приказал Мишель.

Застыв, он подождал, пока дверь закроется, и подошел к Жюмель. Никаких чувств он не испытывал.

— Объяснись, — коротко бросил он.

Колокола продолжали звонить во всем Салоне. Жюмель не скрывала тревоги, хотя и не впадала в истерику. Видимо, она заранее приготовилась к неизбежному объяснению.

— Мне нечего объяснять. Если ты прочел письмо, то и так все знаешь.

Мишель все еще не хотел верить в то, что услышал.

— Если мы говорим об одном и том же письме, то ты не могла его написать. И ни одна

женщина не смогла бы.

— Насчет других не знаю, а я написала.

Это было сказано безо всякой дерзости, даже с некоторым сожалением. Однако этого хватило, чтобы гнев Мишеля, долго сдерживаемый, вырвался наружу. Впервые за всю жизнь он произнес проклятие. Подняв кулак, он изо всей силы ударил им в стену, оставив на обоях отпечатки костяшек пальцев. С потолка посыпалась труха от источенного жучком дерева.

Жюмель испуганно отступила, но глядела уверенно и глаз не опустила.

— Тебе хочется меня побить, — тихо сказала она, — и в глубине души я тебя понимаю. А вот ты меня не понял...

Мишель изо всех сил ухватился за слабый проблеск надежды, который ему почудился в этих словах.

— В твоём письме содержалось какое-то секретное послание? Какой же я дурак! Я должен был сразу это понять. А я остановился на том смысле, что лежал на поверхности. Это я-то, всю жизнь сочинявший стихи с тайным смыслом!

Он понимал всю ошибочность своего толкования, но страстно надеялся, что она его примет.

Жюмель отрицательно покачала головой.

— Нет, в письме нет никакого скрытого смысла. Мне хотелось свободы, мне нужно было вернуть себе достоинство. Потому я и оставила тебя и детей.

— Ни одна женщина не может бросить дом и детей! — закричал Мишель. — Что я тебе сделал, кроме того, что любил тебя? В чем моя вина? Объясни, чтобы я понял, и тогда я не стану тебя наказывать. Но если не сумеешь, то пожалеешь, что родилась на свет.

Мишель был взбешен, но гнев его сдерживали два чувства: глубокая боль, которую он ощущал во всей полноте, и ощущение, что он столкнулся с чем-то таким, что невозможно понять, не имея ключа. Это было похоже на книгу «Arbor Mirabilis». Во времена конфликта с Магдаленой из этих двух чувств он испытывал только первое. Видимо, чтобы возникло второе, надо было постареть и обрести мудрость.

Жюмель скрестила руки на груди и заговорила тихо, с трудом подбирая слова:

— Было время, когда ты окружал меня вниманием и тебя переполняло чувство. Ты даже хотел соединиться со мной в одно целое в том обряде, названия которому я не помню. Ты посвятил меня в свои исследования. Но я никогда не была сама собой. Для тебя я была Анна Понсард — любовница, Анна Понсард — жена, Анна Понсард — мать, Анна Понсард — сообщница, но никогда — просто Анна Понсард. Понимаешь?

Мишель широко раскрыл глаза.

— Нет, не понимаю. Объясни.

Она вздохнула. Было видно, что она силится говорить как можно яснее.

— Все роли, которые я играла в жизни, были связаны с тобой. И твоё суждение обо мне всегда зависело от того, насколько я с ними справлялась. Твою любовь я получала взамен своей покорности. Многим женщинам этого хватило бы, но у меня был и другой опыт.

— Ты явилась с улицы, из борделя! — сказал Мишель, пряча за злостью полную растерянность.

Жюмель ни капельки не обиделась.

— Верно. Годами я отдавалась мужчинам, которые потом исчезали. Они расплачивались и уходили. Никто из них не претендовал на меня после того, как их обслужили. И я, если вдуматься, должна им быть за это благодарной. Я помню состояние своей души, а не тех случайных людей, что вереницей проходили мимо моих дверей. Когда они уходили, я снова была Жюмель. А с тобой я день и ночь мадам де Нотрдам.

Эту чудовищно аморальную тираду Жюмель выпалила на одном дыхании. Мишеля вновь охватил гнев. Хромая, он двинулся на жену, которая в испуге отстранилась, оказавшись в углу комнаты, и уставил на нее палец.

— Моя беда в том, что я женился на потаскушках и жалел их! — заорал он.

Но, сообразив, что таким образом он прокликает и Магдалену, быстро осекся.

— Ты бросила не только меня, ты бросила детей. Ты отдаешь себе отчет, что ты бесчеловечная мать?

Жюмель впервые опустила голову.

— Разлука с детьми далась мне тяжело. Пока я пряталась в доме у сестры...

— У сестры?

— Да, а где, ты думал, я была? Все это время я оставалась здесь, в Салоне.

Жюмель снова подняла голову.

— Разлука с детьми — это страшно. Я вернулась только из-за них. Но я не хочу быть приложением ни к тебе, ни к детям. Материнство — огромная радость, но оно не может быть обязанностью.

Мишель был так ошеломлен, что у него подкосились ноги и он рухнул на постель. Ему казалось, что он бредит или видит кошмарный сон. С трудом собрался он с мыслями, чтобы ответить. А собравшись, нашел ответ, расплывчатый и явно неудовлетворительный.

— Ты производишь гадости, которые тебе диктует демон! Он, должно быть, вселился в твоё тело и исказил разум. Роль мужчины и женщины определил Господь. Материнство — твоё предназначение от природы. Если ты от него отказываешься, ты не женщина. Ты — исчадие ада!

Жюмель побледнела. Но глаза ее, прекрасные, как никогда, горели, и ни страха, ни бесстыдства в них не было. В них светился только ум, вынужденный обороняться.

— Если бы я заявила, что отцовство — предназначение мужчины, меня подняли бы на смех. Но к женщине отношение другое. Без материнства она вообще не существует. Но самое интересное — это то, что она не существует, даже если у нее есть дети.

Жюмель стиснула руки.

— Мишель, ты же сам учил меня, что мужчина и женщина дополняют друг друга и что вместе они составляют непобедимую силу. Как же мы можем друг друга дополнять, если живем в разных измерениях? Наши отношения можно вернуть, но на основе дружбы, которая рождается раньше любви и есть один из вариантов любви. И материнство может возродиться, если основой будет та же дружба. Подумай об этом. Наше счастье так близко — рукой подать.

Мишель не мог найти достойного ответа, кроме проклятия или насилия, и выбрал второе. Пододвинувшись к краю кровати, он начал отстегивать ремень.

— Раздевайся.

— Зачем? Ты хочешь меня изнасиловать?

За показным безразличием Жюмель чувствовался страх.

— Нет. Надо бы, но я стар и болен. Я тебя просто выдеру. Давно надо было это сделать. Побью до крови, но это лучше костра, которого ты заслужила.

— Когда ты собираешься вздуть мужчину, ты же не заставляешь его раздеваться? Согласись, что мое унижение доставит тебе удовольствие.

Мишеля это наблюдение поразило. Он застыл в нерешительности, потом встал на ноги. Ремень он держал в руке.

— Ладно, побью в одежде. Но не думай, что будет намного легче.

Жюмель согнулась, прислонившись к стене, нагнула голову и закрыла ее руками, чтобы защитить лицо. Мишель раскрутил ремень пряжкой наружу, потом передумал и взял пряжку в руку. Замахнувшись, он разжал пальцы, выронил ремень и снова упал на край кровати.

— Не могу, — прошептал он.

— Почему? — спросила Жюмель, все еще скорчившись возле стены.

— Потому что я люблю тебя.

Жюмель выпрямилась и быстро обернулась к нему. Черные волосы взметнулись кверху, упав на спину, и стали видны сияющие глаза и нежная улыбка.

— И я люблю тебя.

Взволнованный Мишель протянул руки. Вдруг снизу раздались оглушительные удары в дверь.

— Откройте! Откройте немедленно!

Мишель вернулся к действительности. Колокола продолжали звонить, шум на улице нарастал.

— Откройте! — кричали снизу. — Откройте, или мы вышибем дверь!

Мишель побледнел. Он быстро приласкал Жюмель, получив в ответ сияющую улыбку.

— Возьми детей и забаррикадируйся с ними у меня в кабинете. В углу там есть арбалет и старая шпага. На столе лежит кольцо в виде змеи, оно нам очень пригодится. Я вернусь, как смогу.

Мишель вышел из комнаты и спустился по лестнице со всей скоростью, какую позволяли больные ноги. Уходя из дома, Триполи не забыл закрыть дверь. Но на засов ее не закрыли, и теперь косяки ходуном ходили от ударов.

Мишель вздохнул и поднял защелку. Дверь распахнулась и с грохотом ударилась о стенку. Перед ним оказалась маленькая, пышущая гневом толпа, вооруженная пиками. Впереди всех, сжимая древко копья, стоял мельник Лассаль, вчерашний друг.

После секундного замешательства Лассаль уставил копье в грудь Мишеля.

— Доктор Нотрдам, — крикнул он, — полчаса назад из вашего дома вышел ведомый еретик! Вы друг и заступник гугенотов, которые убили нашего короля! Оправдайтесь, если сможете!

Мишеля охватила такая паника, что он не знал, что ответить. Понимая, что никакие слова здесь не помогут, он пробормотал:

— Этьен, вы меня знаете. Я не гугенот.

— Лжет! — заорал мельник и повернулся к толпе: — Этот человек лжет!

— Лжет! — подхватила толпа. — Смерть ему! Смерть ему!

Мишель закрыл глаза, не в силах даже подумать о чем-нибудь. Однако в этот миг послышалось громкое цоканье копыт по мостовой.

— Вы что творите, каналы? — послышался властный, раскатистый голос. — Горе вам, если хоть пальцем тронете доктора Нотрдама! Я убью первого же, кто прикоснется к его шляпе!

Мишель приподнял веки и увидел барона де ла Гарда, со шпагой наголо, и с ним еще всадников, среди которых был Марк Паламед, первый консул Салона.

Толпа отшатнулась и отступила. Мельник попытался удрать, но двое солдат из свиты барона его поймали и схватили за руки. Один из них вывернул ему кисть, и копье выпало из руки. Другой надавал затрещин.

Толпа рассыпалась. Барон и первый консул подъехали к дому.

— Все в порядке, Мишель? — спросил де ла Гард.

— Да, Пулен. Большое спасибо.

— Закройтесь накрепко в доме и сегодня никуда не выходите.

Барон указал на небо.

— Я читал вашу брошюру о комете, которая прилетит в сентябре, и о бедах, что она принесет. На этот раз вы погрешили оптимизмом: гражданская война уже началась.

ПОД ЗНАКОМ БЕЛОЙ ЛОШАДИ

Падре Михаэлиса порастил праздничный вид Салона, в то время как вся Франция была в трауре. Улицы посыпали песком и устлали пахучими травами. Со стен домов свешивались цветочные гирлянды и полотнища с вышитыми на них французскими лилиями и савойскими крестами. Кorteж, который вез сестру Генриха II Маргариту де Берри к мужу, Филиберу Савойскому, с трудом продвигался сквозь восторженную, хотя и тихую толпу. Стоял декабрь, и, после засушливого лета и осени 1559 года, по небу неслись облака, и дул ледяной, пронизывающий ветер.

Падре Михаэлис повернулся к кардиналу Алессандро Фарнезе, разделявшему с ним темную, без опознавательных знаков, карету, которая, поскрипывая, в арьергарде элегантных

экипажей придворных, везла их к замку Эмперы.

— Если бы не герцогиня де Берри, одетая в черное с головы до ног, и не приказ толпе соблюдать тишину, никто и не догадался бы, что Франция оплакивает своего короля.

Кардинал тонко улыбнулся.

— Ну, теперь у вас другой король, Франциск Второй. Он еще ребенок, но имеет право на трон, даже если гугеноты и оспаривают это право.

— Гугеноты выступают не против него, а в пользу истинного короля.

Улыбка Алессандро Фарнезе стала шире и обрела саркастический оттенок.

— Ну же, произнесите имя, тем более что мы оба его знаем.

Падре Михаэлис раздраженно поджат губы.

— Если мы оба его знаем, то нет нужды его произносить.

— Вы, иезуиты, всегда осторожны, верно?

Алессандро Фарнезе расхохотался.

— Ладно, его назову я. Сейчас во Франции правит кардинал де Лорена, покровитель Гизов. Подозреваю, что орден иезуитов против этого не возражает. Или я ошибаюсь?

Теперь пришла очередь падре Михаэлиса улыбаться.

— Это правда. Мы не возражаем.

Он сразу же снова стал серьезен.

— Меня беспокоит то, что кардинал собирает все траты на мирный договор в Шато-Камбрезис переложить на младшее дворянство. Именно среди младшего дворянства гугеноты и вербуют своих сторонников. Вооруженные конфликты уже вспыхнули в разных районах Франции. Если малая аристократия повернется к реформатам, вся страна рискует превратиться в поле сражения.

— Совершенно верно, — ответил Алессандро Фарнезе.

Он хотел еще что-то сказать, но тут сильный толчок возвестил о том, что экипаж прибыл на место. Кардинал выглянул в окно и сразу же отпрянул внутрь кареты.

— Эммануэле Филиберто уже в ложе на помосте, в окружении консулов. Я не хочу, чтобы меня узнали, здесь вам проще. Посмотрите-ка сами.

Михаэлис послушно высунул голову и тут же, с гримасой на лице, снова откинулся на сиденье.

— Что за дурновкусица! — воскликнул он. — Они оставили висеть на соседней улице трупы четверых гугенотов. Есть риск, что герцогиня их увидит.

— И здесь тоже истребляют гугенотов? Это хороший признак.

— Парламент Экса выполняет свой долг и уже арестовал многих реформатов. В Салоне отловили только мелкую рыбешку. В ложе сидит Марк Паламед, первый консул. Его подозревают в кальвинизме, а его брат Антуан Паламед, по прозвищу Триполи, скрывается.

— То, что гугеноты вынуждены скрываться, тоже хороший признак.

Михаэлис нахмурился.

— На первый взгляд — да. Жаль только, что тут мы имеем дело с попустительством. Граф Танде, правитель Прованса, палец о палец не ударил, чтобы схватить тех, кого разыскивают. Подозреваю, что в данный момент Триполи спокойно скачет в Нант, где реформаты созывают свои генеральные штаты.

— Вам и это известно? — восхищенно прошептал кардинал Фарнезе. — Я полагал, что секретными сведениями располагают только силы полиции.

Михаэлис сложил губы трубочкой.

— Вы забываете, что мы вездесущи и у нас есть штат мирских осведомителей. А я являюсь провинциалом Парижа и Северной Франции. Моих ушей достигают все исповеди и доносы.

Колокола Салона сменили погребальный звон на праздничный. По толпе, молчавшей до сей поры по причине траура, прошел гул.

— Ну вот, — сказал кардинал. — Церемония началась. Выйдите посмотрите, а потом расскажете.

Михаэлис спрыгнул на землю и смешался с толпой, которую солдаты из эскорта безуспешно пытались удержать по краям улицы. Отсюда, с возвышения, был хорошо виден медленно и важно движущийся кортеж: десятки экипажей, сверкающие яркими нарядами пажи, фрейлины и придворные. С ними шло местное население, от честных работяг до девочек из борделя и грузчиков, собиравшихся воспользоваться случаем и выпить на дармовщинку. Но больше всех было батраков из окрестных деревень. Целая армия ребятишек бежала за экипажами и развлекалась тем, что кидалась песком, часто добираясь и до более глубокого слоя уличной грязи.

Михаэлис увидел, как Маргарита, вся в черном, направилась навстречу герцогу Савойскому в белых одеждах. Она была высока ростом и горбата, он — почти карлик. И все же впечатление от встречи супругов, ставших супругами по статье мирного договора, было так сильно, что почти все женщины плакали, а мужчины еле скрывали волнение.

Но прежде чем они встретились, между ними появился человек в квадратной шапочке, с длинной седой бородой. В руке он держал какой-то листок.

Михаэлис обернулся к стоящему рядом парню в переднике мясника и спросил:

— Кто это?

— Это Нострадамус, великий пророк! — с воодушевлением ответил парень. — Он написал поздравление, которое начертано на стенах, видите? «*Sanguine Trojano, Trojana stripe...*» Это означает: «Троянской крови, троянского рода, станет королевой по велению Венеры...» Как вам известно, наш королевский дом по прямой линии происходит от Франка, сына Гектора Троянского.

— Ну да, ну да... — рассеянно пробормотал Михаэлис.

Нострадамус начал читать торжественную речь, в которой толпа не поняла ни слова. Иезуит воспользовался моментом, чтобы разглядеть своего врага. Он не виделся с ним с самого придворного обеда. Мишель де Нотрдам был чуть ниже среднего роста и выглядел старше своих лет. Может, так казалось из-за длинной, совершенно седой бороды, покрывавшей всю грудь. Его крепко сбитое тело окутывал черный плащ, куртка и панталоны тоже были черные.

Внешность ничем не примечательная. Единственное, что бросалось в глаза в его облике, — это необычайно красный цвет лица и особенно носа. С такого расстояния судить было трудно, но он показался Михаэлису скорее изрядным любителем выпить, чем провидцем и аскетом.

Пока Нострадамус читал приветствие, супруги исподтишка наблюдали друг за другом, похоже, без особого энтузиазма. Михаэлис искал глазами мясника.

— А вы уверены, что он пророк? Он больше похож на пьяницу.

Тот возмутился:

— Сударь... простите, я хотел сказать — падре... доктор Нострадамус известен во всем мире своими предсказаниями. Он даже был принят при дворе королевы. Говорят, он предсказал ее троем сыновьям, что править будут все трое. А это значит, что двое из них умрут молодыми.

— Ну, это еще неизвестно, — улыбнулся Михаэлис.

— Даю руку на отсечение, что так оно и будет. Нострадамус никогда не ошибается.

— Вижу, что в Салоне он пользуется большим уважением.

— Да, но не все к нему так относятся. Некоторые подозревают, что он гугенот. Но это неправда. Он всегда ходит к мессе и щедро раздает милостыню. Гугеноты так себя не ведут. Многие из них поклоняются Магомету, и почти все, притворяясь, что молятся, проклинают Господа. Да еще к тому же кровосмесительно совокупаются.

— Это правда, — согласился Михаэлис.

Потом ни с того ни с сего спросил:

— Не знаете, где гостиница «Белая Лошадь»?

— О, это недалеко.

Мясник указал на боковую улицу, вдоль которой висели останки повешенных.

— Пойдете вниз, потом свернете налево.

— Спасибо.

Падре Михаэлис бросил последний взгляд на помост. Нострадамус кончил читать приветствие и исчез непонятно куда. Теперь говорил Марк Паламед, который громовым голосом изрекал банальности. Жених с невестой с подозрением наблюдали друг за другом.

Михаэлис вернулся в экипаж.

— Гостиница «Белая Лошадь» в двух шагах отсюда, — сказал он кардиналу Фарнезе. — Там меня должна ожидать дама, с которой вы хотели познакомиться. Возможно, она уже там.

— Думаете пойти пешком?

— Да, вас никто не узнает. Достаточно снять кардинальскую шапочку и поменяться со мной плащами: ваш красный на мой черный. Все увлечены церемонией, к тому же скоро пойдет дождь.

— Согласен.

Вскоре падре Михаэлис, в одной рясе, локтями пробивал кардиналу дорогу в толпе. Когда они миновали давку, Алессандро Фарнезе догнал иезуита.

— Зачем вы велели вашей подопечной прийти сюда?

— Остров Ситэ, где она укрывалась до сих пор, теперь ненадежен. Квартал Сен-Жермен, что напротив Ситэ, называют «маленькой Женовой», настолько он наводнен реформатами. Наш орден был вынужден временно отказаться от открытия коллежа на улице Сен-Жак: студенты рисковали жизнью.

Кардинал указал на четырех повешенных, висевших у них над головами.

— В этих краях ситуация получше.

— Только отчасти. В Париже к Кальвину переметнулись аристократия и интеллигенция, а народ и буржуазия с нами. А здесь, на юге, наоборот, буржуа начинают симпатизировать гугенотам, особенно в городах. Почти все лионские купцы — кальвинисты. И знаете почему?

— Нет, скажите.

— Потому что иезуиты еще не пустили корней в Провансе. Наверное, вам кажется, что я пристрастен, но это правда.

Алессандро Фарнезе промолчал. Едва они завернули за угол, как увидели ряд безымянных домиков. Над одним из них, который был чуть выше остальных, висела поперек улицы длинная деревянная вывеска, окантованная по краям железными полосками. На ней красовалась грубо намалеванная белая лошадиная голова. Такие вывески терпеть не могли кучеры, потому что им частенько доводилось расшибать об них лбы. Мостовая перед домом не была посыпана песком, и на ней не наблюдалось ароматических трав. Мутный желтоватый ручеек, отдающий человеческой и конской мочой, весело бежал к центральному каналу.

Внутри гостиница выглядела куда уютнее, чем снаружи: столы в порядке, закопченные стены вычищены, в камине хорошая тяга. На скамейках сидели кавалеры и дамы, явно сбежавшие со свадебной церемонии.

— Мест нет, — заявила вновь прибывшим хозяйка гостиницы, — ни для обеда, ни для ночлега. Все заказано заранее.

Михаэлис увидел, как омрачилось лицо кардинала, и подумал, что в других обстоятельствах тот заказал бы не только стол или комнату, но откупил бы и всю гостиницу. И велел бы высечь и хозяйку, и ее мужа, если таковой имелся. Но теперь придаться было не к чему.

— Мы не собираемся ни обедать, ни останавливаться у вас. У нас назначена встреча с вашей итальянской постоялицей, герцогиней Чибо-Варано. Для нее комната была заказана.

Хозяйка разинула рот.

— Так она герцогиня? А вид у нее...

— Тем не менее это так.

— Она приехала нынче утром.

— Позовите ее. Скажите, что ее ждет падре Михаэлис.

Хозяйка окинула взглядом помещение, ища, видимо, слугу, но потом решила подняться сама. Пыхтя, она поднялась по лестнице, что вела наверх.

Когда хозяйка скрылась из виду, кардинал Фарнезе тихо сказал:

— Как вам удалось убедить Джулию приехать?

— О, это было нетрудно. Она делает все, что я прикажу. Кроме того, она надеется встретиться здесь со своим возлюбленным, астрологом Габриэле Симеони.

Кардинал нахмурился.

— Возлюбленным? Об этом вы мне не говорили.

Падре Михаэлис подозрительно на него взглянул. Впервые у него промелькнула догадка, что Фарнезе имел на Джулию совсем иные виды, чем те, которые декларировал. Эту догадку он сразу отбросил. Хотя чувственность кардинала ни для кого не была секретом, ему казалось невероятным, чтобы Фарнезе был настолько привязан к одной женщине, чтобы докучать провинциалу Парижа просьбами ее привезти. Михаэлису приходилось еще и сдерживать собственные чувства, всегда немного болезненные, когда дело шло о герцогине.

— Пусть вас не волнует Симеони, — сказал он кардиналу. — Он несчастный пьянчужка и не сможет спутать ваши планы. Мы с ним расстались в Сузе, в таверне. И он начал, из остерии в остерию, двигаться во Францию. В Париже он пытался найти Джулию, но даже не знал, где искать. Екатерина Медичи не приняла его при дворе.

— Короче — человек-призрак, — заметил успокоенный Алессандро Фарнезе.

— Нет, умнейший человек, но идеалист. Проповедовал объединение Италии, ни больше ни меньше. Он запросто может объявиться здесь, в Салоне. Он был другом Нострадамуса и принадлежал к той же секте.

Кардинал снова встревожился.

— Вы хотите сказать, что Симеони может свалиться нам как снег на голову, с минуты на минуту?

Михаэлис улыбнулся.

— Нет. Между Парижем и Салоном слишком много остерий, а для него это остановки на крестном пути, который ему придется пройти.

В этот момент на лестнице показался Лоран Видель в сопровождении Джулии и хозяйки. Медик подбежал к иезуиту.

— Падре Михаэлис, как я рад вас видеть! — воскликнул он. — Вот, я доставил вам вашу подопечную!

Михаэлис был весьма недоволен, услышав свое имя, сказанное в полный голос, да к тому же и сопровождаемое фразой, которую могли истолковать превратно. Некоторые из посетителей стали оборачиваться. Ему ничего не оставалось, кроме как сделать хорошую мину при плохой игре.

— Друг мой! — изобразил он радость. — Вы великолепны! Но я удивлен, увидев вас здесь, а не в церкви. Разве вы не знаете, что всем, кто присутствует на мессе в честь новобрачных, обещан целый год индульгенции?

— В самом деле? — удивился Видель.

— Да. Бегите скорее. Служба уже началась, но еще не поздно.

— Тогда я пошел. — Видель поклонился. — Надеюсь, вы меня извините.

— О, конечно. Спешите. Увидимся позже.

Обернувшись к кардиналу и Джулии, Михаэлис испытал легкое беспокойство. Прелат улыбался ей с необычной теплотой, а она глядела на него серьезно и почти испуганно.

— Итак, я должен вас представить... — начал иезуит, но Джулия его прервала:

— Это излишне. Мы знакомы с его преосвященством.

— И у меня остались о вас самые радостные воспоминания, — мечтательно сказал Алессандро Фарнезе.

На Джулии была темная накидка поверх простого платья из зеленого бархата,

перехваченного золотистым поясом. Кардинал протянул руку и приподнял накидку, которая скрывала элегантную, точеную фигуру.

— Последние годы пошли вам на пользу. Чуть волнистая равнина сменилась прелестными холмами. Просто глаз радуется.

Это замечание, хоть и облеченное в изысканно-вежливую форму, было непристойным и возбудило в Михаэлисе худшие подозрения. Он даже думать о них не хотел. Встав между Джулией и кардиналом, он указал на свободный стол:

— Давайте сядем. Джулия, у кардинала есть для вас очень радостная новость.

Она залилась краской, но возражать не стала, и Михаэлис понял, как велико ее очарование. Он указал ей на место напротив, а кардинала пригласил сесть рядом с собой, но тот предпочел обойти стол и усесться рядом с Джулией.

Подбежал слуга. Падре Михаэлис заказал для всех лимонад, чтобы слуга поскорее убрался, потом сказал герцогине:

— Друг мой, после стольких лет наконец-то восстановлена справедливость в вашем деле и доброе имя вашей матери. В августе, незадолго до смерти его святейшества Павла Четвертого, кардиналу Фарнезе удалось получить его подпись под актом, снимающим с вас отлучение, тяготевшее над владетельницами Камерино.

Лицо Джулии просияло, глаза наполнились слезами, и она поднесла руки к груди, словно стремясь успокоить отчаянно бьющееся сердце.

— Это правда? — охрипшим от волнения голосом прошептала она. — Боже мой, если это правда, то сегодня самый счастливый день в моей жизни!

— Это правда, — торжественно подтвердил Алессандро Фарнезе. — велел сделать копию с акта и приехал сюда специально, чтобы вам ее предъявить.

Он вытащил из-под мантии сложенный пергамент, запечатанный множеством печатей.

— Вот, возьмите и прочтите сами.

Джулия взяла свиток, но руки у нее так дрожали, что она даже не смогла его развернуть и расплакалась.

— О, я так счастлива, — проговорила она сквозь рыдания. — Спасибо, господа, спасибо! Воистину, велика ваша доброта! О, если бы моя мать была здесь... Благодарю вас и от ее имени...

Михаэлис огляделся вокруг.

— Прошу вас, говорите тише. Зал битком набит, и приходят все новые и новые люди. Увидев, что вы плачете, не все решат, что это от радости.

— Вы правы.

Джулия взяла себя в руки, хотя слезы все еще струились по ее щекам.

— Теперь я смогу выйти замуж за Габриэле, не таясь, смогу свободно передвигаться, может быть, вернусь в Тоскану...

Михаэлис поднял руку.

— Не смешите, моя дорогая, — сердечно произнес он. — Не забывайте, что вы под подозрением и вас разыскивает инквизиция. Теперь мне будет легче закрыть ваше дело, но на это нужно время.

Джулия не выказала разочарования.

— О, я буду терпелива. Нам с матерью всегда хватало терпения...

— Да, но, возможно, дело удастся ускорить. Что вы на это скажете, ваше преосвященство? Можно ли что-то сделать для герцогини?

Алессандро Фарнезе, казалось, задумался.

— Может быть, — сказал он. — Согласно «Repertorium Inquisitorum»²², инквизитор может реабилитировать простым нравоучением, которое снимет вину, без очистительных обрядов и прочих формальностей. Я могу лично ходатайствовать перед кардиналом де

²² «Перечню полномочий инквизиторов» (лат.)

Лореном, чтобы он прибегнул к этому способу. Но для этого мне нужен жест доброй воли, который утвердил бы всех в мысли, что герцогиня не еретичка.

— Что я смогу сделать? — воскликнула Джулия. — Я сделаю все, что вы скажете.

Кардинал выдержал паузу, пока слуга принес лимонад, потом сказал:

— Идеальным было бы содействовать поимке какого-нибудь еретика. Это сняло бы с вас все подозрения. Я знаю, что вы католичка, а следовательно, вам известно, что такие поступки всегда поощряются.

Джулия явно удивилась:

— Но я не знаю ни одного еретика. Те, с которыми я была знакома, давно арестованы.

Падре Михаэлис улыбнулся.

— Подумайте хорошенько, ведь для вас так важно быть оправданной и насладиться наконец свободой. Разве в прошлом вы не были знакомы с еретиками?

— Пожалуй, да. В Лионе, несколько лет тому назад. Пьетро Джелидо, Мишель Серве, Карнесекки. Некоторых уже нет в живых.

Падре Михаэлис изобразил на лице живейшее удивление и пристально посмотрел на кардинала.

— Карнесекки? Так он жив?

— Да, он бежал в Венецию.

— Смотри-ка, — прошептал задумчиво Михаэлис.

До этого момента диалог с Фарнезе был заранее спланирован. Теперь же можно было разыграть карту, о которой прелат и не подозревал. Он надеялся, что кардинал не будет настолько глуп, чтобы возражать.

— Друг мой, — обратился он к Джулии, — до сих пор я избегал говорить с вами о Симеони. Вы уже знаете, что я видел его в Сузе в прошлом году. Он сказал, что оттуда собирается в Венецию, может, для того, чтобы найти ваш след. Вы, конечно, в курсе, что Венеция заключила договор с императором. Симеони надеялся, что никто не узнает в нем французского офицера. Но кое-кто узнал. Догадайтесь кто.

Растерянная Джулия не ответила. Михаэлис продолжил:

— Пьеро Карнесекки. Именно он. И если Симеони оказался в венецианских застенках, это по его вине.

Джулия чуть не вскрикнула, но Алессандро Фарнезе проворно закрыл ей рот рукой.

— Спокойно, герцогиня. Вашего друга быстро освободят.

Убедившись, что герцогиню душат слезы и она не пытается больше закричать, он отвел руку.

— Успокойтесь. Вы знакомы с Карнесекки и можете, не опасаясь, сблизиться с ним. Инквизиция запретила вам передвижение, но я сам провожу вас в Венецию. Вы разоблачите негодяя, и мы сделаем так, что ваш Габриэле будет на свободе.

Падре Михаэлис согласно кивнул.

— Таким образом, друг мой, вы убьете сразу двух зайцев: кардинал де Лорена объявит о вашей реабилитации, и вы сможете наконец обвенчаться с Габриэле. Что скажете? Не кажется ли вам, что в вашу судьбу вмешалось провидение?

Джулия собиралась с силами для ответа, но тут в гостиницу ворвалась группа возбужденных, вооруженных палками ополченцев. Ими руководил высокий рыжебородый человек, одетый так же, как и они, в зимнюю накидку с рукавами и с серой суконной шапкой на голове. В руке он сжимал S-образный кинжал, явно испанского происхождения.

— Господа, меня зовут Кюрнье, я глава католических крестьян Салона, — драматически начал он. — Я должен объявить вам, что день праздника омрачило ужасное преступление. В Париже убит гугенотами президент Минар, тот самый судья, который приговорил Анну де Бург и ее сообщников-гугенотов.

Все присутствующие вскочили на ноги. Мало кто из них был знаком с Антуаном Минаром лично, но все знали, что он был президентом парламента в Париже. Новость действительно была трагическая.

— Мы устали от жестокостей лютеран, — угрожающе произнес Кюрнье. — И мы устали от вашего дворянского бездействия. Кто смелый — давайте с нами. Мы идем выковыривать еретиков, засевших в городе.

Сказав так, Кюрнье удалился вместе со своими крестьянами, один из которых выбил палкой единственное в гостинице застекленное окно, словно желая оставить по себе след.

Из присутствующих дворян только двое, обнажив шпаги, последовали за ополченцами.

Женщины кричали, мужчины возбужденно обсуждали событие. Хозяйка в отчаянии вцепилась себе в волосы: застекленное окно было по тем временам роскошью.

Падре Михаэлис озабоченно оглядел спутников. То, что он увидел, его потрясло. Кардинал Фарнезе стоял позади Джулии, обняв ее, и, как бы в утешение, положил ей руки на груди и нежно их ласкал. Обессиленная Джулия не сопротивлялась.

Михаэлис спросил себя, не закралось ли в его замечательный план неожиданное и неприятное обстоятельство. Он почувствовал себя несчастным. Более того, он почувствовал себя в дураках.

ТЕРРОР В САЛОНЕ

Жан Шевиньи вцепился в руку Мишеля Нотрдама.

— Хотите вы или нет, а я навсегда останусь с вами. Вы так велики, что ваша тень освещает, как солнце. Я хочу жить здесь. Я буду секретарем, при надобности — переписчиком, кухонным мальчиком, конюхом... Кем угодно, лишь бы остаться с вами!

Мишель взглянул в юношу со скупающим снисхождением.

— Эту тень, что освещает, как солнце, я никогда не чувствовал. Мальчик мой, вы думаете, это удачный момент? Разве вы не видите, что делается?

Он указал на лампы и свечи, которые всю ночь горели на многих подоконниках квартала Ферейру, а теперь гасли одна за другой. Свежий утренний ветерок гасил последние еще теплящиеся фитильки.

— Давайте обсудим ваше предложение у меня дома. Сейчас такое время... Кто опаздывает, рискует жизнью.

Шевиньи не сдавался.

— Я подошел к вам после мессы, потому что мне это было необходимо. Вы владеете тайной, выходящей за пределы человеческих возможностей. Я не прошу вас ее открыть. Мне бы только хотелось, чтобы вы приняли меня в услужение, ни к чему не приобщая. Мне достаточно просто посвятить себя тому, кто на этой земле более всех походит на Бога.

Мишель еле сдерживался, чтобы не ответить какой-нибудь хлесткой фразой. Однако в этот момент они вышли на площадь Бугр-Неф, один из оплотов мятежников. Многие из них, завернувшись в серые плащи, забрызганные кровью, спали прямо на мостовой, положив рядом с собой береты с куриными перьями. Они устали, вернувшись с ночных налетов, во время которых их союзники из горожан всю ночь не гасили огней, чтобы освещать им дорогу.

Некоторые группы мятежников были еще на ногах и собирались в кучки, чтобы обсудить ближайшие карательные экспедиции. Шел пятый день их полного контроля над городом.

Все началось с нескольких случаев самосуда, когда побили палками предполагаемых реформатов, после того как стало известно о попытке государственного переворота, которую гугеноты предприняли в Амбуазе, где находилась королевская семья.

Когда бальи Пьер Ру, владетель Бовезе, попытался прекратить насилие, он встретил такой неистовый отпор, что ему пришлось затвориться в своем палаццо. Мятежники вмиг обложили палаццо соломой и дровами до уровня первого этажа и наверняка спалили бы, если бы не вмешался новый первый консул, Антуан Кадене. Он уговорил бальи уйти в отставку и под конвоем препроводил его в одиночную камеру замка Эмперы. Этого хватило, чтобы успокоить обстановку. Вот только мятежники восприняли этот поступок как

признание за ними права вершить правосудие. Днем они вели себя тихо, а по ночам выходили на охоту, выслеживая всех, кого подозревали как гугенотов. Их избивали и волокли в замок. Первый консул был вынужден их арестовывать, чтобы не получилось еще хуже.

Сейчас был день, но с ополченцами никогда нельзя было знать, как они себя поведут. Мишель изобразил полное спокойствие. Он жестом велел Шевиньи молчать и, прихрамывая, заковылял между отрядами вооруженных крестьян. Некоторые из них с подозрением оглядывались на обоих.

Мишель услышал вопрос, который заставил его вздрогнуть.

— Кто эти двое? — спросил один из ополченцев.

— Тот, что постарше. — Нострадамус, он пишет альманахи, — ответил голос, в котором Мишель узнал мясника, купившего у него гороскоп. — Он добрый католик и очень ученый человек.

— Маг не может быть добрым католиком. Наверное, его надо допросить.

— Оставь. Никакой он не гугенот. Да и королева с ним часто советуется.

Мишель притворился равнодушным и с бешено бьющимся сердцем продолжал двигаться по площади, проклиная свои ноги, из-за которых он теперь еле плелся. Он надеялся, что Шевиньи будет молчать, и, по счастью, юноша понял ситуацию и молча шагнул рядом. Ополченцы сменили тему разговора.

Мишель и Шевиньи уже добрались до выхода с площади, как вдруг услышали приближающиеся вопли, смысл которых вскоре можно было различить:

— Да здравствует религия! Смерть лютеранам! Да здравствует ополчение!

Определить, откуда доносились голоса, было трудно.

В следующий миг Мишель отскочил в сторону, а за ним и Шевиньи.

Из улицы, куда они сворачивали, выскочила толпа разъяренных людей. Впереди всех шагнул Луи Виллермен по прозвищу Кюрнье, глава ополченцев. Вид у фанатика и без того был дикий, но его еще усугубляла наголо бритая голова и болтающийся на шее тяжелый деревянный крест. Человек, шагавший с ним рядом, резко отличался от него изысканностью и осторожностью манер.

Мишель сразу узнал его: это был Антуан де Корде, один из самых пламенных поборников партии Гизов в Салоне. У него была репутация умеренного, и, действительно, в первые дни террора ему удалось спасти жизни многих гугенотов, вырывая их из рук палачей и отправляя в замок. Но потом мятежники настолько втянули его в свои преступления, что он уже не мог повернуть вспять, сам не рискуя жизнью. Смертельно бледный, он шел за Кюрнье уже не как сообщник, а как лакей.

— На костер! На костер! Смерть лютеранам! — ревела толпа.

Многие ополченцы принялись стучать в барабаны, висевшие у них на шее, и дудеть в трубы, создавая ужасающую какофонию. Те, что спали, вскочили и тоже завопили.

— Стадо дикарей! — вскинулся Шевиньи. — Куда смотрит духовенство?

Мишель не ответил. Он похолодел от жуткого зрелища. Ополченцы толкали перед собой, всю в крови, спотыкающуюся и шатающуюся старуху. Лицо ее было избито до неузнаваемости, над ним топорщились клочья частично вырванных седых волос.

Мишелю стало плохо. Он резко оттолкнул Шевиньи, державшего его под локоть, и бросился к Антуану де Корде. Ноги у него дрожали, но негодование пересилило страх.

— Господин де Корде, вы не можете закрывать глаза на преступления! — закричал он хрипло, и его голос перекрыл шум на площади.

Кюрнье резко обернулся.

— В чем дело? — грубо спросил он.

— О, ничего, ничего, это мой друг, — поспешил ответить де Корде.

Он был смертельно бледен, словно в лихорадке. Схватив Мишеля за руку, он оттащил его в сторону.

— Как вы неосторожны! — зашипел он ему на ухо. — Поймите, вы рискуете жизнью.

Мишель указал на старуху, которую совсем заслонили серые плащи мучителей.

— Кто эта несчастная? Что вы хотите с ней сделать?

— Тише! — взмолился де Корде и опустил глаза. — Это мать одного из гугенотов. Ее ведут в лепрозорий, а там отрубят голову.

— И вы так просто об этом говорите?

Мишель почувствовал в горле горький привкус рвоты, и у него перехватало дыхание. С трудом справившись с собой, он сказал:

— Запретите это!

— Не могу. И потом, она и так почти мертва. Чем раньше ей отрубят голову, тем лучше для нее.

Мишель закрыл лицо руками.

— Боже мой! Боже мой! Что же это делается! Это и есть та религия Христа, которой вы служите?

— Замолчите! — с неожиданной силой приказал де Корде. — Вы не понимаете, что на одну несчастную жертву этих палачей приходится двадцать мною спасенных! К несчастью, Пулен де ла Гард в море, но Марк Паламед прилагает все усилия, чтобы навести порядок в регионе. На завтра назначена ассамблея нотаблей. Приходите, и вы тоже поспособствуете восстановлению спокойствия.

Звуки труб и барабанов удалялись. Обретя немного больше уверенности в себе, де Корде прибавил:

— Доктор де Нотрдам, вы не хуже меня знаете, как страдают католики в тех регионах, где хозяйничают лютеране и кальвинисты. Иногда бывает необходимо ради высокой цели использовать жестокие средства. Да, гибнут невинные, но это неизбежное следствие любой войны.

У Мишеля покраснели глаза.

— Война и есть наибольшее из зол. Неужели вы не понимаете?

— Нет, не понимаю, — резко ответил де Корде. — А теперь идите домой. Опасность миновала. И не думайте об этой старухе.

Мишель вдруг почувствовал себя старым, больным и совершенно обессиленным. Никогда еще ощущение болезни и старости не проявлялось с такой силой. Привыкнув к путешествиям вне времени, он решил, что его годы остановились, хотя и замечал, как седеют волосы и борода. Подагра и, прежде всего, неспособность вмешиваться в те обстоятельства, которые требовали действий, напомнили, что ему уже пятьдесят семь лет, а в эту эпоху редко кто доживал до шестидесяти. Видеть сквозь время вовсе не означало замедлить его бег. Он опустил голову и догнал Шевиньи.

Тот, видимо, почувствовал состояние Мишеля, потому что взял его под руку и улыбнулся. Вместе они пошли прочь с площади.

Не успели они свернуть в улицу, как тут же стали свидетелями очередной жестокости. Человек двадцать ополченцев, отделившись от группы Кюрнье, атаковали жилище второго консула, Луи Поля, заподозренного в принадлежности к гугенотам. Сановник с братом и их семьи вовремя укрылись в безопасное место. Разъяренные тем, что не нашли человеческих жертв, мятежники начали громить дом и находящийся внизу магазин. И не просто грабили, а уничтожали. Вся улица была засыпана зерном, а со второго этажа летели столы, стулья, даже детская люлька. Вокруг нетвердыми шагами, как сомнамбула, бродила полуголая девчушка, видимо служанка первого консула. По тому, как она прижимала руки к платью, выпачканному кровью на уровне лобка, можно было догадаться, какому насилию она подверглась.

Шевиньи закрыл глаза Мишеля ладонью.

— Учитель, подобные зрелища не для вас. Вы слишком велики, чтобы опускаться до такого ничтожества.

Мишель в гневе оторвал от лица пальцы юноши.

— Оставьте меня в покое и не пытайтесь обращаться со мной, как с ребенком! Разве вы

не понимаете, что такие ужасы я вижу каждую ночь? Этот дар оставил мне Ульрих! Дар, больше похожий на проклятие!

Заметив, что Шевиньи унижен, он немного смягчил тон:

— Вы не знаете, кто такой Ульрих, и не можете всего понять. Это я так, болтаю. Я получил отравленный дар, но я его культивирую. Нельзя закрывать глаза на истину, как бы ужасна она ни была. И пожалуйста, предоставьте мне самому решать, закрывать их или нет.

Шевиньи отвел руку, и они зашагали к кварталу Ферейру, где пока еще не бесчинствовали мятежники. После заступничества барона де ла Гарда мельник больше не приставал к Мишелю, но продолжал косо на него смотреть. Гораздо большие неприятности поджидали Мишеля в собственном доме. Полное примирение с Жюмель было скреплено ожидавшимся рождением новой дочурки, которую в честь матери решили назвать Анной. И все-таки между супругами пролегла невидимая трещина. Он не заглядывал больше в бордель и вел себя как примерный муж, однако так и не понял до сих пор, почему тогда ушла Жюмель. Он списал все на изменчивую и чувственную женскую природу, о которой много писалось в литературе. Она была заботливой матерью, но, с точки зрения мужа, утратила былую естественность. Живя под одной крышей, они мало общались, и оба молча страдали.

Мишель открыл ключом висячий замок, но дверь оказалась запертой на задвижку. Он оценил такую осторожность и постучал. В смотровой щели появился испуганный глаз Кристины. Потом задвижку открыли, и они вошли.

— Что новенького, Кристина? — спросил Мишель намеренно небрежным тоном.

В эти тяжелые дни он как хозяин дома старался, как мог, успокаивать живущих в доме женщин.

— Ничего, сударь. У госпожи гости.

— Гости? — удивленно воскликнул Мишель. — Я же приказал никого не впускать!

— Но это ваши друзья.

Кристина, которая с годами превратилась в бледную, костлявую девицу, была явно смущена.

— Так, по крайней мере, мне сказала хозяйка.

— Сейчас посмотрим, — сказал Мишель. — Входите, Шевиньи.

От того, что он увидел в гостиной, у него перехватило дыхание. В кресле у окна восседала усталая, с большим животом, но по-прежнему прекрасная Жюмель. Вокруг нее на стульях и диванах сидели люди, имена которых он хорошо знал. Двое в черных бархатных костюмах, с серебряными цепочками на шее и поясе, были Амальрик де Мован-старший и Бартале-младший. В Салоне их считали бесспорными главами гугенотской партии, и их давно уже повсюду искали ополченцы. Месяц назад был убит старший брат Бартале, Антуан, и у реформатов Кро появился первый мученик.

Еще более компрометирующим оказался другой гость, одетый в элегантный парчовый камзол, порванный во многих местах и весь покрытый пылью. Это был второй консул Луи Поль собственной персоной: богатый негоциант, успешно занимавшийся делами, пока не разграбили его имущество.

— Мишель, я приняла наших друзей, не дожидаясь твоего прихода, потому что их жизни угрожает опасность, — объяснила Жюмель, словно стремясь предупредить возможные возражения мужа. — Они знают, что у тебя доброе сердце, и попросили у нас убежища. Я считаю, они поступили правильно.

Мишель ничего не ответил, потому что вид четвертого гостя его просто уничтожил. Перед ним сидела Бланш, девушка из борделя, его любимица в те времена, когда он еще навещался к Когосским воротам. Он так смутился, что не знал, что сказать. Бланш тоже чувствовала себя неловко. На ней было очень скромное платье с высоким воротничком, волосы спрятаны под белый шелковый чепец. Но то, как она, по-кошачьи изящно, устроилась в кресле, выдавало естественную чувственность, которую не спрячешь.

Жюмель снова прервала молчание.

— Мишель, я полагаю, ты знаком с Бланш, — произнесла она с тонким лукавством. —

Ей и всем девушкам пришлось бежать. Ополченцы восприняли их как приз за доблесть и измывались над ними, как хотели. Прекратить безобразие была бессильна даже хозяйка заведения, Катрин Галин, несмотря на то что она замужем за этой мерзкой рожей, Кюрнье. Бланш было некуда идти, и она пришла сюда.

Луи Поль, угрюмый, совершенно лысый человек, приподнял бровь:

— Присутствие здесь некоторых личностей не кажется мне моральным в такой трагический момент. Господь подвергается одному оскорблению за другим. Мне бы не хотелось, чтобы еще одна капля греха, нарушив небесное равновесие, обрушилась на нас Его гнев.

Жюмель широко улыбнулась.

— Вы совершенно правы, господин второй консул. Если вы опасаетесь божественного гнева, отчего же вы не вернетесь домой?

— Нет-нет, — поспешил вмешаться Мишель. — Наш христианский долг — принимать всех, чья жизнь в опасности. Господа, и вы, мадемуазель Бланш, прекрасно поступили, придя сюда. Не знаю, насколько безопасен этот дом, но на сей момент, конечно, безопаснее улицы. Анна, ты уверена, что мельник ничего не заметил?

— Я думаю, он шатается с ополченцами.

— Ты накормила наших гостей?

— Кристина сейчас что-нибудь приготовит.

— Где дети?

— Играют у тебя в кабинете.

Шевиньи, до этой минуты пожиравший глазами Бланш, вдруг встрепенулся.

— Ах, легендарный кабинет доктора Нострадамуса! Храм открывшихся истин и ошеломительной магии! — воскликнул он и повернулся к группе гугенотов. — Господа, должен предупредить вас, что я ревностный католик, преданный Папе Пию Четвертому. Но прежде всего я предан маэстро Мишелю де Нотрдаму и с почтением отнесусь к его гостям, кто бы они ни были. Более того, я пользуюсь случаем, чтобы посвятить доктору Нострадамусу всю мою жизнь, и объявляю себя его рабом!

Произнеся все это, Шевиньи бросился перед Мишелем на колени.

Ошеломленная Жюмель пристально посмотрела на мужа.

— Где ты нашел этого придурка?

Мишель пожал плечами.

— Это он меня нашел, — буркнул он.

Потом повернулся к юноше:

— Друг мой, мне сейчас не до вас. Как-нибудь в другой раз решите, кому посвятить жизнь.

Шевиньи поднялся, опираясь о колено Бланш, которая не выказала неудовольствия.

Тут Амальрик де Мован вскочил на ноги.

— Мне кажется, я слышу лошадиный топот. Может, это наконец наши?

Бартале тоже поднялся и покачал головой.

— Сильно сомневаюсь. Триполи был в Амбуазе, но скрылся после того, как обнаружился план штурма королевской резиденции. Других руководителей нашей партии в этих местах нет.

Луи Поль помрачнел.

— Это может быть и подкрепление ополченцам. Известно, что здесь объявился Ришелье, Монах.

Он поглядел на Мишеля, который стоял у окна и вглядывался в улицу, ничего не замечая.

— Вы говорили о нем в одном из катренов, помните, доктор Нострадамус? В том неизданном, что вы давали мне прочесть.

Мишель убедился, что цокот копыт затих вдали, обернулся и кивнул:

— Да, я помню.

И прочел наизусть:

De nuict viendra par la forest de Reines,
Deux pars valtorte Herne la pierre blanche.
Le moine noir en gris dedans Varennes,
Esleu cap, cause tempeste, feu sang tranche.

В ночи они проникнут в Рейнский лес.
Две пары окружным путем придут
К белому камню королевы.
Монах увидит серого в Варенне,
Избранный муж поднимет шум, горит кровавая пластина²³.

— Действительно, — объяснил он. — Думаю, что черный монах, ставший серым, то есть лишившийся сана и назначенный капитаном, — это Ришелье. Из-за него будет пожар и кровь и полетят головы.

— Но я не понимаю, о каких местах вы говорите. Вареннов во Франции по меньшей мере тридцать, включая реку.

— Варенн, лес в Ренн-ан-Гренуйе, Воторт, Эрне, Пьер Бланш — все это названия мест в провинции Майны, к северу от Луары.

— Но там пока не идут бои.

— Да, но если мои предсказания точны, то скоро будут сражаться и там.

Шевиньи, который гладил плечи Бланш, наверное, чтобы ее утешить, оторвался от своего занятия и воздел руки к небу.

— Пророк! — крикнул он. — Величайший пророк всех времен! Как чудесно находиться с ним в одной комнате и дышать одним воздухом!

Жюмель бросила на него саркастический взгляд. Она уже приготовилась сказать какую-нибудь колкость, но тут на пороге появилась Кристина.

— Обед готов? — спросила Жюмель.

Кристина была еще бледнее, чем обычно.

— Нет, мадам... Случилось нечто ужасное... Бульон кипел, и вдруг из кастрюли полезли скарабеи... Десятки — что я говорю? — сотни! Вся кухня в этих мерзких тварях!

Мишель вскрикнул:

— Как при дворе Екатерины! Значит...

Закончить мысль он не смог: с улицы снова донесся конский топот, на этот раз совсем близко. Цокот и ржание слышались уже под окнами. В следующий миг в дверь с силой постучали.

— Откройте! Именем короля!

Владетели Мована выхватили шпаги. Жюмель тоже решительно поднялась, несмотря на живот.

— Пойду за арбалетом. Пригодился однажды, пригодится и сейчас.

На лбу у Мишеля выступил пот. Он сделал отрицательный жест:

— Сопrotивляться бесполезно. Открывать пойду я. Постараюсь их задержать.

Он отстранил Кристину и, прихрамывая, вышел в коридор. Стук в дверь продолжался. С отчаянно бьющимся сердцем он поднял задвижку. Дверь распахнулась.

От удивления у Мишеля закружилась голова.

— Бертран!

— Собственной персоной! — улыбаясь, ответил младший брат. — Граф Танде послал меня и Марка Паламеда освободить вас от ополченцев. Чего ты ждешь? Обними меня!

²³ Катрен XX, центурия IX. Перевод Л. Здановича.

Братья обнялись так крепко, что, казалось, никогда не оторвутся друг от друга. Потом Мишель отстранил Бертрана и оглядел его с головы до ног. Он расстался с братом, когда тот был почти ребенком, а теперь перед ним стоял взрослый мужчина. На нем была кольчуга, украшенная знаками правителя Прованса, волосы скрывал шлем с длинным забралом. Там, где кончались доспехи, под тканью угадывалась мощная мускулатура.

— Ты очень изменился, — прошептал Мишель.

— А ты нисколько, — восторженно ответил Бертран. — Дай же я войду, мне столько надо тебе рассказать! Помнишь ту курочку-молодку, Джулию Чибо-Варано?

— Да. — Мишель был в замешательстве.

— Ну так вот: я встретил ее в Танде на прошлой неделе. Она собиралась в Италию. Ты бы видел, в какую женщину она превратилась! Вылитая мать, со всеми... ну ты понимаешь. Но что, я через порог буду тебе все это рассказывать?

— Да нет, входи, входи, — сказал Мишель, — располагайся.

И всем сердцем пожелал, чтобы владельцы Мована успели вложить шпаги в ножны.

ЗАТВОРНИЦА

— Известия, которые вы сообщили, весьма утешительны, — сказал падре Жан Леюни, директор римской коллегии ордена иезуитов.

Падре Михаэлис кивнул.

— Совершенно верно. Даже я не ожидал, что Франция так быстро капитулирует перед так называемой церковью реформатов.

Он замолчал, схватившись за сиденье: экипаж, в котором они ехали по Риму к собору Сан Марчелло, проезжал тряский переулок.

— Все началось с заговора в Амбуазе и с последующих репрессий, — продолжал он. — Поражение еретиков обращается в победу.

— Как такое возможно? — спросил падре Леюни.

— Я же вам говорил, — слегка раздраженно ответил Михаэлис.

Жан Леюни был бельгиец, и Михаэлис, как все французы, считал бельгийцев тугодумами. Это убеждение никак не могли опровергнуть ни массивное сложение собрата, ни его мясистое лицо.

— Сожжение Анны де Бург в декабре прошлого года не вызвало в народе большого сочувствия. Но в Амбуазе кардинал де Лорена переборщил. Повесить столько народу на окнах королевского жилища — акция мрачная и неуместная. Образ мертвецов, гроздьями свисающих со стен замка, потряс всю Францию.

— Отсюда и репутация беспощадных, закрепившаяся за Гизами.

— Именно так.

Михаэлис подумал, что Леюни вовсе не такой уж тугодум, как кажется.

— С этого момента кардинал де Лорена пошел на попятный, а с ним и королева. Роморантенский эдикт практически поставил еретиков под защиту гражданских законов, кроме случаев серьезных нарушений общественного порядка, и передал их под юрисдикцию церковных трибуналов, которые не могут вынести смертного приговора.

— Но это возмутительно, — прошептал падре Леюни.

— Хуже того. Это сигнал к замирению, в то время как идет война. Практически это капитуляция.

— И кардинал де Лорена воображает, что таким способом он вернет себе расположение населения?

— Совершенно верно.

Михаэлис наконец понял, что имеет дело с проницательным собеседником, хоть и с бельгийцем.

— Горе тому льву, который в драке спрячет когти: даже щенок поймет, что он трусил, и приготовится атаковать. Однако королевы намного умнее щенков, и, на мой взгляд,

начался закат Гизов.

Экипаж пополз вверх. Михаэлис отодвинул плотно задернутую черную шторку и выглянул наружу. Лачуги уступили место роскошно разросшейся под июльским солнцем зелени.

— Как же красив Рим в такие дни, — вздохнул он. — в Париже два месяца льют дожди.

— Вы парижанин? — спросил Леюни.

— Нет, я провансалец и родился в климате, похожем на здешний. Рано или поздно, но я вернусь на родину.

— Если не ошибаюсь, Прованс еще сопротивляется ереси.

— Не особенно. К сожалению, у кальвинистов в Лионе очень сильная, давно основанная церковь. Оттуда они распространяются на юг. Но сторонников они себе вербуют, по счастью, только среди знати и буржуазии. Им не удалось проникнуть в среду батраков и крестьян, которые остаются верными католиками. В некоторых местах католики-батраки поднялись против гугенотов-господ. В Салоне-де-Кро невежественный мужлан, некто Кюрнье, благодаря нажиму крестьян даже стал вторым консулом.

— По-моему, это очень хорошо.

— Вовсе нет. Из трех традиционных сословий единственно буржуазия что-то значит. Крестьянский гнев тает, как снег на солнце. Мы разрабатываем сильнодействующие меры, чтобы разжечь его снова.

Падре Михаэлис опять повернулся к окну, потом задернул шторку и серьезно посмотрел на Леюни.

— Послушайте, мы почти приехали, и мне надо знать ситуацию в деталях. Я немало попотел, удаляя Карнесекки из Венеции, где он нашел себе убежище. О том, чтобы вернуться во Францию, он и слышать не хотел. Тогда я сделал так, что он приехал в Рим в качестве приглашенного на Тридентский собор. Я надеялся, что инквизиция его сразу арестует, а он оказался в монастыре Сан Марчелло, приняв добровольное затворничество. Что же произошло?

Падре Леюни развел руками.

— Вы сами знаете. Новый Папа, Пий Четвертый, из дома Медичи, родственник Козимо. А Козимо всегда покровительствовал Карнесекки, который оказывал ему множество услуг. В результате новый процесс над ним спустили на тормозах. Карнесекки пришлось удалиться в Сан Марчелло, хотя теоретически процесс все еще идет. Истина в том, что, каковы бы ни были его результаты, никто не рискнет тронуть еретика, которого поддерживают великий герцог Тосканы и понтифик.

Михаэлис покачал головой.

— Здесь происходит то же, что и во Франции. Себе прокладывает дорогу партия терпимости и соглашательства.

— Да, но здесь дела обстоят хуже, потому что во главе этой партии сам Папа.

Леюни заметно понизил голос.

— Если бы шторы не были задернуты, вы бы увидели развалины палаццо инквизиции, которые мы только что проехали. После смерти Павла Четвертого римская беднота от здания камня на камне не оставила. В мае прошлого года Пий Четвертый издал буллу, прощающую всех жителей Рима, повинных в погроме. Это к вопросу о климате.

— Святой престол в этом городе, наверное, превратился в призрак.

— Честно говоря, нет. Великий инквизитор, Микеле Гизлери, человек поистине негибимый. Он приложил все усилия, чтобы отправить Карнесекки в тюрьму и на костер. Но, к сожалению, даже он не в силах противостоять превосходящим его силам.

— Микеле Гизлери, — прошептал Михаэлис. — Доминиканец, если не ошибаюсь.

— Да, но из умных доминиканцев. Он пользуется консультациями главного вдохновителя инквизиции Испании Диего Симанкаса. Это человек утонченный, оживший Эймерик. Не могу сказать ничего плохого ни об одном, ни о другом. Не их вина, что Папой стал Медичи.

Экипаж со скрипом остановился. Когда кучер открыл дверцу, Михаэлис долго моргал глазами, привыкая к яркому свету. Они оказались перед барочной церковью с грубо высеченными статуями и множеством украшений. Возвышавшийся рядом безымянный монастырь можно было спутать с домом священника. На ярком солнце от его белых стен шло золотистое сияние, и казалось, что это кирпичи раскалились добела.

Михаэлис и Леюни потянули цепочку колокольчика гостевого помещения, сплетенную из засохших стеблей вьющихся по стене растений. Сразу же прибежал высокий лысый монах.

— Мы из ордена иезуитов, — сказал Михаэлис. — Нас ожидают. Мы должны встретиться здесь с кардиналом Фарнезе.

— О да, он уже прибыл и ждет вас.

Если на улице стоял невыносимый зной, то внутри было почти холодно. Они прошли по коридорам с сырыми стенами, и неожиданно попадавшие арки из старых, плохо пригнанных камней заставляли думать, что здание построили на месте другого, более древнего, может, и не христианского. Алессандро Фарнезе в капитулярном зале беседовал с каким-то человеком лет пятидесяти, облаченным в епископскую рясу и мантию. Завидев вошедших, кардинал направился им навстречу.

— Прошу прощения, но я должен закончить совещание с моим другом. Подождите, пожалуйста, в коридоре. А пока, падре Михаэлис, прочтите вот это.

Он протянул иезуиту конверт.

— Это вам посылает наш общий друг, епископ Маркус Ситтих д'Альтемпс.

Падре Леюни отошел в сторонку, а Михаэлис открыл конверт, на котором уже не было печатей, и прочел следующее:

Дорогой Себастьян!

Я все еще нахожусь в Германии, но скоро вернусь в Рим. Я должен принять епископство в Кассано, где пока никто меня не видел. Кроме того, мне надо засвидетельствовать почтение моему дядюшке, его святейшеству Пию IV, который, вняв моим просьбам, решил сделать из меня, человека военного, служителя церкви. Чтобы скоротать время до приезда в Рим, я тщательно изучил рукопись, которую вы мне прислали и которую называете «*Arbor Mirabilis*». Поначалу удивлению моему не было границ. Язык, которым она написана, не похож ни на какой другой. Более того, одно и то же слово там часто написано много раз подряд, что заставляет думать о тексте весьма замысловатом и несвязном, созданном с явной целью ввести читателя в заблуждение. Вначале я так подумал, но потом у меня родилась гипотеза: несвязный текст связывают иллюстрации; кроме того, чувствуется рука двух авторов, и оба они свободно владеют тайным шифром. Но не хочу навести на вас скуку. Вам достаточно узнать, что после многих дней досады и раздражения подпись под одной из фигур вывела меня на правильный путь. Найдя первый ключ, я начал продвигаться все быстрее и теперь могу похвастать, что перевел почти две трети рукописи. Однако в письме я не стану рассказывать, о чем она. Пока я должен закончить перевод и могу только сообщить вам, что если я понимаю правильно, то «*Arbor Mirabilis*» — одна из самых чудовищных и inferнальных книг, какие когда-либо знал человеческий разум. Это кощунственный вызов Богу и всему роду человеческому. Поэтому я и не могу о ней писать. Я жду встречи с вами, когда смогу изустно доверить вам тайну, от которой кровь стынет в жилах. Думаю, вы согласитесь со мной, что такую тайну следует похоронить навечно.

*Bene et feliciter vale*²⁴.

²⁴ «Будь здоров и пребывай в счастье и благополучии» (лат.) — традиционное пожелание в конце письма. (Прим. перев.)

Падре Михаэлис в замешательстве вертел письмо в руках, вглядываясь в строки. Увидев, что он кончил читать, падре Леюни подошел к нему.

— Вы озабочены. Что, плохие новости?

Михаэлис встряхнулся.

— Нет. Хотя, может, и да, но в отношении предмета нашего разговора это вопрос второстепенный.

Он поискал глазами канделябр и поджег письмо, бросив его на землю догорать. Дождавшись, пока оно превратится в горстку пепла, он растер его каблуком.

В этот момент в дверях капитулярного зала показался кардинал Фарнезе в сопровождении своего гостя, высокого сероглазого прелата с курчавыми черными, тронутыми на висках сединой волосами, бородкой клинышком и длинными напыженными усами.

— Монсиньор, позвольте представить вам двух полномочных представителей ордена иезуитов, падре Михаэлиса и падре Леюни. А это, друзья мои, епископ Диего Симанкас, или Якобус Септимаценсис, как он обычно подписывается. Он один из влиятельнейших членов инквизиции Испании и приехал в Рим, чтобы осветить понтифику точку зрения Супремы на случай епископа Карранцы, о котором вы, конечно, слышали.

Последовавший затем обмен поклонами сопровождался враждебными взглядами, едва скрытыми за бледной улыбкой. Инквизиция Испании была самой «доминиканской» из всех, и ее устои отличались крепостью. Что же до ордена иезуитов, то он, на взгляд испанской инквизиции, должен был, наверное, казаться столь же приятным, как ожог.

— Я много слышал о процессе монсиньора Карранцы, — сказал Михаэлис. — Говорят, он был проведен с абсолютным нарушением всех правил.

Симанкас метнул в него испепеляющий взгляд.

— Когда речь идет о еретиках лютеранах, как в данном случае, любая осторожность превращается в вид соучастия.

Михаэлис выдержал взгляд.

— О, вижу, у вас уже готова сентенция. Странно, я полагал, что процесс еще идет.

— Пока идет, поскольку у еретика Карранцы нашлись неожиданные покровители. И наиболее коварные из них скрываются в самой церкви, как вши в складках богатой мантии.

— Полно вам, друзья мои, не ссорьтесь, — перебил их Алессандро Фарнезе с приветливой улыбкой. — Монсиньор Симанкас здесь, потому что я хотел, чтобы он допросил Пьеро Карнесекки, гостя этого монастыря, и доложил понтифику свои выводы из этой беседы. Доброта Пия Четвертого сравнима разве что с добротой святого, и доказательство тому — его снисходительность по отношению к Пьеро Карнесекки. Однако, как и все Медичи, он весьма чтит испанскую инквизицию и знает, что монсиньор Симанкас — один из ее влиятельнейших защитников. Мнение такого юриста должно представлять для понтифика большую ценность, чем мое.

— И можно узнать, какое суждение господин епископ вынес из беседы? — спросил падре Михаэлис, изобразив наивность.

— Очень простое, — ответил Симанкас. — Карнесекки — закоренелый еретик, и его давно уже следовало сжечь. И возмутительно, что его никто не трогает и он находится здесь, да еще в компании какой-то шлюхи, которая греет ему постель.

Михаэлис вздрогнул.

— Шлюха? Что за шлюха?

— О, вы ее прекрасно знаете, — ответил кардинал Фарнезе, продолжая фатовато улыбаться. — Та самая, которую вы приставили ходить за еретиком по пятам и которая сопровождала его от Венеции до Рима.

Безотчетная дрожь пробежала по Михаэлису. Он знал, что Джулия сопровождала Карнесекки в Рим, но полагал, что она сразу же уехала обратно. Он разыскивал ее по всему Провансу и в Париже, но никак не мог предположить, что найдет ее в этом монастыре.

— Могу ли я увидаться с еретиком? — спросил он, стараясь казаться равнодушным.

— Конечно.

Алессандро Фарнезе поклонился Симанкасу.

— Вы можете идти, монсиньор. Вы знаете, что сказать понтифику. Что касается меня, то я похлопочу перед ним, чтобы он не настаивал на перенесении процесса Карранцы сюда: он испанец, и судить его следует в Испании.

— Совершенно верно.

Симанкас низко поклонился.

— Заранее благодарен вашему преосвященству.

Вскоре кардинал Фарнезе уже вел двоих иезуитов по полутемному коридору к тому крылу здания, где находились кельи.

— Какой отвратительный тип, — сказал он. — Холодный, как змея, и мрачный, как могила.

Падре Леюни, до сих пор молчавший, энергично закивал.

— Вся испанская инквизиция такова. Эта страна пропитана доминиканским духом. Он может быть полезен теперь, когда католицизм занимает оборонительную позицию. Но со временем подобный фанатизм заставит лютеран добиться успехов там, где им и не мечталось.

— Знаю, знаю, — благодушно согласился кардинал. — знаю также, что епископ Карранца абсолютно невиновен. Однако если «псы Господни»²⁵ жаждут его крови, рано или поздно нам придется их удовлетворить. И Господь нас простит: церковь не может потерять Испанию, особенно в такой момент.

Они подошли к келье в глубине пахнущего сыростью коридора. Дверь была распахнута. Из кельи доносились два голоса: мужской и женский. Услышав их, Михаэлис замедлил шаг.

— Прежде чем посетить затворника, я хотел бы повидаться с женщиной. Если возможно, один на один.

Кардинал пожал плечами.

— Как пожелаете. Мы с падре Леюни войдем в келью и побеседуем с ее обитателем, а вы переговорите с Джулией, но как можно быстрее. Это для вашего же блага: курочка слишком умна и может вытянуть из вас сведения, которые ей знать ни к чему.

Алессандро Фарнезе и падре Леюни вошли в келью, а спустя мгновение из нее вышла Джулия. Увидев Михаэлиса, она с радостным криком бросилась ему на шею.

— Как прекрасно, спасибо, что вы приехали! Я так надеялась, что вы вернетесь!

В сильном замешательстве, падре Михаэлис снял ее руки со своих плеч. Он не видел ее уже несколько месяцев. Она выглядела чуть похудевшей, но по-прежнему неотразимо красивой. Осунувшееся лицо обрело совершенную овальную форму, и голубые, как у матери, глаза как нельзя лучше гармонировали со вздернутым носиком. Возле рта появились две морщинки, и еще одна, еле заметная, пересекла лоб.

Джулия была на грани того, чтобы расплакаться, и только усилием воли подавила слезы. И Михаэлис с восхищением подумал, что не многие мужчины могут похвастаться таким самообладанием.

— Что с вами случилось? — мягко спросил он. — От вас уже так давно нет вестей.

— О, если бы вы знали... Нас с вами обоих обманули. Симеони никогда не был ни в Венеции, ни в тюрьме. Но я слишком поздно об этом узнала.

— Что вы говорите! — воскликнул Михаэлис в притворном изумлении. — Невероятно... Почему же, обнаружив это, вы не вернулись во Францию?

— Я бы вернулась, но не смогла, — прошептала Джулия. — Этот человек держит меня, как пленницу.

²⁵ «Псы Господни» — «Domini canes» — прозвище доминиканцев. (Прим. перев.)

— Карнесекки? — удивился Михаэлис.

— Нет, кардинал Алессандро Фарнезе.

На этот раз по бархатистым щекам скатились две слезы. Михаэлис понял, что две морщинки у рта образовались от слез.

— Объясните все, но быстрее, мы не можем долго говорить.

Джулия достала платочек из кармана простого платья, вытерла глаза и быстро заговорила:

— Я послушалась вас и кардинала — в Венеции сблизилась с Пьеро Карнесекки. Это было нетрудно: он добрый и деликатный человек, полный надежд на будущее. Он и слышать не хотел о возвращении во Францию, на котором настаивал Алессандро Фарнезе, и я убедила его ехать в Рим.

— Как вам это удалось?

— О, очень просто. Я объяснила ему, что новый Папа из Медичи, и он настолько толерантен, что снял с меня отлучение. С таким же успехом он может благодарить Папу, верного сотрудника Козимо Медичи, за то, что сам избавлен от венецианского изгнания.

— Хитро придумано. Полагаю, это идея кардинала.

— Нет, идея была моя.

У падре Михаэлиса снова от восхищения перехватило дыхание. В который уже раз в нем было поколеблено убеждение, что женщины — всего лишь грациозные зверьки с ничтожным интеллектом. Из кельи до него донеслись голоса, и он возбужденно проговорил:

— Быстрее расскажите об остальном. Почему вы остались в Риме?

— Сначала кардинал держал меня взаперти в своем дворце, а потом, когда сюда сослали Карнесекки, он заключил меня в тот же монастырь.

— С какой целью?

Джулия грустно улыбнулась.

— Вы действительно не понимаете?

Михаэлис понимал, и еще как понимал, однако мысль эта причиняла ему страдание, и он загнал ее поглубже. А теперь ему пришлось взглянуть жестокой правде в глаза, и он прошептал:

— Он вами овладел?

Джулия опустила взгляд.

— Да, но не так, как в юности, когда мать продавала меня мужчинам. Теперь я сопротивлялась. Он каждый раз меня насиловал.

Падре Михаэлис впал в такое смущение, что не смог вымолвить ни слова.

Джулия умоляюще посмотрела на него.

— Прошу вас, расскажите о Габриэле. Есть от него известия? Где он?

Михаэлис не ответил. Безрассудная мысль вдруг пришла ему в голову, и он быстро принял решение. Схватив Джулию за руку, он потащил ее по коридору в направлении, противоположном кельям.

— Идите быстро и без шума, — шепнул он, — и не подавайте голоса, что бы ни случилось.

Много раз он думал, что заблудился, но потом нашел капитулярный зал и быстро вышел в комнату для посетителей, толкая Джулию перед собой. Монах, недавно открывший ему дверь, пристроился на высокой скамье у окна и читал часослов. Он быстро вскочил на ноги.

— Эта женщина не может выйти отсюда, падре. Таков приказ кардинала Фарнезе.

Михаэлис изобразил раздражение, словно ему сообщили само собой разумеющийся факт.

— Именно по приказу кардинала Фарнезе я должен отвести эту женщину в тюрьму, — высокомерно заявил он. — Потрудитесь открыть дверь.

Монах бы не подчинился, если бы Джулия, быстро сориентировавшись в ситуации, не подыграла и мгновенно не превратилась в фурию:

— Отцепись, длиннорысый! Не желаю идти ни в какую тюрьму!

— О господи, да это настоящая ведьма! — возмутился монах и побежал открывать.

Экипаж стоял во дворе церкви Сан Марчелло. Кучер, спасаясь от жаркого солнца, сидел в тени платана.

— Лошади готовы? — спросил Михаэлис.

— Да, падре. Можем ехать в любой момент.

— Тогда поехали.

Подсаживая Джулию в экипаж, Михаэлис отдавал себе отчет в тяжести содеянного. С падре Леони хлопот не было, а вот защитнику и покровителю ордена иезуитов, всемогущему кардиналу Фарнезе он нанес оскорбление. Ему следовало послать подробнейший отчет падре Лаинесу и ждать грозы на свою голову от генерала ордена. Тем более что его поступок не был вызван неотложной необходимостью.

Да что там, необходимость была. Он придумал ее уже постфактум, но это была реальная необходимость. В конце концов, его грех простителен. Ведь мог же сам Господь продиктовать ему, как поступить.

Когда экипаж тронулся, он взглянул на взволнованную и счастливую Джулию:

— Вы спросили меня о Симеони. Думаю, что знаю, где он. Вы все еще хотите его видеть?

— О да!

— Я отвезу вас к нему. Но при одном условии...

Задышавшись от радости, Джулия взяла его за руку.

— Любые условия, какие захотите! Я навсегда ваша должница!

— Вы должны будете передать Симеони мой приказ. Очень странный приказ...

— Каков бы ни был ваш приказ, мы с Габриэле в точности выполним его.

— Хорошо.

Михаэлис с безотчетным сожалением снял нежные пальцы со своего запястья и высунулся в окошко экипажа.

— Куда мы едем? — крикнул он кучеру, перекрывая цокот копыт.

— В Рим, падре.

— В Рим мы не едем. Выезжай из города и поворачивай на север. И чтоб лошади летели, как ветер!

СОУЧАСТНИК ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мишель сразу понял, что обморок этой ночью отличался от остальных. Кольцо в виде змеи, кусающей свой хвост, дольше обычного вертелось между подсвечником и толстым томом «*De Occulta Philosophia*»²⁶ Корнелия Агриппы. Кроме того, он заметил, что, когда он произносил числовой ряд Абраксаса, приостанавливаясь на каждой цифре, вращение кольца замедлилось.

Неожиданно он ощутил себя в замкнутом, темном пространстве, начисто лишенном многоцветья восьмого неба. Темнота кишела и переливалась более светлыми пятнышками вытянутой формы. Мало-помалу их контуры становились все яснее. Мишель застыл от ужаса. Стены вокруг него состояли сплошь из тысяч и тысяч скарабеев, которые ползали во всех направлениях по невидимым поверхностям, и нельзя было уже различить, где верх, а где низ.

Он понял, что его ждет свидание не с Парпалусом, а с Ульрихом, и похолодел. Это была первая встреча с учителем после его смерти. Рано или поздно она должна была произойти, но он наивно верил в то, что пройдут годы, прежде чем это случится.

Ульрих появился внезапно, в ореоле тьмы, покрытый с головы до ног своими

²⁶ «Об оккультной философии» (лат.)

любимыми насекомыми. Мишеля охватил такой ужас, что он не чувствовал тела, как бывает иногда с теми, кто получил внезапный сильный удар: они теряют чувствительность. Он едва заметил странный отсвет на крыльях жуков. Все его внимание было поглощено фигурой самого могущественного из магов, какого когда-либо знало человечество, и самого злобного врага человечества.

В Ульрихе ничего не осталось от того щедедушного старичка, каким он был в последние годы жизни. Теперь перед Мишелем появился могучий гигант с глазами, внутри которых горел скрытый жестокий огонь. Длинная борода еле виднелась из-под покрывших ее насекомых, и маг гладил ее возникающей ниоткуда рукой, стряхивая жуков гроздьями.

— Рад видеть тебя, Мишель, — сказал Ульрих.

Голос его доносился издалека и, казалось, обволакивал со всех сторон.

Мишель никогда бы не поверил, что сможет ответить, однако нашел в себе силы и сказал довольно уверенно:

— Уже два года, как мы не виделись, учитель, со дня вашей агонии в гробнице триумвира.

Величая фигура Ульриха слегка искривилась, и непонятно откуда послышался хриплый смешок. Создалось впечатление, что это захохотали скрытые во тьме скарабеи.

— Годы? Дни? Сынок, я не могу считать время, как ты.

Смех затих.

— Любопытно быть мертвым. Думаю, большей свободы не существует. Особенно когда ощущаешь себя хозяином измерения, в котором пребываешь.

— Хозяин — Бог, — отрезал Мишель, правда без особой уверенности.

— На уровне максимы это верно. Тем не менее, как я уже говорил тебе перед смертью, закон Бога есть математика. Только числа могут быть ключом к созданному им космосу и ко всем его многочисленным сферам. Кто владеет математикой, владеет всем.

Повинуясь инстинкту, Мишель возмутился:

— Нет! Единственный закон — это закон любви и влечения. Если бы предметы, люди и души не имели взаимного влечения, ничего бы не существовало. Голая математика делает Бога ненужным, значит, она святотатственна.

Внушительное лицо Ульриха сморщилось.

— Как же далеко ушел ты от тех концепций, которым я тебя учил, когда ты был еще юнцом! Вселенная — это хаос, управляемый только законами чисел, а Бог — не что иное, как серия пропорций и равновесий. В его чертеже единичные сущности ничего не значат, ибо он сам — чертеж, а не сущность.

— Ошибаетесь, учитель. Бог — это любовь, а значит, эмпатия. То, что происходит между мужчиной и женщиной, происходит также между атомами и самыми малыми частицами вещества. Все, что существует, имеет дуальную форму. Бог — это сила, создающая из дуальности единую сущность. Уникальную.

Ульрих, на удивление, согласился.

— То, что ты говоришь, может быть, и верно. Ты же знаешь, что мироздание — реальность психическая, а не физическая, оно создано из мысленных излучений живых существ. Твоя концепция космоса приемлема, но не превалирует. Век, в котором живешь ты и в котором жил я, увидел, что она слаба. Потомки, уверяю тебя, примут мою концепцию. Я хорошо их вижу. Изменится мысль, а вместе с ней изменится и мироздание, перестроившись под мою модель.

Мишеля охватила смертельная тревога.

— Господь до этого не допустит!

— Господь ограничивается тем, что создает измерения. Люди сами формируют свой земной мир.

Ульрих досадливо махнул рукой, и тучи насекомых полетели в разные стороны, вспыхнув серебром.

— Хватит, Мишель. Я хотел только сказать, что я тебя жду. У тебя не так много лет

впереди. Когда ты отправишься вслед за мной, ты сам решишь, оставаться ли примерным учеником, каким ты был когда-то, или бросить мне вызов. Во втором случае ты проиграешь. Твой закон влечения утратит всякую силу.

— Я никогда не стану твоим рабом!

— Тогда навсегда исчезнешь в облаках сознания, плавающих в эфире, и не сможешь со мной сразиться. Хочешь, скажу одну вещь? Спустя век после твоей земной эпохи магия перестанет работать. Спустя два века над ней станут насмехаться. Спустя три в нее перестанут верить.

Очертания Ульриха стали расплываться.

— Да и сейчас уже единственное, что ты можешь как маг, — это заставить Парпалуса показывать тебе фрагменты будущего. Твои пророчества будут считаться верными, только когда сбудутся, следовательно, тебе они ни к чему. Так что ты не более чем жалкий торговец альманахами.

Ульрих исчез, и Мишель оказался по пояс в море, отливавшем млечным цветом, под таким же млечным небом, по которому неслись облака. Он увидел далекие, словно высеченные из камня неподвижные фигуры: божества, демоны, драконы — все, что населяло сны и кошмары человечества с незапамятных времен. Потом и это видение исчезло, и реальность обрушилась на Мишеля с жестокой болезненностью резкого звука, который терзает барабанные перепонки после долгого периода глухоты.

Он очень удивился, обнаружив себя у фонтана на площади дез Арбр, теплым солнечным утром. Его окружала толпа, собравшаяся вокруг помоста, на котором рассаживались представители власти Салона. Он понял, что с момента, когда кольцо начало вращаться, должно было пройти не меньше двенадцати часов. Церемония в честь Адама Крапонне, наконец завершившего строительство канала, была запланирована на следующий день после его ночного магического сеанса.

Бывший первый консул Марк Паламед увидел его с помоста и сделал ему знак подниматься, но Мишель жестом же отказался. Его беспокоила толпа. Рядом с буржуа и простыми горожанами терлись ополченцы, закутанные в серые плащи, несмотря на июльскую жару. Причину их присутствия понять было нетрудно. На помосте, среди местной знати, Луи Виллермен по прозвищу Кюрнье чванливо выставял напоказ кокарду второго консула. Со времени своего назначения, силой проведенного 2 мая 1560 года, это была первая важная церемония, в которой он принимал участие. Видимо, ему хотелось, чтобы площадь наводнили его сторонники. Рядом с ним новый балли, Антуан де Корде, весьма почтительно склонился перед супругой второго консула, Катрин Галин.

Мишель озабоченно скользнул глазами на правый фланг помоста, где стояла горстка солдат салонского гарнизона под командованием капитана Жана Изнара. Мишель немного успокоился, увидев рядом с офицером Бертрана, оставшегося в Салоне по разрешению графа Танде. Брат делал ему знаки рукой, словно хотел на кого-то указать.

Мишель поискат глазами в направлении руки Бертрана и вздрогнул. С другой стороны фонтана, отделенная от него толпой ополченцев, стояла еще молодая, очень красивая женщина. Пряди белокурых волос выбивались у нее из-под чепца. Несомненно, это была Джулия Чибо-Варано. Он несколько мгновений вглядывался в ее лицо, отметив необычайное сходство с матерью. И тут сквозь брешь, неожиданно образовавшуюся в толпе, он увидел еще одного человека, и тот полностью завладел его вниманием.

Его держала за руку Джулия Чибо-Варано. Он был растрепан, в другой его руке виднелся какой-то длинный предмет, завернутый в ткань. Мишелю понадобилось несколько минут, чтобы его узнать. Это был Габриэле Симеони! Но как же он постарел! Некогда красивое, с правильными чертами, лицо обрюзгло, желтые, потухшие глаза окружали морщины, под ними повисли тяжелые мешки. Красный у кончика нос раздулся. Он походил на одного из тех бродячих актеров, что время от времени появлялись в городе и, вызывая бурю насмешек, читали в лицах, жестикулируя, всякие низкопробные комедии.

Мишель хотел подойти к ним поближе, но ему пришлось проталкиваться сквозь толпу,

а ноги болели. Он увидел, как Джулия поцеловала Симеони в щеку, и тот, держа сверток в руке, отделился от нее и направился к двери длинного двухэтажного здания. Это было уже три месяца пустовавшее жилище Мованов.

Тем временем глава синьории Салона-де-Кро, архиепископ Арльский, с помоста благословил собравшихся. Не теряя из виду Джулию, Мишель приостановился, чтобы перекреститься. Не дай бог выказать нерадение в такой толпе.

Благословив толпу, архиепископ начал говорить мягким, звучным голосом:

— Дети мои, настало время примирения. Слишком много крови было пролито во Франции за последние месяцы. Если будет продолжаться насилие, ситуация станет непоправимой и гражданская война из опасности превратится в реальность. Все это не означает терпимости к еретикам. И тем не менее кардинал де Лорена, которого мы все знаем как нестигаемого борца с ересью, сегодня первый призывает вас к благоразумию и милости. К тому же призывает вас наша королева, пекущаяся о единстве королевства. Мести и репрессиям больше здесь не место. И я говорю вам...

Мишеля захватили эти слова, которых он никак не ожидал. Отвлекаясь от Джулии, он все внимание сосредоточил на далекой хрупкой фигурке прелата. Вокруг него некоторые из ополченцев тихо роптали, но таких было мало. Речь архиепископа, казалось, убедила большинство из них. К тому же начиналось время сбора урожая, хотя оно и затянулось из-за непривычных холодов зимой и весной. Большую часть батраков беспокоила не религиозная рознь, а собственный заработок, от которого зависело, как их семьи переживут следующую зиму.

— ...Я говорю вам, что, ни в чем не уступая ереси, мы должны, насколько возможно, соблюдать законы христианского прощения. Ведь это абсурд: столько всеми уважаемых дворян вынуждены были покинуть эти места, оставив свои поля невозделанными. А это означает, что у наших крестьян не будет работы и наступит голод. Я знаю, среди вас много крестьян. Умоляю вас...

Внезапно голос архиепископа перекрыл хлопок выстрела и дикий крик. Кричал Кюрнье. Вождь народа с изумлением и ужасом глядел на дыру у себя в груди. Он стоял, шатаясь, потом изо рта у него хлынула кровь. Катрин Галин с воплем бросилась на колени перед его телом.

Площадь застыла в потрясении. Потом кто-то из ополченцев заорал что было силы:

— Это все гугеноты! Проклятые гугеноты! — показывал он на дом Мованов.

Мишель взглянул на здание. Из окна второго этажа еще вился дымок. Он поискал глазами Джулию, но она исчезла. Тогда он сразу понял, что произошло. На такой меткий выстрел был способен только аркебузир, прекрасно владеющий оружием.

Ополченцы начали выкрикивать свой бессмысленный, но устрашающий боевой клич:

— Зу! Зу! Зу! Зу! — и в ярости бросились к дому Мованов. Вверх поднялись опущенные до этого в землю вилы, из-под плащей появились ножи.

Архиепископ на помосте отказался говорить дальше и только в отчаянии качал головой. По краям площади толпа смяла солдат. Бертран и капитан Изнар изо всех сил удерживали встававших на дыбы лошадей. Их стащили с седел, и они пропали в толпе.

Мишеля толкнули к фонтану, потом сильным ударом бросили на землю и порядком потоптали, так что ему пришлось закрывать голову руками. Только когда толпа немного поредела, ему удалось встать. Прихрамывая, он направился к одному из выходов с площади и краем глаза заметил, что дом Мованов горит.

Насколько позволяли больные ноги, он поспешил к кварталу Ферейру. В его мозгу все увиденное сегодня перемежалось с видениями, которые Парпалус внушал ему по ночам: цепь жестоких смертей, безжалостных сражений и опустошений, брызги крови. Он хорошо помнил строки, которые написал под диктовку демона год назад об июле 1560 года:

Longue crinite leser le gouverneur.
Faim, fièvre ardante, feu et de sang fumée.

A tous estats Jovieaux grand honneur.
Sedition par razes allumee.

Длинные волосы угрожают правителю.
Голод, лихорадка, пламя и дымящаяся кровь.
Во всех государствах почет весельчакам.
Бунт безумных бритоголовых²⁷.

Строки болью отдавались в душе: ведь это была правда. Комета с длинным хвостом, появившаяся в небе в сентябре прошлого года, предвещала, что правитель утратит контроль над Провансом. Теперь пророчество сбывалось. Будут и голод, и отчаянные стычки, и пламя, и дымящаяся кровь. В этой ситуации, конечно же, с большой pompой созовут в следующем месяце совет высшего сословия, но нетрудно догадаться, что в этом совете тон задавать будут адепты Юпитера, то есть гугеноты, которых церковь считает язычниками. Но перед тем вспыхнет мятеж, поднятый бритоголовыми, то есть наиболее фанатичными из ополченцев.

Знание того, как будут разворачиваться события, мало помогало Мишелю, наоборот, только усиливало тревогу. Квартал Ферейру опустел. Это был хороший знак: видимо, многие горожане на этот раз предпочли остаться дома при первом же движении на улице, а не бежать на площадь вместе с ополченцами. Мишель исподтишка взглянул на фасад дома Лассалья и увидел, что окна и двери заперты. С облегчением направился он к своему дому.

Он уже собирался постучать, как услышал за спиной быстрые шаги и чей-то умоляющий голос:

— Мишель! Мишель!

Он, уже в который раз за это утро, обернулся и пошатнулся от удивления и волнения. К нему, держа за руку Джулию, бежал Габриэле Симеони. Оба были покрыты потом и так бледны, что, казалось, вот-вот потеряют сознание. Джулия заговорила хрипло:

— Прошу вас, доктор Нотрдам, спрячьте нас! За нами гонятся. Если они нас поймают, то замучают до смерти!

В голове Мишеля всплыло видение, которое он хотел забыть. Он увидел мрачную картину Экса, опустошенного чумой, Диего Доминго Молинаса, привязанного к колесу горящей повозки, и мать Джулии, голую, в ужасе старающуюся защититься от ударов обезумевшей толпы.

Он не сомневался, что этих двоих ожидает та же участь. Но он очень изменился за эти годы. В Эксе он был судьей. Теперь же он не чувствовал себя вправе казнить, и ему хватило мужества, чтобы постараться предотвратить казнь. Он резко приказал влюбленным:

— Идите, быстро!

Стучать не понадобилось, дверь и так открывалась. На пороге появилась Жюмель, еще бледная после родов, но решительная.

— Да входите же, вы что, хотите, чтобы все вас увидели?

Мишель втолкнул в дом Джулию и Симеони и вошел вслед за ними. Он обернулся к жене, которая возилась с задвижкой:

— Знаешь, что произошло?

— Смутно. Я видела пламя из окна, а потом этих двоих, удиравших от дома. Ясное дело, без них не обошлось. Что они натворили?

— Убили Кюрнье.

— Слава Тебе, Господи! — радостно воскликнула Жюмель. — Думаю, собственная мать тоже отпразднует исчезновение этого убийцы.

— Если кто-нибудь увидит, что они вошли сюда, — мы пропали.

²⁷ Перевод О. Егоровой.

— А что поделаешь? Как говорила Коринна по поводу неаполитанской хвори: вся жизнь — это риск.

Жюмель с удивлением оглядела новых гостей.

— Ба, да я их знаю! Это Симеони и его невеста. Ребята, как вам пришло в голову укокошить эту скотину?

Вместо ответа Симеони прошептал:

— Можно попросить пить?

— Да, но только воды. Хватит с меня одного выпивохи в доме.

Жюмель двинулась по коридору.

— Ступайте за мной и, вот увидите, без компании не останетесь. С мая месяца наш дом превратился в нечто вроде гостиницы. На нас большой спрос, учитывая, что все бегут к нам бегом.

Она провела их на кухню, сняла со стены черпак и налила две чашки воды. С жадностью напившись, Джулия и Симеони немного успокоились.

— Надо подумать, где их устроить, — сказала Жюмель Мишелю. — На верхнем этаже уже живут Мованы, Бланш на чердаке, рядом с твоим кабинетом. В гостиной спит этот франт Луи Поль, и я подозреваю, что он мочится в камин. И остаются только детская, каморка Кристины и наша спальня.

Мишель развел руками.

— Мы отдадим им нашу комнату. Другого выхода нет. А сами будем спать с детьми.

— Которых уже пятеро. Прощай, сон.

— Нам бы не хотелось причинять вам столько хлопот, — сказала Джулия севшим голосом.

— Глядите-ка! Странно это слышать от тех, кто только что совершил преступление и устроил целую революцию.

Иронический взгляд Жюмель потеплел.

— И все-таки мне нравятся влюбленные, и я уступлю вам свою постель. Вы такая красивая. Только смотрите пользуйтесь ею с вашим другом лучше, чем мы с Мишелем. Мишеля все меньше и меньше интересует то, что у меня между ног, разве что раз в год, когда ему приходит охота заиметь еще ребенка. Не следуйте его примеру. Ваше чрево, если им умело пользоваться, могло бы отвратить друга от бутылки. Воспользуйтесь случаем и замените ему ложное наслаждение настоящим. Заставьте его пошевелить бедрами. Тем более что непонятно, сколько времени вам придется здесь провести.

Мишель спрятал смущение за сухой фразой, брошенной гостям:

— Я дам вам убежище, но требую — повторяю: требую, — чтобы вы рассказали правду о своем преступлении. Вы не профессиональные убийцы, значит, вас кто-то на это вынудил. Мне нужно его имя. Понятно?

Джулия отпила еще воды, потом вздохнула:

— Это очень сложная история...

— Не важно. Мне надо знать ее в деталях. Обещаете?

— Обещаю.

— Хорошо. А теперь идите отдыхайте, Жюмель вас проводит.

Мишель поднял палец:

— И запомните: опасность не миновала. Мы все в опасности.

Словно в подтверждение этих слов, снаружи донесся сильный шум попеременно с конским топотом и ржанием. Кто-то постучал в дверь. На верхнем этаже заплакали дети.

Жюмель вздрогнула.

— Пойду возьму арбалет?

— Нет, это бесполезно. Отведи этих двоих наверх. Попробую еще раз выкрутиться.

Мишель подошел к двери и взялся за задвижку. Подождав, пока жена и двое гостей поднимутся, он открыл дверь.

Перед ним стоял Бертран, избитый, весь в пыли, но улыбающийся.

— Мишель, есть хорошие новости!

— Какие?

Бертран указал на улицу. Целая колонна ополченцев под конвоем всадников, интендантов и управляющих имениями двигалась к стенам города. В батраках не чувствовалось никакой свирепости. Они старались держать строй и идти как можно скорее.

— Капитану д'Изнару пришла блестящая идея, — со смехом объяснил Бернар. — Он велел созвать землевладельцев со всей округи, а те приказали крестьянам немедленно вернуться к работе, если они не хотят ее потерять. Мятеж прекратился как по волшебству. Как видишь, поденщики хоть и уныло, а возвращаются на поля. А вдова Кюрнье все еще на помосте и проклинает их за измену.

— Убийцу поймали? — с тревогой спросил Мишель.

— Нет. Тот, кто стрелял, выскочил в окно с другой стороны дома Мованов и удирал, как заяц. И знаешь, что я подозреваю?

— Что? — спросил Мишель с бьющимся сердцем.

— Та шлюшка, на которую я указал тебе на площади, Джулия Чибо-Варано, похоже, знает, кто стрелял. Я видел, как она мчалась за ним следом, словно хотела поймать. Мне надо ее допросить.

— Войдешь в дом? — Голос Мишеля охрип от волнения.

— Нет, — ответил Бертран. — Я должен сначала поймать эту женщину.

Он махнул брату рукой и умчался прочь.

ТОВАРИЩИ

Лицо мельника Лассалья посинело; казалось, он вот-вот задохнется от злости. А может, дело было в холодном зимнем воздухе, который проникал в каждую щель старого амбара, служившего помещением для собраний.

— А я говорю вам, что он гугенот! — орал мельник. — Когда двадцать шестого августа прошлого года король объявил амнистию тем, кого подозревали в кальвинизме, из его дома вышла целая процессия еретиков. Там были и Мованы, и две какие-то женщины, и человек, как две капли воды похожий на убийцу Кюрнье. И он их всех прятал!

Собрание загудело. Падре Михаэлис втайне порадовался, но сделал скептически-равнодушное лицо.

— Если доктор де Нотрдам и гугенот, то он никак этого не выказывает. Он ходит к мессе, посвящает свои альманахи либо Папе, либо кому-нибудь, кто имеет репутацию ревностного католика, как, например, барон де ла Гард. Не вижу, где таится опасность.

Краем глаза Лассаль увидел, что многие закивали, и взвился от негодования:

— Где опасность? А я вам скажу где! Нострадамус становится день ото дня знаменитее. Предсказания расходятся мгновенно, пророчества выдержали бог знает сколько изданий. За гороскопами к нему приезжают из Парижа и Германии. Известно, что ему доверяет сама Екатерина Медичи, а сюда, в Салон, чтобы побеседовать с ним, приезжала Маргарита Наваррская, а за ней целый хвост аристократов и принцев крови. Даже епископ Безье Лоренцо Строцци вызывал его к себе, когда заболел.

— Ну и что? — сказал пекарь, сидевший на последней скамье.

— А то, что мы имеем гугенота, который стал самым знаменитым из граждан Салона. Хотите знать, что получается на практике? Каналья окружной предводитель, который знаться с ним не желал в прошлом году, теперь его обожает. С теми, кто пользуется успехом, всегда так. Оборванцы выстраиваются к нему в очередь...

— А что им еще остается? — отозвался мелкий лавочник, стоявший, прислонившись к бывшей кормушке. — Он лечит их бесплатно, да к тому же раздает богатую милостыню.

— Это все уловки, чтобы привязать их к себе. Если завтра новый король, Карл Девятый, даст нам волю расправиться с еретиками, достаточно будет одного слова Нострадамуса, чтобы вся беднота поднялась против нас. А он это слово скажет, уверяю вас.

Все его друзья — гугеноты чистой воды. Бедняга Кюрнье пожертвовал собой впустую.

Тут уже закивали почти все, и на лицах тех, что стояли спокойно, тоже отразилось согласие с мнением мельника.

Падре Михаэлис иронически улыбнулся.

— Вы преувеличиваете преданность бедняков своим благодетелям, — сказал он, поднявшись на ноги.

Как он и предполагал, Лассаль тут же сел.

— То, что вы говорите о Нострадамусе, может, и верно, но на меня он не производит впечатления демагога. Ведь вопрос-то на самом деле в другом: весь Салон заражен ересью, и вина в том ваша. Вас, буржуа, и вашей бездеятельности. Конечно, удобно было пустить вперед в прошлом году крестьян-ополченцев и, развалившись, наблюдать за их подвигами. А когда их бунт подавили, вы сами что сделали? А я вам скажу: ничего. Более того, вы одобрили возвращение на командные посты скрытых гугенотов.

По амбару прошел нервозный шумок, но протеста не последовало.

— Вдумайтесь в ситуацию, — продолжал падре Михаэлис более жестко. — Сначала восстановили в должности Луи Поля. Потом ведомого кальвиниста Триполи назначили военным комендантом, дав ему под начало двести человек. Еще сто двадцать отошли к личной охране графа Танде, который потакает ереси под предлогом терпимости. С должности бальи сместили Антуана де Корде и назначили бальи известного гугенота Гийома де Брюне. А вы что предприняли? Ничего. Вы приспособились и по-прежнему думаете только о своей торговле.

— Ваше обвинение несправедливо! — заговорил Орлиас де Кадене, адвокат с площади Галле, что в квартале Бург-Неф, худой человек в поношенном плаще, который явно свидетельствовал о том, что дела его идут не блестяще. — Вы не хуже меня знаете, что плачевная ситуация сложилась только благодаря короне. Кардинал де Лорена в опале, Гизов прогнали. Екатерина Медичи сделала Антуана Бурбона своим главным советником и освободила принца Конде. В этом месяце вышел эдикт, разрешающий проповеди и богослужения в частных домах, то есть две тысячи реформатских церквей во Франции теперь узаконены. Салон — всего лишь малая частица большой мозаики.

Тут на ноги вдруг вскочил маклер по продаже скота из квартала Арлатан.

— Господин иезуит, это неправда, что мы, третье сословие Салона, ничего не делаем! А кто, по-вашему, поставляет оружие, деньги и вино господам Порселе? Они все еще в силе только благодаря нам!

Падре Михаэлис похолодел. Клан мелких дворян Порселе был его головной болью. Один из Порселе пытался в Провансе повторить то, что сделал в регионе Майны Ришелье по прозвищу Монах. Он сколотил что-то вроде милиции из отставших от своих частей солдат, безработных батраков, разбойников и идеалистов, и во главе этого воинства, под лозунгом правоверного католичества, совершал набеги на земли Шама, Лансона и Салона, охотясь на гугенотов. Чаще всего его жертвами становились крестьяне, живущие на отшибе. Его солдаты насиловали женщин, а потом вырезали все семьи поголовно, включая детей. Дома они грабили, трупы сбрасывали в колодцы, а завершалась операция обычно пожаром.

Михаэлис часто спрашивал себя, не был ли тот самый *полупан-полусвин*, о котором говорил Нострадамус, владельцем Порселе? И в катрене, где говорится о Шалоне-сюр-Саон и Масоне, нет ли намек на два крупнейших кровопролития, устроенных вождями католиков в окрестностях Лиона? Ясно, что мрачные демарши самодеятельной милиции и послужили поводом к тому, что граф Танде доверил военное командование Триполи. К тому же крестьяне, до сей поры довольно консервативные, были так терроризированы этими бандами, что начали проявлять симпатии к гугенотам, и симпатии неуклонно росли.

— Я вижу, мы не вполне друг друга понимаем, — произнес падре Михаэлис суровым тоном, в котором сквозила ярость. — Реформатов не победить, вооружая бандитов и провоцируя беспорядки. Вы все порядочные, работающие и более-менее зажиточные люди. Чтобы восторжествовало дело католической церкви, вы сами должны стать примерными

католиками. Как там называется ваше братство? Никак не могу запомнить.

— Братство Battats, то есть флагеллантов²⁸.

— Я понял, я ведь сам из Прованса. — Михаэлис нацелил палец на присутствующих и медленно обвел им аудиторию. — Чем занимается это ваше братство?

— Устраивает шествия, — ответили несколько голосов.

Михаэлис кивнул.

— Ясно. Шествия в течение года. Еще чем?

Ответа не последовало.

— Тогда отвечу я: ничем. Едва кончается шествие, вы чувствуете себя свободными от любых обязательств. Одни из вас вообще не ходят к мессе, другие исповедуются и причащаются только на Пасху, третьи продолжают есть мясо по пятницам. Многие из вас посещают бордели или развлекаются с горничными. Практически они нарушают все нормы, предписанные добрым католикам.

Лассаль запротестовал:

— Так и священники делают то же самое! Наш приходской, например...

— В этом-то и вся трагедия! — драматически перебил его Михаэлис. — Гугеноты побеждают не потому, что у них больше оружия, денег, сторонников или покровителей. Они побеждают потому, что блюдут чистоту нравов, а чистота — источник силы. Они побеждают потому, что предпочитают духовную жизнь, потому, что перед собой видят совершенно оскотинившихся, погрязших в грехе католиков, от кардиналов, известных мне, до дворян, известных вам. Я уже не говорю о тех немногих рабочих, что остались на нашей стороне. Все они ленивые разгильдяи и пьяницы, все плохо работают, а молятся еще хуже. Хотя, по существу, они всего лишь подражают своим хозяевам.

Михаэлису пришлось, несмотря на холод, вытереть вспотевший лоб. В амбаре наступила тишина. Многих поразило обличение грехов католиков и смутил намек на паразитизм рабочих, предмет постоянных жалоб.

— Для этого я вас и собрал, — продолжал иезуит. — Если ваше братство флагеллантов хочет завоевать авторитет, оно должно превратиться в нечто большее: в союз, в конгрегацию. Такие союзы уже существуют в Париже, Риме и Неаполе. Они пока еще делают первые шаги, но так бурно растут, что вынуждают гугенотов обороняться.

— А какая разница — конгрегация или братство? — спросил красильщик.

— Очень просто: конгрегаты, то есть союзники, ведут единый образ жизни. Причастие как можно чаще, лучше всего каждую неделю; каждые две недели собрание; молитвы и духовные упражнения каждую минуту, в течение всего дня; чистота поведения как непреложная норма. Вот что такое настоящий заслон против ереси.

Михаэлис говорил с пылом, но никого из присутствующих, похоже, не убедил. На фоне всеобщего смущения Лассаль взял слово за всех:

— Вы предлагаете нам стать чем-то вроде монашеской общины. Только непонятно, что мы получим взамен...

Михаэлис оценил искренность ответа. Он остался сидеть и обвел всех широким жестом.

— Прежде всего вы укрепите истинные идеалы христианства, а это, я полагаю, в сердце каждого из вас. Но есть и практическая польза. До сих пор вас, зажиточных людей, объединяла только вера и мало что еще. Став конгрегатами, вы станете единым целым. Вы будете больше общаться, вместе молиться и вместе составите контраст с гугенотами. Вы станете не просто маленьким отрядом, вы станете воистину правящим сословием и будете сообща защищать свои интересы во имя общих ценностей: чистоты, трудолюбия, порядка и молитвы.

— А рабочие, о которых вы говорили? — спросил мясник. — Слуги, грузчики,

²⁸ Флагелланты (бичеватели) — одна из христианских сект. (Прим. перев.)

подмастерья? Мы должны их исключить?

— Ни в коем случае. Вы должны объединиться с ними на основе веры, которую разделяете. Но лучше будет создать из них другую конгрегацию, братскую по отношению к вашей, но особую. Выгода будет обоюдной: рабочие найдут в вас заботливых и понимающих хозяев, а вы в них — активные и послушные руки. Объединять вас будет вера, она же послужит гарантом вашего братства.

Теперь аудитория уже не была такой безучастной. Одни были не согласны, другие пытались их убедить. Со всех сторон раздавался шум, и Михаэлис был доволен. Почувствовав, что тон дискуссии накаляется, он поднял руку. Этого хватило, чтобы наступила полная тишина.

— Я не требую немедленного согласия, но и не хотел бы уйти отсюда ни с чем. Вы, господин Лассаль, отвечаете за конгрегацию флагеллантов в квартале Ферейру. Вы, адвокат Кадене, командуете в Бург-Неф. Кто из присутствующих с нами, можете подойти и записаться у них. Кто отказался, может сразу же уйти.

Это было очень рискованное заявление. Лассаль и Кадене были как раз настроены наиболее скептически. Однако ни мельник, ни безвестный адвокат не возражали стать руководителями правящего сословия Салона. Несогласных не оказалось: никому не хотелось, чтобы его исключили из общего собрания. Многие встали со своих мест и направились записываться в новый союз.

Удовлетворенный, Михаэлис поднялся с места.

— Кто записался, приходите сюда нынче вечером. Помолимся вместе, затем я вас исповедую одного за другим. А теперь идите, но держите в тайне все, что здесь услышали. Вовсе ни к чему, чтобы враги проведали о наших планах.

И Михаэлис направился к выходу. От стены, где он стоял в тени все это время, отделился массивный старик в партикулярном платье и вышел вслед за ним. Дубильщик, у которого была лавка на площади дез Арбр, поспешил учтиво распахнуть перед ними дверь. Снаружи не хватало только тумана, чтобы завершить тоскливый пейзаж. Холод пробирал до костей.

— Ну, что вы на это скажете, падре Нададь? — спросил Михаэлис, и у него изо рта вылетело облачко пара.

— Ловко, очень ловко, — ответил толстяк. — Вы постигли искусство совмещения личных интересов и веры. Боюсь только, что вся эта гармония испарится так же быстро, как наше дыхание на морозе.

— Все определяет исповедь, — заметил Михаэлис. — Это единственное оружие, которым не располагают гугеноты. Стоит только установить правила, как найдется множество народу, готового подчиниться. Однако они не учитывают, что, исповедуя их, я буду в курсе любого неповиновения.

— А вы не думаете, что они могут и соврать?

— Некоторые — да. Но я потребую исповеди их жен и детей. Если хоть один мужчина отойдет от правил чистоты и попытается это скрыть, его жена тут же раскроет мне обман. Предоставьте действовать мне, и Салон быстро станет нашим. Если, конечно, вы позволите мне остаться здесь.

— Я прибыл из столицы, чтобы вам об этом объявить. Теперь в Париже почти спокойно: лютеранство и кальвинизм там слабо укоренились, несмотря на индульгенцию Екатерины Медичи. Я сам возглавляю северное отделение ордена. Вы можете остаться здесь.

— В качестве провинциала Прованса?

— Нет. В качестве провинциала всей Франции.

Если бы падре Михаэлис был честолюбив, он бы наверняка умер от радости. Но он, как и всякий иезуит, не привык думать о себе. Он испытал только скромное удовлетворение и чувство благодарности, которое и выразил поклоном.

— Постараюсь оправдать высокое доверие, падре Нададь.

Тот улыбнулся.

— О, не сомневаюсь.

Они уже достаточно далеко отошли от старого амбара по каменистой тропе, которая раздваивалась. Одна тропа вела к двухэтажному зданию с колоннами, явно заброшенному, с провалившейся крышей; другая, петляя по равнине, упиралась в выбеленные стены нового монетного двора в Салоне.

Михаэлис остановился на развилке.

— Я не могу проводить вас в город, — сказал он, указывая на развалины. — Мне в ту сторону.

Падре Надаль нахмурился, но не стал задавать вопросов.

— Как пожелаете. Не знаю, увидимся ли мы. Я хочу как можно скорее уехать в Париж.

— Если позволите, я бы хотел задать пару вопросов относительно моей новой должности.

— Да, конечно, задавайте.

Падре Михаэлис оглядел горожан, группами выходящих из амбара, и понизил голос:

— Вы читали мои отчеты и знаете, что я нанес вред кардиналу Алессандро Фарнезе. Он нынче папский легат в Авиньоне и здесь бывает редко. Нет ли опасности, что обида, которую он наверняка затаил, помешает моей миссии?

— Нет. Прошли те времена, когда генерал нашего ордена слепо подчинялся Фарнезе. Теперь все наоборот. Мы стали гораздо могущественнее, чем год назад, и кардиналов у нас под боком десятки и десятки.

— Понимаю.

Падре Михаэлис с удовольствием заметил, что буржуа выбирали другую тропу — ту, что за амбаром сворачивала сразу на равнину.

— Перейду ко второму вопросу. Я исповедался падре Лаинесу и вам, что виновен в подстрекательстве к убийству здесь, в Салоне. Я рассчитывал возбудить восстание католиков, но недооценил могущество гугенотской знати. Словом, речь идет об убийстве, а это смертный грех.

По грубому лицу падре Надаля пробежала легкая усмешка.

— Вы прекрасно знаете, что в нашей среде смертный грех не возбраняется, если того требует борьба, которую мы ведем. В вашем случае намерения были добрыми. Сделано было недостаточно чисто, если наши недруги что-то заподозрили. С первой же оказией я сам пришлю вам отпущение грехов, и мы убедим понтифика дать вам индульгенцию.

Михаэлис почувствовал, что больше говорить не о чем. Однако прежде чем распрощаться, падре Надаль спросил:

— Вы полагаете, что вам действительно надо оставаться в этом городишке с тремя тысячами жителей? Может, следует обосноваться в Эксе?

— Позже. Салон не такой заштатный, как кажется. Здесь собираются Генеральные Штаты Прованса. Здесь обитает Триполи, правая рука графа Танде. Здесь сконцентрированы самые ярые католики, от крестьян-ополченцев до разбойников владетеля Порселе. Кроме того, здесь обосновался опаснейший человек, представитель секты, о которой мы ничего не знаем.

— Вы имеете в виду Нострадамуса?

— Именно его. Вы сами слышали от Лассалья, как растет его популярность. А ведь мельник знает только малую часть истины. Лично я не успокоюсь, пока не увижу Нострадамуса в темнице, а потом на костре.

— Что ж, желаю удачи. Жду ваших отчетов. Да хранит вас Господь.

Падре Надаль запахнул плащ и зашагал к городу.

Михаэлис немного подождал и направился к заброшенному дому. Дверь была приоткрыта и скрипнула, когда он ее толкнул. В комнате, куда он вошел, не было мебели, только стул и стол, на котором стояли стакан и деревянная бутылка. На стуле возле потухшего камина дремал человек.

— А где она? — сразу спросил Михаэлис.

Симеони вздрогнул и поглядел на него водянистыми глазами.

— Она отказалась прийти, — ответил он заплетающимся языком. — Не доверяет вам.

— Нострадамус ее убедил? — в тревоге спросил Михаэлис.

— О нет. Джулия вам по-прежнему благодарна и считает своим спасителем. Ни Нострадамус, ни эта змея, его женушка, не смогли заставить ее изменить мнение.

— Почему же тогда она мне не доверяет?

— Она убеждена, что вы причините зло мне.

Михаэлис вздрогнул, но предпочел промолчать. Нервничая, он вытащил из поясной сумки кусок золота и положил его на стол.

— Слушайте внимательно, Симеони. Мне надо поговорить с вами об этом золоте, о кольце и о непонятном медальоне, некогда принадлежавших человеку, который называл себя Денис Захария.

Симеони сильно закашлялся, но приготовился слушать.

ОБЕЗОРУЖЕННЫЙ ПРОРОК

— Что вы делаете, несчастные? — закричал Шевиньи. — Прекратите сейчас же, оставьте его! Да вы знаете, кто это? Это Нострадамус, великий пророк, автор предсказаний!

Он попытался загородить друга своим телом, но гигантского роста крестьянин отбросил его, как былинку.

— Знаем мы, кто он такой. Лютеранин. И кончит он так же, как и все его дружки.

Он раскрутил палку с вырезанным на ней крестом и ударил Мишеля по спине. Остальные ополченцы, стоявшие вокруг, тоже пустили в ход свои дубины.

Мишель упал лицом в песок. Острая боль в спине тут же отозвалась в больных ногах. Удары дубинок были не столько болезненны, сколько унижительны, а это было большее побоев. С полными слез и пыли глазами он вспоминал не такие уж далекие времена, когда еврея могли забить насмерть на виду у всех. Колокола церкви Сен Мишель заливались праздничным звоном по случаю Страстной пятницы. Когда-то давно его отец, уже будучи крещен, предпочитал в этот день держать семью дома.

— Хватит! Хватит! Не хотите же вы убить его! — кричал Шевиньи.

— Еще как хотим, — сказал крестьянин. — Только сами убивать не станем. Скоро здесь будет господин Порселе, и твоего мага зарежут перед собором вместе с остальными еретиками.

Мишель вновь обрел сознание, вынырнув из своих грез, и тут же на него обрушился очередной жестокий удар по ребрам. Он закашлялся, горлом пошла кровь. Но перспектива публичной казни увлекала ополченцев больше, чем просто убийство. Может быть, у него есть еще в запасе немного времени.

Он бы мог с помощью магии умертвить своих мучителей и таким образом напугать других. Нужно заклинание уже вертелось у него на языке. «Vassis atatlos vesul extremus, verbo san hergo diabolia herbonos». Сам он никогда им не пользовался, но Ульрих много лет назад разъяснил ему, как оно действует. Слова искажают эфир, окружающий человека, которого надо извести, и образуют в нем слабые зоны. У человека нарушается кровоснабжение: одни вены набухают, другие, опустев, спадаются. Кожа начинает пульсировать, потом трескается, и возникают ужасающие кровотечения. В результате человек умирает в луже почерневшей кровавой сыворотки.

Но для заклинания надо знать имя человека, иначе лучи эфира станут искажаться как попало. Запускать механизм смерти, которая будет разить без разбора, он не хотел и предпочел закрыть глаза и отдаться на волю провидения. Звучный баритон вывел его из состояния ожидания неминуемой смерти.

— Молодцы, ребята! Вижу, вы еще одного поймали. Кто это?

— Нострадамус, знаменитый колдун, — ответил предводитель отряда. — Покровитель Мованов и всех салонских лютеран.

— Нет! Он добрый католик! — закричат Шевиньи. — Это святой, вдохновленный Богом! Величайший человек из всех, когда-либо существовавших!

В баритоне появились саркастические нотки:

— Вот как? Доблестные мои ополченцы, я вижу в руках у вас увесистые дубины. Обеспечьте великому человеку достойное мучение. Ни один святой без этого не обошелся.

Мишель узнал голос. Он принадлежал Жану де Гансу, тридцатилетнему францисканскому монаху, недавно прибывшему из Парижа. Это он 4 апреля 1561 года, в день Страстной пятницы, призывал пришедших в церковь крестьян раз и навсегда покончить со всеми еретиками. Пять сотен батраков приняли его слова как руководство к действию. Многие дома горели, и огонь мог в любую минуту перекинуться на соседние. Такие сцены можно было наблюдать по всему Провансу, и главную роль играли то католики, то гугеноты.

Мишель приготовился умирать. Мысленным взором он уже видел три солнца, и теперь они явно хотели ему что-то сказать. Но это мимолетное видение сразу же исчезло в кровавом отсвете. Удары, которых он ждал, почему-то запаздывали, галдеж злобных голосов затих, и был слышен только колокольный звон.

Мишель прочистил веки от песка и открыл глаза. Причина неожиданного молчания сразу стала понятна: с одной стороны улицы быстро приближалась безмолвная процессия. Другая процессия, поменьше, надвигалась с другой стороны улицы. Над обеими возвышались хоругви с изображением победоносной Девы Марии с поднятым мечом в руке. В обеих процессиях хватало мечей, хотя и опущенных вниз или скребущих землю.

Ополченцы глядели растерянно, явно ничего не понимая. Крепкий, поджарый, длиннорылый Жан де Ганс важно приблизился к большей процессии, остановился в нескольких шагах, поднял руку и заговорил от имени идущих следом батраков:

— Добро пожаловать, братья! Судя по вашим штандартам, вы хотите присоединиться к нам и покарать гугенотов. Работы по зачистке только начались, и нам нужны руки. До вечера в Салоне не останется ни одного живого еретика.

Мишель с трудом сел. Увидев человека, выступившего вперед от другой процессии, он вздрогнул: это был мельник Лассаль. Грудь его пересекала белая лента, на голове красовалась широкополая шляпа, украшенная четками.

Лассаль шагнул к францисканцу и сухо сказал:

— Возвращайся в Париж, монах. Здесь ты уже натворил бед.

Монах, казалось, удивился, потом выпятил грудь и заговорил еще более властным голосом:

— А кто ты такой, чтобы мне приказывать? К какой секте ты принадлежишь?

— Ни к какой. Я представляю конгрегацию флагеллантов. А та процессия, с другой стороны улицы, — это младшие ремесленники. Монах, твой бунт рискует разрушить наш трудолюбивый город. Возвращайся домой. Со своими гугенотами мы сами разберемся.

Жан де Ганс повернулся к ополченцам с широким, нарочито драматическим жестом:

— Братья, вы слышали, что сказал этот бессовестный? Его люди маскируются под знаменем Мадонны, а на самом деле они все еретики! Берите дубины и разгоняйте их!

Никто из ополченцев не двинулся с места. Многие из них откинули назад серые капюшоны, обнажив бритые головы. Выглядели они растерянно.

Мельник рассмеялся.

— Напрасно ты так горячишься, монах. Никто из них волоска нашего не тронет. Они хорошо знают, кто идет за мной.

Он указал на толпу у себя за плечами.

— Здесь весь Салон — продающий и покупающий, ссужающий деньги и дающий работу, составляющий государственные бумаги и осуществляющий правосудие. Все лавочники в другой процессии. Твои люди знают, кто их кормит.

Францисканец сдаваться не желал.

— Не попадитесь в ловушку! — крикнул он своим. — Однажды вы уже сдались перед знатью и разошлись! И только потом догадались, что они почти все гугеноты!

Глава ополченцев ответил:

— Это не аристократы, брат Ганс, и уж тем более не еретики. Это буржуа, которые ссужают нам деньги зимой, покупают корзины, сплетенные нашими женами, держат продуктовые магазины. При всем уважении к вам, мы не сумасшедшие, чтобы причинять им зло.

Мишелю было интересно, как дальше пойдет разговор, который становился все оживленнее. Но Шевиньи, воспользовавшись передышкой, подбежал к нему и схватил его за руки, пытаясь поднять. Он встал, несмотря на острую боль в спине и боках, и успел услышать, как Жан де Ганс кричал:

— За всем этим я чувствую руку иезуитов! Они уже завладели Салоном, а вы даже не заметили, идиоты несчастные! Но эти лицемеры за все заплатят! Рано или поздно...

На этом его голос за спиной Мишеля, которого тащил Шевиньи, оборвался, и больше ничего не было слышно. Процессия малых ремесленников равнодушно расступилась, чтобы их пропустить.

Улицы, ведущие к кварталу Ферейру, были относительно спокойны, хотя за накрепко запертыми дверями некоторые торговцы охраняли свои лавки с дубинами в руках.

— Как вы себя чувствуете, учитель? — спросил наконец Шевиньи.

— Плохо, — ответил Мишель, и это была правда. — Но я не хочу ни лечиться, ни отдыхать. Я хочу немедленно уехать из этих проклятых мест и не возвращаться, пока здесь не восстановится спокойствие и, хочется надеяться, здравый смысл. Пока здесь меня ждет только несправедливость и унижения, а теперь еще и побои.

— Я понимаю вас, маэстро, но не преувеличивайте опасность, — сказал Шевиньи. — Если этот бунт не нравится знати и буржуа, он быстро прекратится. Я думаю, через несколько часов здесь будут солдаты графа Танде и Триполи. На этот раз они не дадут застать себя врасплох.

Мишель стиснул зубы: к боли от побоев присоединилась боль в ногах. Когда он снова смог говорить, ему сначала пришлось вытереть с губ кровь, которая опять начала сочиться.

— Я в тревоге. Март закончился плохими предзнаменованиями. На юго-западе прошли невиданной силы ураганы с градом, тот тут, то там вспыхивает чума. Я предвижу беды для себя, для Жюмель, для вас и для всех. Я не могу оставаться в этом пьяном ненавистью городе.

Шевиньи поднял руки, чтобы поддержать учителя, который снова пошатнулся. На его лице отразился экстаз.

— Ах, какой великий, величайший пророк! Боже мой, я так взволнован, что мне хочется плакать! Вы же все это предвидели, в мельчайших деталях!

— Что я такое предвидел? — удивленно спросил Мишель.

— Слушайте, я знаю эти строки наизусть!

Шевиньи поднес руки к вискам и продекламировал:

Montauban, Nismes, Avignon et Besiers,
Peste, tonnerre et gresle ? fin de Mars,
De Paris pont, Lyon mur, Montpellier,
Depuis six cens et sept-vingt trois pars.

В Монтобане, Ниме, Авиньоне и Безье —
В конце марта град, чума и гром небесный.
Парижский мост, стена Лионская и Моннелье,
Начни с шестьсот семи, все в двадцать третьей части²⁹.

²⁹ Катрен LVI, центурия III. Перевод Л. Здановича.

Мишелю хотелось поговорить совсем о другом, но он кивнул.

— Да, в первых двух стихах есть намек на несчастья на юго-западе. Но мост в Париже, стены Лиона, Монпелье... Я записал эти слова, не разумея их смысла.

— Дело в том, что вы не следите за текущими событиями, иначе вы бы поняли смысл ваших слов. На днях в Париже гугеноты устроили крупные беспорядки в Пре-о-Клерк, а на мосту Сен-Мишель развернулось нешуточное сражение. В Лионе они попытались помешать процессии, но их заблокировали в стенах города. В Монпелье они захватили церковь Нотр-Дам-де-Табль и засели там с оружием в руках. Все это удивительно.

— В самом деле, — пробормотал Мишель, рассматривая издали свой дом, который, по счастью, не пострадал.

Однако перед входом наблюдалось какое-то тревожное оживление.

Шевиньи не желал отвлечься от своих толкований и не обращал внимания ни на что.

— Единственное, чего я не могу понять, — это последняя строка с какими-то числами.

Мишелю очень хотелось послать его ко всем чертям, но он сдержался.

— Если вас это интересует, могу вам помочь. При записи своих видений я избегаю точных дат, чтобы не напугать обыкновенных читателей. Однако читателям сведущим я адресую знак, убавляя или прибавляя несколько сотен лет.

— И правда! — воскликнул Шевиньи. — Все катрены, касающиеся тамплиеров, датированы по этой системе!

— И не только они. Возьмите катрен, о котором мы говорили. Умножьте семь на двадцать три. Сколько получится?

— Сто шестьдесят один.

— Теперь прибавьте шестьсот. Сколько получилось?

— Семьсот шестьдесят один.

Верно. Теперь остается округлить эту цифру до восьмисот и сложить два числа. Что в сумме?

— Тысяча пятьсот шестьдесят один. — Шевиньи вдруг побледнел. — Господи, спаси и помилуй! Да ведь это же текущий год!

— Вот именно. А теперь, будьте так добры, оставьте меня в покое.

То, что теперь Мишель смог разглядеть возле собственного дома, действительно настораживало. У входа стояла большая повозка, и какие-то люди грузили на нее мебель и домашний скarb. Солнце слепило ему глаза, и он мог разглядеть только тени грабителей. Он рванулся было бежать, но нестерпимая боль в ногах дала ему попять, что ничего не получится. Тогда он, как кукла, стал механически переставлять одну ногу за другой, благо улица спускалась вниз.

— Мишель! Наконец-то! А я уже собиралась идти тебя искать... Но что с тобой сделали?

Услышать ласковый голос Жюмель было для него равносильно бальзаму. Сил сразу прибавилось. Он подбежал к жене, крепко прижал к себе, щека к щеке, и долго не мог оторваться. Потом осторожно отстранил ее и заглянул ей в глаза.

— Обо мне не беспокойся, любовь моя. Скажи, как ты. Чем вы тут заняты?

— Мы в большой опасности, Мишель, в очень большой!

Мишель кивнул.

— Да, но, полагаю, спокойствие восстановится достаточно быстро. Зажиточные люди Салона пытаются подавить фанатизм, и думаю, это у них получится. — Тут он заметил Джулию и Симеони, которые аккуратно привязывали к повозке кресло. — За всем этим я вижу руку одного человека, несомненно, хорошо известного нашим друзьям. Однако повода для беспокойства нет.

— Есть, и еще какой! — сказала Жюмель. — Час назад здесь был капитан д'Изнар. Он говорит, что выписан мандат на твой арест!

Мишель вздрогнул, потом пожал плечами.

— Ополченцы меня сегодня уже арестовали и тут же освободили. Их ордер на арест не

имеет силы.

— Но ордер на твой арест подписан королем Франции!

На этот раз Мишель действительно встревожился и нервно сглотнул.

— Это правда?

Жюмель не слушала, пристально разглядывая его губы. Потом ее умные глаза скользнули по порванному плащу, вылезшей наружу рубашке и испачканным в грязи брюкам.

— Какая я дура! — прошептала она. — Я же ничего не заметила... Вот эгоистка! У тебя кровь на губах, на бороде, и вся одежда в крови.

Бережно взяв за щеки, она притянула его к себе.

— Что случилось, милый? Расскажи...

Мишель уклонился.

— О, ничего серьезного. Шевиньи расскажет... А где Шевиньи?

Юноша уже бросился к дверям: он увидел Бланш с каким-то блюдом в руках и поспешил ей на помощь, преувеличенно галантным движением забрав ношу у нее из рук.

Жюмель критически покосилась на обоих.

— Бланш очень милая девушка и достойна мужчины с более солидным хозяйством под брюками и, конечно, не такого чокнутого.

Она снова посмотрела на мужа.

— Мишель, ты знаешь, что капитан д'Изнар серьезный человек, к тому же он твой верный друг. Я доверяю его предупреждению, потому и заказала повозку. Думаю, лучше будет уехать отсюда, пока не восстановятся покой и порядок.

— Да, но куда нам ехать?

— Мой первый муж, да благословит Господь этот человеческий огрызок, имел дом в Авиньоне на улице Сервеллери, в приходе Сент-Агриколь. Надо ехать туда.

— Если ордер на арест существует и его подписал король, он так же действителен в Авиньоне, как и здесь.

— Да, но в той каше, что царит повсюду, кто будет нас разыскивать? А в Салоне любой знает твой адрес. Милый, предоставь действовать мне. Надо бежать, пока у нас еще есть время.

Мишель колебался, но тут увидел картину, которая заставила его решиться. Из дома выходила Кристина, подталкивая перед собой весь его выводок: Магдалена, Сезар, Шарль и Андре шли сами, а маленькая Анна сидела у нее на руках.

Его ужаснула мысль, что что-нибудь может случиться с детьми. Он побежал в дом собирать вещи. Спустя полчаса тяжело нагруженная повозка медленно отъехала от дома. Ее тащила смиренная, как ослик, лошадь. Мишель правил, Жюмель, Кристина и дети устроились наверху, среди вещей, покрытых вошеной тканью. Джулия, Симеони, Бланш и Шевиньи шли сзади пешком, разбившись на пары.

Мишель сделал Джулии знак подойти. Она ускорила шаг и поравнялась с козлами экипажа. Лошадь тащилась так медленно, что ей не составило никакого труда обогнать бедное спотыкающееся животное.

Мишель свесился к ней с козел.

— Джулия, я хочу коснуться темы, которая, я знаю, вам неприятна. Когда-то вы рассказали мне, что убить Кюрнье Симеони и вас подстрекал иезуит падре Михаэлис. А дальше вы говорить отказались. Не знаком ли я с этим человеком...

— Да... Вы видели его при дворе королевы.

— Может быть, но я не припоминаю. Меня удивляет, что вы защищаете его всякий раз, как кто-нибудь назовет его имя. И меня пугает то влияние, которым начинает обладать этот человек. Похоже, что это он, непонятно, с какой выгодой для себя, провоцирует мятежи в Салоне, а потом гасит их, когда ему понадобится. Создается впечатление, что он управляет жизнью городка по какому-то одному ему известному плану. Ведь он и вас обоих использовал как инструменты.

Джулия тряхнула белокурыми волосами, забранными в сеточку.

— Здесь есть детали, которых вы не знаете и которые я не могу объяснить. Единственное, что я могу вам сказать, — это то, что падре Михаэлис спас мне жизнь, прятал меня, рискуя сам. Он человек истинной веры, настоящий идеалист, совершенно не похожий на тех прелатов, с которыми я была знакома. И я всегда сделаю все, о чем бы он меня ни попросил.

— Скажите по правде: а он в вас не влюблен?

Джулия вздрогнула и опустила голову.

— Думаю, да, по-своему. Но он всегда относился ко мне почтительно, и я уверена, что так будет и дальше. А почему вы спрашиваете?

Прежде чем ответить, Мишель понизил голос, насколько позволяло цоканье лошадиных копыт.

— Потому что, относясь с почтением к вам, он ожесточился против вашего Габриэле, к которому, конечно же, ревнует. Он его шантажировал, пристрастил к вину и мотовству. Теперешний Габриэле — лишь тень того человека, каким он был. Понимаю, что вам больно это слышать, но это так.

Джулия выглядела очень смущенной. Она подняла голову и посмотрела на Мишеля своими ясными глазами, чуть подернутыми грустью.

— Я тоже подозревала, что падре Михаэлис ревнует к Габриэле, сам того не понимая, и способен причинить ему зло из-за любви ко мне. Но даже если это и так, вина в том моя. Это я не смогла стать настолько близкой Габриэле, чтобы наставить его на путь истинный. Зато пытаюсь сделать это теперь.

Джулия помолчала, потом сказала:

— Падре Михаэлис тоже виноват, но по отношению ко мне он был бесконечно добр. И я поклялась себе всегда его слушаться, что бы ни случилось. Скажу только вот что: мы с матерью подвергались самым позорным унижениям из-за того, что Павел Третий отлучил нас от церкви. Падре Михаэлис ходатайствовал перед кардиналом Фарнезе, чтобы с меня отлучение сняли. Для меня это означало конец непрерывного кошмара и стало знаком того, что жизнь моя не будет походить на ту, что вела моя несчастная мать.

Мишель кивнул.

— Да, вы рассказывали о конце вашего наказания. Падре Михаэлис и вправду совершил в отношении вас благородный поступок.

— Он сделал еще больше! Он вернул мне надежду! Теперь я знаю, что мои злоключения кончены. Придет момент, и я смогу обвенчаться с Габриэле и помочь ему снова стать таким, каким он был.

Джулия говорила со страстью. Потом достала из-за корсажа маленький, аккуратно свернутый пергамент.

— Я все время ношу возле сердца отпущение грехов, данное Папой, и смотрю на него всякий раз, когда мне плохо. И чувствую, что у меня есть будущее.

Мишель нахмурился.

— Так вы умеете читать?

— О нет. Только несколько слов. Мама никогда не хотела, чтобы я научилась. Мне больно это говорить, но она всегда испытывала ко мне что-то вроде зависти и не хотела, чтобы я знала столько же, сколько она.

— А можно мне взглянуть на этот документ?

Джулия поколебалась, потом протянула ему свиток.

— Конечно.

Мишель зажал вожжи между колен и развернул пергамент. Почерк изобилует завитушками и всяческими условными знаками, которыми обычно пользовались аристократы, чтобы послание было понятно только посвященным. Чтобы разобрать витиеватую вязь, ему потребовалось усилие. Наконец до него дошел смысл написанного:

Priapus Quintus Episcopus, servus servorum Dei, attesta che la portatrice della presente bolla ha due tette morbide e profumate, e un ventre umido e accogliente.

Ordina a tutti i fedeli di usare tanta grazia di Dio per il proprio piacere, perche non e detto che il paradiso si possa gustare solo dopo morti.

Datum in Roma apud lupanarem Johannaе Florentinae.

M. D. LIX.

(Епископ Приал Пятый, слуга из слуг Господа, свидетельствует, что владелица настоящей буллы обладает двумя мягкими и ароматными грудями и влажным, гостеприимным чревом.

Епископ приказывает всем правоверным пользоваться этой милостью Божьей в свое удовольствие, ибо не сказано, что раем можно наслаждаться только после смерти.

Выдано в Риме в лупанарии Иоанны Флорентинской.

M. D. LIX.)

У Мишеля слезы навернулись на глаза. Джулия протянула руку, чтобы забрать свое сокровище. Превозмогая ком в горле, он сказал:

— Прошу вас, позвольте мне держать этот пергамент при себе. Дорога до Авиньона долгая, и нас могут подстергать разные опасности. В моей сумке ваш документ меньше рискует потеряться.

Джулия опешила, но потом улыбнулась.

— Я доверяю падре Михаэлису, но и вам тоже. Пусть хранится у вас.

Мишель снова взял в руки вожжи и ничего больше не сказал. Теперь он знал имя того, кто натворил столько бед, и дал себе слово поквитаться с ним за все те страдания, что он причинил, и за те, что готовился причинить. Не без корысти.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Подъезжая к замку Мариньяно холодным декабрьским утром 1561 года, падре Михаэлис был во власти эйфории. После стольких трудов все устраивалось как по волшебству. Прежде всего, скандальная толерантность Екатерины Медичи по отношению к гугенотам пошла на убыль. И в этом, надо сказать, была вина самих гугенотов. Ослабление Гизов, казалось, породило в них иллюзорное чувство безнаказанности. Вместо того чтобы наслаждаться победой, они развернули по всей Франции наступление на католическую церковь и ее символику. Религиозные здания были оккупированы, статуи Мадонны и святых разбиты молотками и кирками. Подобные эпизоды происходили весной в Верхнем Провансе и в долине Рено. Потом иконоборческие разрушения постигли Оранж, Монпелье, Ним, Ажан и десятки других мест. Многие священники, безуспешно пытавшиеся защитить культовые здания от разрушителей, были убиты.

Гугеноты так далеко зашли в своих амбициях, что возмечтали захватить Лион, но на них донесли, и они потерпели неудачу. Тогда Екатерина Медичи предприняла последнюю попытку примирения: собрала в Пуасси теологов, католиков и кальвинистов, надеясь, что они придут к доктринальному компромиссу. Но фанатичная непримиримость гугенота Теодора де Безе и католика кардинала де Лорена разрушила все планы. Более того, до двора дошло известие, что кальвинисты собирают настоящее войско. Теперь под угрозой были уже не Гизы, а юный суверен Карл IX. Королева готовилась отреагировать с яростью львицы, увидевшей детеныша в опасности.

— Подъехать к центральному входу? — спросил кучер, когда замок был уже близко.

Падре Михаэлис высунул голову в окошко.

— Да. Я предупредил графа о своем приезде.

Он рассеянно оглядел покрытую снегом ломбардскую равнину и снова закрыл окно.

Откинувшись на мягкую спинку сиденья, он смаковал еще одну причину прекрасного настроения. Нострадамус арестован! Об этом он не мог подумать даже в самых розовых мечтах. Он уже давно высылал двору все брошюры, которые велел написать: «Monstradamus», «Le Monstre d'Abus», «Declaration des abus, ignorances in seditions de Michel Nostradamus» и прочие. Эффект был равен нулю. Слава «пророка» продолжала расти, и даже эlegantный Ронсар, несравненный анти-Рабле, идол всей Франции, посвятил салонскому визионеру подобострастные стихи.

Потом падре Михаэлиса посетила гениальная идея уговорить Карла IX заключить в темницу только что вернувшегося из Авиньона шарлатана. Теперь оставалось только передать его инквизиции. По нем давно плакали веревка, испанский сапожок и другие инструменты Святой палаты.

Замок принадлежал графу Танде, который проводил там зиму. На вид он ничем не напоминал тюрьму: если бы не две мощные башни, просторное, изящное здание больше походило бы на виллу, чем на крепость. Корпус охраны был невелик: горстка солдат, закутанных в плащи и вооруженных только пиками. Еще солдаты, явно наемные, разожгли костер на свободном от снега местечке и оживленно о чем-то болтали.

— Я падре Себастьян Михаэлис из ордена иезуитов. У меня разрешение на беседу с заключенным.

Офицер стражи удивился:

— Вас ожидают, падре, но о каком заключенном вы говорите?

— О еретике, запертом в казематах замка.

— В казематах?

Офицер обернулся к товарищу по оружию:

— Ты когда-нибудь слышал о казематах?

— Нет, разве что падре имеет в виду подвалы.

— А, ну может, и так.

Офицер посмотрел на Михаэлиса.

— В любом случае, граф Танде знает о вашем визите и велел вас впустить. Можете доехать до дверей в экипаже. Прислуга займется лошадьми и проводит вас в кабинет графа.

Михаэлис снова спрятал голову за занавеской окошка и дождался, пока кучер довез его до самого подъезда. Навстречу ему вышли двое слуг и поклонились, услышав его имя.

— Следуйте за мной, падре, — сказал старый дворецкий, одетый в элегантную зеленую ливрею. — Покои господина графа находятся на втором этаже.

Внутри замок выглядел не так вальяжно, как снаружи. Вестибюль был полон солдат в форме аркебузирова: они чистили аркебузы и до блеска надраивали шпаги. Обои на стенах отличались строгостью, и вдоль коридора выстроились на подставках полные комплекты кирас далеко не старого образца. Было видно, что они здесь не для красоты и при малейшей необходимости пойдут в дело. Развешанные на стенах шпаги, кинжалы и секиры тоже внушали мысль об обширном арсенале, готовом к бою в любую минуту. Ясно, что граф Танде отнюдь не легкомысленно относился к гражданской войне, хотя и избегал открыто высказывать свои опасения.

К кабинету графа вела широкая мраморная лестница. Михаэлис ждал совсем недолго: как только ушел дворецкий, граф, широко улыбаясь, сам вышел ему навстречу.

— Для меня большая честь принимать в замке представителя столь молодого и столь авторитетного ордена, — сказал он. — Я давно мечтал побеседовать с иезуитом.

Падре Михаэлис поклонился.

— Я охотно побеседую с вами, господин граф. Вы, должно быть, знаете о цели моего приезда.

Клод Танде едва заметно нахмурился.

— Да, я прочел ваше письмо. Но еще раньше ознакомился с посланием его величества Карла Девятого.

Он подошел к письменному столу, по бокам которого стояли два золоченых кресла,

обитых красным бархатом. Комнату освещал большой настольный подсвечник, поскольку света, поникавшего снаружи, было мало.

Они уселись в кресла. Падре Михаэлис сразу же заметил на столе объемистую папку с наскоро начертанными на обложке буквами «S J». Видимо, прежде чем принять его, граф запросил необходимые сведения в «Societas Jesus», «Обществе Иисуса», и не собиравшись этого скрывать. Можно было даже сказать, что папку намеренно положили на виду, чтобы дать понять Михаэлису, что он имеет дело со сведущим собеседником.

— Перейдем сразу к делу, — сказал граф. — Я подчинился приказу его величества. Шестнадцатого декабря я лично отправился в Салон, забрал с собой доктора Мишеля де Нотрдама и привез сюда, где он по сей день и находится.

— В каземате, я полагаю?

— В каземате? У меня в замке нет казематов, и, потом, его величество ни словом не обмолвился о строгом тюремном содержании. Нет, доктор Нотрдам проживает в моих апартаментах.

Михаэлис ожидал чего-нибудь подобного, но все же его передернуло.

— Надеюсь, вы шутите, — вырвалось у него.

Благодушный взгляд графа вмиг сделался жестким.

— Падре, вы забываете, что перед вами правитель Прованса. Я весьма толерантен, но не выношу дерзостей ни со стороны людей светских, ни со стороны носителей духовного звания.

Михаэлис поспешил опустить глаза.

— Простите меня, я не хотел показаться бестактным, — пробормотал он, изобразив сожаление и покорность. — Мое удивление имеет причину: я понял, что вы не в курсе всех обвинений, выдвинутых против Нострадамуса, и их тяжести.

— Тяжести?

Граф Танде нарочито удивленно пожал плечами, сопроводив этот жест смешком.

— В своем письме его величество просил меня разобраться в личности автора столь мрачных предсказаний, которые способны спровоцировать беспорядки в эпоху, когда их и без того хватает. Ну, я и разобрался. Альманахи Нострадамуса и в самом деле предсказывают сплошь события мрачные и трагические. Я попросил его во имя нашей старой дружбы сбавить тон. И обращаюсь я с ним не как с арестантом, а как с гостем.

Падре Михаэлис решил выказать себя сговорчивым по всем статьям.

— Безусловно, господин граф, вы поступили правильно, учитывая, что приказ его величества был столь великодушен. Однако я должен проинформировать вас более полно обо всех обвинениях, предъявленных Нострадамусу кардиналом де Лорена. А дальше вы сами решите, останется он вашим гостем или заслуживает более строгого содержания.

— Я вас слушаю, говорите, но прошу вас не касаться мнимой принадлежности Нострадамуса к партии гугенотов. Вот, у меня в руках черновики его «Предсказаний» за тысяча пятьсот пятьдесят второй год. Они посвящены Фабрицио Сербеллони, кузену Папы Пия Четвертого и военному коменданту графства Венессен. Еретик не станет посвящать свой альманах человеку, посланному Папой на защиту господства католичества в Провансе.

Падре Михаэлис кивнул.

— Все, что вы говорите, верно, но не придавайте такого значения посвящениям. Если не ошибаюсь, альманах за тысяча пятьсот пятьдесят первый год посвящен самому Пию Четвертому...

— Да, а за тысяча пятьсот шестидесятый год посвящен мне, — с довольным видом сообщил граф Танде.

— Знаю. Но Нострадамуса обвиняют не в ереси или мятеже, его обвиняют в колдовстве.

Аристократ удивился, но не смутился, и на его лице появилась легкая улыбка.

— Не хотите же вы заставить меня поверить в то, что кардинал де Лорена в такое время будет заниматься подобными обвинениями. Известно, что Нострадамус астролог, но в его

сочинениях нет ни одной строчки, которая говорила бы о занятиях некромантией.

Разговор вступил в самую трудную для Михаэлиса фазу. Ему надо было убедить человека, целиком занятого политикой, всерьез принять обвинение, совершенно не связанное с его политическим и интересами, да к тому же и основанное на таких шатких доказательствах, которые даже фанатики из испанской инквизиции сочли бы недостаточными. Но убедить надо было обязательно: слишком высока ставка в этой игре. Он глубоко вздохнул и начал:

— Из того, что написано Нострадамусом, трудно сделать вывод о его прямой связи с демонами. Но посмотрите на обложки его альманахов.

— Я их видел и не нахожу в них ничего дурного.

— Чаще всего на них изображен сам Нострадамус с глобусом в руках, и он указывает на звезды зодиака.

Граф Танде удивленно поднял брови.

— Ну и что?

— Этот жест напоминает традиционную иконографию персидского солярного божества, именуемого Митрой, или Mythras. Такого рода намеки присутствуют во всех сочинениях Нострадамуса, а также в его биографии. Его фамильный герб содержит надпись «Soli Deo», которая может быть истолкована как «Богу-Солнцу». В своем «Послании к сыну Сезарю», которым открывается издание пророчеств шестилетней давности, он упоминает о вдохновении, которое исходит от «самой высокой из всех звезд». Дома он предается своим видениям, надев на голову лавровый венок, а лавр — растение, посвященное Солнцу. А записывает он свои пророчества лебединым пером, ибо лебедь тоже считается солнечной птицей.

— Откуда вам все это известно? — спросил пораженный граф.

— У меня есть свои информаторы. К тому же достаточно прочесть книги, написанные Нострадамусом. В одной из них, никогда не издававшейся, посвященной египетским иероглифам, есть множество изображений Ока, понимаемого как королевский символ. А в «Диалогах о любви» Льва Еврея, тексте, который немало вдохновлял Нострадамуса, Солнце именуется «Оком Бога», точно так же, как в греко-романской мифологии — «Оком Зевса». Однако Лев Еврей разделяет концепцию Марсилия Фицина, который приписывает Солнцу божественное могущество. А Фицином, в свою очередь, вдохновлялся астролог Антуан Мизо, от которого Нострадамус...

— Хватит! — закричал доведенный до крайности граф. — Зачем вы мне все это рассказываете?

— Затем, что я уже порядочное время наблюдаю за этой портьерой, — невозмутимо ответил падре Михаэлис, указывая на занавес из зеленого бархата, наполовину закрывавший окно. — По-моему, там кто-то прячется. И я не удивлюсь, господин граф, если этот кто-то окажется именно вашим другом Нострадамусом.

Аристократ побагровел и не нашелся, что сказать. Падре Михаэлис коротко насладился триумфом, потом сказал, адресуясь к портьере:

— Выходите, пожалуйста, доктор, вы же не ребенок. Вы прекрасно поняли, в чем я вас обвиняю. Выйдите и оправдайтесь.

Портьера заколыхалась, и Нострадамус, прихрамывая, вышел из своего укрытия.

— Мне не в чем оправдываться.

После встречи при дворе Екатерины Медичи падре Михаэлис впервые оказался лицом к лицу со своим врагом. Он предпочел бы этой встрече избежать, но ловушка, грубо расставленная графом, его к этому вынудила. С живым интересом разглядывал он пророка. Ничто в нем не свидетельствовало о том, что перед иезуитом стоял великий маг и достойный противник: маленький рост, красный нос, длинная борода и потешная квадратная шапочка. А вот глаза были умные, подернутые той особой меланхолией, какую редко встретишь в глазах посредственности, и негромкий, мягкий голос явно принадлежал человеку мудрому.

Нострадамус доковылял до ближайшего кресла и упал в него с таким видом, словно долгое стояние на ногах напрочь лишило его сил. На мгновение он закрыл глаза и тут же их открыл.

— Идея этой мизансцены не принадлежит ни мне, ни господину графу. Просто не хотелось посвящать вас в нашу с господином правителем близкую дружбу.

— Иначе ваш статус пленника не нашел бы подтверждения, ведь так?

Произнося эти слова, падре Михаэлис взглядом дал понять, что он не нуждается в ответе.

— Вы знаете, в чем вас обвиняют?

Теперь настала очередь Нострадамуса улыбнуться.

— Классический вопрос, которым открываются все допросы в Святой палате. Будет лучше, если вы сформулируете обвинения сами.

— Охотно. Вы меня уже слышали. Вы поняли, в чем я вас подозреваю?

— Думаю, да, но предпочел бы услышать это от вас.

— Непременно. Вы еретик, но ваша ересь не совпадает с гугенотской. Как Гермес Трисмегист, как Picatrix, как Фицин, Лев Еврей и Мизо, вы считаете планеты небесными божествами, а Солнце — их сувереном. Ваша ересь — язычество. У вас планета Марс обладает чертами бога Марса, планета Меркурий — чертами бога Меркурия и так далее. Подложными сферами небес вы создаете антихристианский пантеон.

Дискуссия становилась слишком ученой, чтобы граф Танде мог за ней уследить. Тем не менее он сказал, как бы стараясь сгладить неловкость:

— Все астрологи таковы, но с ними же мирятся!

— Я с ними мириться не желаю, — решительно отозвался падре Михаэлис. — Признавать, что человеческая судьба начертана в сочетаниях планет или в зодиаке, — это все равно что доверить ее тем богам, которых христианство давно сокрушило. Астрологи этого толка уподобляются гугенотам. С той только разницей, что гугеноты встречают сопротивление, а астрологи с их упрощениями вполне способны протащить свои языческие идеи в каждый дом.

— Я верую в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, — без всякого смущения сказал Нострадамус.

Граф Танде пришел ему на помощь:

— Могу это засвидетельствовать. С тех пор как Мишель находится здесь, он каждый день ходит к мессе. И напоминаю вам, падре, что его брат Жан, парламентарий Экса, был посажен в карцер за то, что слишком ревностно защищал дело католицизма.

Падре Михаэлис кивнул.

— Я не сомневаюсь, что доктор Нострадамус искренен в своей вере. И тем не менее существовала дьявольская доктрина, которая пыталась соединить христианство и планетарных богов, поклонение солнцу и поклонение Господу. Эта доктрина называлась гностицизмом. Вот настоящее имя ереси, к которой примкнул этот колдун.

Михаэлис не ждал исповеди, которая и не последовала, зато реплики, которую произнес Нострадамус, ожидал наверняка. Нострадамус довольно равнодушно пожал плечами и сказал:

— Это ваши бредовые идеи, и они не имеют никакого значения. Не для этого же его величество Карл Девятый поручил господину графу меня допросить.

— Вот именно! — воскликнул Клод Танде и с открытой антипатией взглянул на иезуита. — Падре, вы не кардинал де Лорена и даже не инквизитор. Еще менее того вы представитель королевского правосудия. Мое дело — заниматься гражданской войной, а не альманахами. Давайте так: вы заботьтесь о своих бедняках, а я — о своих обязанностях.

— А если между гражданской войной и деятельностью этого так называемого пророка есть прямая связь?

На этот раз Нострадамус выглядел действительно смущенным. У него начала трястись нога, и ему пришлось удерживать ее руками.

— На какую связь вы намекаете?

Этот пассаж был потруднее предыдущих, но падре Михаэлис почувствовал эйфорию уже только оттого, что воспринял его без страха.

— Наша королева, Екатерина Медичи, не расстается с неким медальоном. Доктор Нострадамус, вам понятно, о чем я говорю?

— Ну... да, — пробормотал Нострадамус в смущении.

— Его преподнесли ей вы, не так ли?

— Да, ну и что?

— На одной стороне медальона изображена гротесковая фигура с огромной куриной головой, напротив нее Юпитер собственной персоной, вокруг — символы планет и «планетарных духов». Квадрат в углу, переходящий в крест, согласно типичной символике оккультной философии, изображает солнце. Это тот самый медальон, о котором мы говорим?

— Да, но я все же не понимаю. Медальон изготовил не я, это работа астролога Фернеля, умершего три года назад.

Падре Михаэлис кивнул.

— Я знаю. Только астролог мог убедить христианнейшую из королев надеть на шею медальон, в котором сконцентрирована вся символика язычества.

Теперь иезуит был искренне возмущен и меньше следил за своими словами.

— Ваша роль была другая. Вы получили медальон от Дениса Захарии. Вы подтверждаете?

Нострадамус развел руками.

— Нет, но прошло уже столько времени...

Падре Михаэлис пристально уставился на графа.

— Да будет вам известно, что Жозеф Тюрель Меркюрен под псевдонимом Денис Захария стал врачом при дворе Наварры. Он ближайшее доверенное лицо Антуана Бурбона и Жанны Д'Альбре, гугенотов и покровителей реформатской церкви во Франции. Захария является также и необычайно искусным алхимиком, и ему удалось получить золото. Многие задаются вопросом, откуда у партии гугенотов безграничные средства, превышающие королевскую казну. Предоставляю вам, господин граф, угадать ответ.

Клод Танде, похоже, так ничего и не понимал. Нострадамус побелел, нога его конвульсивно дергалась, и он перестал держать ее руками.

— Вы бредите! — воскликнул он в таком возбуждении, что казалось, вот-вот расплчется. — Какое отношение ко всем этим фантазиям имею я?

— Сейчас скажу.

Падре Михаэлис порывлся под плащом и двумя пальцами вытащил длинный, тонкий кусочек золота.

— Узнаете? Полагаю, да.

Нострадамус застыл, как громом пораженный.

— Но это же...

— Прекрасно, вижу, что узнаете, — с довольным видом перебил его Михаэлис. — Да, это кусочек, отломанный от кубка чистого золота, который вам в знак почтения подарил несколько месяцев назад Ганс Розенберг, владелец рудников и предприятий в Аугусте. Розенберг — убежденный сторонник реформатов и финансирует их во всей Европе. Этим кубком он отблагодарил вас за то, что вы помогли ему избежать кризиса на шахтах, который его разорил бы.

Граф Танде в ярости вскочил на ноги.

— Вот что, падре не-знаю-кто, я начинаю думать, что вы надо мной издеваетесь! Какой-то фейерверк имен, калейдоскоп непонятных фактов... К чему вы клоните, в конце концов?

Падре Михаэлис указал пальцем на Нострадамуса.

— Ваш друг это прекрасно знает. Вместе с кубком он получил медальон из чистого

золота, идентичный тому, что носит на шее Екатерина Медичи. А имя советника Розенберга — Денис Захария. Теперь понимаете, кому обязан Розенберг возобновлением работы рудников, а гугеноты — рекой драгоценного металла, которая потекла в их казну?

— О господи! — взревел граф, не помня себя от гнева. — Вы продолжаете вещать о каком-то колоссальном заговоре и не предоставляете ни одного доказательства!

— У меня они есть, — спокойно сказал падре Михаэлис. — Я располагаю всей корреспонденцией, отправленной от доктора Нострадамуса за последние месяцы. Его секретарь Шевиньи имеет счастливую привычку снимать копии со всех писем маэстро и не подозревает, что копии регулярно изымаются.

Нострадамус смертельно побледнел.

— Жюмель, — прошептал он. — Она снова меня предала!

В этот момент дверь открылась и вошел старый дворецкий.

— Приехал капитан Триполи, господин граф, — объявил он, не обращая внимания на гостей. — Он хочет вас видеть.

На глазах у падре Михаэлиса весь его тщательно разработанный план рухнул. Он прекрасно знал, что Танде симпатизирует гугенотам, но доверял тому прокатолическому нейтралитету, который держал граф по причине своей должности правителя Прованса. Он надеялся, что, испугавшись разоблачения, граф выдаст Нострадамуса. Но неожиданное известие о прибытии начальника милиции гугенотов в католический замок само по себе было признанием. Теперь пришла очередь графа Танде застыть от ужаса, а перед падре Михаэлисом встала проблема выйти живым из этого замка.

Он быстро поднялся.

— Я откланиваюсь, господин граф. Теперь я вам сообщил все данные о ситуации, и вам самому решать, как поступить.

Ни граф, ни Нострадамус ничего не ответили. Михаэлис почти бегом двинулся к выходу. Он уже открывал дверь, когда услышал саркастический голос графа:

— Милейший падре, я тоже располагаю данными, которые вы почему-то не сочли нужным сообщить. Мне известно, что это вы вложили оружие в руки убийцы Кюрнье, что вы держите в рабском повиновении Джулию Чибо-Варано, после того как выкрали ее у кардинала Алессандро Фарнезе. Я знаю, что вы натравливаете буржуазию Прованса на аристократов, а простолюдинов — на буржуазию. Вы используете людей, как марионеток, а Три Штата — как театр. Глядите, чтобы ниточка не порвалась. Ваша ниточка.

Падре Михаэлис содрогнулся и не решался дышать. Только добравшись до сада, он позволил себе наконец вздохнуть с облегчением. Бегом добежал он до экипажа и умчался прочь под густо повалившим снегом.

КАНУН ВОЙНЫ

Мишель не верил своим глазам. Прислонившись спиной к дому с портиком, он старался подойти как можно ближе к тем двоим, что вели разговор. Это не были случайные прохожие, их голоса доносились ясно и четко. Он стал слушать.

Он сразу узнал блондина в партикулярном платье: это был иезуит, который его допрашивал. Он помнил его фамилию: Михаэлис, а имя, даже если и произносилось, не отложилось в памяти.

— Девочка моя, такие письма, как это, меня не интересуют, — говорил монах. — Здесь некто Жан де Морель требует вернуть ему деньги, одолженные Нострадамусу несколько лет назад. Непонятно даже, о чем идет речь.

— Шевиньи мне сказал, что это было семь лет назад, в тысяча пятьсот пятьдесят пятом году, — ответил хрипловатый, но мелодичный женский голос. — Доктор отправился в Париж по вызову королевы без гроша в кармане, и некто Морель заплатил за него в гостинице.

Хотя Мишель и узнал женщину по профилю, четко выделявшемуся на фоне снега,

сердце у него замерло. Он ни на миг не сомневался в Бланш. В Авиньоне она из всех сил старалась помочь, чем могла, целиком посвящая себя Жюмель и детям. Он помнил, как много лет назад, в борделе, девушка сбрасывала кофточку и с радостью отдавала его невинным ласкам свои груди. Мишелю никак не удавалось увидеть в ней змею-предательницу. Однако истина была у него перед глазами.

— Мне нужны другие письма, — властно сказал Михаэлис. — Например, те, что приходят из Германии. Или те, что написаны гугенотами.

— Но я не умею читать! — запротестовала Бланш. — Я беру те копии, что делает Шевиньи перед отправкой, показываю их вам, а потом кладу на место. И понятия не имею, что там написано.

— Ну-ну, — сказал иезуит, неожиданно подобрев. — Верно, ведь ты не умеешь читать, и, потом, все письма написаны по-латыни.

Он отдал Бланш письмо.

— Положи, где взяла, и не забудь показать мне следующее. Ты влюблена в своего Шевиньи?

Девушка энергично замотала головой.

— Что вы! Его любовь — Нострадамус. Он дал обет слепой преданности.

— Вот и воспользуйся этим, иначе пойдешь обратно в бордель. Знаешь, скольких проституток перебили гугеноты? Дом у Когосских ворот уцелел только потому, что принадлежал вдове Кюрнье. И он один из немногих в этом районе.

Бланш опустила голову.

— Успокойтесь, я буду вас слушаться.

Больше Мишель ничего не услышал. Он скользнул вдоль портика и зашагал дальше, с трудом переводя дыхание. Как же глуп он был! Ведь он подумал, что его предала Жюмель, обожаемая Жюмель! Конечно, был прецедент, когда она шпионила за ним по приказу Молинаса. Но теперь, если у Мишеля сразу возникла мысль о жене, мотив был иной: он никак не мог понять, почему она ни с того ни с сего вдруг бросила тогда его и детей. Конечно, любовь сгладила потом боль от этого необъяснимого поступка, но рана так и не зажила. Жюмель оставалась ему чужой и далекой, даже в минуты близости. Отсюда и скорое подозрение.

Теперь Мишель знал истину, но возненавидеть Бланш у него не получалось. Несомненно, иезуит ее шантажировал, и, став почти членом семьи, наравне с Кристиной и чудаковатым Шевиньи, она оставалась в повседневной жизни Нотрдамов приобретением недавним и ненадежным. Он мог при желании упрекнуть ее в том, что по возвращении из «пленения» в замке графа Танде он стал прохладнее относиться к Жюмель и более зорко за ней следить. Но настоящей обиды на нее не держал.

Главным было другое. Казалось, Магдалена, погибшая по его вине, с того света наускивает на него женщин, делая невозможными любые отношения с ними. Женский род становился ему все более чуждым и далеким, словно другой биологический вид. Может, правы были инквизиторы, утверждавшие, что женщины живут по законам, отличным от Божьих. Однако, полностью сформировав собственное кредо, он считал единение и гармонию между мужчиной и женщиной основополагающим фактором мировой души. В какой-то момент ему покачало, что он овладел этим понятием, но потом он понял, что обманулся. И он снова окунулся в глубины магии, которая одна могла дать ему ответ...

Мишель уже переходил площадь дез Арбр, когда его окликнули:

— Доктор! Доктор!

Вид человека, идущего ему навстречу, невольно вызвал гримасу. Это был мельник Лассаль, оживленно что-то обсуждавший с группой горожан. В последнее время отношения Мишеля с мельником наладились, хотя и ограничивались формальной и настороженной вежливостью. Но Лассаль с широкой улыбкой на лице скорее пугал, чем радовал.

— Доктор, спешу вам первому сообщить новость, которая должна вас порадовать, — сказал Лассаль. — Королевский эдикт узаконил реформатскую церковь во всей Франции. Вы

об этом знали?

— Нет, не знал, — ответил пораженный Мишель. И тут же прибавил, опасаясь ловушки: — Как католик не знаю, что и сказать. Может, это и была необходимая мера. А что парламент в Париже? Утвердил?

— Нет, но думаю, утвердит в следующем месяце. Известно, что такого эдикта потребовала лично королева.

Мельник развел в стороны сильные руки.

— Слишком много было насилия и провокаций. В прошлом месяце гугеноты захватили церковь Сен Медар в Париже. В отместку за одного из своих они перебили много прихожан. А здесь, в Салоне, в церкви Сен Мишель в чаше со святой водой были найдены экскременты. И в прошлое воскресенье кто-то загнал свиней в церковь во время мессы. Так дальше продолжаться не может.

Мишель хоть и услышал в голосе мельника искренние нотки, но был начеку.

— Только не говорите, что вы, руководитель конгрегации флагеллантов, обрадовались тому, что кальвинистам разрешили служить в церкви по-своему.

— Да нет, не обрадовался. Однако, скажу по правде, доктор, несмотря ни на что, я вас люблю.

Лассаль указал на группу горожан, от которой отошел.

— Об этом мы с друзьями и говорили. Конгрегация какое-то время существовала, но потом оказалась сущим бедствием. И знаете почему?

— Не могу догадаться.

— Иезуит, который ее организовал, пожелал, чтобы конгрегаций было две. С одной стороны — бывшее братство флагеллантов, состоящее из зажиточных и уважаемых горожан. С другой стороны — конгрегация малых ремесленников, состоящая из рабочих, мелких лавочников и батраков. Совместная молитва Пречистой Деве и приобщение к таинствам должно было побудить обе конгрегации шагать в ногу...

— И что, не получилось?

— Ничего не вышло. Рабочие, которые впервые объединились, стали требовать лучших условий труда и более высоких оплат, причем именно на основании католического братства. И стали строптивы, как никогда. Я не могу сказать, как многие мои друзья, что орден иезуитов разрушил общественный порядок. Я только говорю, что падре Михаэлис кругом просчитался, и теперь мы из бед не вылезаем. Он кажется очень умным, а на самом деле — дурак.

Мишель слышал о неприятностях, которые получились в результате деятельности конгрегаций, но сделал вид, что это для него новость, и заметил:

— Эту ситуацию не изменят ни узаконивание реформатской церкви, ни прекращение религиозной вражды. Надо распустить конгрегацию рабочих, если не обе.

— Думаете, мы об этом не размышляли? Только вот вопросы падре Михаэлиса на исповеди становятся все коварнее и касаются именно наших планов.

Лассаль наморщил лоб.

— В Лионе рабочие уже который год протестуют и устраивают кровавые мятежи. А теперь город перешел в руки гугенотов. Власть в их партии принадлежит адвокатам, ремесленникам, книготорговцам — словом, третьему сословию. Рабочие и мелкие ремесленники пикнуть боятся. Между сословиями восстановился мир, хотя стычки с католиками и продолжаются. Но важно то, что гугеноты дали рабочему люду возможность командовать.

У Мишеля глаза на лоб полезли.

— Господин Лассаль, уж не скажете ли вы, что нынче симпатизируете...

— А я вам вообще ничего не говорил.

Мельник резко повернулся и догнал своих друзей, все еще продолжавших спорить о чем-то.

По колено в снегу, Мишель побрел к кварталу Ферейру. Известие о примиряющем

королевском эдикте действительно его взволновало и отвлекло от собственных мыслей. И тут ему пришло в голову, что этой ситуации созвучен катрен, который он написал в январе 1562 года:

Desir occult pour le bon parviendra
Religion, paix, amour et concorde.
L'epithalame du tout ne s'accordra
Les haut qui bas et haut mis ? la corde.

Исполнится тайное желание добра,
Религия, мир, любовь и согласие.
Но эпиталама звучит фальшиво.
Высокие голоса занижают, у них на шее веревка³⁰.

И правда, скрытое желание добра, религиозного мира, любви и согласия, казалось бы, исполняется, и это утешение для всех. Но две последние строки катрена бросают тень на идиллическую картину. В эпиталаме, свадебном гимне, звучат фальшивые ноты, и беды продолжают даже после того, как повесили в Париже Пьера Краона, обвиненного в нападении на церковь Сен Медар.

Все это было похоже на предчувствие появления Парпалуса, но Мишель не был уверен, что видение внушил именно он. С ним все чаще и чаще случалось, что видение вторгалось в мозг само по себе, без видимого демонического вмешательства. Теперь ему часто снился Ульрих в отвратительном плаще из скарабеев. И он терял на короткое время ориентацию во времени и пространстве, забывая только что происшедшие события. Все это его не слишком пугало: он понимал, что обретает традиционную магическую власть. Страшно было другое: он перестал контролировать эти феномены.

Достаточно было появиться такой мысли, чтобы Мишель вновь выпал из действительности. В то утро квартал Ферейру буквально кишел нищими, которых обычно здесь было немного. Мишель все время видел их краем глаза, но не придавал их появлению особого значения. Стычки на религиозной почве, всяческие банды, бродившие по полям под предводительством то католиков, то гугенотов, вспышки чумы наплодили в городах много нищих.

Однако эти нищие были не похожи на остальных. Мишель понял это внезапно, и ему стало страшно. Нищие были покрыты смертельными ранами, а крови не было: у кого перерезано горло, у кого разрублена грудь, так, что торчали ребра, у кого перебиты суставы. Они двигались неестественно медленно, еле переставляя кривые, тонкие ноги, которые едва выдержали бы и маленького ребенка.

— Ульрих... — машинально прошептал Мишель. Но учителя не было видно, только все страшные фигуры вдруг разом уставились на него.

Однако настоящего страха Мишель не испытывал. Он понимал, что сейчас что-то произойдет, но чувствовал себя в некой сфере, где он был сильнее. Ноги не болели, и перестал давить груз прожитых лет. Мишель застыл в ожидании дальнейших событий.

Нищие подошли совсем близко. Один из них, держа в руке другую руку, отрубленную по плечо, подошел вплотную. Это было бледное существо с белесыми волосами и выпцветшими, глубоко запавшими голубыми глазами. Раскрыв беззубый рот, оно прошамкало:

— La mort s'approche a neiger plus que blanc.

(Смерть придет вместе со снегом, белее белого.)

В следующий миг нищие исчезли, и вместе с ними исчезла площадь. В мозгу Мишеля

³⁰ Перевод О. Егоровой.

завертелся черный вихрь с кроваво-красными спиралями, грозя увлечь его в пропасть. Он увидел приветливо улыбающиеся глаза Ульриха потом сразу — желтые кошачьи глаза Парпалуса.

— GASTER TOD GASTER DOYISTHER DOYISTHER DOYOD GASTER ODER, — прошептал рыдающий голос демона. И видение сразу же пропало.

Мишель оказался на пустынной, засыпанной снегом улице. Редкие прохожие спешили к открытым по сторонам улицы лавчонкам. Любопытно, но он не испытал никакого особого чувства. У него было ощущение, что все галлюцинации предваряют какую-то неминуемую встречу и ему от этой встречи не уйти. И еще он почувствовал, что его недруги строят козни, потому что боятся его, и это чувство подкреплялось строками катрена.

Ноги снова разболелись, и он еле брел в грязной снежной каше. На ум снова пришла загадочная строка: «Смерть придет вместе со снегом, белее белого». Что значит этот «снег, белее белого», который пойдет, когда наступит смерть? Эта странная фраза тревожила. Со смертью связывался обычно черный, траурный цвет. От мысли, что именно французским королевам в скорби надлежало быть в белом, пока эту традицию не отменила Екатерина Медичи, Мишеля бросило в дрожь.

— Ну наконец-то! — Свежий и, как всегда, чуть вызывающий голос Жюмель отвлек его от мрачных фантазий.

Завернувшись от холода в шаль, она стояла на пороге дома.

— Ты собирался на часок, а в результате я жду тебя все утро!

— Все утро?

Мишель посмотрел на небо. Оно было покрыто облаками, но солнце, несомненно, стояло уже высоко. Он отсутствовал по крайней мере часа четыре.

— Пока ты шлялся непонятно где, рискуя схватить кашель, прибыло важное известие. Судя по печатям, оно из придворной канцелярии. Шевиньи говорит, что почерк похож на почерк Симеони.

— Вот как? Это хорошая новость.

С момента возвращения из Авиньона Мишель настаивал, чтобы Симеони, вопреки своему плачевному состоянию и дрожи в руках от неумеренного потребления вина, вернулся к придворной службе. Он даже написал своему близкому другу, могущественному советнику Оливье, чтобы тот походатайствовал перед королевой. Ответ не заставил себя ждать. После смерти сначала Луки Гаурико, а потом Жана Фернеля Екатерина Медичи искала себе астролога. О Симеони не позабыли, и ему надлежало снова представиться ко двору.

Чтобы убедить итальянца, понадобилось вмешательство Джулии. Ее уверенность в доброте падре Михаэлиса основательно поуменилась, а пребывание в Авиньоне, казалось, вывело ее из-под контроля иезуита. Они с Симеони уехали в Париж в конце октября, счастливые и влюбленные друг в друга, как никогда. Мишель был рад, что Джулия не попросила у него обратно «отмену отлучения от церкви», подписанную Папой Приапом.

— Ну, что ты застрял? — торопила его Жюмель. — Иди в дом. Письмо лежит на столе вместе с остальной корреспонденцией.

Мишель толкнул дверь, но, едва войдя в дом, удержал жену за шаль.

— Послушай, Жюмель, я открыл одну очень неприятную вещь: Бланш шпионит за мной по приказу падре Михаэлиса, того иезуита, что допрашивал меня в Мариньяно.

Жюмель закрыла дверь и сбросила шаль.

— Я подозревала, что в доме шпион, но думала, что это Шевиньи, — сказала она без особой тревоги. — Никогда бы не подумала на малышку Бланш.

Мишель удивленно поднял брови.

— Ты что-то подозревала? Но почему? Но каким признакам?

Жюмель по-кошачьи прищурилась.

— Было совершенно ясно, что ты подозреваешь меня, а поскольку я ни в чем не виновата, значит, это кто-то другой.

Удивление Мишеля переросло в восхищение.

— Вот это да! Ты по моему виду поняла, что в доме что-то не так... Не надо мне забывать о твоей проницательности!

— Думаешь, понимать чувства — это мужской дар? Я бы сказала, совсем наоборот.

Жюмель пожала плечами.

— Среди таких, как Симеони, что изобретает истории о золоте в угоду иезуиту, и как Бланш, что на тебя доносит, ты ведь, по сути, очень одинок.

Он улыбнулся.

— Ну, у меня остаешься ты.

Мишель ожидал ответной улыбки или нежного объятия, но Жюмель осталась холодна.

— На твоём месте я бы на это не рассчитывала. Скажем так, тебе остается бедняга Шевиньи.

Фраза леденила душу, но Жюмель не дала мужу времени, чтобы это прочувствовать.

— Пошли, — сказала она, — я покажу тебе письмо.

В гостиной безмятежно играл весь выводок детей. Мишель подошел к уже подростку Сезару, потрепал его по волосам и тут же вспомнил, что Жюмель всегда упрекала его за то, что он оказывал первенцу явное предпочтение перед остальными детьми. Тогда он наскоро приласкал остальных, пока жена рылась в бумагах, лежавших наверху бюро, чтобы дети не могли добраться.

Вынув из стопки конверт с печатями, она протянула его мужу со словами:

— Об этом Михаэлисе говорят уже по всему региону. Он действует не только здесь, но и в Авиньоне, в Эксе и даже в Монпелье. Старуха, что служит у священника в Сен-Мишеле, сказала мне, что он пытается по всему Провансу организовать такие же католические конгрегации, как у нас. Результаты, правда, оставляют желать много лучшего.

— Не надо бы тебе заниматься этими опасными делами, — предостерег ее Мишель, вскрывая конверт. — У нас и так полно неприятностей.

— Опасность растет как раз тогда, когда мы ею не занимаемся. Ты скажешь, что не женское это дело. А мне вот кажется, что мужчины затевают войну, перед которой побледнеют все прошлые войны. А те, кто против войны, очень мало делают, чтобы ее избежать.

— Ну это ты так говоришь. Как раз сегодня утром я узнал об эдикте, который...

Мишель не закончил фразы: его увлекло письмо, и он читал, то и дело вставляя какие-то восклицания.

— Что-нибудь важное? — спросила Жюмель, усевшись на диван рядом с горящим камином и взяв на руки маленькую Диану.

— Да. Екатерина Медичи зовет меня ко двору. Похоже, ей нужен мой совет.

— Поедешь?

— Пока не знаю. Надо подумать.

В этот момент с улицы донеслась барабанная дробь, сначала далекая, потом все ближе и ближе. Мишель подбежал к окну.

— О господи! — вскрикнул он.

По улице шло настоящее войско из нескольких сотен молчаливых, сосредоточенных солдат. Во главе ехал небольшой отряд всадников с анонимными, серыми гербами. За ними шли аркебузиры с оружием на плечах, потом пехотинцы в шлемах с поперечными прорезями и лучники в широкополых металлических шапках. По всем признакам это было регулярное войско, только непонятно чье. Гораздо больше тревожил сброд, который шел следом: солдаты, отбившиеся от частей, бывшие монахи, подмастерья и рабочие, набившие руку в любых делах, законных и незаконных.

Жюмель подошла к Мишелю сзади:

— Опять ополчение?

Он указал на группу всадников.

— Нет. Узнаешь того, кто впереди всех? Это Триполи. А рядом с ним барон дез Адрет, самый свирепый из всех бродячих кальвинистов, настоящий разбойник. Все, кто с ними, —

гугеноты.

— Но это целая армия!

— Да, и, похоже, им удалось подчинить себе всю людскую накипь. Королевское помилование помогло гугенотам выступить открыто.

Мишель понизил голос.

— Жюмель, боюсь, ты окажешься права. Все, что мы видели до сих пор, — это чепуха. Настоящая трагедия Франции только начинается.

АБРАЗАКС. ЗЕРКАЛО

Парпалус исчез, и вместе с ним все звезды. На небе осталось только древнее созвездие Большой Медведицы, олицетворение Артемиды и Каллисто: оба любящих друг друга божества представляли собой два воплощения одной сущности.

Нострадамус заметил, что скарабеи, дети-уроды, диковинные растения и рептилии тоже исчезли. Осталась лишь Вселенная, словно вырубленная из льда, и в ее глубине угадывалось странное существо, скрюченное, как огромный человеческий эмбрион. Игра ледяных лучей умножала его изображения, и сосчитать их было невозможно, хотя должно было быть триста шестьдесят пять.

Преодолев первый страх, величавый и уверенный в себе, над прозрачной ледяной поверхностью возвышался Ульрих. Он иронически улыбнулся.

— Ну, Мишель, где твоя Троица, к которой ты пытался взывать? По-моему, твое могущество ослабело. Или я ошибаюсь?

Нострадамус, не слушая его, обернулся к спутникам:

— Можете идти, вы мне больше не нужны.

Юный священник посмотрел на него с тоской:

— И мы можем наконец умереть?

— Не знаю, — пробормотал пророк. — На восьмом небе обитают добрые воплощения Бога, Иисус и Барбело ³¹. Молитесь им. Думаю, они вас услышат и проводят в верхнюю сферу.

Человек в черном плаще открыл рот, и, если и издал какой-то звук, это наверняка был возмущенный вскрик.

— Как смеете вы ставить кого-то рядом с Иисусом? В жизни не слышал богохульства страшнее!

— Вы так и не поняли, в каком мире находитесь, — спокойно отозвался Нострадамус. — Мы в пропасти, где собраны все сны человечества. Сейчас сны снятся мне и Ульриху. Божества, демоны и архонты здесь — все те, в которых верим мы. Будь вы Магом, вы создали бы своих. Но вы не Маг, и, может, оно и к лучшему.

Женщина в тоске сжала руки.

— Значит, мы — ваш сон?

— Да, но сон во плоти, который сам может видеть сны. Вы будете жить, даже когда перестанете нам сниться, и умрете, когда сами перестанете видеть сны. Так вам начертано.

Нострадамус указал на далекую, чуть искривленную линию, напоминающую горизонт.

— Идите. Вы не сумели превратить свою ненависть в любовь, но не мне вас в этом упрекать. Свет Божества скорее тронет ваши души, чем я.

Три фигуры, словно по команде, повернулись и пошли прочь. Ледяные грани триста шестьдесят пять раз отразили их силуэты, потом фигуры уменьшились до точек, а потом и вовсе исчезли.

³¹ Барбело — одно из основных составляющих в гностической модели мира. Это одновременно и средоточие света, и источник «силы светлой», и одно из небесных воплощений Бога, его женская ипостась. (Прим. перев.)

Ульрих молча наблюдал за сценой, потом звонко рассмеялся.

— Вот ты и остался один, Мишель, без помощи тех, кому доверял. Я не был безрассуден, когда указывал тебе единственный путь к победе надо мной. Я от архонтов узнал, что у тебя ничего не получится. А архонты не лгут.

— Не лгут. Но их можно обмануть, и они увидят то, чего нет. Маг на это способен.

Ульрих, казалось, был озадачен. Когда он снова заговорил, в его голосе появилась неуловимая агрессия.

— Ты настаиваешь на том, что ты Маг? Но те божественные сущности, от кого ты рассчитываешь взять силу, сами ее теряют. Барбело, к которой ты взывал, умирает в космосе, утопая в собственной крови. Ты сам ее видел. То же происходит с Гекатой, Прозерпиной, Изидой и Софией. Все, чему ты поклонялся, пока жил, теперь агонизирует. Истерзанная Шехина покидает древо жизни и кровавыми реками изливается сквозь нервюры небесного свода. Победа будет моя, и ко мне перейдет власть над побежденными, до самого их уничтожения.

Созвездие Большой Медведицы вмиг исчезло, и остались только несколько далеких звезд, расположенных в кружок. И тут круг разорвался, и звезды стали образовывать линию.

Нострадамус задохнулся от ужаса. Но ему во что бы то ни стало надо было удержать силу призыва, который он уголком сознания продолжал посылать в глубины времени. Когда же одна из звезд отделилась от остальных и, оставляя за собой длинный огненный хвост, понеслась к ледяной Вселенной, он понадеялся, что его призыв услышан, хотя и не был уверен до конца.

Ульрих, похоже, ничего не заметил. Его голос, поначалу саркастический, теперь звучал почти умоляюще:

— Ну же, Мишель, бесполезно дальше ломать комедию. Пришло время решаться. Рядом со мной ты засияешь невиданной славой и получишь мощь, сравнимую с мощью Солнца. Сам Господь даст нам силу. Если же продолжишь бунтовать, твоим уделом станет жалкая жизнь, и никогда Око Зевсово не будет твоим. Ты станешь серой тенью и будешь вечно блуждать среди таких же серых теней.

Мишель его не слушал. Он впился глазами в хрупкую фигурку, медленно идущую по льду. Убедившись, что узнал ее, он выпрямился во весь рост.

— Зря стараешься, Ульрих. Троица, к которой я взывал, заступает на место. Вот первое враждебное мне существо, которое может меня любить.

Лед задрожал, гигантский эмбрион внутри его перевернулся, и точно так же перевернулись его триста шестьдесят пять отражений. Звезды снова сошлись в круг и засияли намного ярче.

Ульрих опешил.

— Но это не враг тебе! — воскликнул он. — Это твоя жена Жюмель!

К ним и вправду шла Жюмель, прекрасная и гордая, как в лучшие годы жизни с Мишелем. Она была смущена, но виду не подавала. Подойдя к мужу, она улыбнулась ему сияющей улыбкой.

— Вот и я. Я услышала твой зов.

Нострадамус улыбнулся в ответ.

— Знаешь, где ты находишься?

— Да, думаю, что знаю. После смерти я жила совсем в другом месте: не в раю, не в аду, а в какой-то полутьме. Но с самого первого мгновения я знала, что рано или поздно надо будет тебе помочь сразиться против этого...

Она ткнула пальцем в сторону Ульриха и показала ему язык.

Старый маг очень удивился, а потом расхохотался.

— Разве эта женщина, Мишель, подходит тебе в союзники как враг, способный соединиться с тобой в круге любви? Она ведь никогда не была тебе врагом...

— О, да, — сказала Жюмель, — мы жили вместе и любили друг друга. Но я никогда не

отказывалась от себя самой в обмен на его любовь и довольно жестоко обходилась с ним, чтобы показать, что я ему не принадлежу.

Ульрих досадливо отмахнулся.

— Даже если это и так, все равно вам вдвоем меня не остановить. Конь Владыки Ужаса уже бьет копытом и изготовился к прыжку, пока Око Господне закатилось на небесах и светит на землю... Мишель, брось ты этот надоевший спектакль. Признай себя побежденным. Шехина утопает в крови, и скоро ее не станет.

На небе появились пугающие женские фигуры, погруженные в кровеносные сосуды. Нострадамус, не глядя на них, сделал несколько шагов вперед, стараясь не поскользнуться на льду.

— Я сам решу. Но сначала ты должен сказать мне, кто такой Владыка Ужаса, если не ты. Теперь ты триумфатор и можешь сделать это без опаски.

— Великий пророк просит меня объяснить значение его же собственного пророчества... Бедняга Мишель, ты воистину жалкий маг. Но я сделаю, что просишь, даже дважды, потому что разгадок две. Ты замечал, что Парпалус всякий раз, сообщая тебе любую дату, увеличивал или уменьшал ее на несколько пятидесятилетий или веков, чтобы ее труднее было узнать?

— Замечал.

— Ладно. В седьмом месяце тысяча девяносто девятого года Готфрид Бульонский захватил Иерусалим, посеяв там ужас. *Roy Geffroy... Roy d'effrayeur...*³² Улавливаешь игру слов?

Нострадамус не смог скрыть растерянности.

— Значит, ужасное событие уже произошло задолго до того, как я родился на свет, и в будущем нет опасности?

— Да, если ты победишь в том поединке, на который меня вызываешь. Но ты уже убедился, что это невозможно.

Ульрих начал быстро расти, словно стремился занять всю Вселенную массой своего громадного тела. Звезды перестали двигаться, образуя круг, и застыли, словно замороженные вселенским холодом.

— Победа будет за мной, то есть она уже моя. А это значит, что в тысяча девятьсот девяносто девятом году, когда знать развяжет глупые, претенциозные войны, в небе над землей появится Зеркало, то есть некая субстанция, которая, затемнив свет, отразит в небесные сферы все земные преступления. Это и будет Владыка Ужаса: он отразит во тьме весь ужас человеческого опустошения, когда люди становятся стадом и идут за своими вождями, за своими герцогами Ангулемскими, по пути слепого разрушения.

— Мне кажется, ты все это осуждаешь. Значит, какие-то чувства в тебе еще теплятся.

Ульрих пожал плечами.

— Может быть. Но я давно понял, что на самом деле всем на свете, и людьми в том числе, управляют законы хаоса и насилия. Важно завладеть всем этим и управлять слепым бурлением материи — и живой, и неживой. Для этого нужно исключить из мироздания женское начало, которое есть враг всякого варварства и верный союзник жизни. Вот и второй из признаков Зеркала. Когда свет затмится, Солнце потускнеет, а Луна станет черной. Как небесное тело, способное отражать свет, она перестанет существовать.

Нострадамус не совсем понял эти умозаключения. А вот Жюмель, кажется, поняла, потому что нахмурила лоб и тревожно вздрогнула.

Мишель же смотрел совсем в другую сторону: он заметил, что от созвездия Большой Медведицы отделилась маленькая звездочка и полетела к ледяной Вселенной, прочерчивая по небу тонкий огненный след. Свершилось то, чего он ждал.

³² В транскрипции: Руа Жоффруа... Руа д'ефрейер... Звучание действительно сходное. (Прим. перев.)

Он весело взглянул на Ульриха.
— Ты еще пока не победил. Еще немного — и Троица будет полной, а круг замкнется.
Старик посмотрел на него с сожалением.
— Ты вызвал еще одного поддельного врага?
— Я вызвал еще одного настоящего врага. Способного меня любить, потому что уже очень любил когда-то.
Ульрих смотрел в небо с явным беспокойством.

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

Облик кардинала де Лорена, архиепископа Реймского и безоговорочного главы дома Гизов, не вязался с его высоким духовным саном. Хотя лицо его и отличалось тонкостью черт, совершенно не свойственной фамилии, а близорукие глаза глядели задумчиво, крепкое тело, ловкость движений и галантная вальяжность манер заставляли думать скорее об аристократе, с легкостью переходящем от военных упражнений к занятиям искусством.

И уж никак в нем нельзя было заподозрить инквизитора, исправно исполнявшего свои обязанности, и еще меньше — бойца за дело католицизма, способного при необходимости на жестокое насилие. Зато все это можно было в полной мере отнести к массивному генералу ордена иезуитов падре Диего Лаинесу, который стоял у окна и разглядывал сад монастыря Сен Жермен.

Лаинес резко обернулся, сжав кулаки.

— Позорное зрелище! — крикнул он. — Католики и еретики спокойно, на равных, ведут диалог в течение месяцев. И о чем? О вопросах теологии, которые вправе ставить только церковный собор! Реальное присутствие Бога в эвхаристии! Законность поклонения святым образам! И подобные вопросы брошены в корыто на корм свиньям! Как вы могли такое допустить?

Падре Михаэлис, державшийся поодаль в углу, заметил, что у кардинала де Лорена дрожат руки. Прелат спрятал их под стол и пробормотал:

— Диспутов, которые развернулись поначалу в Пуасси, а потом и в этом монастыре, потребовала сама королева. Екатерина Медичи нынче целиком подпала под влияние своих советников: Франсуа Оливье и Мишеля де л'Опиталья. Идея встреч с гугенотами принадлежит им. Я должен был подчиниться.

— Подчиниться?

Падре Лаинес побагровел от гнева.

— Да вы не ограничились подчинением! Вы поддержали лютеранские, чтобы не сказать иконоборческие, тезисы против Теодора де Безе. Вы сделали из лютеранства одну из составляющих католической доктрины во Франции!

Кардинал де Лорена немного пришел в себя. Михаэлис заметил, что он даже выпрямился в кресле.

— Это была хитрость, которая удалась на славу. Де Безе кальвинист, а я, чтобы сбить его с толку, противопоставил ему Лютера. И я его запутал.

— Вы запутали католицизм. Перепутали с ересью.

После этой фразы гнев Падре Лаинеса сразу стих. Генерал ордена иезуитов прошелся взад-вперед по комнате и приподнял плечи.

— Прежде чем приехать сюда, я навестил кардинала де Турнона. Он очень стар и болен и практически находится при смерти. Знаете, что он мне сказал? Он взял меня за руку и прошептал: «Горше всего мне покидать Францию в таком унижении. Это единственная католическая страна, узаконившая проповеди гугенотов, единственная, где можно поганить просфоры и поносить Богородицу. Боюсь, что гнев Господень очень скоро нас покарает». Лично я боюсь того же.

Кардинал де Лорена попытался протестовать:

— На что вы жалуетесь? Не вы ли обещали привести испанцев? Почему Филипп

Второй все еще не здесь?

— Я сам был в Испании, переодетым, чтобы безопасно миновать французские города, где хозяйничают гугеноты. Император не настроен на военное вмешательство. Многие годы войны опустошили казну, в некоторых районах голод. Но он тоже осудил скандал в Пуасси и немедленно вышлет вам послание. Падре Михаэлис, доложите.

Михаэлис шагнул вперед, выходя из тени.

— Ваше преосвященство, вчера я разговаривал с послом Испании Мориком. Он советует вам взять длительный отпуск. Это прекрасно, что вы заботитесь о вашем диоцезе в Реймсе. Тот же совет вам даст в письменной форме новый папский легат, Ипполит д'Эсте. Папа беспокоится о вашем здоровье и рекомендует вам отпуск для его поправки.

Кардинал де Лорена, и без того бледный, побледнел еще больше. Глаза вспыхнули от возмущения. Взбешенный, он вскочил на ноги и уставил тонкий палец в падре Михаэлиса.

— Вы с кем разговариваете? — закричал он. — Вы, простой священник, имеете наглость обращаться таким образом с Гизом? Да вы знаете, что с вами будет?

Михаэлис молчал, а падре Лаинес шагнул вперед и положил на стол тяжелые кулаки.

— Я знаю, что будет с вами, ваше преосвященство, — отчеканил он. — Мне известно, что вы ведете тайные переговоры в Германии с принцем Вюртембергским и под его влиянием уже фактически стали лютеранином. Этого достаточно для отлучения. Гизы тут ни при чем, никто не критикует ваших братьев. Но если хотите спасти свой род, ваше преосвященство, уйдите со сцены. Иначе навлечете на него все свои беды.

Кардинал де Лорена, как будто задохнувшись, схватил ртом воздух, поднес руки к груди и упал в кресло. Падре Лаинес воспользовался паузой, чтобы откланяться, Михаэлис последовал его примеру.

— Прощайте, ваше преосвященство, боюсь, мы не скоро увидимся.

Лаинес вышел из кабинета в сопровождении Михаэлиса.

Когда они спускались по лестнице, ведущей на первый этаж, генерал сказал:

— Дело сделано. Теологические коллоквиумы между свиньями и обезьянами кончились. Но ситуация от этого не улучшилась.

— Почему вы хотели, чтобы я присутствовал при этом разговоре? — спросил падре Михаэлис.

— Потому что с вами мне тоже надо поговорить. И предупреждаю, разговор будет не из приятных. А теперь помолчите.

Падре Михаэлис разволновался. Он понимал, что есть множество вещей, в которых его можно было упрекнуть, и падре Лаинес был в курсе всех его промахов. Каждый иезуит составлял ежедневные подробные отчеты о своей деятельности и о деятельности своих товарищей и отсылал их генералу. Он просматривал все донесения от первого до последнего, будь они из Бразилии, Азии, Англии или из заштатной деревушки в итальянской или французской провинции. Еще Игнаций установил этот порядок, и его соблюдали неукоснительно. От этого тщательного контроля зависела сплоченность ордена.

За стенами монастыря Париж был затоплен ласковым весенним солнцем, редким в этом прекрасном, но дождливом городе. Оба, и Диего Лаинес, и падре Михаэлис, были одеты в строгую, темных тонов одежду, но партикулярного покроя. Это позволило им без опаски смешаться с толпой бедноты, сновавшей по улицам между монастырем и левым берегом Сены.

Религиозная вражда наложила свой отпечаток и на эту мирную толпу, превратившись в своеобразную форму вымогательства. Если горожанин отказывается подать милостыню перед изображением Мадонны, значит, он гугенот. И часто случалось, что нищие принимались громко орать, изобличая в ереси поскупившегося прохожего. Бедняге приходилось либо спасаться бегством, либо срочно набавлять сумму. А бывало, что нищие скидывали его в реку.

Нечувствительный ко всем этим страхам, падре Лаинес просто отпихивал слишком надоедливых попрошайек. Одному из них, нахально совавшему под нос изображение

Мадонны, досталась увесистая оплеуха. Этот маневр падре Лаинес сопровождал таким взглядом, что оборванец не отважился позвать на помощь и удрал, потирая щеку.

— Можно подумать, что все парижские нищие срочно стали католиками, — сказал падре Михаэлис, прерывая молчание. — Думаю, это одна видимость. Все они добрые католики, пока мы обеспечиваем им пропитание.

— Зато там, где гугеноты могут собираться беспрепятственно, например в квартале Сен-Марсо, им надо держаться подальше от нищих, получающих милостыню в монастырях, — ответил падре Лаинес. — Вы правы, это только видимость успеха. Не бедняки вершат историю.

Париж действительно кишел бедняками, но их зачастую было трудно отличить от прислуги, лавочников, мелких ремесленников или от болтающих на порогах кумушек. Продавцы наперебой расхваливали свой товар, и шум на улицах стоял оглушительный. Время от времени их перекрывал голос сверху, визгливо предупреждавший:

— Поберегись водицы!

Речь шла не о воде, а о желтоватых от мочи и фекалий помоях, которые выплескивали из окон и с балконов прямо на улицу. Отсутствие специальных служб вынуждало парижан буквально заполнять улицы отходами своей жизнедеятельности. К тому же здесь бытовала привычка справлять естественные нужды прямо на улицах, и часто можно было увидеть восседающих на корточках лиц обоего пола. Зрелище, привычное и для длинных коридоров аристократических жилищ, и даже для королевских дворцов.

В результате в переулках, выпачканных человеческими и звериными испражнениями, стоял невыносимый запах, сравнимый разве что со зловонием, исходившим от Сены, тоже превращенной в клоаку. Желтоватый цвет воды, обильно усеянной плавающими отбросами, не мешал, однако, ни рыбакам, ни прачкам проводить много времени на берегу. Реку было видно только в просветах между лепившихся на набережной и на мостах домишек, да и то ее почти полностью закрывали медленно плывущие баржи, зачастую на лошадиной тяге, и множество плавучих домиков, пришвартованных к берегу.

Кроме мельниц на постоянных платформах плавучую жизнь вели лавочки, прачечные, маленькие таверны и даже скотные дворы с курами и свиньями. Все это соединялось мостками, проложенными от дома к дому, и танцевало на цепях и фалах, крепивших к якорям качающиеся плавучие островки.

Падре Михаэлис шел за генералом к молу, еще хранившему следы недавнего паводка. С удивлением миновал он длинную каменную лестницу, потом деревянные мостки, ведущие на просторную баржу. Видимо, она предназначалась для хранения рыбы, хотя сейчас на ней рыбаков не наблюдалось. Над прибитыми к палубе скамьями были натянуты два больших тента. На другом берегу реки, на молу, толпились дамы с веерами и элегантно одетые мужчины: свахи и сводники ожидали прибытия лодки с девушками из окрестных деревень, готовых поступить в публичные дома.

Какой-то человек в черном обменялся с падре Лаинесом коротким взглядом и встал на страже у мостков. Генерал указал падре Михаэлису место рядом с собой на скамье и пристально на него взглянул.

— Я прочел все ваши донесения и должен сказать, что недоволен вами, — начал он. — Вам надлежало бы заниматься орденом во всей Франции, а вы сосредоточились только на Провансе. Но даже там ваша деятельность скудна и неэффективна. Вас редко видят в Авиньоне и в Эксе. Вы предпочитаете болтаться либо в Салоне-де-Кро, опекая вашего любимого астролога, либо в Лионе. Я ждал от вас вовсе не этого.

Падре Михаэлис сглотнул. Он прекрасно знал, что его собеседник не примет никаких оправданий: его интересуют только рациональные мотивы поступков. Эти рациональные мотивы он и постарался собрать в нескольких словах.

— С некоторых пор Салон стал эпицентром католического сопротивления засилью гугенотов. Из этого города происходят военачальники гугенотов: Триполи, Мованы и прочие. Поэтому я именно там попытался внедрить модель, которую теперь внедряю в

Лионе и по всему Югу.

— Полагаю, это модель конгрегаций.

— Именно так. У гугенотов надо отобрать поддержку состоятельных классов, третьего сословия. Не бедняки вершат историю, как вы сказали, а богатые. Я представить себе не мог, что тем, кто победнее, тоже выгодно объединиться. Полагая, что суровых духовных упражнений будет достаточно, чтобы соединить разные сословия, я допустил самую большую ошибку.

— Предоставьте мне судить о величине ваших ошибок.

Тон падре Лаинеса сделался еще суше.

— Идея конгрегаций хороша, но преждевременна. Это верно, что гугеноты пользуются популярностью у буржуа и дворян, но своей сегодняшней силой они обязаны симпатиям большей части аристократов. Третье сословие важно, я не спорю, но монополия на владение оружием все еще принадлежит знати. В теперешних условиях преимущество войны очевидно, а орден иезуитов должен всегда приспосабливаться к обстоятельствам.

— Да, падре, но не думаю, чтобы грубая сила...

— Какая грубая сила? Или вы полагаете меня ее поборником?

И падре Лаинес поднял плечи с таким видом, словно дал пощечину собрату.

— А знаете, чем я занимался, пока вы теряли время в Салоне? Я внедрил нашего человека среди советников Антуана Бурбона, короля Наварры. И он дал понять этому жалкому монарху, что Филипп Второй не одобряет его благосклонной позиции по отношению к гугенотам. И никогда не вернет ему той части его владений, которая оккупирована испанцами, пока он не разведется с нераскаянной еретичкой Жанной д'Альбре. Знаете, что за этим последовало?

— Нет, — пробормотал падре Михаэлис, — у меня нет информации.

— А должна быть, особенно у иезуита, на которого возложена большая ответственность. Антуан де Бурбон развелся с супругой, к тому же старой и некрасивой. Он заключил соглашение с Гизами и принцем Конде и с этих пор сражается на стороне католиков. Он, конечно, полный придурок, но многие аристократы из его свиты под влиянием королевского имени и ранга последуют его выбору.

Падре Михаэлис, хоть и был выбит из колеи, не смог удержаться и прошептал:

— Восхитительно!

— Да на что мне ваше восхищение? Всем этим должны были заниматься вы, вместо того чтобы терять время в Провансе. Если бедняки не делают историю, а богатые только собираются ее творить, то аристократы уже всю ее творят. Именно ими нам и надо заниматься, не упуская из виду остальные сословия.

Падре Михаэлис почувствовал себя, как бледная от нечистой воды креветка, что корчилась возле его ног. Он склонил голову.

— Что я должен сделать, чтобы заслужить ваше прощение?

— При чем тут мое прощение? Мы действуем не из личных побуждений, и не я вас рекомендовал, а церковь.

Лаинес поднял указательный палец.

— То, что вам предстоит, легко на словах, но очень трудно на деле. Масштабно мыслить, намечать проекты с размахом и с размахом их осуществлять. Вы готовы к великим свершениям?

— Не знаю.

— И я не знаю, но вам дана последняя возможность. У вас есть доверенные люди при дворе?

Михаэлис был озадачен.

— Ну... на нашей стороне были кардинал де Турнон и кардинал де Лорена. Но первый находится при смерти, а со вторым вы только что... попрощались.

— Я не имел в виду заметные имена. Королеву-мать подтолкнули на путь толерантности Оливье, л'Опиталь и прочие советники вроде них. Нам нужен... вам нужен

кто-нибудь, кто близок к королеве в повседневной жизни и смог бы влиять на нее исподволь. Исповедник, придворная дама или на худой конец какой-нибудь астролог из тех, что она собрала вокруг себя...

Михаэлис немного помолчал, потом кивнул.

— Да, кажется, я знаю, кто нам подойдет.

— Отлично. Политика толерантности есть абсурд, но было бы ошибкой истреблять ересь с таким фанатизмом, как доминиканцы или францисканцы. Если они начнут действовать умнее и установят желанный Гизам террор, гражданская война действительно превратится в тотальную. Гугеноты будут хвастать своими мучениками и представляться народу как катакомбные христиане, целомудренные и гонимые. И помешать этому можем только мы, иезуиты. Но воздействовать на власть имущих нам надо, заставляя их врасплох. Не знаю, ясно ли я выразился.

Падре Михаэлис согласно кивнул. Разговор был окончен, и падре Лаинес поднялся. Михаэлис тоже встал, но ему надо было выяснить еще один очень важный вопрос. Он откашлялся и сказал:

— Если кардинал де Лорена покидает сцену, то Франция остается без инквизиции. Это опасно, учитывая, что мы хотим добиться для католицизма такого же могущества, как в Испании.

На мясистом лице Диего Лаинеса появилось несвойственное ему ироническое выражение.

— Вот забота, типичная для бывшего доминиканца. Скорее всего, кардинала заменит инквизитор де Муши, довольно посредственная личность. А что, вы все еще метите на эту должность?

— Поверьте, падре, не из личных мотивов. Я верю в контроль над сознанием путем спонтанной или насильственной исповеди.

— Как в случае с тем еретиком, который так мил вашему сердцу, с Карнесекки?

— Он сейчас во Флоренции. Несмотря на протесты великого инквизитора Гизлери, герцог Козимо принимает его как гостя. Но если Лион перейдет в руки гугенотов, он туда вернется.

— Хорошо. Я повторяю свое старое предложение: поймите Карнесекки — и получите реальную возможность занять место руководителя Святой палаты. Учитывая, что в настоящей ситуации это еще имеет смысл.

С этими словами падре Лаинес ступил на мостки и сошел на берег, Михаэлис за ним. Они поднялись по лестнице и снова смешались с толпой, двинувшись в сторону видневшегося на вершине холма Сен-Женевьев монастыря, временной штаб-квартиры иезуитов.

Они уже подходили к холму, когда навстречу им попала группа возбужденно жестикулирующих молодых людей с белыми шарфами на шеях. Один из них, с бледным заплаканным лицом, взобрался на груды камней на углу улицы и раскинул руки в стороны.

— Люди добрые! Парижане! — закричал он. — Случилось ужасное событие! В Васси люди Франсуа де Гиза напали на собрание безоружных реформатов! В живых не оставили никого: ни беременных женщин, ни детей! Убито около ста человек!

При обычных обстоятельствах прокламация гугенотов в явно католическом квартале вызвала бы гневную реакцию. Но юноша плакал, и резня, о которой он рассказывал, поражала воображение.

Первыми вокруг импровизированного оратора собрались женщины.

— А когда это случилось? — спросила одна из них.

— Вчера. Неопишущее преступление! Людей, собравшихся всего лишь помолиться, выследили, схватили и перебили! Бедных детей изрубили на куски на глазах у матерей, а потом убили и матерей!

Пораженные таким известием, люди сгрудились вокруг юноши. Только какой-то нищий, увешанный образками Мадонны, крикнул:

— Врешь, проклятый гугенот! Ты один из тех студентов-еретиков из Пре-де-Клерк! Как ты смел повязать шарф с одним из цветов Франции?

Юноша вытер слезы и ответил:

— Белая Франция — это та, что замучена и убита в Васси. А твоя Франция красная, на ней кровь, пролитая Гизами и их прихвостнями!

Вслед за этими словами начались вопли протеста, крики, и драки было не миновать. Падре Лаинес взял Михаэлиса под руку и потащил прочь.

— Если в том, что мы слышали, есть хоть доля правды, — пробормотал он, — это означает, что Гизы снова поставили под удар дело католической церкви, защитниками которой себя провозгласили. Ваша миссия теперь как нельзя необходима. Как думаете, вам удастся справиться вовремя?

Падре Михаэлис решительно кивнул:

— Думаю, да. Если же не удастся, можете сделать со мной, что захотите.

— Это само собой разумеется, — резко бросил Лаинес.

ПОСЛЕДНИЕ ИЛЛЮМИНАТЫ

— Что там случилось? — спросил Мишель, вздрогнув от криков.

Шевиньи высунул голову в окошко экипажа.

— Непонятно, учитель. Там большая толпа, у них белые знамена, и они страшно возбуждены.

Колеса экипажа еще несколько раз повернулись, и кучер, соскочив с козел, бросился открывать дверцу со стороны Мишеля. Он был весь в поту.

— Сударь, дальше ехать не выходит. Там не меньше сотни вооруженных гугенотов: видимо, местность у них в руках.

— А где мы находимся?

— В Монбризоне, к западу от Лиона. Я рассчитывал добраться до Парижа, забирая на восток, да, видно, придется поворачивать назад.

— Дайте-ка взглянуть, — пробормотал Мишель.

В это утро ноги у него не болели, и он довольно резво спрыгнул на землю. В обычных обстоятельствах местечко, представшее его глазам, показалось бы просто очаровательным. Над ним возвышался большой глинистый холм, увенчанный скалой с замком на вершине. Внизу, над крышами домов, виднелся фасад готической церкви, а еще чуть дальше — стены монастыря. Над ними поднимался столб черного дыма, что было явным признаком пожара. Горожане, крестьяне и несколько всадников, все в белых шарфах или с белыми лентами, как встревоженные пчелы, роились возле домов. Всеобщее внимание было приковано к замковой башне, на которой виднелись маленькие темные фигурки людей.

— Вернитесь в карету, учитель, здесь опасно, — сказал Шевиньи, тоже сошедший на землю.

— Нет, сначала мне надо разобраться, что происходит.

Неожиданно Мишель вздрогнул. На башне произошло какое-то движение, и одна из фигурок полетела вниз. До путников донесся крик жертвы, тут же заглушённый улюлюканьем и воплями восторга толпы.

Мишель подошел к какому-то крестьянину, который шел прочь от деревни, качая головой: зрелище ему явно не нравилось.

— Что у вас происходит, добрый человек? Не бойтесь меня, я не здешний.

Крестьянин поднял на Мишеля задумчивые глаза.

— Вам бы лучше уезжать отсюда, не место вам в Монбризоне.

— Почему? Объясните.

— Деревня оккупирована капитаном гугенотов, неким бароном дез Адретом. Сначала он велел указать ему семьи всех папистов и собрал их на площади. А потом приказал своим людям всех их заколоть, включая женщин и детей. Всех оставшихся в живых он согнал на

башню замка и заставляет по одному прыгать вниз. Там, под башней, уже несколько десятков на куски разбившихся трупов.

Именно в этот момент еще одна фигурка, размахивая руками, полетела с башни. Ряды собравшихся ответили радостным воплем.

Мишель взволнованно прикоснулся к плечу крестьянина.

— Спасибо, друг мой, и да поможет вам Бог.

— Бог? Нынче непонятно, на чьей стороне Он сражается, да и есть ли Он на самом деле?

Мишель ничего не ответил и повернулся к кучеру.

— Поехали назад, в Лион.

Карета развернулась и продолжила путь. Мишель медленно откинулся на сиденье, стараясь отогнать жуткие видения, толпившиеся в мозгу.

У Шевиньи в глазах стояли слезы.

— Проклятые гугеноты! Где бы ни проходил барон дез Адрет, везде он оставляет за собой кровавый след.

Мишель сурово на него взглянул.

— Монах Ришелье, семейка Порселе и другие капитаны-католики ничем не лучше этих. В прошлом месяце мой друг Франсуа Берар был в Оранже — отвозил гороскоп, который мне заказали тамошние монахи после того, как их обокрали. Он рассказал, что на стенах Оранжа висели трупы женщин-гугеноток, и у каждой из влагилица торчал бычий рог, в насмешку засунутый католиками.

Свойственным ему жестом он потер переносицу большим и указательным пальцами и закрыл глаза.

— Справедливых войн не бывает. Любая война безумна по определению и отражает все, что в нас есть животного. Насилие родит насилие, и так до полной потери человеческого облика. Я изо всех сил кричу об этом, но меня не хотят услышать.

Шевиньи с энтузиазмом закивал.

— То, что вы делаете, — удивительно. Вы предвидите события с максимальной точностью.

— Мальчик мой, предвидения ничего не стоят, если они не в силах предотвратить трагедии. Мое проклятие в том, что трагедии я переживаю дважды: в первый раз, когда предвижу, а во второй — когда они на самом деле происходят. В обоих случаях это абсолютно бесплодное занятие.

Они надолго замолчали. А карета продолжала свой путь, и в оконца веяло свежим апрельским воздухом. Мишель безуспешно пытался задремать. Шевиньи, который не мог долго молчать, не удержался и спросил:

— К какому числу вас ждут при дворе? Этот крюк надолго задержит нас.

— Точной даты нет, — ответил Мишель. — Королева-мать не хуже меня знает положение дел во Франции и не настаивала на пунктуальности. Но если окажется, что проехать невозможно, в Лионе я знаю адрес одного из друзей советника Оливье. В случае наихудшего поворота событий это будет местом встречи.

— Вам поверяют свои тайны короли и принцы, Екатерина Медичи и Рудольф Богемский! Я служу у вас секретарем всего несколько месяцев и все время вижу, как растет ваша слава! Когда же вы мне доверите хоть какую-нибудь из ваших удивительных тайн?

Мишель, покоренный энтузиазмом юноши, улыбнулся:

— Для начала изучайте астрологию и медицину: это необходимая база. А остальное придет со временем.

Он немного помолчал, потом спросил:

— Вы видели Бланш?

— О да...

Наивное лицо Шевиньи затуманилось грустью.

— Она таскается по тавернам и стала похожа на собственную тень. Очевидно она

серьезно больна и долго не протянет.

— Почему бы вам ей не помочь? Может, еще сможете ее спасти.

— После такого предательства? Она сама выбрала этот путь, что ж теперь жаловаться? А вы как думаете? Не понимаю, почему ваша жена старается ей помочь, чем может. Сострадание, конечно, чувство христианское, но избыток сострадания только потворствует пороку.

Мишель поморщился и принялся разглядывать пейзаж за окошком кареты. Он уже не мог обходиться без Шевиньи и был не в состоянии отказаться от его помощи. Здоровье Мишеля неуклонно ухудшалось, и в лихорадочном состоянии, которое уже стало нормой, он то и дело впадал в галлюцинации. Часто видения его были столь мрачными и пугающими, что он даже не мог их записать. Он из года в год продолжал публиковать свои «Предсказания», но другие публикации выходили очень нерегулярно. «Трактат о средствах против чумы» остался незавершенным. Компилятивное издание «Парафразы из Галена», работы, которую он начал еще в университете, просуществовало очень недолго и было подвергнуто жестокой критике из-за неточностей перевода.

Теперь медицина уже не была для него полем деятельности. К тому же себе энергично прокладывая дорогу новая медицинская наука, сметая все его достижения, даже те, что считались еретическими. Пьер ла Раме представил проект реорганизации медицинского факультета, предложив заменить старую лекционную систему, основанную на теоретических диспутах, практическими занятиями. И сам Мишель, и великий Парацельс в свое время тоже выступали с подобными предложениями, хотя и не в такой экстремальной форме. Раме был гугенотом, и его проект отклонили. Однако врачей, которые, как и он, не считали человека микрокосмосом, зеркально отражающим макрокосмос, и полагали астрологию бесполезной в лечении болезней, становилось все больше.

В этой фазе личного кризиса Мишель нашел в Шевиньи усердного и полезного помощника. Ревностный католик, консерватор как в политике, так и в повседневной жизни, юноша так же сильно напоминал Мишеля в молодости, как не был похож на Мишеля в старости. Жюмель обнаружила, что его настоящая фамилия была Шевиньяр и происходил он из семьи торговца зерном. Из Шевиньяра он сделал Шевиньи или, иногда, Шавиньи, чтобы придать фамилии более аристократическое звучание. И у Мишеля, так много сил положившего на то, чтобы все забыли о его еврейском происхождении, язык не поворачивался его упрекать за эту фантазию.

— Боюсь, что в Лионе нас ожидает ситуация не лучшая, чем в Монбризоне, — заметил Шевиньи.

— Что вас заставило так подумать?

— То, что вы написали. — Юноша собрался с мыслями и увлеченно продекламировал:

Lors qu'on verra expiler le saint temple,
Plus grand du rosne leurs sacrez prophaner
Par eux naistra pestilence si ample,
Roi fuit iniuste ne fera condamner.

Тогда увидят все, что храм разграблен
Наивеличайшим господином с Роны и осквернен.
Из-за того ужасная чума распространится.
Король же не осудит дело грешное³³.

— В этих стихах я не говорю о Лионе, — заметил Мишель.

— Напротив, говорите. Что же это за самый большой храм на Роне, если не Лионский

³³ Катрен XII, центурия VIII. Перевод Л. Завалишина.

собор? Это его разграбили и в нем осквернили предметы культа. Абсурдная политика и излишняя толерантность нашего короля рискуют привести к тому, что виновные не будут наказаны. Ересь станет распространяться, как чума.

— Может, я имел в виду настоящую чуму...

— Нет, уж поверьте мне. Теперь я умею толковать ваши строки, хотя до сих пор не понимаю, как вы сами не можете этого сделать.

В голосе Шевины слышалась надежда: видимо, юноша ждал объяснений, за которыми охотился уже больше года. Но Мишель не был готов открыть ему природу своих озарений, так похожих на дьявольские наваждения. Посвятить в эти откровения он мог только человека, сведущего в оккультной философии и способного умело оперировать магическими приемами. Ему самому с трудом удавалось выбираться из кошмарного мира, который открывало ему эзотерическое знание. Поэтому он ограничился тем, что сказал:

— Если считать, что вы правы и я имел в виду кафедральный собор в Лионе, то почему тогда он назван уже разграбленным? Катрен не уточняет дату события.

— Барон дез Адрет не отважился бы напасть на Монбризон, если Лион остается пока в руках католиков.

Этот вполне разумный ответ вызвал у Мишеля улыбку, которая сразу же сбежала с лица от сильнейшей боли, от которой он чуть не закричал. На этот раз не ноги доставили ему такие страдания, а крестообразный шрам на плече. Он поднес к плечу руку, и память вернула его в Бордо, в темную крипту с начертанной на полу пентаграммой, окруженной пламенем.

В этот момент кучер крикнул:

— А вот и Лион... О боже, город горит!

Боль исчезла. Мишель высунулся в окошко, хотя в глазах все еще мутилось. Когда зрение снова вернулось к нему, он заметил, что горел не весь город. Языки пламени виднелись только над шпилем собора и еще над несколькими зданиями. Ветра не было, и в воздухе стоял густой дым. Городские стены кое-где почернели.

— Что мне делать? Будем возвращаться? — неуверенно спросил кучер.

— Нет, поехали дальше, — приказал Мишель. — Мне обязательно надо попасть в Лион.

Городские ворота были украшены драпировками из белой ткани и гирляндами белых гвоздик. Сторожевой пост был немногочислен, но хорошо вооружен. За последние годы мечи и аркебузы сильно уменьшились в размерах и стали легче, так что теперь солдаты не нуждались в специальной подготовке к сложной процедуре заряжания и нести оружие практически мог любой. Перед ними отступили арбалеты, страшное оружие, которое многие папы объявляли аморальным. Арбалеты были слишком неповоротливы в бою и слишком долго надо было их заряжать. Современные аркебузы легко ложились на плечо, и появлялись, правда пока очень редкие, сильно укороченные экземпляры, уместившиеся за поясом или висевшие на боку.

Именно такой аркебузир и просунул голову в окошко кареты.

— Добро пожаловать, братья, в город, вернувшийся к Богу, — вежливо произнес он. — С какой целью вы сюда прибыли?

— По делам, — ответил Мишель.

Потом, сочтя ответ недостаточным, прибавил:

— Я личный друг капитана Триполи.

Солдат на миг опешил, потом расплылся в широкой улыбке:

— Триполи? Отлично, сейчас вы сможете поздороваться с вашим другом.

Он отошел в сторону и крикнул:

— Командир! Командир! Здесь какой-то человек говорит, что знает вас!

В следующий миг дверца кареты открылась и Триполи собственной персоной обвел ее внутренность удивленными глазами и рассмеялся.

— Вы, доктор Нострадамус! Вот это сюрприз! Выходите же, обнимите меня!

Слегка прихрамывая, Мишель вылез из кареты. Триполи почти приподнял его от земли.

— Я знал, что вы из наших! Я всегда это знал! Вы хорошо сделали, что приехали. Увидите, как функционирует город под управлением истинно верующих...

Мишель дал выплеснуться энтузиазму друга и не удержался, чтобы не сказать:

— Не знаю, как идут дела в Лионе, но еду из Монбризона. Там перебили католиков всех возрастов. Это огромный риск замарать все ваше дело.

Триполи немного подумал, потом пробормотал:

— Монбризон? Это, должно быть, территория, подконтрольная Франсуа де Бомону, барону дез Адрету! Я знаю, там были эксцессы... Надо что-то делать.

Его лицо вдруг озарилось, словно ему на ум пришла блестящая идея.

— Вот что я сделаю! Я свяжу барона и велю выстрелить им в Рону из катапульты. Ну не в Рону, так по католической колокольне, чтобы он на нее наделся!

Мишель положил ему руку на плечо.

— Полно, Триполи, не заноситесь. То, что происходит, очень опасно. И ваш дез Адрет — не единственный из реформатов, повинных в убийстве.

Выражение детской отваги и дерзости слетело с лица Триполи.

— Доктор, наши нерегулярные отряды только отвечают ударом на удар. Монахи в Тулузе натравили католиков, и в городе не осталось ни одного живого реформата. В Анжере паписты перерезали всех наших одного за другим, обагрив кровью весь город. Монах Ришелье устраивает одну резню за другой. Владелец Флассана, так называемый рыцарь веры, сеял смерть в окрестностях Экса, пока мы лично с графом Танде не взяли приступом его логово в Баржолле. Наказывать подобных монстров — долг каждого христианина.

Мишель покачал головой.

— Друг мой, от войны войной не избавишься. Любое насилие порождает другое.

— Может быть, но если бы мы сегодня не взяли в руки оружие, то ни Лион, ни Орлеан, ни Гренобль, ни Тур и еще десятки городов не были бы нашими.

Триполи указал на стены у себя за плечами.

— Идите сами посмотрите, каким стал возвращенный Христу город, без идолов и распутных попов. Я, к сожалению, занят и не смогу вас сопровождать, но такой ученый муж, как вы, сможет понять, какому делу мы служим.

Мишель вернулся в карету в большом смущении. Шевиньи наклонился к нему и прошептал:

— Что это за мерзкий тип?

— Он вовсе не мерзкий тип.

Мишель высунулся в окошко и крикнул кучеру:

— Трогай, поехали дальше!

Улицы, по которым они поначалу двигались, не претерпели никаких заметных изменений, разве что в окнах появились белые ленточки. И толпа была как толпа, разве что чересчур возбуждена. Единственное, что привлекало внимание, — это снующие по городу буржуа, одетые в черное: видимо, они занимались инвентаризацией, составлением соответствующих протоколов и подсчетом имущества в магазинах.

Понадобилось время, чтобы Мишель понял еще одну особенность: на улицах почти не было видно ни солдат, ни вооруженных штатских. Оружия не было заметно даже возле опустевших церквей. Владельцы магазинов водили по ним группы рабочих, которые выбирали среди строительного материала все, что еще могло пригодиться.

— Куда ехать, хозяин? — спросил кучер.

— Спрашивайте дом господина Кристофа Крафта, — ответил Мишель. — Он состоятельный человек, да к тому же иностранец. Его должны хорошо знать.

Дом, возле которого они остановились, наслушавшись разных указаний, как проехать, представлял собой двухэтажное каменное палаццо с деревянным фасадом. Оно свидетельствовало о честно нажитом благосостоянии, без тени заносчивой роскоши.

Открывать вышел сам Крафт, высокий светловолосый человек лет пятидесяти, одетый в серое.

— С кем имею честь?... — спросил он с сильным немецким акцентом.

Мишель улыбнулся.

— Это мой секретарь, Жан де Шевиньи. Меня же вы знаете только по письму: я Мишель де Нотрдам из Салона-де-Кро. Ваш патрон господин Розенберг, должно быть, рассказывал обо мне.

— О, конечно, доктор! — Немец тоже заулыбался и низко поклонился. — Приводя в порядок лионские дела господина Розенберга, я часто сталкивался с вашим именем. Входите, пожалуйста, вас ждут. И ваш друг тоже может войти.

— Ждут? — пробормотал Мишель.

Он совсем упустил из виду, что именно этот дом был выбран местом встречи с нужными людьми, на случай, если дорога на Париж будет блокирована. Он подтолкнул Шевиньи вперед и вслед за ним вошел в дом.

Комнаты, двери которых открывались перед ними одна за другой, были обставлены с великолепным вкусом и содержались в исключительной чистоте. Мишель не удержался и спросил:

— Прошу прощения, господин Крафт. Проезжая по городу, я не встретил следов разрушений, хотя город, судя по всему, совсем недавно перешел в ваши руки. Как это удалось?

— Вы не знаете кальвинистов, — ответил немец, скорчив гримасу. — В Лионе теперь новая администрация, и рабочие возобновили работу. Здесь революцией руководили ремесленники, торговцы, мебельщики, ткачи, переплетчики... В вере они искали прежде всего порядок и после победы сразу его восстановили.

— А беднота? Я не видел на улицах празднующихся.

— Вы имеете в виду подонков? По счастью, это не их революция, да все они и были по ту сторону баррикад. Теперь в Лионе не осталось ни одного бродяги или бездельника. Кто сам не сбежал, того вытолкали вон.

Они вошли в просторную, элегантно обставленную комнату, обитую красными обоями с желтыми цветами. Навстречу им со стула, обшитого золотой камчой, поднялась молодая женщина в строгом черном платье с изысканной вышивкой. Из-под вуалетки, закрывавшей ее лицо, виднелись прекрасные белокурые волосы. Она быстро подбежала к Мишелю и радостно спросила:

— Вы меня узнаете?

Он не мог видеть лица, но голос узнал сразу.

— Джулия! — воскликнул он. — Ну, значит, где-то поблизости должен быть Симеони!

Женщина подняла вуаль, и из-под нее глянули дивные голубые глаза. Лицо ее уже не отличалось прежней свежестью, видимо, сказывался возраст. Но она по-прежнему была очень хороша и еще больше походила на мать.

— Да, Габриэле там, вместе с остальными. Советник Оливье часто прибегает к его услугам, да и к моим тоже. Учítывая, что дорога от Парижа до Лиона перекрыта, он попросил Габриэле организовать здесь тот совет, что запросила королева. Думаю, он уже начался.

— Да, вам надо поторопиться, — подтвердил Крафт.

Мишель взял Джулию за руки.

— Поговорим после. Хочу знать только одно: из того, что вы сказали, я понял, что Габриэле чувствует себя лучше. Верно?

По голубым глазам Джулии пробежала тень.

— Да, с тех пор, как мы живем при дворе, ему лучше, но... Идите, вас ждут, я потом расскажу.

Мишель нахмурился, но возражать не стал. Крафт открыл перед ним дверь в последнюю комнату, чуть поменьше.

— Господа, прибыл доктор Нострадамус со своим другом, — объявил он и пригласил гостей войти.

Мишель сразу почувствовал жгучую боль в плече: заныл крестообразный шрам. Гостиная, куда он вошел, вызвала не самые приятные воспоминания. Черные обои, на окнах шторы из черной тафты. Пятеро мужчин стояли вокруг мальчика, который держал в руках круглое зеркало со стальным ободом, исписанным какими-то надписями.

Мишель с трудом узнал Симеони: тот отрастил бороду, в гноящихся глазах застыло свирепое выражение. Итальянец повернулся к нему с улыбкой, которую с натяжкой можно было считать добродушной.

— Добро пожаловать, мастер. Церемония уже началась. Мы используем зеркало Флорона.

Он указал на собравшихся.

— Вы уже знакомы с доктором Бассантенем из Шотландии. Позвольте вам представить остальных друзей: господин Луи Ренье де ла Планш, доктор Антуан Мизоль и доктор Джон Ди. Он направляется в Антверпен и во Франции проездом.

Гостиную освещал всего один канделябр, и было почти невозможно разглядеть лица присутствующих. Мишель взгляделся в лицо Джона Ди. Он знал, что в Англии состоялся процесс по обвинению Джона Ди в магическом воздействии на принцессу Марию Тюдор. Философа оправдали благодаря усилиям католического епископа Боннера. Мишель разглядел узкое печальное лицо, обрамленное длинной, доходящей до самого пояса, белокурой бородой.

Англичанин заметил интерес к своей особе и произнес на чистейшем французском:

— Доктор Нострадамус, я был наслышан о вас как о последователе Ульриха, но нынче в моей стране вы пользуетесь невиданной популярностью, и вас знает каждый прохожий.

Англичанин хотел быть любезным, но у Мишеля очень разболелось плечо, и он раздраженно ответил:

— О, ради бога! Я не являюсь ничьим последователем, да и церковь иллюминатов прекратила свое существование.

— Ну да, все оставшиеся в живых иллюминаты собрались здесь, — заметил Симеони. — Господа, не отвлекайтесь: Екатерина Медичи ожидает нашего ответа о судьбах Франции. Господин де ла Планш, сообразовите произнести формулу.

Де ла Планш, маленький лысый человечек, соединил руки, закрыл глаза и зашептал:

— BISMILLE ARAATHE MEM LISMISSA GASSIM GISIM GALISIM DARRGOISIM SAMAI AOISIM RALIM AUSINI TAXARIM ZALOIMI...

По мере того как разворачивалась формула, мальчик, и без того напуганный, дрожал все сильнее и сильнее. Наконец он закричал:

— В зеркале показался всадник! Он что-то кричит!

Мишель взгляделся в поверхность зеркала, но она была такой мутной, что он ничего не увидел. Однако в ушах у него с пугающей отчетливостью прозвучала фраза, сказанная задыхающимся голосом:

— Смерть придет вместе со снегом, белее белого...

ВО БЛАГО

Падре Михаэлис не чувствовал никакого волнения, ожидая холодным январским утром 1563 года приема у Екатерины Медичи в одном из крыльев замка Венсен. Это крыло предназначалось для увеселений и называлось «павильоном королевы», в отличие от «павильона короля», смежного с ним крыла, расположенного ближе к замковой башне и к тому, что осталось от крепости. Просторный коридор, по которому прохаживался Михаэлис, выходил в обширный, ухоженный парк. В ярком январском солнце парк выглядел очень изящно, хотя листва почти со всех деревьев облетела.

Королева-регентша уже не обладала прежним могуществом, да и обладала ли им когда-нибудь? И во времена Франциска I, когда она, еще юная принцесса, сносила насмешки двора, и при муже Генрихе II она вынуждена была мириться с превосходством очаровательной

Дианы де Пуатье. Ее утешением стали царствующие сыновья. Однако Франциск II преждевременно скончался, а царствование Карла IX было омрачено гражданской войной. Она не желала этой войны, но справиться с ней не сумела. Теперь, находясь в замке Венсенн, они с сыном практически оказались узниками так называемого Триумvirата: герцога Франсуа де Гиза, коннетабля Монморанси и маршала де Сент-Андре. Триумvirат был собран в целях борьбы за дело католиков без всяких переговоров и компромиссов.

Михаэлис ждал, что его пригласят в апартаменты королевы, и очень удивился, когда увидел, что она вышла к нему сама, без сопровождения придворных дам. Это укрепило его в мысли, что перед ним всего лишь слабая женщина, вечная жертва событий, которые сильнее ее.

Он склонился, приветствуя королеву, но Екатерина, тронув его за плечо, вынудила выпрямиться.

— Падре, многие весьма хорошо отзывались о вас, и в особенности Джулия Чибо-Варано, наша любимая фрейлина.

Она указала Михаэлису на одну из каменных скамей, расположенных рядом с широкими окнами.

— Если не возражаете, присядем здесь. В коридорах меньше вероятность слежки, чем в личных покоях.

Михаэлис впервые так близко видел королеву и воспользовался случаем, чтобы ее разглядеть. Она все еще носила траур по мужу, Генриху II, и была одета в строгое черное, без затей, платье. Лицо ее отличалось такой удручающей некрасивостью, что на него тяжело было смотреть. Годы только подчеркивали все его недостатки: выпученные глаза еще больше выкатились из орбит и помутнели, скошенный подбородок и вовсе исчез, нос казался каким-то жалким отростком. В округлости лица было что-то детское, и королева казалась рано состарившейся девочкой, которая не подозревает о морщинах, уже избороздивших лоб и щеки.

Однако голос ее звучал звонко и приятно.

— Каковы последние вести с нашей родины, падре? — мягко спросила она. — Есть что-нибудь новое?

Падре Михаэлис был готов ко всему и все-таки вздрогнул. Это было уже слишком! Королева Франции спрашивала у него, какие новости в ее королевстве! Ответить он смог не сразу:

— Хорошие новости, ваше величество. После месяцев непрерывных побед гугеноты теряют земли почти повсюду. Они потерпели сокрушительные поражения в Руане и в Дрё, а в настоящий момент, как вам, конечно же, известно, Франсуа де Гиз движется на Орлеан.

— Орлеан! — с гримасой прошептала королева. — Принцу Конде не надо было этого делать. Взятие такого крупного города силами регулярных королевских войск вынудит нас выйти из нейтралитета. Если мы это допустим, это будет означать конец монархии.

— Не тревожьтесь, ваше величество, дни Орлеана сочтены. Белые повсюду терпят поражение, и перевес снова на стороне красных.

Катерину передернуло.

— Вот уж что нам не нравится, так это красный цвет. Мы то и дело слышим жуткие истории о гугенотах, расчлененных, с перебитыми суставами, побитых камнями, с выколотыми глазами и вырезанными языками. Неужели все это правда?

Падре Михаэлис подумал, стоит ли отвечать, но решил, что стоит.

— К сожалению, верно, ваше величество. Я оплакиваю все эти трагические случаи. Партизаны типа Фоссанов или монаха Ришелье убеждены, что пленных надо уродовать, чтобы у народа сложилось о них впечатление как о монстрах. Но думаю, что за этой бесчеловечностью стоит фанатизм доминиканцев и францисканцев.

Упомянув церковные ордена, наиболее ненавистные иезуитам, Михаэлис рассчитывал выставить их в глазах королевы в дурном свете. Удалось ли это, он не понял, но взгляд ее вдруг загорелся любопытством, которое никак нельзя было назвать глупым.

— Подумать только! Мы полагали, что вы явитесь, чтобы призывать нас к непримиримости, как и все. Но теперь нам кажется, что это не так.

Теперь начиналась самая трудная часть разговора. Михаэлис легонько вздохнул и сказал:

— Непримиримость хороша, когда ее обуздывает чувство реальности. Теперь стало очевидно, что война с гугенотами не на жизнь, а на смерть может иметь печальные последствия. На нашей территории с переменным успехом уже сражаются шведские, английские и испанские ополчения. Если война обострится, иностранное присутствие может оказаться решающим, и тогда и вы, и ваш сын потеряете суверенитет, а может быть, и корону.

— Продолжайте.

— Мне известно, что Триумвират советует вам вести именно такую войну, в то время как Мишель де л'Опиталь и Франсуа Оливье склоняются к политике согласия любой ценой, вплоть до признания церкви гугенотов, если на то будет необходимость. Я же прибыл сюда, чтобы предложить вам компромиссное решение.

— Говорите.

Падре Михаэлис постарался выразиться как нельзя более ясно, но так и не понял, умна или нет эта нелепая, патетически настроенная дама. Интуиция подсказывала, что умна, но следовало быть осторожным.

— Все это вопрос времени. Все равно придется прийти к перемирию, закрепленному королевским декретом. Для нас с вами, католиков, это будет неприятно, и придется пойти на уступки. Весь вопрос в том, на какие?

Екатерина заинтересованно подалась вперед.

— Говорите, говорите.

— Ваше величество, никто, кроме иезуитов, не понимает, что ведение войны обусловлено тем, к какому из трех сословий принадлежат воюющие стороны: к знати, духовенству или к народу. Лион пал без единого выстрела, потому что буржуазия, связанная с трудящейся частью населения, уже принадлежала к реформатам. Париж стойко сопротивляется гугенотам, потому что бедноту поддерживают католические монастыри. Почти повсюду исход сражений определяется такого рода равновесием.

— Понимаю. И что дальше?

Падре Михаэлис прикрыл глаза.

— Когда понадобится прийти к согласию, сообразуйтесь с этой ситуацией. Не прибегайте к слишком жестким мерам: одними запретами ересь не истребишь. Признайте за гугенотами свободу культа, но обособьте эту свободу. Сделайте так, чтобы религия реформатов стала религией одних аристократов. Если удастся превратить ее в религию для избранных, с ней легче будет справиться.

— Мы просим прощения, но нам трудно следить за вашей мыслью. Если можно, подкрепите ее примером.

— Да, конечно. — Михаэлис сделал последнее усилие, чтобы выразиться понятно. — Ошибка эдикта Роморантена состоит в том, что он разрешил религиозные обряды гугенотов за стенами городов, вдали от дворцов. Кардинал де Лорена повел себя глупо, не поняв, какие неприятности тем самым провоцирует. Разрешив еретикам проповедовать в пригородах, они тем самым дали реформатам возможность вербовать сторонников среди ремесленников и рабочих.

— Кардинала уже нет среди наших советников, — сухо отрезала королева. — И тем не менее мы не понимаем, что за альтернативу вы предлагаете.

— Постараюсь объяснить. Жак Спифаме только и делает, что требует свободы проповеди. Предоставьте ему эту свободу, но только в пределах аристократических палаццо. Вот увидите, ваше величество, что и он, и другие руководители гугенотов на это согласятся, более того, сочтут это победой. На самом же деле они сунут голову в петлю, ибо религия, не принадлежащая народу, — это не религия, это секта.

— Но я не хочу потерять своих дворян!

— Вы их не потеряете. Очень немногие согласятся пойти на это открыто и фактически устроят себе домашние церкви.

Последовало долгое молчание, которое, казалось, никогда не прервется, потом морщины вокруг рта королевы разгладились.

— Все, что мы слышали об утонченности методов ордена иезуитов, подтверждается. Вы внушаете просто страх.

Падре Михаэлис стал очень серьезен.

— Это потому, что мы единственные подняли ставку в этой игре и заботимся о конечном результате, который есть победа добра. По ходу дела необходимо подключать любые пригодные средства. Я не прошу вашего ответа, моя королева, я прошу только считать, что все, что я вам сказал, не для ушей ваших советников. До поры до времени...

— Будьте уверены.

Разговор был окончен. Падре Михаэлис поднялся, но Екатерина жестом удержала его в оконной нише.

— Мы последуем вашему совету, хотя и не знаем, положит ли он конец этой ужасной войне. В прошлом году несколько философов по просьбе наших советников собирались в Лионе и предсказали десятилетия войн и насилий.

— О каких философах вы говорите?

— Об опытных астрологах, которые до сих пор не ошибались в своих прогнозах. Самый знаменитый из них — великий Нострадамус. Должно быть, вы о нем слышали. Да и остальные ему не уступают.

Падре Михаэлис почувствовал в голосе королевы такую убежденность, что не решился противоречить, боясь потерять завоеванное доверие. Он позволил себе только заметить с равнодушным видом:

— Ваше величество, вы прекрасно поступаете, привлекая для совещания ученых мужей, достойных нашего доверия. Однако рекомендую вам быть до чрезвычайности осторожной. Вы уже имели печальный пример Козимо Руджери, который выдавал себя за астролога, а на самом деле оказался некромантом.

— О, мы уже избавились от этого чудовища. Нет, те астрологи, о которых мы говорили, — настоящие ученые.

— Следовательно, ваше величество, я могу откланяться. — Михаэлис уже собрался уйти, как вдруг его поразила внезапная мысль. — Ваше величество, вы говорили, что собрали астрологов по настоянию ваших советников. Каких?

— Мишеля де л'Опиталя и Франсуа Оливье.

— Но Мишель де л'Опиталь всегда слыл яростным противником астрологии!

— И тем не менее именно он настаивал на приглашении.

Падре Михаэлис прищурился и, сам того не замечая, склонил голову набок.

— И что же вам посоветовали знаменитые астрологи во избежание невзгод, ожидающих Францию?

— Без условий и ограничений признать все культы, не выделяя ни один из них. — Королева поспешила прибавить: — Будьте спокойны относительно ваших рекомендаций. Решение наших советников не помешает нам принять их во внимание.

— Благодарю вас.

Падре Михаэлис склонился в низком поклоне и удалился по коридору.

В глубине души он был взбешен. Выйдя из внутренней двери, он стремительно сбежал по лестнице и направился к флигелю, расположенному между «павильоном короля» и «павильоном королевы», где обитали временно находящиеся при дворе кавалеры и дамы. Он чуть не сбил с ног нескольких слуг, внаклонку убиравших в коридоре экскременты своих хозяев. За поворотом он налетел на молоденькую фрейлину, голую грудь которой страстно ласкал кавалер, спустив ей платье, несмотря на холод, до самого пояса. Девушка оглушительно завизжала.

Гнев Михаэлиса немного поутих только на первом этаже, когда он подлетел к маленькой, неприметной двери. Он повернул ручку, вошел, не постучав, и остановился посередине тускло освещенной комнаты.

Симеони, сидя на постели, натягивал сапоги. Джулия стояла перед маленькой ширмой и, держа в руках зеркальце, старалась разглядеть детали голубого с белым платья, которое, видимо, только что надела. Оба обернулись к иезуиту без особого удивления.

— Что случилось, падре? — спросил, поднявшись на ноги, Симеони. Его лицо с запавшими бесцветными глазами, в обрамлении поседевшей бороды, выглядело увядшим, словно он постарел в одночасье.

Сияясь побороть бешенство, Михаэлис скрестил на груди руки и сказал:

— Я принес вам обоим удачу и богатство, но в ответ не получил ничего, кроме неблагодарности. Вы находитесь при дворе, в почете и уважении, сидите за одним столом с королевой. А ведь всего несколько месяцев назад вас разыскивали как преступников и за ваши головы никто не дал бы и сольдо. Или вы об этом позабыли?

Симеони развел руками.

— Откровенно говоря, я не понимаю...

Джулия его перебила:

— Подожди, дай мне сказать.

Она посмотрела на иезуита ясным, пристальным взглядом.

— Габриэле разыскивали за преступление, которое вы его заставили совершить. Долгие годы вы шантажом держали его в заложниках, и он терпел: сначала — чтобы спасти меня, потом — чтобы спасти себя. Что же до меня...

— Джулия, прекрати! — крикнул Симеони и взглянул на падре Михаэлиса тусклыми, подслеповатыми глазами. — Я слушался вас во всем, и советники королевы были внимательны, когда я изложил им ваши мысли. Что я сделал не так?

Михаэлис бросился в кресло.

— Вам не удалось убедить де л'Опиталья и Оливье. Вы сыграли им на руку. Они воспользовались неумеренной склонностью королевы к астрологам и пытаются с их помощью вынудить ее утвердить во Франции религиозный паритет. А это уже больше чем богохульство: вас используют как орудие политического преступления.

— Вы имеете в виду встречу в Лионе Нострадамуса, Рейнье и остальных?

— Да. Я выяснил, что на этой встрече настаивал Мишель де л'Опиталь, а вы забыли мне даже сказать об этом.

Симеони опустил голову.

— Это верно, но в Лионе очень мало говорили о политике. Там собрались немногие из оставшихся в живых иллюминатов, о которых вы и так все знаете, и обсуждали в основном проблему наилучшего использования наших магических знаний. Все остальное было второстепенным.

— Для вас, но не для де л'Опиталья и не для меня. Берегитесь, доктор Симеони. До сих пор я вас поддерживал, но мое условие осталось прежним: подчиняться мне во всем и ничего от меня не скрывать.

Симеони забормотал слова извинения, но Джулия быстро к нему подошла и так крепко обняла, что он слегка пошатнулся. Она холодно взглянула на иезуита.

— Я знаю, что в глубине души вы не злодей и думаете, что служите Господу, — отчеканила она без злобы, но и безо всякой симпатии. — Но ваши средства приводят в ужас. Вы безжалостно нас шантажируете, делая из нас то шпионов, то убийц. Не воображайте, что я стану такой, как моя мать: она всегда считала себя сильной, а на самом деле всю жизнь была орудием в руках проходимцев. Я себя сильной не считаю, но я люблю этого человека, а вы его губите. Или вы перестанете причинять ему зло, или я не знаю, что с вами сделаю.

Падре Михаэлис почувствовал, что в нем снова рождается непонятное влечение к этой женщине, и попытался обуздать свои чувства. Однако он не мог запретить себе думать, что он обязательно снова использует ее в своих целях, ибо того требует дело, которому он

служит, но никогда больше не сделает ей зла. Это его утешило и придало сил для следующих обманов.

— Не вам меня обвинять, — сказал он слегка охрипшим голосом. — Я вырвал вас из рук инквизиции, я освободил вас из-под отлучения, силой отнял у кардинала Фарнезе, который держал вас как пленницу. В конце концов я сделал так, что вы вновь обрели любимого человека. Разве все это пустяки, которые ничего не стоят?

— Нет, вы правы.

Джулия оторвалась от Симеони и шагнула в сторону иезуита, который слегка попятился.

— Именно потому, что вы добры, не заставляйте меня больше подписывать письма, адресованные этому бедняге Карнесекки. Я не умею читать, но поняла, что вы пользуетесь нашим взаимным доверием, чтобы его скомпрометировать. Избавьте меня от этой тяжелой обязанности, и моя благодарность будет безгранична.

Падре Михаэлис застыл на месте.

— Письма, о которых вы говорите, адресованы не Карнесекки, а Джулии Гонзага из Неаполя.

— Да, но зачем ей их пересылать теперь, когда Козимо Медичи снова взял его к себе на службу?

— Кто вам это сказал? Мой писарь?

— Да хоть бы и так.

— Что вам известно об их содержании?

— Речь идет о восхвалении религии кальвинистов. Нетрудно догадаться: вы рассчитываете, что Карнесекки вам ответит и у вас окажется неопровержимое доказательство, которого хватит, чтобы инквизиция возобновила процесс против него.

Падре Михаэлис с изумлением обнаружил, что его замысел раскрыт. Несомненно, Джулия обладала недюжинным интеллектом, гораздо большим, чем ее мать. Но этого было недостаточно, чтобы он отложил проект в стадии завершения.

Он подошел к влюбленным, встал между ними и взял их за руки. Придав голосу проникновенное звучание, он произнес:

— Друзья мои, должен признать, что много раз заставлял вас участвовать в своих предприятиях и при этом не ставил вас в известность ни о средствах, ни о целях этих предприятий. За обоими вами числится множество проступков, которые, безусловно, заслуживают прощения. Знайте же: все, что вы совершили, вы совершили во благо высокого дела церкви, которая сейчас в огромной опасности. Вы должны ощущать себя частью действующей армии, где каждый солдат имеет право и не знать конечной цели своих действий. Но если полководцем является Христос, то, кто бы ни был участник миссии, сведущий или несведущий, активный или *perinde ac cadaver*, ему воздастся в полной мере.

Михаэлис закончил свою речь очень убежденно: он действительно верил в то, что говорил, по крайней мере, в отношении Джулии. Однако именно она и глядела на него скептически. Что же до Симеони, то он вообще ничего не понял.

Иезуит подбирал слова, которые могли бы помочь ему лучше объяснить свою мысль, но тут из коридора послышались крики, хлопанье дверей и торопливые шаги. Он вскочил с кресла и бросился к выходу. Замок пришел в невероятное возбуждение: слуги с растерянными лицами носились взад-вперед по коридору, повсюду тревожно перешептывались группы выскочивших из комнат придворных.

Падре Михаэлис обратился к какому-то францисканскому монаху, пробежавшему мимо в полном отчаянии:

— Что случилось?

Монах посмотрел на него полными слез глазами.

— Случилась трагедия, настоящая трагедия! Один из проклятых еретиков убил герцога де Гиза!

— Где это произошло?

— В Орлеане, который только что заняли наши. Сейчас герцога, завернутого в саван, везут сюда. Кто защитит теперь католиков?

Михаэлис сознавал всю важность момента, но в мозгу его вдруг всплыла неожиданная мысль: не на это ли убийство намекает катрен Нострадамуса о *Королевском павильоне* и о *Герцоге под покрывалом* ?

Но на фантазии времени не было. Никогда еще вооруженное столкновение между католиками и гугенотами не было так близко. И проекты, о которых он говорил Екатерине Медичи, уже не смогут осуществиться так быстро, как он надеялся.

ДВА ЛИЦА МАГИИ

— Ужас этого зрелища граничил с безумием, — сказал смертельно бледный Франсуа Берар. — Меня чуть не стошнило, но покинуть Гревскую площадь я был не в силах. Толпа, окружившая его, аплодировала, словно на большом празднике. Только некоторые женщины украдкой плакали: явно выражать свои чувства там было опасно для жизни.

— Говорят, приговоренный, некто Потроль де Мере, сознался, что убил герцога де Гиза в отместку за адмирала де Колиньи, — заметил Мишель.

Они с Бераром сидели в кабинете, возле открытого окна. На улице стояла необычная для конца марта духота. Тут же сидел котенок, который часто приходил к Мишелю по ночам и, потягиваясь, глядел в сторону замка. Видимо, крыши стали очень горячи для его лапок.

Берар покачал головой.

— Если Потроль что-то и говорил, я его не слышал. Он был далеко от меня, и, потом, не думаю, чтобы он вообще мог говорить. Но он кричал, и как кричал! Палачи рвали его на куски раскаленными щипцами, следя при этом, чтобы не нанести смертельных ран. Дважды он потерял сознание, но его привели в чувство холодной водой. Толпа развлекалась, указывая палачу, куда еще можно воткнуть щипцы, но все голоса на площади перекрывали вопли приговоренного.

Мишель закрыл глаза.

— Господи, какой ужас!

— И не говорите! Когда же крики Потроля начали стихать, привели в исполнение последнюю часть приговора, пока осужденный снова не потерял сознания. Его уложили на столе и привязали за руки и за ноги к четырем лошадям, которых потом как следует подхлестнули. Руки и ноги стали вытягиваться, и Потроль в последний раз закричал нечеловеческим голосом, а потом тело его разорвалось на части, и помост обгадился кровью.

— Казнь цареубийцы...

— Да. Для многих католиков герцог и был монархом.

Берар тряхнул головой.

— Тут мне удалось наконец выбраться с площади. Потом я узнал, что туловище Потроля сожгли, а голову, руки и ноги насадили на колья и выставили на всеобщее обозрение на городских воротах и на здании муниципалитета. Наверное, они и сейчас там.

Они немного помолчали, и Мишель заметил:

— Такой кровавой казнью королева-регентша, видимо, во-первых, хотела предупредить гугенотов, во-вторых, еще больше обозлить католиков.

— Я склоняюсь ко второй гипотезе. Ожесточившись на злосчастного Потроля, корона одновременно договаривалась в Амбуазе о перемирии с реформатами и дала им разрешение на богослужения повсюду, кроме Парижа и окрестностей. В настоящий момент парламент уже, наверное, ратифицировал соглашение.

— Странное соглашение, — заметил Мишель. — Реформатам позволено отправлять богослужения по-своему, но только в пределах обиталищ аристократов. А это означает, что, к примеру, здесь, в Салоне, реформаты просто не смогут проповедовать. Кто же для того, чтобы послушать проповедь, поедет специально в замок Мованов или других аристократов-гугенотов? Наверное, мало кому захочется.

— Мир нужен и одной и другой стороне. Думаю, соглашение в Амбуазе устраивает всех. И это важно.

Снизу донесся голос Жюмель, которая отчитывала кого-то из детей. Скорее всего, досталось, как всегда, самому непоседливому, Сезару. Мишель заметил, что вертит в руках забытое на столе кольцо в виде змеи, кусающей себя за хвост, и вспомнил о цели визита Берара.

— Итак, вы получили, пусть и с опозданием, мое письмо от двадцать седьмого августа прошлого года.

— Слуги вручили мне его сразу же по возвращении из Парижа. Как видите, я явился к вам немедленно.

— Вы действительно уверены, что избрали правильный путь? Имейте в виду, этот путь опасен.

Мишель протянул руку к шкафу и достал несколько брошюр.

— Смотрите, не проходит месяца, чтобы кто-нибудь на меня не напал. Вот памфлет в стихах некоего Конрада Бадиуса из Женевы. Он называется «Добродетели нашего маэстро Нострадамуса» и обвиняет меня в бездарности как поэта и как астролога. А самая свежая — вот эта анонимная брошюра под названием «Палинодии Пьера Ронсара»³⁴. Автор перифразирует стихи, которые Ронсар посвятил мне, и называет меня жуликом, а то и похуже.

Берар пожал плечами.

— Не стоит обижаться на такие пустяки, Мишель. Ваша слава слишком велика и во Франции, и за ее пределами.

— И тем не менее меня все время преследуют фальсификации изданий. Самые коварные из недоброжелателей явно метят в то, чтобы натравить на меня инквизицию как на еврея и некроманта. Другие утверждают, что моя астрология весьма приблизительна и отнюдь не на ней базируются откровения и предсказания.

— Дураков всегда хватало, но ваше положение позволяет вам не обращать на них внимания.

— Но дело в том, что зачастую они правы!

Мишель заметил, что говорит вещи, которые могут его скомпрометировать, но не мог остановиться, да и не хотел.

— Я многие годы пользовался эфемеридами, напечатанными в Венеции, даже не замечая, что для других мест нужны другие меридианы. По большей части мои астрологические расчеты ошибочны или очень приблизительны. А вот предсказания — другое дело. Для них астрология — только алиби, на самом деле они основаны на магии.

Берар кивнул.

— Знаю. В письме вы выразились достаточно ясно. И я имею твердое намерение идти вашим путем, Мишель, даже по скользкому склону алхимии. В Париже я встретил вашего друга Дениса Захарию...

Это имя вызвало у Мишеля теплое воспоминание, и он улыбнулся.

— Я хорошо его помню. Как его дела?

— Я бы сказал, хуже некуда. Король Наварры Антуан Бурбон перешел в стан католиков, а потом умер в Руане в сентябре прошлого года, и Захария лишился покровителя. Он жил в Германии, потом вернулся в Наварру и вынужден был оттуда бежать, потому что Жанна д'Альбре требовала от него полного присоединения к партии гугенотов и очередной порции золота для нужд повстанцев. А ему претит любое проявление фанатизма.

— Вы действительно уверены, что он может обращать в золото другие металлы?

— Нет, то есть он не хочет об этом говорить. Поэтому я и обратился к вам, доктор Нострадамус. Вы обещали мне колечко, что лежит на столе, но мне от вас нужно гораздо

³⁴ Палинодия — отречение от своих слов. (Прим. перев.)

больше.

— А что именно?

— Я хочу, чтобы вы мне разъяснили принципы магии. Меня не интересуют формулы и заклинания демонов. Но есть главные принципы, которых я до сих пор не знаю. Те, что придают смысл всем чудесам, на которые способен маг.

Мишель прислушался, но внизу голоса Жюмель не было слышно. Симеони он отправил с утра в деревню за покупками. Можно было спокойно поговорить.

— Франсуа, — начал он, — я расскажу вам об одном событии, которое произошло очень давно. Оно поможет вам понять природу магии и те опасности, которые она в себе таит. Вы готовы меня выслушать?

— И вы еще спрашиваете? — улыбнулся Берар.

— Хорошо. Дело было в тысяча пятьсот двадцать третьем году. Я, тогда совсем еще юный студент, учился понемногу в разных университетах Юга. Периоды учебы я чередовал с путешествиями в поисках странных или редких трав. В некоторых случаях я применял свой гербарий в деревнях, зараженных чумой. Результаты были разные: когда неопределенные, а когда случались и чудесные исцеления. Я обладал уже известностью опытного врача, хотя мои многочисленные друзья ее и преувеличивали. В нашей семье существовали давние традиции успешного аптекарства.

— Если не ошибаюсь, со стороны вашего дяди и деда.

— Да, хотя второй был скорее астрологом, чем аптекарем. Одно из таких путешествий привело меня в Бордо. В это время в городе случилась невиданная эпидемия чумы, которая выкашивала каждого десятого. Мы путешествовали вместе с одним цирюльником из Антверпена, который называл себя Петер Ван Гог. На самом же деле его звали Ульрих или Ульдерих, и был он родом из Майнца. Он сразу проникся ко мне симпатией, потому и открыл свое настоящее имя. У него не было никакого предубеждения против крещеных евреев. Надо сказать, в наше время эти предубеждения слегка ослабели, а тогда были сильны. Он изучал Каббалу и питал к еврейской культуре куда большее почтение, чем я.

Берар кивнул.

— Когда я с ним познакомился, главным в моем к нему отношении было восхищение. Он отличался доброжелательностью и увлеченностью, в путешествиях добирался до самого Китая, знал огромное количество языков, прекрасно ориентировался в магии египтян, халдеев, арабов и александрийцев, а также в многочисленных медицинских системах. В нем я обрел того идеального учителя, которого безуспешно старался найти в провансальских университетах. Он полюбил меня, как сына, и хотел, чтобы в Бордо я находился рядом с ним. В Бордо его как опытного медика вызвал директор местного лазарета Пьер Авеллен.

— Это имя мне тоже известно.

— В те времена он был очень знаменитым врачом. Я начал лечить зачумленных под руководством Ульриха. Его указания базировались на двух принципах. Первый гласил, что заразные болезни переносятся по воздуху. Отсюда, избежать заражения можно, тщательно захоранивая трупы и окуривая жилища, где находились больные, специальными эссенциями. Что же до ухода и лечения, то тут Ульрих имел очень интересные идеи: он полагал, что та же причина, что вызвала болезнь, может ее и лечить или, в малых дозах, предотвратить заболевание. Тогда считалось, что чуму переносят мыши, и он стал бороться с чумой, вводя мышиную кровь в кровь человека. Он только начинал применять свой метод, и первые результаты были катастрофическими.

Франсуа Берар слушал внимательно, но, видимо, истинный его интерес касался как раз тех вещей, о которых Нострадамус не решался упомянуть. Может, чтобы прервать рассказ, он воскликнул:

— Мышиная кровь! Может быть, поэтому в третьем латинском стихотворении из вашего письма вы рекомендуете смешать миро, ладан, каплю бальзама и крысиную кровь, а потом окуривать этим раствором статую демона, которого я хочу вызвать?

Мишель почувствовал легкую боль в плече, но не обратил на нее внимания: он ее

ожидал.

— Не только, — ответил он. — Мое стихотворение воспроизводит воззвание к Гекате, которое приводили многие авторы, в том числе Евсевий Кесарийский. Саламандр, которые упоминаются в оригинале, я заменил мышами, потому что их легче найти. Смысл в том, что при благоприятных условиях могут работать все виды магии. В сущности, этому Ульрих меня и учил.

— Я не совсем понял. Помимо медицины Ульрих обучал вас магии?

— Да. Он часто цитировал Парацельса, с которым дружил: «Да будет известно врачу, что болезни имеют два семени: семя *iliastro* и семя *caastro*. Семя, существующее от природы, как семечко яблока, груши или ядрышко ореха, — это семя *iliastro*. Семя же, которое является результатом разрушения, есть семя *caastro*». Вам, Франсуа, как и я, изучавшему Парацельса, должно быть понятно, что он имел в виду.

— Конечно. *Iliastro* — это первичная материя творения, общая у всего живого и неживого. «*Misterium Magnum*»³⁵ утверждает, что все мы созданы из той же субстанции, что и звезды. А *caastro* есть деградация этой материи.

— Именно так, — удовлетворенно согласился Мишель.

Боль в плече перестала дергать и стала ровной и терпимой.

— Но тайную природу болезни и ее зависимость от *iliastro* или *caastro* можно глубоко постичь только с космических позиций, которые учитывают общность человека и мироздания. В этом Ульрих тоже соглашался с Парацельсом: «Вы должны знать, что и болезнь, и медицина суть явления скрытые. Ни в той ни в другой ничего невозможно обнаружить или сделать земными средствами. Надо работать с астральным телом, которое имеет способность проходить сквозь предметы, как солнечный свет проходит сквозь стекло».

На этот раз Франсуа Берар заинтересовался по-настоящему, и котенок повернул мордочку в комнату, словно хотел услышать, что там еще скажут.

— Астральное тело... Но его же невозможно увидеть.

— Это было первое возражение, которое я адресовал Ульриху. Он ответил, что при разных точках зрения получается разная реальность. Чтобы увидеть человеческий микрокосмос, вправленный в макрокосмос мироздания, надо выбрать перспективу, которая включала бы в себя оба. А это означает познать *iliastro*, то есть субстанцию, которая объединяет нас с мирозданием, и подняться по ступенькам этого знания до уровня, близкого к уровню Бога.

— Восьмое небо, — прошептал Берар. — Или, для некоторых, девятое...

— Номер значения не имеет. Главное — найти путь, который позволит достичь этой перспективы. Как называется чистая материя, которую вы, алхимики, пытаетесь создать, изменяя различные типы поврежденной материи?

— Золото.

— А что есть золото?

— Конечно, солнце. Его получают, очищая металлы, а заодно и самих себя.

— Значит, точка зрения Бога — это солнце. Не самого Бога, а его Ока, угла, под которым он видит мир. Именно солнце позволяет нам видеть, но, как утверждает Платон, оно тоже на нас и смотрит. Если бы мы могли двигаться выше и выше по пути знания, то в конце концов увидели бы панораму, которой любитесь Бог. Мы увидели бы космическое пространство во всей его гармонии.

Мишель начал уже уставать от слишком затянувшейся беседы, но ему было приятно изложить свои убеждения знающему и умному собеседнику.

— Франсуа, я полагаю, что все эти понятия вам знакомы, как и всякому алхимику. Именно этому Ульрих меня и учил, когда мы вместе занимались врачеванием, особенно чумой, ибо чума — типичное заболевание, ведущее начало от *caastro*.

³⁵ «*Misterium Magnum*» («Великая Тайна») — один из трудов Парацельса. (Прим. перев.)

Берар кивнул в знак согласия, но тут же поднял руку.

— Я внимательно слежу за вашей мыслью, но должен сказать, что солнце алхимиков — понятие нематериальное.

— То же самое и в магии. Парацельс говорит о «магическом солнце», то есть о звезде, которая блистает в мире, где обитают наши астральные тела. Реальность этого мира непостижима для нашего непосредственного опыта, но вполне постижима для знания, которое сумеет миновать двери в мир солнца. Там, по ту сторону законов времени, обретают плоть наши сны, наши кошмары и фантазии. Это и есть мир «Misterium Magnum», мир общей субстанции, соседствующий с нашим, но доступный лишь немногим. Не Астрологу, не Пророку, не Некроманту, а только лишь Магу, то есть магу универсальному.

— То есть это мир, где работают любые типы магии?

— Да, они работают даже в зоне перехода, отделяющей мир, о котором я говорю, от мира материального. Аль-Кинди доказал, что главное — не заклинание, а намерение. Если я ставлю перед своим сознанием конкретный образ того, что находится по ту сторону, то могу перенести его по эту сторону. И наоборот. Все эти кольца, воскурения, обряды и заклинания служат, только чтобы сконцентрировать волю или усилить ее. Точно так же и опыты алхимика. Сильный импульс, исходящий от Мага, способен изменить законы астрального мира, то есть мира всех наших снов и фантазий. А может и поменять взаимодействие астральной сферы с материальной. Но это дано очень немногим.

— А вам дано?

— Пока не знаю.

— А Ульриху?

— Несомненно.

Наступило долгое молчание. Котенок перестал скакать по комнате в поисках мисочки с едой. Внизу веселый голос Жюмель звал детей мыться. С улицы доносилось громкое цоканье копыт по мостовой. Может быть, это солдаты ехали на церемонию вступления в должность нового правителя Прованса, графа Соммерива, после того как его отец, граф Танде, был смещен королевой-регентшей по требованию католиков.

В кабинете царила странная атмосфера: шумы с улицы долетали сюда в каком-то размытом виде. Берар первым нарушил молчание:

— Если Ульрих из Майнца поддерживал эти мысли, то он вовсе не кажется мне персонажем отрицательным. Более того, вы сказали, что он любил вас. Отчего же вы относитесь к нему с таким ужасом?

Мишель ждал острой боли в плече, но она не появилась. Он выпрямился на сиденье и сказал:

— У магии всегда есть два лица: одно доброе, другое ужасающее. В Бордо я думал, что Ульрих стоит исключительно на стороне добра. Он с утра до ночи ухаживал за больными, изобретал разные меры гигиены. Да, он производил эксперименты на людях со своей противочумной сывороткой, и зачастую они кончались смертью. Но дело всегда касалось безнадежно больных, и его побуждения казались мне благородными. И я не придавал большого значения, когда он сказал мне, что ввел сыворотку молодым и здоровым человеческим особям и их зараженная кровь сможет наверняка спасти больных.

Берар внезапно побледнел.

— Вы хотите сказать, что...

— Да!

Мишель поднял руки.

— Клянусь, я это понял только много лет спустя. Я видел, как Ульрих пускал кровь умирающим детям, но не придавал этому значения, полагая, что речь идет о вполне дозволенных экспериментах. Потом я стал замечать, что Ульрих помещает в бараки и здоровых детей, у которых умерли от чумы родители, и решил, что он предохраняет их от заражения.

Мишель сглотнул.

— Я не знал, что происходило в этих бараках по ночам. Ульриху я доверял безгранично. Когда детей хоронили, они были полностью завернуты в саваны, и я думал, что они заразились и умерли. И продолжал верить в это долгие годы.

— Говорите дальше, — прошептал Берар.

Мишель еще больше выпрямился в кресле.

— Уроки магии, которые мне преподавал Ульрих, ничуть меня не беспокоили. Все они не противоречили магическим концепциям коптских рукописей, которых у него было полно. Он не считал их лучше остальных, просто оценивал как более простые и функциональные. Основой служило гностическое христианство с египетскими вкраплениями. А главной темой было наличие наряду с мужской еще и женской ипостаси Бога, подобной каббалистической Шехине. Барбело, Норея, Дева Света, София и так далее. Символы Вселенной, находящейся в равновесии между мужским и женским началами, конкретизированные в определенных божествах.

— Это типично и для алхимии, — заметил Берар. — Солнце и луна, король и королева... Символы этого дуализма бесчисленны.

— Да, но Ульрих не разделял мнения, что это равновесие сможет существовать долго. Солнце должно было победить, мужское начало взять верх над женским. Разум против интуиции, сила против сострадания, культура против природы. Он никогда не говорил об этом напрямую, но я в конце концов понял сам.

— И вы не сопротивлялись?

— Нет, как я мог? Христиане веками боролись за уничтожение женского начала, называя его язычеством, магией, ведовством. Мое же представление о женщинах было приблизительно такое, как сейчас у всех: хрупкие, непостоянные существа, подверженные влияниям преходящих природных циклов. Если я и поменял взгляды, то только по причине семейной трагедии, о которой не могу говорить... Простите, я отвлекся.

— Нет, что вы, — сказал Берар. — Все, что вы говорите, мне очень интересно.

— Я постараюсь объяснить лучше в другой раз. Знайте только, что Ульрих пошел значительно дальше христианских солярных представлений. Его солнце обладало дикой природой, приносило счастье за счет демонстрации силы, приводило мужчину снова к животному состоянию. Аристократия хищников была способна подняться до власти над временем и своей волей моделировать небеса, пока окончательно не вытеснила полутени женского начала... Это и было конечной целью церкви иллюминатов, хотя мы, ее жрецы, об этом и не подозревали. Мы имели смутное представление о том, что готовилось той ночью, когда в Бордо еще свирепствовала чума и Ульрих собрал нас всех в крипте церкви Сен Мике для испытания огнем.

— Что за испытание?

— Старинный гностический обряд. Но мы, то есть я и другие юноши со всех концов Франции, думали, что нам просто сделают прививку против чумы. Конечно, мы сразу заметили звезду в центре круга и имя Абразакс, окружавшее звезду вместе с другими еврейскими и египетскими надписями. Мы знали, что для Ульриха медицина и магия — одно и то же, и это нас не напугало. Я первым из испытуемых позволил сделать на плече крестообразный надрез и, несмотря на боль, не сопротивлялся, когда в рану закапали капли темной, густой жидкости. Настоящий ужас начался потом.

Берар поднялся на ноги.

— Вы очень взволнованы, Мишель. Если это воспоминание вам неприятно, не надо к нему возвращаться.

Но Мишель его уже не слышал. Он говорил для себя.

— Пентадиус, ассистент Ульриха, едва появившись в Бордо, научил меня и моих товарищей одной нении, то есть монотонному заклинанию, вызывавшему Изиду, Митру и планетарных вестников. Они затянули эту нению хором, и я почувствовал, как вокруг меня, стоявшего на коленях в круге, вспыхнуло пламя. Между его языками я начал различать ухмыляющиеся морды чудовищ, крылатых драконов и других страшных и загадочных

существ. И все они были мне знакомы, как знакомы каждому человеку его ночные кошмары. Они одолевают сны человечества с самого его появления, и даже новорожденные носят их в себе, пока не разовьется сознание, способное держать их в узде. И с этими образами чередовались картины смертей, происходивших в разные эпохи.

— Человеческих смертей?

— Да. Убийства и костры, мечи и еще какое-то неизвестное оружие, осадные машины и непонятные летающие устройства. И во всей этой мешанине постоянно присутствовал мерзкий демон с лицом новорожденного идиота, причем он все время произносил свое имя — Парпалус. Ему, похоже, это зрелище очень нравилось, и он приглашал меня полюбоваться вместе с ним. Он звал меня за пределы времени, где холодный высший разум мог менять очертания земных эпох и властвовать над ними. Ледяная сущность этого разума приближала его к животному, а кругом царил бесчувственный хаос.

Пока Мишель говорил, котенок из всех сил пытался разжевать кусочек пищи, наморщив мордочку со сведенной нижней челюстью. Он давился, но не мог остановиться.

— Хаос был высшим законом, и этот хаос подчинялся законам тайной математики и неизвестной геометрии. Небеса подразделялись на триста шестьдесят пять сфер, по одной на каждый оборот земли. Каждая из сфер имела своего демона, увязшего, как насекомое в смоле, и демоны ждали, когда вселенский холод освободит их из плена. Но холод наступит только тогда, когда человек как компонент космоса вернется назад к своей животной сущности, а женское начало будет побеждено навсегда. Око Божье оглядит небо без луны и охладет, ибо ночь будет пуста. И наступит время ледяных и безжалостных сущностей, безраздельных хозяев последней эпохи человечества: эпохи льда, абстрактной математики, холодного металла и власти слепой силы...

— О господи, что это? — закричал вдруг Берар.

Он указывал на котенка, который, чтобы не задохнуться, выплюнул огромного скарабея, которого пытался разжевать. И тут же изо рта у него показался другой скарабей.

А на столе кольцо в форме змеи растянулось и начало извиваться, как серебряная змейка.

В ШАГЕ ОТ ТРИУМФА

Услышав крики на улице, падре Михаэлис вздрогнул. Он взглянул на падре Оже, стоявшего рядом, и прочел на его лице ту же тревогу. Инаугурация коллежа иезуитов в Клермоне, проходившая с помпезной церемонией, со дня объявления вызвала бурю протестов. Против коллежа высказывались не гугеноты, которых уже не осталось ни в Париже, ни в окрестностях, а крыло королевского парламента, находящееся под влиянием факультета теологии Сорбонны. Некоторые парламентарии с горячностью обвиняли иезуитов в лести и нечестных формах прозелитизма, чуждых французской традиции. Открытым текстом это пока не говорилось, но их «чужеродность» подразумевала предательство в пользу Испании.

За несколько дней до инаугурации группы студентов Сорбонны и других теологических школ галликанского толка побили камнями окна в здании на улице Сен-Жак, когда-то называвшегося дворцом Лангр, где коллеж ордена иезуитов жил своей тайной жизнью. Падре Михаэлис добился от короля гарантии, что церемония инаугурации пройдет без эксцессов. Тридентский собор закончился несколькими днями раньше полной победой иезуитов над доминиканцами и установлением папской администрации над локальными церквями и над всеми епископами. Теперь орден, основанный Игнацием Лойолой, был вне дискуссий и все больше становился несущим звеном в сопротивлении католиков реформатам.

Шум на улице не затихал. Михаэлис заметил смятение на лице папского легата Ипполита д'Эсте и удовлетворенную улыбку, пробежавшую по лицу советника Мишеля де л'Опиталья, представлявшего корону.

— Пойду посмотрю, что там случилось, — шепнул Михаэлис падре Оже.

Тот кивнул.

Пока ученики, все до одного из богатых семей, распевали гимны, Михаэлис тихо поднялся и уверенным шагом прошел через зал, словно имел важное поручение. Бегом миновав вестибюль, он вышел на улицу.

То, что он увидел, его успокоило. Отряд аркебузирова парижской полиции, который вместе с лучниками и арбалетчиками находился в распоряжении настоятеля как обеспечивающая порядок боевая единица, по команде капитана выстроился перед дворцом. С близлежащего холма Сент-Женевьев, несмотря на жестокий холод, которым отличалась зима 1563 года, надвигалась огромная толпа. Люди жужжали, как роящиеся пчелы, топали ногами по снегу и с гневными криками потрясали пиками, палками, молотками и ножами. Однако было очевидно, что возмущение вызвал отнюдь не коллеж иезуитов.

Падре Михаэлис подошел к капитану стражи:

— Что здесь происходит?

Пожилой офицер, спешившись с лошади, снял шлем в знак почтения:

— Серьезное происшествие в церкви Сент-Женевьев. Во время мессы молодой священник, лишенный сана, палашом ударил своего собрата, служившего мессу. Ранив его, он бросил наземь облатку и начал топтать ее ногами. Присутствующие его основательно помяли и теперь тащат на площадь Мобер, чтобы сжечь заживо.

Михаэлис увидел совершенно голого юношу, в крови с головы до ног, с веревкой на шее, которого волокла за собой толпа. У него был выбит глаз, и он, казалось, уже мало что соображал от боли. Время от времени ему в волосы вцеплялась какая-нибудь неистовая мегера и начинала вырывать их клочьями.

— Вы не вмешиваетесь? — спросил падре Михаэлис.

— А зачем? Его и так отправят на костер, так уж лучше пусть сожгут как можно скорее. Это будет урок гугенотам, продолжающим свои богохульные вылазки.

Михаэлис кивнул. Он уже входил в коллеж, когда навстречу ему вышел падре Оже.

— Что-нибудь серьезное? — спросил он с беспокойством. — Легат послал меня выяснить.

Падре Михаэлис пожал плечами.

— Нет, обычное дело. Какой-то еретик не успокоился после мирного соглашения в Амбуазе и не понял, что война окончена. Его приговорят его же сограждане: этот идиот топтал ногами облатку причастия. Можем воспользоваться случаем и организовать искупительную процессию с участием короля и королевы. Народ очень чувствителен к богохульству, и можно будет показать силу.

Падре Оже удивленно взглянул на Михаэлиса.

— Позвольте сказать вам откровенно как другу: в последнее время я стал замечать за вами определенный цинизм. Хотя, может быть, я применяю слишком сильное выражение; скажем так, отсутствие духовности. Мне бы не хотелось, в ваших же интересах, чтобы необходимость опускать наши идеалы до уровня политики подпитывала в вас склонность к интригам. Ту самую, в которой нас упрекают наши враги.

Падре Михаэлис дернулся, как ребенок, пойманный на месте преступления, застыл на мгновение и опустил голову. Слова, которые он произнес, были абсолютно искренни.

— Благодарю вас, Этьен, за этот упрек. Возможно, вы и правы. Но я так остро чувствую этот исторический момент... Я знаю, что на пути к победе великого дела крошечный предмет — не помеха, но все же меня часто ослепляет желание убрать его с дороги во что бы то ни стало.

Падре Оже улыбнулся.

— Успокойтесь, я не сомневаюсь в доброте ваших намерений.

Он посмотрел, как кипящая бешенством толпа стекает вниз с холма.

— Исторический момент и правда нелегкий, и любое проявление фанатизма рискует скомпрометировать результат. Говорят, смерть некоторых католических лидеров была

воистину predeterminedена волей Божьей, чтобы уберечь нас от слишком затяжной гражданской войны.

— Вы имеете в виду убийство Франсуа де Гиза?

— Да, а также Антуана Бурбона в Руане.

Падре Оже взял Михаэлиса за плечи и повел в коллеж, однако у входа остановился.

— Удивительно, насколько детально предвидел все ваш недруг Нострадамус. Посол в Тоскане Торнабуони обратил мое внимание на удивительный катрен, где говорится о короле и принце, которые кончат жизнь под саваном вместе с герцогом. Нынче Антуан, принц Бурбонский, он же король Наваррский, и герцог де Гиз умерли с разницей в несколько месяцев. И наступил момент испытанного закона, то есть момент, в который монаршая власть подверглась суровому испытанию.

Михаэлис удивился.

— Я знаю этот катрен, но никогда не интерпретировал его таким образом.

— Более того, — увлеченно продолжал Оже, — в первых двух стихах говорится о гробнице триумвира. Вам, конечно, известно, что в прошлом году в Дрё пал в бою маршал Сент-Андре, один из членов Триумvirата. Вот так, в нескольких строках, Нострадамус заранее называет нам имена высоких персон, погибших в этой войне.

Падре Михаэлис отрицательно покачал головой.

— Нет, я точно знаю, что гробница триумвира означает совсем другое.

— Берегитесь, друг мой, строки пророка или колдуна могут одновременно указывать на совершенно разные события, — произнес, смеясь, Оже. — Но давайте войдем обратно, пока нас не хватились.

Они повернулись спиной к толпе горожан, которая уже почти исчезла на другом конце улицы Сен-Жак, и вернулись к церемонии. Она была недолгой и завершилась речью падре Жерома Надаля, который выглядел на кафедре как ангел-воитель. Затем снова вступил хор, и самые высокие из гостей направились к выходу.

Падре Михаэлис пошел к дверям, чтобы проводить гостей, как вдруг услышал, что его окликнули. Он обернулся и увидел перед собой добродушное, в седых кудряшках, лицо кардинала Ипполита д'Эсте.

— Можем мы переговорить в каком-нибудь укромном месте? У меня для вас новости из Рима. Приятные новости.

Падре Михаэлис поклонился. Оглядевшись по сторонам, он жестом пригласил кардинала в один из боковых выходов и провел прелата в маленькую капеллу, скорее всего, предназначавшуюся для молитвы высокопоставленных лиц коллежа. Никого из них не было, и оба опустились на скамью в первом ряду.

— Прошу прощения за холод, ваше преосвященство, — пробормотал Михаэлис, указывая на угол, где до потолка возвышалась отделанная голубоватыми изразцами печка. — Она погасла, но даже если бы она и горела, все равно не справилась бы с холодом этой зимы.

— Холода действительно необыкновенные, — ответил прелат, поежившись под красным плащом, подбитым мехом. — Пожалуй, за всю свою жизнь я не припомню такой холодной и мрачной зимы. Как будто погода тоже переживает трагедию христианства.

У кардинала было открытое лицо и умные глаза, и, несмотря на седину, выглядел он гораздо моложе своих пятидесяти двух лет. Падре Михаэлис знал, что он был сторонником твердости в отношении гугенотов и очень разгневался на совещании в Пуасси. Он чутко отреагировал на тонкие действия иезуитов, призванные выбить почву из-под ног реформатов. В этом он был гораздо дальновиднее многих католических прелатов, которые замечали лишь промедление и призывали к возобновлению репрессий.

— У нас мало времени, и я буду краток, — сказал легат. — В Риме я виделся с великим инквизитором Микеле Гизлери. Как вы знаете, он доминиканец и недолгоблывает иезуитов, особенно после того унижения, которое потерпел его орден от вас на Тридентском соборе. Он трудился годы, чтобы добиться приговора еретику Пьеро Карнесекки, и почувствует себя счастливым, только когда увидит, как тот всходит на костер.

— Я тоже.

— Да, и брат Гизлери это прекрасно знает. Его враждебность по отношению к иезуитам уравновешивается благодарностью, которую он питает лично к вам. Он просил выразить вам признательность за то, что вы дали ему возможность ознакомиться с перепиской Карнесекки с этой отлученной от церкви гугеноткой, Джулией Чибо-Варано. К сожалению, он мог только перехватывать корреспонденцию и знакомиться с ее содержанием, но не конфисковать.

— Почему? — спросил падре Михаэлис, изобразив на лице удивление.

— Вы же знаете, что корреспонденция поступает на имя Джулии Гонзага, экс-графини де Фонди. Она является посредницей. Вам известно также, что Гонзага после спасения из рук захвативших ее пиратов обитает в монастыре в Неаполе. У брата Гизлери есть там свои соглядатаи, но отважиться на кражу он не может. Письма Карнесекки графине доставляют через Флоренцию надежные курьеры. Но, в сущности, это не важно. Есть одно обстоятельство, которого вы, возможно, не знаете.

— Какое, ваше преосвященство?

— Джулия Гонзага, убежденная еретичка, уже давно поддерживает и подстрекает калабрийских вальденсов. Поделаться с ней ничего нельзя, но это стало известно. Чибо-Варано, скорее всего, очень наивна, если думает, что такая сложная система корреспонденции между Парижем, Флоренцией и Неаполем обеспечивает безопасность. Сам факт, что письма проходят через руки Гонзага, уже компрометирует обоих корреспондентов, и особенно Карнесекки. И по причине глупости своей подруги он практически находится в шаге от ареста.

— Любопытно, — тихо сказал падре Михаэлис, гордясь собой и своим планом, который так великолепно сработал.

Однако он заметил, что кардинал смотрит на него слишком уж пристально, и постарался угадать его намерения.

— Я полагал, что вальденсы Калабрии все истреблены.

— К сожалению, не все. Оказалось недостаточным нанять банды разбойников, чтобы их выслеживать, разрушать их дома, устраивать жестокие казни и продавать в рабство их жен и детей. Даже выставление напоказ изуродованных пытками тел при входах в деревни не отрезвило самых нестигаемых. Те, кому удалось выжить, попрятались в горах или бежали в Неаполь. Там они, к несчастью, нашли себе покровителей, таких как Джулия Гонзага. А она, в свою очередь, находится под защитой своего высокого имени.

Падре Михаэлис покачал головой.

— Воистину, существует известное сообщничество итальянских аристократов в деле укрывательства еретиков от карающей руки церкви. Карнесекки пользуется покровительством великого герцога Козимо Медичи. И до тех пор, пока Папа тоже принадлежит к семейству Медичи, наш приятель сможет спокойно жить во Флоренции, сколько ему вздумается.

— Да, но папы часто сменяются, — прошептал кардинал. — Брату Микеле Гизлери известно, что пока Карнесекки недоступен, но если обстоятельства поменяются, у нас есть неопровержимые доказательства, необходимые, чтобы отправить его на костер.

Тут он сильно понизил голос, так, что его стало еле слышно.

— Перейду ко второй части поручения. Брат Гизлери — человек широких взглядов, и его не заботит то обстоятельство, что вы, бывший доминиканец, перешли в орден иезуитов согласно некорректной процедуре. Он просил дать вам понять, что, как только это станет возможным, он передаст Святую палату во Франции в руки иезуитов. И хочет поручить руководство вам, ибо больше не видит никого, кто был бы этого достоин.

Падре Михаэлис вздрогнул от радости, но быстро скрыл свои чувства, опустив глаза.

— Если вы с ним увидите или будете ему писать, поблагодарите его за доверие. Я постараюсь быть его достойным.

— Тот, кто заслужил, не должен благодарить, ибо награда исходит от Господа.

Ипполит д'Эсте собрался встать, но Михаэлис жестом его удержал.

— Простите, ваше преосвященство, но, пока мы здесь, я бы хотел поделиться с вами одной проблемой, которая не дает мне покоя.

— Говорите, но скорее. Думаю, нас уже ждут, и, потом, здесь невыносимо холодно.

— О, буду очень краток.

Михаэлис поискал слова, чтобы выразиться как можно полнее.

— При королеве-регентше существует сила, которую очень трудно одолеть, — это влияние ее советников Франсуа Оливье и Мишеля де л'Ониталя. И самая большая трудность состоит в том, что Екатерина Медичи окружила себя магами и астрологами, осыпает их почестями и относится к ним как к истинным советчикам.

— Знаю, но поделать ничего не могу. Предрассудки становятся любимым времяпрепровождением суверенов.

— Однако у меня есть доказательства, что многие некроманты, с которыми консультируется королева, принадлежат к некой секте, посвятившей себя демоническим культам.

На лице кардинала отразилось внимание.

— Королева об этом знает?

— Не думаю. И сомневаюсь, что ее легко будет в этом убедить.

— Если у вас есть доказательства, почему бы вам не представить их инквизиции? — Тут Ипполит д'Эсте поджал губы: — Ах да, я же забыл, что во Франции нынче нет инквизиции. Кардинал де Лорена сложил с себя полномочия.

— Да. И потом, мои доказательства связаны с конкретным свидетелем, итальянским магом, который никогда не станет говорить в обычных условиях.

Легат поднялся.

— Говорите, итальянец? Найдите способ прислать его в Рим. Здесь Святая палата еще практикует методы, которые заставляют сознаваться.

Падре Михаэлис в свою очередь поднялся.

— В Рим? Но он состоит при дворе. Мне надо найти предлог.

— Это ваша забота, — с улыбкой ответил кардинал. — Ну же, падре Михаэлис, вы столько раз демонстрировали почти неограниченную изобретательность. Придумайте, как послать вашего мага в Рим, и, уверяю вас, я сделаю так, что его подвергнут строгому допросу. Очень строгому. Надеюсь, вы меня поняли.

Падре Михаэлис поклонился и проводил Ипполита д'Эсте к выходу. Все гости уже были на улице и рассаживались по каретам. Аркебузиры заняли позицию вдоль улицы Сен-Жак, однако толпа, тащившая на костер еретика, скорее всего, уже добралась до площади Мобер. От студентов Сорбонны и следа не осталось. В полном стражи и рассвирепевших горожан квартале любой намек на сопротивление мог закончиться трагически.

Падal легкий снежок. Падре Михаэлис распрощался с разъезжающими гостями и, вместо того чтобы вернуться в коллеж, свернул в боковую улочку. Ему надо было побыть одному и спокойно обдумать все, что он сделал.

С одной стороны, все его проекты увенчались успехом, но с другой — ему не удавалось избавиться от скрытой муки. В его мозгу все время всплывало прекрасное лицо Джулии Чибо-Варано. Он понимал, что использовал ее как пешку в собственной игре. Последним крупным ходом было связать имена Карнесекки и герцогини Гонзага и тем самым пригвоздить Карнесекки к столбу ереси. С любой другой женщиной он бы не церемонился, учитывая святость цели. Но Джулия возбуждала в нем пугающую нежность. Отсюда он много раз повторял себе, что будет и дальше ее использовать, но при этом беречь от всяческих проявлений зла.

Тем более что Джулия продолжала любить Симеони, который не вызывал у Михаэлиса никаких чувств, кроме ненависти. Он намеренно организовал и ускорял деградацию этого человека, сначала сделав его доносчиком, потом пристрастив к вину и, наконец, толкнув на убийство. Но Джулия, казалось, не замечала, как Симеони на глазах превращается в

животное, и по-прежнему была в него влюблена.

Бродя по снегу, падре Михаэлис прикидывал, какой результат может дать следующий шаг, пришедший ему в голову. Он твердо решил под любым предлогом отправить Симеони в Рим и заставить его испытать все прелести пыток Святой палаты. Астролог того заслуживал: он все еще принадлежал к сатанинской секте, занимавшейся оккультными науками. Если он умрет в пытках, то умрет по его, Михаэлиса, желанию. И все же слезы, которые при этом польются из голубых глаз, отнимали у него уверенность во благе того, что он собирался сделать.

«В конце концов, — подумал он, пожав плечами, — можно сделать так, что Джулия останется при дворе, где она вне опасности и прекрасно принята. Рано или поздно она забудет Симеони, и тогда...»

А что тогда? Да ничего. Падре Михаэлис был не из тех, кто способен изменить обету и нарушить целомудрие. Иезуиты резко отличались от всех остальных служителей католического культа, ибо были абсолютно безразличны к плотским удовольствиям. Именно телесная развращенность церковников открывала дорогу так называемой реформе. Его симпатия к Джулии никогда не ослабевает. В конце концов, Бог свидетель, он старается в ее же интересах, раз и навсегда освобождая ее от Симеони. По крайней мере, он изо всех сил старался себя в этом убедить.

Шаг за шагом, он и не заметил, как дошел до церкви Сен Женевиьев, расположенной на макушке холма. Все монахи высыпали на улицу, и было не похоже, что они обсуждают недавнее событие. Их смутил манифест на стене дома напротив монастыря. Двое послушников пытались сорвать его со стены.

— Что там написано, брат? — спросил Михаэлис у монаха, указывая на листок.

Голос монаха прерывался от волнения:

— Это воззвание убить королеву-регентшу! Видите, к чему привел Амбуазский эдикт? Гугеноты обнаглели и теперь замахиваются на монархический порядок! Вот-вот начнется война!

Падре Михаэлис покачал головой.

— Нет, не думаю. Но в одном вы правы: если она и начнется, на карту будет поставлена политическая власть. А это означает войну на уничтожение.

Монах ничего не понял и поспешно ретировался, явно решив, что говорил с сумасшедшим. А падре Михаэлис пошел дальше под снегом небывалой белизны.

ВЫСОКИЙ ВИЗИТ

— Не ходи никуда! Ты уже стар и не можешь бросить вызов чуме, как в молодости! — умоляла Жюмель со слезами на глазах.

— Я еще и сам не знаю, чума там или нет. И потом, у меня к чуме иммунитет.

Мишель отстранил жену и снова стал оглядывать все три своих плаща на предмет, который из них элегантнее. На самом деле они были один старше другого.

— Ну у меня и гардероб! Разве заботиться об одежде мужа не входит в обязанности жены?

Едва произнеся эти слова, Мишель тут же о них пожалел. Жюмель редко плакала, но тут она опустилась на стул возле кровати, и две слезы покатились по ее щекам. Прихрамывая, Мишель подошел к ней и взял за руку, но она отдернула руку.

— Я думаю о твоей жизни, а тебя заботит одежда, — прошептала она, всхлипнув.

— Прости меня, любимая. Я и не думал тебя упрекать.

Мишель нежно сжал ее пальцы и, решив, что она успокоилась, вернулся к одежному шкафу.

Наступило молчание, пока он искал свою неизменную квадратную шапочку. Наконец Жюмель спросила уже более твердым голосом:

— Мишель, ну почему у нас все так неладно?

Он удивился и повернулся к ней.

— Что неладно? У нас подрастают дети, живем мы в достатке, нас считают примерной семьей. К тому же нынче наступил мир, и наши дражайшие соотечественники перестали нам докучать преследованиями. Что же неладно?

Жюмель поднялась, вытерла глаза и нос платочком и отвернулась к окну.

— Неладно то, что я вроде бы и не существую. У меня есть твоя привязанность, и больше ничего.

Смущение Мишеля вылилось в негодование. Ноги болели, поэтому он опустился на краешек постели и сказал, изо всех сил стараясь говорить спокойно:

— Я уже слышал это несколько лет назад, и ты не пожелала ничего объяснить. И все это время давала мне понять, что мысли эти тебя не покинули, и снова ничего не объяснила. Прошу тебя, постарайся помочь мне понять, чего ты хочешь, что тебя тревожит. Я готов во всем тебе соответствовать, но раньше я должен разобраться, в чем дело.

Жюмель немного помолчала, потом прошептала, избегая смотреть на мужа:

— Я завидую Магдалене.

Мишель был настолько поражен, что спинка кровати жалобно скрипнула под его судорожно сжавшимися пальцами. Мука, связанная с памятью о первой жене, с годами притупилась, но не исчезла. Он ожидал всего, чего угодно, но только не того, что воспоминание о Магдалене вызовет Жюмель.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он хрипло.

— Пока я была молодой, я ее ненавидела. Я ревновала ее к твоей любви. Но потом из твоих рассказов и из того, что слышала, я поняла, что за женщина она была. Она бунтовала, сопротивлялась, отчаянно борясь за свое достоинство. Ты ее одолел, но она погибла, борясь с тобой.

Это вторжение прошлого, которое он полагал ушедшим навсегда, было мучительно.

— Ты тоже сопротивлялась, — прошептал Мишель, — и сколько раз...

— Не с такой силой. Я провоцировала тебя, это верно. Чтобы добиться твоей любви, я бросала тебе вызов. А Магдалене было мало твоей любви. Ей хотелось, чтобы ее уважали такой, какая она есть, во всей ее хрупкости и незащищенности.

Жюмель снова вытерла нос.

— Настал момент, и я ушла, но это получилось нескладно, а главное — бесполезно. Мне хотелось быть самой собой, хоть с любовью, хоть нет. И Магдалена хотела быть самой собой, и за это ты ее и любил. Она оказалась сильнее нас обоих.

Мишеля охватили боль и чувство вины. Он хотел ответить, но не смог. Когда же наконец он отыскал нужные слова, на пороге появился Шевиньи. На нем была белая маска с «клювом», а в руке он держал ампулу с каким-то раствором и все время его нюхал.

— Доктор Нострадамус, отчего вы теряете время?

Юноша, видимо, не понял драматизма царившей в комнате атмосферы.

— Король и королева-мать уже у ворот Салона. Видели бы вы это зрелище!

— Иди, Мишель, — сказала Жюмель, подходя к двери. — Договорим в другой раз.

И она почти выбежала из комнаты.

Сидя на краешке кровати, с квадратной шапочкой и дорожным плащом в руках, Мишель чувствовал себя полным дураком. Он сурово взглянул на Шевиньи.

— Что это у вас за вонючая ампула?

— Это смесь на яйце, которая описана в вашем трактате о средствах борьбы с чумой и другими эпидемиями. Она содержит яйцо, измельченный шафран, рвотный корень, корень дягиля, камфору...

— Это средство для приема внутрь, а не для вдыхания. Оно отвратительно пахнет тухлым яйцом.

Шевиньи взглянул на ампулу с удивлением.

— И правда, мне показалось, что оно пахнет не так, как те составы, что готовили вы. Наверное, я перескочил через страницу.

Слегка успокоившись, Мишель поднялся и надел все, что было приготовлено.

— Еще не сказано, что болезнь, обнаруженная в Салоне, — бубонная чума или еще какая-нибудь опасная инфекция. После невиданно холодной зимы всю весну и все лето лили дожди. Сейчас уже осень, и на небе снова облачно. При таком климате лихорадки — нормальное явление. Это сам климат ненормален.

Шевиньи стащил с себя маску с «куриным клювом».

— Простите меня, учитель, вы правы. Мне не хотелось вас торопить, но нам нора. Король вот-вот будет в городе.

— Да, иду. Но вам придется взять меня под руку: мне трудно идти. Да уберите вы эту ампулу!

Внизу Жюмель и Кристина возились с детьми. Жюмель даже не повернулась в его сторону, а он не посмел ничего ей сказать.

Он думал, что придется идти далеко, но королевский кортеж был уже возле замка. Консулы Салона велели возвести на пути его следования триумфальные арки из цветов и посыпать дорогу розмарином. Запах был бы просто восхитительным, если бы не смешивался с терпкими испарениями сырой земли.

Несмотря на собирающийся дождь, все население Салона вышло на улицы. Некоторых горожан явно лихорадило, и их поддерживали родственники. Может, они пришли, потому что надеялись на чудотворную силу, которую приписывали французским королям. Время от времени кого-нибудь из больных отводили в сторонку, поскольку их начинало рвать, или вовсе уводили, потому что они слишком сильно кашляли.

У Мишеля сильно закружилась голова, и он испугался, что упадет. Однако головокружение быстро прошло. Сквозь звон в ушах он расслышал голос Шевиньи:

— Знаменательно, что король и королева-регентша решили сделать остановку в Салоне. Не знаете, что их привлекло в такой маленький городок?

Мишель уже достаточно пришел в себя, чтобы ответить:

— Они путешествуют по всей Франции. Религиозная война пошатнула королевскую власть, и Екатерина Медичи с сыном пытаются укрепить ее в прямых контактах с подданными.

— Как, по-вашему, учитель, это даст какие-нибудь результаты?

— Не знаю, но, конечно, они поступают правильно. И права королева, когда награждает дворян повсюду, куда ни придет. С тех пор как наступил мир, гугенотов стало намного больше среди аристократов, чем среди простого люда или среди буржуа. Этот вояж королевского двора поможет прежде всего успокоить падкое на почести дворянство.

Оба попытались пробиться сквозь толпу, но смогли только пристроиться к концу королевского кортежа, который медленно поднимался в замок Эмнери. Несмотря на пасмурную погоду и промозглую сырость, зрелище было воистину грандиозным, и этим отчасти объяснялось замороженное молчание присутствующих.

Можно было смело утверждать, что вместе с королем и королевой с места снялся весь двор. Узкие улочки не позволяли сразу окинуть взглядом всю свиту, но было понятно, что кортеж состоит из тысяч и тысяч человек. Солдаты, выстроенные вдоль улиц новым правителем Прованса, графом Соммеривом, с трудом удерживали огромную, причудливую человеческую змею. Там были пажи, лакеи и прочая прислуга на все случаи жизни, дворяне верхом, в каретах и в паланкинах. Некоторые ехали с семьями и домочадцами, расположившимися на разнокалиберных повозках. За экипажами двигалась целая армия столяров и плотников, видимо, чтобы обеспечить хозяевам благополучное проживание. Кроме того, в свите состояли священники, солдаты, монахи всех орденов, судьи, нотариусы, администраторы. Можно было подумать, что весь королевский двор отправился в невиданный в истории Франции Крестовый поход.

Мишель спросил себя, каким образом маленький Салон сможет вместить в себя такое количество народа, но потом заметил повозки, нагруженные стойками и тентами, и догадался, что большая часть придворных намерена расположиться лагерем под стенами

города. Он понял, что пребывание на улице ничего не даст. Короля и королевы уже не было видно, а ноги отказывались его держать.

Он проклял свой возраст.

— Проводите меня, пожалуйста, домой, — сказал он Шевиньи.

Юноша, как всегда услужливый, с готовностью начал прокладывать дорогу в толпе.

Зрители проявляли настоящий энтузиазм, хоть по-прежнему и не было слышно громких возгласов, а отдельные приветствия тонули в шуме карет и цоканье лошадиных копыт. На улицах было много ополченцев, которые по случаю украсили шапки красными кокардами. Но они держались спокойно, словно понимали, что от успеха этого королевского вояжа зависит будущее Франции.

Внезапно Мишелю открылось такое жуткое зрелище, что он зажмурился: ему показалось, что одежда всей свиты забрызгана кровью и кровь ручьями течет по улице. Видение тут же исчезло. Он убедил себя, что ему показалось, но снова одежда дворян, плотников и всех, кто двигался к замку, оказалась в какой-то ярко-красной жидкости. И появилась новая деталь: среди людей выросли огромные, в человеческий рост, цветы с мясистыми лепестками и скрученными листьями, которые висели, как причудливые пуповины, а под ногами быстро, как разрастания живого организма, ползли пульсирующие корни.

Мишель услышал гортанный шепот Парпалуса:

Les fleurs passez diminu? le monde:
Long temps la paix terres inhabit?es:
Seur marchera par ciel, mer et onde:
Plus de nouveau les guerres suscit?es.

Цветы увянут, сохранится мир.
И много лет не повторятся войны
На землях, опустевших после битв.
Ну а потом опять начнутся свары³⁶.

Эти строки он написал несколько лет назад, и ему был ясен их смысл. «Fleurs passez», «цветы прошлого» — выражение, которым пользовался Платон для обозначения циклического характера движения Вселенной, введенного Гесиодом. Но возможно, в этом случае слова означали «цветы страсти», то есть анемоны и страстоцветы. Чудовищные растения, тянувшиеся сквозь толпу в окровавленных одеждах, были именно анемонами и страстоцветами. И они возвещали о том, что после длительного перемирия на земле вновь должны вспыхнуть раздоры.

Вглядевшись в образы галлюцинации, Мишель снова почувствовал, что у него кружится голова. Строки говорили о длительном перемирии не «на земле и на море», а «в небесах и на море». Но где это видано, чтобы войны разыгрывались на небесах? И он внезапно понял, что Парпалус имел в виду войны не ближайшего, а далекого будущего, когда даже небо станет полем сражений. Вздвогнув от ужаса, Мишель подумал, к чему может привести такая чудовищная война. Но этот короткий испуг был ничто в сравнении с тем, что открылось ему в следующем видении. Он увидел свет, который был белее самого чистого снега, и ослепительное белое пламя затмило солнце.

— Учитель, что с вами? — встревоженно спросил Шевиньи. — Вы весь дрожите!

Мишель сразу пришел в себя, но глаза все еще слепила эта страшная белая вспышка, наверняка способная испепелить человеческий зрачок. Его утешило только то обстоятельство, что, когда зрение к нему вернулось, чудовищные цветы исчезли. Он всем

³⁶ Катрен LXIII, центурия I. Перевод Л. Здановича.

весом навалился на руку секретаря.

— Отведите меня домой, — снова прошептал он.

Он вернулся домой еле живой от усталости и одышки. Должно быть, Жюмель находилась наверху, потому что дверь открыла Кристина. Мишель с трудом добрал до гостиной и упал на диван, сделав Шевиньи знак оставить его одного.

— Мне надо немного поспать, — сказал он, чуть слукавив.

Сняв шапочку, он откинулся на мягкую спинку и закрыл глаза.

На этот раз видений не было, но пришло ощущение пустоты и неуверенности, которое в его мозгу обрело форму каких-то смутных, волокнистых призраков, летящих в огромную воронку, на дне которой брезжил слабый свет. Этот зрительный образ тоски и отчаяния появился давно, еще тогда, когда он начал впадать в состояние бреда ежедневно, уже без ястребиной травы или магических ритуалов. С тех пор он ощущал себя навечно подвешенным над бездонной пропастью, которая таилась за явлениями повседневной жизни, время от времени приоткрывая иной мир и иную жизнь.

Неизвестное перестало внушать ему страх. Теперь он стал Магом, и такие понятия, как «астральный свет», «тонкое тело», «восьмое небо», «Душа Мира», уже не являлись для него тайной, хотя, пожалуй, последнего ключа ему все же недоставало. Он терялся перед перспективой жизни, в корне отличной от той, что вели нормальные люди, а значит, не имеющей знакомых ориентиров и точек отсчета. Перспектива стать иным сама по себе его не страшила: она его уничтожала, сводила на нет. Ему так хотелось крепче владеть собственной плотью, уберечь ее от полета в неизвестность, в который уже пустилась душа. Но он понимал, что его судьба предначертана. Его уделом стала пропасть.

Наверное, он задремал, потому что, когда прихожая наполнилась шумом, он вздрогнул, как при пробуждении, и увидел, что над ним в волнении склонилась Жюмель.

— Мишель, вставай! Они идут сюда!

— Кто?

— Король и королева-мать! А с ними целая свита придворных!

Из коридора выглянул возбужденный Шевиньи.

— Король Франции наносит визит доктору Нострадамусу! Наконец-то! Такой молодой и такой дальновидный! Он понял, где обитают слава и мудрость!

Мишель протер глаза и сел, выпрямившись. Потом медленно поднялся, пока Жюмель собирала вокруг себя детей.

Кристина уже открыла дверь и без усталости кланялась. Мишель подошел к ней, бегло взглянул за дверь и тоже склонился в низком поклоне.

Ему открылась улица, запруженная людьми в ярких одеждах, всадниками, элегантными дамами. Толпа расступилась, образовав коридор, по которому шел мальчуган, закутанный в горностаевую мантию. За ним шествовала Екатерина Медичи в тяжелом черном плаще, расшитом золотом и серебром. Больше Мишель ничего не мог видеть, ибо стоял, согнувшись, отчего у него разболелись ноги и спина.

Первым вошел правитель Прованса граф Соммерив, молодой аристократ, очень похожий на отца, Клода Танде, только тощий как жердь. Он тоже почтительно склонился, приветствуя короля.

Мишель почувствовал, как его легонько тронули за плечо, и понял, что можно выпрямиться. Он увидел перед собой мальчика в горностаевой мантии. Лицо у мальчугана было симпатичное, хотя и слишком серьезное для его возраста.

— Добро пожаловать в мой дом, сир, — тихо сказал Мишель. — не готов к такой высокой чести.

За спиной мальчугана некрасивое лицо Екатерины Медичи озарилось улыбкой.

— Мы разрешили себе вторгнуться к вам без приглашения, доктор Нострадамус, как к старому другу.

Мишель снова поклонился.

— Ваши слова наполняют меня радостью, моя королева. Я и моя супруга смущены

такой честью и просим вас располагать нами, вашими верными подданными. Мы сделаем все возможное, чтобы вам угодить.

— О, ваша супруга... — сказала Екатерина и двинулась по коридору навстречу Жюмель, которая, держа на руках маленькую Диану, в замешательстве пыталась заставить остальных пятерых поклониться королеве.

— Какая красавица, — заметила королева после короткого осмотра.

В ее словах не было зависти, но чувствовалось, что сравнение имело место.

Видимо, чтобы преодолеть смущение, Жюмель указала Екатерине на мирно спящую Диану.

— Это наше последнее дитя, — робко сказала она.

— Какой очаровательный ребенок! — воскликнула Екатерина и ласково погладила малышку по головке. — Но она уже достаточно большая и, наверное, умеет ходить.

— Да, уже бегают. Она заснула, вот я и держу ее на руках.

— Она похожа на куклу, — произнес Карл IX, скорее из чувства долга.

На самом же деле его глаза с любопытством разглядывали обстановку дома.

Тем временем придворные вместе с консулами Салона начали заглядывать внутрь. Среди них Мишель узнал и мельника Лассалья, который ему дружески улыбнулся. Однако ему было не до Лассалья: главной задачей было разместить всю эту толпу в маленьком доме.

Екатерина Медичи вывела его из растерянности.

— Я и король хотели бы побеседовать с вами приватно. Не могли бы вы проводить нас в ваш кабинет?

— Конечно, ваше величество. Но вы увидите маленькое и темное помещение.

Придворные остались внизу на попечении графа Соммерива, а Мишель, слегка оглушенный, повел юного короля и его матушку наверх, в кабинет. В кабинете было пыльно, но, в общем, царил порядок. В открытое окно проникал свет солнца, в этот момент закрытого облаками.

Мишель указал гостям на бронзовое кресло и на немногие стоящие в кабинете стулья.

— Располагайтесь, пожалуйста, где вам будет удобнее, ваше величество. К сожалению, это все, что я могу предложить.

— Спасибо, мы постоим.

Карл подошел к астроблюду и с мальчишеским интересом принялся ее разглядывать. Потом обнаружил в углу спящего котенка, свернувшегося клубочком, и начал ласково его гладить и почесывать ему мордочку.

Королева следила за сыном с явным смущением, потом ее круглые глаза уставились на Мишеля.

— Вы получили бумаги, где вас назначают советником и придворным медиком короля?

— Да, ваше величество. Хочу от всего сердца выразить вам благодарность за высокую честь и за привилегии, которые вы, в доброту вашей...

— Да будет вам...

Екатерина указала на сына:

— Как, по-вашему, сколько он проживет?

Вопрос, заданный так неожиданно, застал Мишеля врасплох. Он посмотрел на Карла IX и только тут разглядел, какое хрупкое тело скрывается под мантией и какое болезненное у мальчика лицо. В лучшем случае он проживет еще лет десять, но не больше. Это Мишель подумал про себя, но вслух произнес:

— Он умрет старше девяти лет, моя королева.

— Вы говорите нам правду?

— Как я мог бы солгать?

Последняя фраза вовсе не была уверением, но ее хватило, чтобы королева успокоилась. Пока она обдумывала следующий вопрос, в ее мутных глазах снова появился страх.

— Мы собираемся сочетать короля браком с Елизаветой Английской. Как вы думаете, это возможно?

Мишель снова смутился. Карлу IX было пятнадцать лет, но выглядел он намного моложе, Елизавета же в свои тринадцать смотрелась уже зрелой женщиной. Но, поскольку он решил во всем угодить Екатерине, пришлось продолжить в том же духе:

— Конечно, ваше величество. Я нахожу идею превосходной. Этим вы окажете честь английской принцессе.

— Мы думаем так же, — серьезно кивнула Екатерина. — И последний вопрос, доктор Нострадамус. Мы опасаемся, что в предстоящем году скажутся трагические последствия неразумной религиозной войны прошлого года, обагрявшей кровью наше королевство. Однако верим, что хотя бы в тысяча пятьсот шестьдесят шестом году в наши земли вернется мир. Что вы об этом думаете?

Все видения Мишеля говорили об обратном. Он помнил, как визгливый голос Парпалуса описывал ему толпы ожесточенных гугенотов, снова громящие церкви и монастыри. И он солгал в третий раз:

— Ваше величество, тысяча пятьсот шестьдесят шестой год будет самым счастливым годом вашего правления.

Однако на этот раз его голос прозвучал не столь уверенно. Дело в том, что он увидел себя самого в могиле. Он безучастно провожал глазами лопаты земли, падающие сверху.

Королева ничего не заметила и счастливо улыбнулась.

— Я и король очень вам благодарны, доктор. Мы направляемся в Арль, где намереваемся побывать немного. Присоединяйтесь к нам, если можете. Мы будем счастливы вашему соседству.

Мишель отогнал мрачное видение.

— Я с радостью повинуюсь вам, ваше величество, — ответил он с поклоном.

Между тем Карл IX, устав возиться с котенком, взял со стола кольцо в форме змеи и внимательно его разглядывал.

— Глядите, мама, как искусно вырезана змея, совсем как живая.

Мишель вздрогнул. Он сразу вспомнил, как в прошлом году им с Франсуа Бераром показалось, что кольцо ожило и поползло по столу. Его испугало, что сейчас снова начнется неожиданный контакт мира видимого с миром скрытым, и он поспешил взять кольцо из рук мальчика.

— Сир, — постарался он сгладить неловкость, — пожалуйста, не трогайте этого кольца. Некоторые вещи только кажутся неодушевленными и в неопытных руках могут быть опасны.

Екатерина Медичи вытащила из-за воротника цепочку с медальоном.

— Как этот медальон? Знаете, иногда он жжет, как будто его накалили.

Она прислушалась к шуму на первом этаже.

— Сейчас времени нет, но в Арле вы объясните мне причину такого чуда.

Смущенный Мишель склонил голову в знак повиновения.

РАСШИФРОВАННАЯ РУКОПИСЬ

— Это временная резиденция, — сказал кардинал Маркус Ситтих д'Альтемпс, проводя падре Михаэлиса во двор внушительного здания в центре Рима. — Семья Содерини предоставила мне этот дом на время последней сессии Тридентского собора, но я собираюсь его купить и жить здесь вместе с моим сыном Роберто.

Михаэлис не нашел ничего предосудительного в том, что прелат так свободно говорит о недавно родившемся сыне. У многих римских кардиналов имелось потомство, и они даже не пытались это скрывать. Он с восхищением оглядел трехъярусный внутренний дворик, фонтан с мозаикой и взглянул на приятеля.

— Я знал вас солдатом, потом епископом, и вот вы кардинал. Какова будет следующая ваша метаморфоза?

Д'Альтемпс улыбнулся, и его жесткое лицо смягчилось.

— А ваша? Я тоже оставил вас доминиканцем, а теперь вы иезуит и к тому же один из самых влиятельных во Франции. Что же до ближайшей метаморфозы, которая вас ожидает...

Он слегка понизил голос.

— Думаю, вам о ней скажет лично брат Микеле Гизлери, как только окажется здесь.

Падре Михаэлис не ответил и пошел за хозяином через дворик. В фонтане плавали пластинки льда. Зима 1564 года в Риме тоже отличалась суровостью, но не шла ни в какое сравнение с тем, что творилось во Франции.

Д'Альтемпс остановился под сводом портика, украшенного римскими статуями.

— Я просил вас прийти раньше назначенного времени, чтобы поговорить об этой рукописи, «Arbor Mirabilis». Думаю, вас эта тема тоже интересует.

— Да. Вы сообщили, что нашли ключ к шифру, и больше ничего.

— Простите меня. После назначения кардиналом понтифик послал меня легатом в Германию, и только по возвращении в Рим я смог продолжить исследование этого необычного произведения. Но пойдёмте в мой кабинет.

Они прошли мимо входа в помещение, похожее на маленький театр, свернули налево и поднялись по лестнице. Кабинет прелата располагался на верхнем этаже, рядом с расписанной фресками лоджией. Изысканная служанка, проверявшая, не погасла ли печь, присела в поклоне и выскользнула из комнаты. От Михаэлиса не укрылся не совсем невинный взгляд, который бросил на нее кардинал. Ему это не очень понравилось, но потом он решил, что кардинал молод, а здесь, в Риме, служанки годятся для любой службы...

Д'Альтемпс снял красную скуфью со светлых вьющихся волос, подошел к стене, обитой дорогими, голубыми с серебром, обоями, порылся в книжном шкафу небольшой библиотеки, вытащил рукопись и положил ее на стол орехового дерева.

— Бьюсь об заклад, что вы помните эту книгу.

Еще бы падре Михаэлис ее не помнил! Он с волнением перелистал выцветшие страницы, покрытые странными знаками, на которых только иллюстрации сохранили живость красок. Снова перед его глазами замелькали переплетения невиданных растений, обнаженные женщины в бассейнах с жидкостью или под странными балдахинами, незнакомые созвездия какого-то другого космоса, вереница знаков зодиака.

Понятно, почему он так волновался, когда спросил:

— И вам все это удалось расшифровать?

— Не все, но почти все, — не без гордости ответил д'Альтемпс. — Садитесь, сейчас объясню.

Михаэлис уселся в кресло перед письменным столом. Тусклого зимнего света, проникавшего через единственное окно, было мало, и кардинал зажег свечи, вставив канделябр в стенной рожек. Устроившись в глубоком кресле с соломенным сиденьем, обитым бархатом, он сдвинул на край стола бумаги и чернильницу, взял рукопись из рук иезуита и раскрыл ее с религиозным почтением.

— Мне понадобились годы, чтобы подойти к приемлемой разгадке, — начал он. — Но я никак не ожидал, что мне откроется нечто настолько богохульное и ужасающее.

— Ваше преосвященство, не заставляйте меня сидеть как на иголках, расскажите, что там.

— Приступим по порядку. Я начал с того, что проверил периодические повторы слов и букв. И здесь меня ждал первый сюрприз. Многие буквы совпадали многократно, с минимальными изменениями. Если же не совпадало написание слова, то часто повторялись первые буквы. Возможно, неизменными оставались суффиксы. Но ни один из знакомых мне языков не следует таким странным грамматическим правилам.

— Следовательно, это искусственный язык, может быть, лишенный смысла.

— Я тоже так подумал, но быстро отказался от этой гипотезы. Кому придет в голову исписывать целые страницы лишними смысла значками? Кроме того, тезис о бессмыслице опровергается наличием определенной логики. Очень логичны рисунки, и одинаковым рисункам соответствуют одинаковые надписи. Буквы следуют друг за другом в строгом

порядке, причем одни из них явно гласные, а другие согласные. И очень мало случаев, когда гласные и согласные появляются не на месте. Нет, написание отражает вполне рациональную фонетику. Выдуманный язык пренебрегал бы этими мелкими совпадениями, так что язык рукописи был настоящим, в этом сомневаться не приходилось. Но как его прочесть?

Михаэлис наморщил лоб.

— За то время, пока рукопись была у меня, я задавал себе этот вопрос много раз. И не пришел ни к какому решению.

Д'Альтемпс улыбнулся.

— Только мне этого не говорите. Вы не знаете, сколько я с ним намучился, день за днем... А потом в моем мозгу вдруг возникла догадка, которая решала и проблему алфавита, и проблему содержания текста.

— Объясните, пожалуйста.

Кардинал обмакнул перо в чернильницу и взял чистый лист бумаги.

— В детстве я решил изобрести свой собственный тайный язык, расшифровать который мог бы только я. Думаю, что такое желание возникает у многих детей, кому посчастливилось уметь читать и писать. И знаете, что я сделал? Я взял обыкновенный латинский алфавит и искажил его. Некоторые буквы я оставил, как есть, но поменял их места в алфавите, а остальные растягивал, переворачивал вверх ногами, добавлял украшения или, наоборот, лишал элементов, укладывал на бок. В результате действительно получился алфавит, не понятный никому, кроме меня. Зная его истоки, я без труда определял, как звучит та или иная буква.

Объясняя, прелат набросал на бумаге несколько знаков. «В» теряла некоторые детали и становилась похожей на «К»; «R», лишившись ножки, превращалась в «P»; у «A» исчезала перекиладина, и вверх ногами она трансформировалась в «V»...

— Вы хотите сказать, что алфавит «Arbor Mirabilis» отражает какой-то другой? — спросил Михаэлис.

— Букву за буквой. Естественно, алфавит, который изобрел я, базировался на моем родном языке, немецком. Но в случае с рукописью сам по себе язык является проблемой. Понять матрицу языка для меня означало большой шаг вперед.

— И что же это за матрица?

Коптский³⁷, вне всякого сомнения. Хорошая половина знаков, больших и маленьких, более или менее деформированных, очень похожа на буквы коптского алфавита. Но бывает, что сходство сомнительно. Тогда я установил нечто вроде шкалы подобия, с ценностью от одного до пяти, где один — максимальная степень совпадения, а пять — минимальная.

Д'Альтемпс пролистал рукопись и вытащил из нее сложенный листок с начерченной на нем сеткой.

— Смотрите! Вот, в первой колонке, коптский алфавит. Следующие пять колонок показывают степень его подобия буквам «Arbor Mirabilis».

Михаэлис кивнул.

— Предвижу ваш следующий шаг.

— Он очевиден. Я составил таблицу подобия каждой буквы рукописи со звуками, которым соответствуют наиболее сходные с ними буквы коптского алфавита.

Кардинал перевернул страницу. На другой ее стороне была начерчена таблица в две колонки: слева буквы «Arbor Mirabilis», справа буквы или группы букв латинского алфавита.

— Но здесь иногда одной букве коптского алфавита соответствуют несколько звуков, — заметил Михаэлис.

— Да. В некоторых случаях это мои неточности, которых полно и сейчас. В других

³⁷ Копты — египетские христиане, представители одной из самых древних ветвей христианства. Они пользовались на письме не иероглифами, а алфавитом, близким к греческому. (Прим. перев.)

случаях так получается потому, что звук иногда претерпевает незначительные изменения, и «ТН» может превратиться в «V» или в «F». Дело в том, что не всегда фонемы удастся передать графически. — Д'Альтемпс приподнял плечи. — Но не хочу вас излишне утомлять. Я взял одну из наиболее впечатляющих страниц, семьдесят девятую, ту самую, где нарисована женщина с распятием в руках, под балдахином, от которого отходят какие-то странные, возможно органического происхождения, каналы. По каждому из каналов к другим обнаженным женщинам течет темная жидкость, растекаясь внизу страницы лужей, и из нее пьют собаки, гиены и прочие ужасающего вида животные.

— Да, я хорошо помню.

— Я применил свой ключ к первому слову и никогда не забуду своего чувства, когда увидел результат. Слов было два: GOD FATHR³⁸ или, проще говоря, GOD FATHER.

³⁸ Бог Отец (староангл.) . (Прим. перев.)

			5	4	3	2	1
Α	ALFA	A	α	α			
Β	UETA	V		β			
Γ	GAMMA	G		γ			
Δ	DELTA	D		δ	δ		α
Ε	EPSILON	E				ε	
Ζ	ZITA	Z		ζ		ζ	
Η	ITA	Λ, Ε			η		
Θ	THITA	TH			θ	ε	
Ι	IOTA	I	ι				
Κ	KAPPA	K					κ
Λ	LAOULA	L		λ	λ		λ
Μ	MI	M	μ	μ			
Ν	NI	N		ν			
Ξ	XI	X					ξ
Ο	OMICRON	O	ο				
Π	PI	P		π			
Ρ	RO	R		ρ			
Σ	SMA	S	σ				
Τ	TAU	T		τ			τ
Υ	IPSILON	Y				υ	τ
Φ	PHE	PH					φ
Χ	CHI	CH		χ			
Ψ	PSI	PS				ψ	
Ω	OMEGA	δ	ω				
Θ	SCHAI	SCY					ω

α, α	
β	τ
γ, γ	
δ	
ε	
ζ	
η, η, η	
ι	
κ	
λ	
μ	
ν	
ξ	
ο	
π	
ρ	
σ	
τ	
υ	
φ	
χ	
ψ	
ω	

— Английский! — прошептал потрясенный падре Михаэлис.

— Да. И это не могло быть случайностью. Но следующие слова не все были на английском, только некоторые повторяющиеся выражения, такие как THOU DAUGHTER³⁹; другие явно принадлежали к иным языкам, а некоторые пока вовсе не имели смысла. Если вам интересно, то вот расшифровка полной страницы.

Д'Альтемнс вытащил из рукописи еще один листок и протянул иезуиту.

— Оставалась очень серьезная проблема: разгадать смысл тех фраз, связь которых с рисунками от меня ускользала. И тут пришло новое озарение. Алфавит представлял собой один из вариантов коптского, с включениями из демотического⁴⁰ египетского. Теперь мы знаем, что утраченные тексты гностической ереси были написаны на коптском. Из немногих греческих папирусов магического толка, хранящихся в Ватикане, нам также известно, что существовал особый гностический тип магии, в котором смешались демоны христианские, еврейские и египетские и в котором силой обладали последовательности слов либо одинаковых, либо повторенных с небольшими вариациями.

— Ритуал! — воскликнул падре Михаэлис. — «Arbor Mirabilis» — это магический ритуал!

— Да. Скорее, сборник ритуалов, возможно выписанных из коптских гностических рукописей. Повторенные слова и одинаковые окончания в точности соответствуют такому типу магии, по крайней мере тому, что мы о ней знаем. Фразы же на английском, итальянском, греческом и латыни представляют собой частичный перевод с оригинала, главным образом в тех фрагментах текста, которые соединяют магические формулы. Это я могу сказать с уверенностью.

— А рисунки? Они не похожи на те, что встречаются в греческих, арабских или александрийских магических книгах, и еще меньше — на те, которыми пестрят книги наших некромантов. Здесь мы имеем дело с изложением какой-нибудь еврейской или халдейской системы.

— Вы правы, сходства никакого. И знаете почему?

Кардинал сделал многозначительную паузу перед тем, как перейти к самой драматической части своего открытия.

— «Arbor Mirabilis» относится к совершенно незнакомой теологии и к такой безумной космогонии, что ее можно считать богохульством.

Падре Михаэлиса начинало уже раздражать, какими маленькими порциями кардинал дозирует информацию о своем открытии, и он почти потребовал:

— Если вам известно, что это за теология и космогония, скажите наконец!

Д'Альтемнс кивнул.

— Вы правы. В рукописи то и дело попадают периодически повторяющиеся слова как мертвых, так и функционирующих языков: CASTER, ASTER или DAUGHTER, OYSTER. Все они относятся к женской магической символике, к системе жизненных функций или же к чудесным космическим явлениям.

— Меня это не удивляет, — сказал падре Михаэлис. — Почти все человеческие фигуры на иллюстрациях — женские, и часто они помещены внутрь человеческого тела.

— Совершенно верно! И заметьте: у женщины со страницы семьдесят девятой царственный облик, в руке у нее распятие. Вы наверняка читали Иринея. Вспомните Барбело, женскую сущность, источник света. Она входит в еретическую Троицу: Отец, Мать и Сын.

— Помню, но...

³⁹ Дочь Твоя (*староангл.*) . (Прим. перев.)

⁴⁰ В Египте существовало демотическое письмо, т. е. предназначенное для простых людей (демоса), и иератическое, предназначенное для жрецов. (Прим. перев.)

— Ведь это все объясняет! Женские фигурки из «Arbor Mirabilis», помещенные в сосуды и сложные нервные сплетения тела, намекают на космос, включающий в себя женское начало и функционирующий благодаря тому же женскому компоненту. Для автора рукописи Божественность есть Женщина, и женскую сущность имеет та энергия, что заставляет пульсировать космос. Отдаете себе отчет, насколько все это чудовищно?

Падре Михаэлис отдавал.

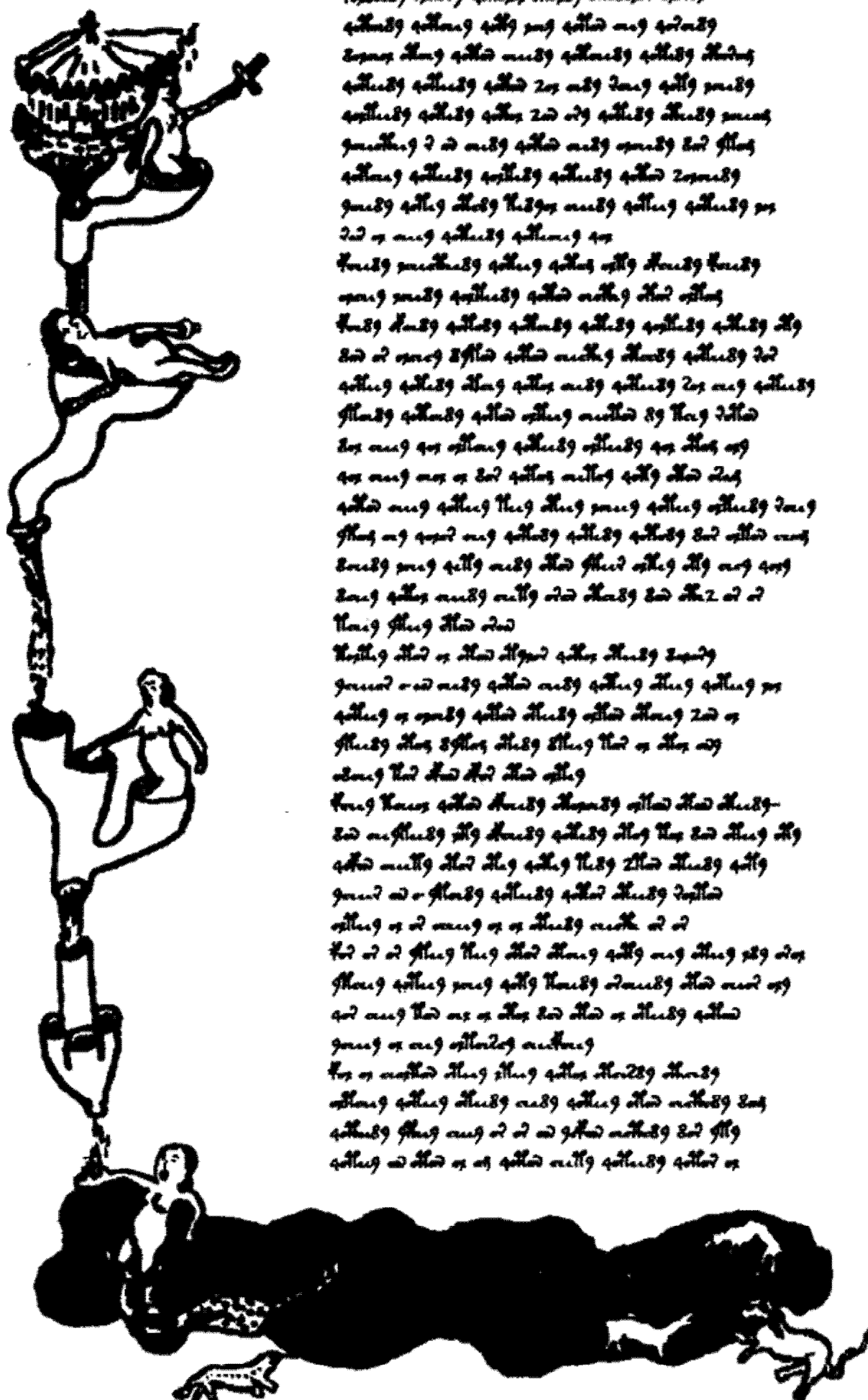
— Адам и Ева на одном уровне, без различия по степени греховности. Солнце и Луна равны, и нет качественного отличия дня от ночи, добра от зла... Я помню такую иллюстрацию.

— Да, она открывает раздел астрономии, и не случайно.

— Итак, «Arbor Mirabilis» — чисто колдовской текст, апеллирующий к женской сути Божества.

Д'Альтемпс покачал головой.

— Я тоже так думал, но это не совсем так. На первых страницах раздела, посвященного женской космологии, есть фигурка мертвой женщины. И на странице семьдесят девятой, где наверху изображена женщина, торжествующая в своей духовности, внизу происходит некое падение в материю: растекается лужа крови, у которой кормятся чудовища. Я не могу настаивать на точности своего предположения, но подозреваю, что эта часть нацелена на убийство женского начала в божественной сущности космоса. Или, наоборот, на ее возвеличение и восхваление, а не на уничтожение, как говорят формулы.

GOD FATHER O DIO HER DO YO DOD O YO DTH
CTHULUH O-KOHOD

DO Y ASTHER DO Y AS ER DOYER DAER DO I A
DO HATHER

TO LAOL O Y AR DO YAÕ ASTHER DO Y ASTHE
ETHER O Y AR AM

DO YSSTHER DO YSSTHER DO YAÕ GOD AT HE
ER DOYER LAST HER

DOD YSSTHER DO YSTHER DOYOD HO OHER
YSTHER OYSSTHER D AS AL

RASSYSER HO ASTHER DOIN ASTHER OD ASTH
RYAL

DOY ASER DO YSSTHER DOD YSTHER DO YSST
DO YO SOD ASTHER

RASTHER DOYS ER OYSTHER IS THER OD ASST
DO YSSER DO YSSTHER DOD

KAH OD ASSER DO YSSTHER DOYS AS ER DOD
GASTHER DASH YSTHER DO YSSER DO I AM O

GASTHER GASTHER

O DASER DASTHER DOD YSTHER DO YAÕ ASH
AR ODYAL

GATHER O GATHER DOYS HATHER DOY ATHER
YSTHER DOD YSTHER DO YSTHER OY ER

TAO AH O DASER THER YAÕ DO I AM ASHTER
ATHER DO YSSTHER KOH

DO YSSER DO YSTHER O Y AR DO YOD ASTHER
YSSTHER SOL AS ER DO YSSTHER

RYATHER DOY AT HER DO YAÕ OLYSSER ASO I
THER YAR HO YAÕ

THOD ASSER DOD ODYAS ER DO YSSTHER OD
YSSTHER DOD O I AM OD ER

DOD ASSER AOL OD THAH DO I AM AS IS ER DO
I AM OSAL

DO I AM ASSER DO YSSER YSSER O YSSER DAS
YSSER OD YSSTHER HAS ER

RYAL AR DODAH AS ER DO VSHTER DO YSTHE

YAS ER RYSS ER SYAN OHOO
 YODYSER OY AR OD O YAŌ OYERDOH DO YOD
 OYSSITHER THAD AHER
 RASSAKH O AO OSSTHER DO I AM ASTHER DO
 OYSSER DOYSSER DOD
 DOYSSER OD ODATHER DO YAŌ OYSSITHER OI
 OY AS ER SOUL
 RYSSTHER OYAL THERYAL OYSTHER THYSS ER
 OD O YOD OMER
 OTHASER YAH OGAO OGAR O I AM ODYSER
 GASER YASOD DO I AM O GASTHER OYAD ATH
 OIO OYSSITHER
 TO ASER YSSTHER DYER O GASTHER DO YSTH
 OYSCHER YAD TO OYSSER OSER
 DOG AM ASSYER OY AR OYS ER DOYS ER YSTH
 OYSSITHER DOYER
 RASSH AM O ER YATHER DO YSSTHER DO YAH
 OYSSITHER HOD YAM
 ODYSSER OD OKH OASS ER OD OD OYSSITHER
 AH OH
 FOR AH OH RYSSER YSSER O YAH OYASER DOY
 ER OYSSER DTHER O-KHAD
 RYASER DOYSSER DASER DOYER YASTHER OH
 ASSTHER O YAŌ ASOH ODER
 DOH ASSER I AM AD OD O YOD THAN OI AM OI
 OYSSITHER DO I AM
 RASSER OD ASER ODYASC HER ASSEASER
 GOD OD AADIAM OYSSER DYSSER DO YAD OY A
 OYIATHER
 ODYASER DOYSSER OYSSITHER ASTHER DOYSS
 AM ASCHTER THAL
 DO YSSTHER RYSSER ASSER OH OH AM ERSGA
 ASHYSHER TAO RYER
 DOYSSER AM OI AM OD AM DO I AM AS YER

— Любопытно, — прошептал падре Михаэлис. — Любопытно и пугающе. Но, насколько я помню, большая часть этой рукописи представляет собой гербарий из невиданных трав.

— Не из невиданных, но, конечно, из малоизвестных. Не знаю, что это значит, но один из рисунков напоминает мне растение с массивными семенами, которое мне когда-то показывал ваш собрат-иезуит Франческо Саверио, когда вернулся из Азии. Другие же травы и цветы были похожи на бразильские. Впрочем, все они очень плохо нарисованы.

— Я припоминаю еще корни, похожие на артерии, и человеческие фигурки внутри стеблей.

— Верно. Подозреваю также, что такого типа ярко раскрашенные фигурки служили для медитации и для достижения некоего высшего знания. Точно так, как в «Духовных упражнениях» Игнация Лойолы, руководстве по развитию воображения. С той только разницей, что там нет никаких диковинных растений.

Падре Михаэлис уже собрался высказать очередное скептическое соображение, как вошла служанка.

— Брат Микеле Гизлери прибыл, — возвестила она с изящным поклоном.

— Проведи его прямо сюда! — крикнул д'Альтемпс.

Когда великий инквизитор появился на пороге, падре Михаэлис не поверил своим глазам. Всемогущий глава Святой палаты оказался лысым, с клочковатой бородой, человеком лет шестидесяти. Маленькие добродушные глазки, тонкий нос над мясистым ртом и старая, залатанная во многих местах доминиканская ряса — все это создавало впечатление полной заурядности.

Однако вошедший стоял выше их на иерархической лестнице, поэтому оба, и кардинал д'Альтемпс, и падре Михаэлис, почтительно встали. Не обращая внимания на поклоны, инквизитор направился прямо к иезуиту.

— Вам бы следовало носить такое же платье, как у меня.

Падре Михаэлис смешался и поспешил выйти из затруднения:

— Брат мой, служить Господу можно в любой одежде.

— Самое лучшее — это ее не менять.

В кабинете и так было довольно прохладно, но теперь температура, казалось, резко поползла вниз. Д'Альтемпс постарался снять напряжение.

— Брат Гизлери, я показывал своему другу старинную магическую книгу, созданную доселе невиданной дьявольской сектой.

— Думаю, она из собрания, принадлежавшего этому бедолаге, Габриэле Симеони. Он мне о ней талдычит уже много месяцев. Сначала он не хотел говорить, но слишком ослаб, чтобы выдерживать пытки. Боюсь, однако, что он помрет у меня в руках, на веревках или под железными щипцами.

Падре Михаэлис почувствовал, как грудь его наполняется дикой, непонятной радостью. Подавив это странное чувство, он тихо спросил:

— Так Симеони заговорил?

Кроткий взгляд инквизитора вдруг стал ледяным.

— Я же сказал, он слишком слаб, чтобы сопротивляться. Похоже, он имел склонность к вину и еще ко множеству предосудительных вещей. Боль часто приводит его в состояние бреда, и тогда он начинает поносить служителей церкви.

Михаэлис застыл.

— Предполагаю, что нахожусь в их числе.

— Правильно предполагаете. Однако успокойтесь, я высоко оценил работу, которую вы провели в деле обвинения Карнесекки. Джулия Гонзага очень больна. Достаточно очередного ухудшения — и вся ее корреспонденция в моих руках. Тогда ее любимого еретика не спасет и сам герцог Тосканский.

Произнося эту тираду, брат Гизлери покосился на кардинала д'Альтемпса. Тот улыбнулся.

— Брат Гизлери, я состою в родстве с Медичи, но принадлежу к миланской ветви рода. И потом, вы прекрасно знаете, что я никогда не стал бы вмешиваться в защиту еретика. Тот, кто этим займется, будет мне весьма подозрителен. Думаю, что и вам тоже.

Великий инквизитор подошел к креслу, где раньше сидел Михаэлис, и опустился в него.

— Именно с таким случаем я и столкнулся. Несколько дней назад в Рим примчалась любовница Симеони, некая Джулия Чибо-Варано. В полном отчаянии она явилась ко мне, несмотря на то что отлучена от церкви... Полагаю, падре Михаэлис, вы с ней знакомы.

Иезуит вздрогнул. Сердце у него бешено колотилось, когда он ответил, безуспешно пытаясь изобразить равнодушие:

— О да... Я думал, она в Париже. Никак не мог себе представить, что она явится сюда.

— Откуда такая уверенность? Вы приставили к ней слежку?

Михаэлису все никак не удавалось успокоиться.

— Да... то есть нет... но я знал, что она при дворе.

— Но она здесь и рассказывает гораздо больше, чем ее возлюбленный.

— Вы... ее арестовали? — Голос иезуита дрожал, но он ничего не мог с собой поделать.

В глазах брата Гизлери появилось ироническое выражение. Он обладал необычайной способностью мгновенно менять выражение глаз, словно в нем жили сразу несколько душ.

— Нет, хотя вполне мог это сделать, учитывая, что она отлучена от церкви и связана с колдуном. Хотя она, по правде говоря, уверена, что отлучение с нее снято благодаря вмешательству Алессандро Фарнезе. Я с ним говорил, и он такой факт полностью отрицает.

Падре Михаэлис сглотнул.

— Но вы собираетесь заключить ее в тюрьму?

— Успокойтесь, не собираюсь.

Это «успокойтесь» прозвучало сардонически, словно инквизитор говорил иезуиту: «Учтите, что мне все известно».

— Эта женщина мне полезнее на свободе. Пока я не разрешил ей свидания с ее некромантом, но дал понять, что дальнейшие разоблачения могут заставить меня сменить позицию. Она целые дни проводит в моей прихожей. Ей еще не понять, что, увидев Симеони, она его вряд ли узнает: в нем не осталось ничего человеческого.

Падре Михаэлис был потрясен и не знал, что сказать. Воцарилось долгое молчание, которое нарушало только шуршание листов рукописи в руках д'Альтемпса. За окном пошел снег.

Глаза брата Гизлери снова поменяли выражение и стали приветливыми, почти веселыми.

— Ну же, падре Михаэлис, не будьте таким мрачным. Сейчас я сообщу вам прекрасную новость. Я уже порекомендовал вас на должность великого инквизитора Франции, на место кардинала де Лорена. Это настроит против меня мой орден, который не склонен выпускать из рук бразды правления таким важным органом, как инквизиция, но меня это мало заботит. Ваша деятельность в отношении Карнесекки убедила меня, что никто, кроме вас, недостойн этой должности.

— Понтифик не утвердит моего назначения.

— Кто знает! Его здоровье сильно пошатнулось. Надеюсь, конечно, что Господь будет его хранить, но боюсь, что долго он не протянет. Что-то говорит мне, что все ваши надежды будут сбываться, неизменно и неуклонно... пока не появятся новые обстоятельства, которые смогут этому помешать...

Первая фраза инквизитора сразу освободила падре Михаэлиса от всех тревог, после последней он снова помрачнел.

БЕЛАЯ СМЕРТЬ

После дождей, холодов, наводнений, засух и преходящих эпидемий на Прованс обрушилась черная чума. Она начала проявляться в худших своих признаках под беспощадным солнцем лета 1565 года.

Мишель уже целые годы не видел вереницы повозок с умершими, не слышал криков *alarbres*, ему навстречу не попадались шеренги медиков в тяжелых кожаных жилетах и «клювах», окуривавших город. Все это напомнило бы ему молодость, да только Салон теперь был не тот: разрушенный, измученный город притих под слоем песка и тонкой пыли. Чтобы понять, как изменились времена, достаточно было бросить взгляд на полуразрушенные, заброшенные дома, плоды недавней гражданской войны.

— Ну вот, свой долг я исполнил, — прошептал он, выходя от нотариуса Жана Роше.

Шевиньи заботливо его поддерживал.

— И даже слишком, — отозвался секретарь. — Сто пистолей на содержание канала Крапонне! Вы и ваша жена намного щедрее многих салонских нотаблей!

— Мальчик мой, если бы не этот канал, Салон голодал бы сейчас, как голодает большая часть Франции. Благодаря этой ниточке проточной воды мы можем обмывать умирающих и содержать лазарет в чистоте. И не случайно здешнее население, несмотря на пятьдесят умерших, решило остаться в городе и пытается заниматься своими делами. Если уйти в другие места, можно найти больше врачей, но меньше воды. Вода — это жизнь.

Произнося эти слова, Мишель наблюдал за двумя санитарями в похожих на птичьи клювы масках, пропитанных ароматическими растворами, со стеклами для глаз, которые пытались войти в дом к больному. Темноволосая девушка кричала, высунувшись в окно:

— Здесь нет зачумленных!

Но это была истерическая ложь, потому что лицо девушки покрывала землистая бледность, и она то и дело трогала болевшие подмышки.

— А кроме воды, вы ничего не делаете для больных? — спросил Шевиньи. — С вашим колоссальным опытом вы могли бы быть очень полезны.

— Да, почему вы ничего не делаете? — загремел у них за плечами чей-то бас.

Владелец громогласного баса тоже вышел из дома нотариуса Роше. На нем была военная форма с гербом графа Соммерива. Он, казалось, питал полное равнодушие к тому, что творилось в городе, и держал под мышкой снятый шлем, хотя тот мог служить неплохой защитой от инфекции.

— А, это вы, Триполи, — радушно сказал Мишель. — Прежде всего, спасибо, что засвидетельствовали дарственную. Что же до вашего вопроса, у меня есть две причины, по которым я не могу включиться в работу. Первая: боюсь, то, что я принимал за подагру, на самом деле водянка. Я по нескольку дней не могу помочиться, и жидкость уходит в ноги, непомерно их раздувая. Я уже почти не могу передвигаться.

— Вам и не надо двигаться! — воскликнул Шевиньи, крепко прижимая к себе учителя, словно тот мог ослабеть прямо у него на руках. — Я сам могу приготовить яичный раствор и другие средства по вашим рецептам. А потом буду их разносить.

Мишель отрицательно покачал головой.

— А вот тут вступает в силу вторая причина моего бездействия. Со временем я убедился, что чуму порождает война. Война, чума и голод составляют единый цикл, который венчается смертью. Пахучие эссенции и прочие средства не смогут остановить заражение. Это сможет только мир. Но мир — не лекарство.

— Но теперь-то мир, — заметил Шевиньи.

Триполи застыл на месте.

— И это вы называете миром? Реформатскую церковь преследуют, и она может собираться на молитву только в немногих загородных замках. Все эти доморожденные милиции под командованием Фоссанов, Порселе и Ришелье, которые надо бы распустить, законсервировали оружие и продолжают маршировать парадом. Во всей стране царит двойная мерка и двойная мораль.

Шевиньи приподнял бровь.

— Сударь, мне кажется, что вы, известный гугенот, снова вернулись к должности командующего войсками в регионе. На что же вы жалуетесь?

— Молодой человек, уж не хотите ли вы, чтобы я прямо здесь выпустил вам кишки и бросил ваш труп на корм собакам?

— Успокойтесь, друзья, — вмешался Мишель.

И тут совершенно неожиданное обстоятельство заставило всех замолчать. Возле собора какой-то больной отчаянно сопротивлялся санитару и не желал, чтобы его грузили на телегу. Ясно было, что он ни за что не хотел оказаться погребенным под горой зачумленных трупов. У волонтеров была дурная привычка сваливать на одну телегу мертвых и умирающих, особенно если они видели, что умирающие не дотянут до лазарета.

Умирающий ревел, как бык, которого режут, и сопротивлялся с завидной энергией. Ему удалось соскользнуть с телеги, хотя длинная окровавленная рубашка мешала двигаться. Он увернулся от санитаров, но оказался лицом к лицу с могильщиком в лохмотьях, с палахом в руке. Могильщик попытался палахом зацепить беглеца, но тот быстро выхватил оружие у него из рук, не обращая внимания на глубокую рану, открывшуюся на предплечье. С палахом в руке он стремглав побежал к площади. Санитары ругались, но вдогонку за ним не бросились, видимо, решив, что далеко он не уйдет.

Зачумленный и вправду сразу замедлил бег, ибо нога его увязла в белом песке, который надувало порывами неощутимого ветра. Поравнявшись с Мишелем, Шевиньи и Триполи, он едва держался на ногах, однако это не мешало ему угрожающе потрясать палахом.

Мишель вздрогнул, когда этот живой призрак оказался рядом с ним. Лицо исхудавшего и сгорбленного умирающего было все в крови и в гное, запавшие глаза лихорадочно блестели, и все же характерные асимметричные черты трудно было не узнать.

— Пентадиус! — воскликнул Мишель, охваченный ужасом и жалостью.

Тот резко остановился, словно невидимый крюк зацепил его за спину. Дрожа всем телом и бормоча что-то невнятное, он на миг застыл на месте, потом резко бросился на Мишеля, крепко сжимая палаш.

Мишель попытался отступить, но у него отнялись ноги. Он услышал крик:

— Ах ты, негодяй!

Это Триполи молниеносно выхватил шпагу из ножен и, плашмя ударив Пентадиуса по руке, выбил у него палаш. Потом легким уколом вонзил шпагу ему в живот и резкими толчками погрузил в тело. И без того окровавленная рубашка обогрилась новым потоком крови.

Не издав ни звука, Пентадиус упал навзничь. Триполи вытащил шпагу. Мишель уловил искру, блеснувшую в диких глазах умирающего, и наклонился над ним.

— Зачем ты явился сюда, несчастный?

Пентадиус скривил губы. То, что ему, собрав последние силы, удалось прошептать, услышал только Мишель.

— Я пришел... за тобой... Придет смерть белая, белее снега...

Приступ рвоты не дал ему закончить фразу. В следующий миг глаза Пентадиуса закрылись навсегда.

Мишель был настолько потрясен, что ему показалось, вот-вот наступит очередной бред. Он едва расслышал слова Триполи:

— Будь у меня время, я бы отрезал тебе голову и подвесил к колокольне!

Шевиньи заботливо поддерживал учителя за талию.

К действительности Мишеля вернул осипший от вина голос одного из санитаров, подошедшего к ним.

— Вот он где, черт бы его побрал! Ну никак не хотят умирать! А вам, господин капитан, лучше бы выбросить от греха подальше вашу шпагу: еще заразитесь!

Он выждал, пока напуганный Триполи отбросит шпагу подальше, и продолжал:

— Не знаю, кто он такой, сумасшедший или колдун. Он шнырял по Салону в поисках

не то мышьиной крови, не то еще какой-то гадости. И я своими глазами видел, как он, найдя, что искал, открыл на плече надрез в виде креста и залил туда жидкость. И вот вам результат: заболел в ту же минуту. Эти колдуны верят, что их магия все еще работает. Это в наше-то время!

Последняя фраза доконала Мишеля. Он вдруг почувствовал себя старым и бесконечно усталым.

— Отведите меня домой, — шепнул он Шевиньи.

Он поблагодарил Триполи и распрощался с ним, и секретарь повел его к кварталу Ферейру. По дороге оба не проронили ни слова. Город представлял собой невеселое зрелище, но не такое ужасное, как пару десятков лет назад. Теперь вошло в правило не бросать на улицах трупы и не собираться в процессии. Наличие проточной воды обеспечивало личную гигиену; одежду умерших сжигали. В результате выздоравливали очень многие. Цифра в пятьдесят погибших относилась в основном к дальним пригородам, где имели слабое понятие о гигиене. А глаза тех, кто жил в городе, были устремлены на небо: все ждали дождя, а не окончания гнева Господня. Дождь смоем всю грязь и отбросы, а вместе с ними и болезнь. Поэтому настоящей паники в городе не было.

Перед домом Мишеля дымились ароматическими смолами две бронзовые жаровни. Дверь им открыла Жюмель.

— Я боюсь за детей, — с тревогой сказала она. — Как ты думаешь, не уехать ли нам пока?

— А куда? Эпидемия повсюду, во всей Франции. После боев осталось слишком много непогребенных или плохо присыпанных землей тел. Здесь для нас безопаснее, чем в Арле или в Эксе.

— Но тебе совсем плохо! — воскликнула Жюмель, прижав руки к груди.

— Совсем чуть-чуть. У меня была скверная встреча, и, слава богу, все кончилось хорошо. Но моча по-прежнему не отходит. Мои бедные ноги, наверное, выглядят ужасно.

— Для меня они никогда не будут выглядеть ужасно.

Жюмель говорила мягко и спокойно, но в глазах у нее блеснули слезы. Вежливо отстранив Шевиньи, она повела мужа в гостиную.

— Иди, тебе надо присесть. У нас гость, но я сразу же его отошлю.

— Гость? Случайно, не принц Рудольф Габсбургский? Я составил ему гороскоп, но он счел цену слишком высокой.

— Нет, какой-то молодой француз. Он говорит, что ты дружил с его отцом и что у него для тебя много известий.

— Тогда отдохну потом. Надо с ним увидеться.

В гостиной и вправду какой-то молодой человек разглядывал золотой кубок на потухшем камине. Его лицо поразило Мишеля, и он прошептал:

— Как занятно. Я с вами не знаком, но ваше лицо кого-то мне напоминает, не могу только вспомнить кого.

Юноша улыбнулся и откинул со лба черные, цвета воронова крыла, волосы. Блестящие темные глаза, четкий профиль, орлиный нос...

— Меня зовут Жозеф Жюст Скалигер, — сказал он. — Вы знали меня совсем маленьким.

— Скалигер! — радостно воскликнул Мишель. — Это сын Жюля-Сезара Скалигера, величайшего эрудита, с которым я был знаком в Агене! Возможно, самого образованного человека своего времени! — обратился он к Шевиньи и к Жюмель, которая остановилась в дверях.

Шевиньи покачал головой.

— Не может быть. Уже тогда самым образованным человеком были вы.

Мишель не обратил на него внимания.

— Жюмель, вели принести вина «Де Кро» для всех! А мне большой кубок для торжественных случаев!

— Смотри, Мишель, — урезонила его жена, — ты снова начал много пить.

— Но сегодня особенный день. Давай, давай, открой две бутылки... А лучше три. Это легкое вино, оно очищает кровь. А я сяду, чтобы сполна насладиться моментом.

На самом деле его просто не держали ноги. Он тяжело опустился на диван, усадил Скалигера рядом с собой, а Шевиньи указал на кресло. Потом взял юношу за руки.

— Как вы на него похожи! А знаете ли вы, что я любил вашего отца, как сын? Он был великий писатель, великий знаток трав, великий астролог. Он был велик во всем.

— О, конечно, — ответил юноша. — По правде говоря, он был еще и худшим из отцов. Но его доктрина неоспорима.

Мишель посмотрел на него с удивлением.

— Не знаю, как он вел себя с вами, но его отношение ко мне было безупречным. У меня не было более преданного друга.

— Не сомневаюсь. Он любил вас восторженной любовью. Однако, разбирая его бумаги, я нашел несколько эпиграмм на вас, но это он отводил душу под влиянием момента. Они никогда не публиковались, может, еще и потому, что не нашлось достойного типографа.

Последняя шутка окончательно поборолла всеобщее смущение. Тут вошла Жюмель, неся на подносе два хрустальных бокала и большой кубок, оправленный в золото и серебро. За ней Кристина внесла на другом подносе три запыленные бутылки, уже заботливо открытые. По случаю чумы на подносе лежали дольки чеснока, веточки розмарина и пакетики пахучих трав.

Мишель налил вина Скалигеру и Шевиньи и до краев наполнил свой кубок. Он часто напивался, хотя и понимал, насколько это неприятно Жюмель. Но в иные моменты это был единственный способ побороть острую боль в суставах, которая доходила до пальцев. Не говоря уже о том, что ему хотелось забыть о преследующих его повторяющихся кошмарах, и о том, что отношения с женой неуклонно ухудшаются.

— Чем вы занимаетесь? — спросил он у Скалигера, когда Жюмель и Кристина вышли.

— Я был студентом в Париже, но из-за религиозных конфликтов закрыли многие курсы. Сейчас мне удалось найти должность воспитателя в доме дворянина Луи Шастенье де ла Рош-Розе. Интересный человек, хотя коварен и лжив. Параллельно изучаю еврейский язык под руководством доктора Гийома Постеля.

— Гийом Постель! Я хорошо с ним знаком!

— Он тоже о вас вспоминал. Это благодаря его заботам я приехал сюда, вопреки чуме. Он велел вам кое-что передать. — Скалигер посмотрел на Шевиньи, который усиленно нюхал веточку розмарина, и прибавил: — Очень конфиденциально.

Мишель поднял руку.

— Господин Шевиньи — мой личный секретарь. Можете спокойно говорить в его присутствии.

Он заметил, что уже осушил кубок, и налил себе еще, надеясь что моча начнет отходить. Но надеялся он напрасно.

— Ваш секретарь? Ясно. Вижу также, что он иностранец, потому что у него такой вид, словно он ничего не понимает.

Шевиньи завозился в кресле, но Скалигер не обратил на него внимания.

— Доктор Постель прочел все ваши «Пророчества», но в особенности его поразили альманахи предсказаний. Вы за год предвидели все, что должно произойти, от климата до политики. На январь этого года вы предсказали дожди, снега и болезни, на март дожди, наводнения и чуму, что мы и наблюдали, а на апрель распространение чумы и всяческих смертельных болезней. Остается просто рот разинуть.

— Доктор Нострадамус все знает наперед, — заключил Шевиньи.

— Глядите-ка, вы, оказывается, говорите на нашем языке, — заметил Скалигер, искренне изумившись, и повернулся к Мишелю: — Из всех ваших предсказаний Гийома Постеля особенно поразило одно. Оно относится к нынешнему месяцу, к августу.

Он порылся в карманах поношенного камзола и вытащил наконец бумажку. Развернув,

он прочел:

Point ne sera le grain ? suffisance.
La mort s'approche ? neiger plus que blanc.
Sterilit?, grain pourri, d'eau bondance,
Le grand bless?, plusieurs de mort de flanc.

Больше не будет вдоволь хлеба.
Придет смерть и осыплет снегом, белее белого.
Бесплодие, сгнившее зерно, избыток воды,
Великий ранен, рядом много мертвых⁴¹.

Мишель почувствовал, что бледнеет. Он судорожно осушил кубок и снова его наполнил. В ушах звучал шепот умирающего Пентадиуса. Он выпил еще и только после этого смог выговорить:

— Что же так удивило Постеля? То, что предсказание оправдалось?

— Не только. Ясно, что в трех из четырех строк вы описываете настоящие события: нехватку хлеба, истощение почвы, болезни зерновых, нехватку воды. Не знаю, кого вы имеете в виду, когда пишете о раненом великом человеке и окружающих его мертвецах...

— Доктор Нострадамус плохо себя чувствует, — пояснил Шевиньи, — и весь Салон, как видите, превратился в кладбище.

— Но Постеля больше всего поразила последняя фраза: *La mort s'approche a neiger plus que blanc*. Кажется, он прекрасно понял ее значение. К ней и относится известие, которое мне поручено вам передать.

У Мишеля закружилась голова, и он не мог понять, от вина или от волнения. Он снова выпил кубок до дна.

— Говорите, — сказал он глухо и, заметив, что бутылка опустела, потянулся ко второй. Предложить вина гостю он не догадался.

Скалигер подвинул вперед свой бокал и тут же с удрученным видом отодвинул обратно.

— Доктор Постель велел передать вам, что прекрасно вас понял. Он полагает, что один из компонентов Иной Троицы: Адам, Ева и Змей — недавно подал вам знак. Для вас вся проблема в Змее. Существуют ритуалы, способные лишить его силы. Только тогда Адам и Ева, два лица вселенной, смогут вернуться к сосуществованию и исчезнет угроза белой смерти, нависающая над нашими потомками.

Шевиньи коротко рассмеялся.

— Вот это известие! Проще было написать его по-арабски.

Скалигер бросил на него уничтожающий взгляд.

— Вы бы и по-арабски ничего не поняли. У вас лоб ниже нормального и бычьих глаз. Может, это от усиленной работы мысли.

Он повернулся к Мишелю.

— Все, что мне поручили, я сказал. А теперь налейте мне, пожалуйста, вина, которое вы поглощаете в одиночку.

Мишель со смехом повиновался. Смех продолжал его разбирать, и было видно, что он уже пьян. Однако причина опьянения крылась не только в вине, но и в неожиданном озарении.

— Ритуал Змея! — воскликнул он. — Да ведь это разгадка, которую я столько лет искал!

Ему удалось справиться с возбуждением и ответить Скалигеру:

⁴¹ Перевод О. Егоровой.

— Поблагодарите доктора Постеля. Я всегда его недооценивал, но теперь понял, насколько ошибался. Не знаю, в какой мере вы знакомы с ритуалом Змея...

— Очень мало. Я думал, что это заклинание, которое используют некроманты при вызове усопших.

— Именно этого заклинания мне и не доставало. Скажите Постелю, что я постараюсь пронести его указания сквозь смерть. Я сделаю все, чтобы Шехина снова заняла свое место на Древе Жизни.

Удивленные глаза друзей подсказали Мишелю, что его считают более пьяным, чем на самом деле. Он махнул на них рукой и налил себе еще вина.

— Дайте мне чуть-чуть выпить, пока не видит жена, — оправдывался он, не признавая, что с его губ слетает какое-то невнятное бормотание. — Если не восстановится регулярное мочеиспускание, я проживу не больше года. Думаю, я не совершу смертного греха, если не откажу себе в единственном оставшемся удовольствии.

Скалигер кивнул и снова протянул пустой бокал.

— Позвольте разделить ваш грех и приговорить в вашей компании вторую бутылку. Вино «Де Кро» воистину великолепно.

Он, смакуя, отпил из бокала, поставил его на стол и хлопнул себя по лбу.

— Совсем забыл! Я переписываюсь с другом из Италии, Себастьяном Чибо, из Чибо генуэзских. Он просил меня узнать что-нибудь о его близкой родственнице, Джулии Чибо-Варано. Ему стало известно, что она бывала в Салоне, а потом стала фрейлиной королевы. Вы что-нибудь о ней знаете?

Мишель вздрогнул.

— О, Джулию я знаю хорошо. Но вот уже несколько месяцев как о ней ничего не слышно.

Шевиньи, самый трезвый из всех троих, сказал:

— Я тоже о ней ничего не знаю, но знаю, что ее возлюбленный, Симеони, отправился в Рим. Может, она поехала за ним.

— Боже упаси! — воскликнул Мишель. — В Рим ехать очень рискованно.

В мозгу всплыл один из самых мрачных и трагических катренов, но вино помогло его тут же забыть.

— Пейте, друзья мои! Третья бутылка еще девственна и умоляет, нас ее этой девственности лишить!

В уголке сознания остался образ ослепляющей белой смерти, который он пытался отогнать. Кончилось тем, что он задремал на диване, во сне возвращаясь к ритуалу Змея.

САНТА МАРИЯ СОПРА ЛА МИНЕРВА

Для падре Михаэлиса настал великий день. Если для всего Рима ухудшение здоровья Папы Пия Четвертого означало тревогу и волнение, для него это было провозвестие осуществления всех надежд. Уже установили точную дату избрания Микеле Гизлери на престол Святого Петра. Доминиканец не вызывал у него симпатии, но он дал обещание в присутствии такого могущественного человека, как кардинал д'Альтемпс. Взять обещание назад он не мог, даже с высоты трона, на который собирался сесть.

Зима в Риме была гораздо мягче, чем на севере Франции. Михаэлису нравилась чистота зимнего времени и отсутствие тяжелых городских запахов. К тому же своей мягкостью римская зима напоминала ему родной Прованс. Он весело шагал к церкви Санта Мария Сопра Ла Минерва, где у него была назначена встреча с братом Гизлери и генералом ордена иезуитов.

Он нес хорошие новости для падре Лаинеса: процесс над сторонниками Игнация Лойолы, затеянный верхней палатой парламента в Париже, только что был приостановлен и отложен на неопределенный срок. Ни к каким окончательным выводам он не пришел. Самым неприятным был один момент обвинительной речи депутата Паскье. Михаэлис

усмотрел намеки на себя самого, когда тот обрушился на орден иезуитов за интриги, порой приводящие к преступлениям. Еще более коварным оказалось утверждение, будто иезуиты состоят на службе у императора Филиппа II. Король выступил против роспуска ордена, который пользовался поддержкой многих высокопоставленных лиц, да еще в период относительного мира с Испанией. Паскье не имел успеха у представителей правящего дома.

Но брат Гизлери явно не случайно вызвал Михаэлиса в церковь Санта Мария Сопра Ла Минерва. Церковь, выстроенная на площади, носящей имя языческой богини, была оплотом инквизиции. Каждый вторник в смежном с ней монастыре собиралась конгрегация Святой палаты. На площади обычно проходили казни еретиков и церемонии отречения. Всего несколько дней тому назад здесь был казнен лютеранин Джулио ди Джорджо Грифоне да Орте, а уроженцу Лечче Джулио Чезаре Ванини отрезали язык, перед тем как возвести на костер. Весь простой римский люд приходил поглазеть на такие зрелища, проклиная или оплакивая осужденных в зависимости от их пола, возраста и миловидности.

По этой причине перед церковью всегда дежурили фамильи⁴² инквизиции, вооруженные шпагами или аркебузами. Один из них приблизился к Михаэлису, увидев, что тот направился к зданию церкви.

— Куда вы идете, падре? — спросил фамильи, оглядев черную рясу иезуита. — Сегодня церковь закрыта для верующих, по крайней мере, до вечера.

Фамильи был молодой человек с рыхловатыми чертами лица, очень хорошо одетый. Многие буржуа и мелкие дворяне протягивали руку помощи инквизиции, отдавая службе свободное время. Все они надеялись на будущие титулы или материальные вознаграждения, которых, однако, никто никогда не получал.

— Я падре Себастьян Михаэлис из ордена иезуитов. Брат Микеле Гизлери меня ждет, но я не знаю, встретится он со мной в церкви или в монастыре.

— В церкви, в церкви.

Голос фамильи сделался вдруг вежливым и предупредительным.

— Следуйте за мной. Остальные приглашенные уже там. Его преосвященство кардинал Фарнезе прибыл полчаса назад, а иезуиты еще раньше. И епископ Симанкас тоже там. Что же до господина великого инквизитора, то он уже часа два как в ризнице.

У падре Михаэлиса болезненно сжалось сердце. Он никак не ожидал встретиться с Алессандро Фарнезе, с которым не виделся с тех пор, как выкрал у него Джулию. А что здесь нужно Симанкасу? Он ведь должен был уехать обратно в Испанию после короткого регентства в Неаполитанском королевстве.

Но больше всего его напугало то, что все они уже довольно долго находились в церкви. Он думал, что придет заранее, а вышло, что опоздал. Может, он не так понял...

Вслед за фамильи он прошел в церковь. В просторных нефах царили холод и полумрак. Его провожатый свернул направо, в направлении вестибюля ризницы, покрытого могильными плитами. Церковь представляла собой монумент инквизиции: от капеллы, посвященной семейству Торквемада, дорога вела к портрету Папы Павла IV, потом к фреске, на которой был изображен святой Фома, побеждающий еретиков. Плиты на полу также напоминали об именах более или менее известных инквизиторов. Но падре Михаэлиса провели не в ризницу, а в расположенный напротив Папский зал, примыкающий к монастырю.

Помещение было гораздо меньше, чем предполагало его пышное название, и его почти целиком занимал массивный стол. Сбоку, возле двери в монастырь, на трех креслах сидели трое пожилых доминиканцев, которых он видел впервые. Но внимание его сразу же приковали к себе те, кто сидел за столом.

В центре восседал брат Микеле Гизлери, и сейчас глаза его не улыбались. Слева от

⁴² Фамильи (в буквальном переводе «свои люди», «члены семьи») — добровольцы из мирян, которые выполняли при инквизиции различные поручения: осуществляли слежку, перевозили почту и т. д. Одним из таких фамильи был Диего Доминго Молинас. (Прим. перев.)

инквизитора разместились вечно задумчивый епископ Симанкас и Алессандро Фарнезе, оба в пурпурных кардинальских одеяниях. Они о чем-то тихо говорили по-испански и встретили вновь прибывшего холодными, отстраненными взглядами.

Справа от брата Гизлери сидел насупленный падре Диего Лаинес. Но его присутствие удивило Михаэлиса гораздо меньше, чем присутствие еще двоих иезуитов: падре Надаля и падре Оже. Он думал, что оба они во Франции, и очень удивился, когда понял, что они, зная, что он в Риме, не нанесли ему визита. Подавив тревогу, он жестом приветствовал собратьев, но в ответ получил только сухие кивки.

Брат Гизлери поднялся на ноги.

— Добро пожаловать, падре Михаэлис. Будьте любезны, сядьте сюда.

Он указал на стул с высокой спинкой напротив центрального стола и не сел до тех пор, пока Михаэлис не повиновался.

— Мне не хотелось собирать вас в дни печали и скорби. И если я позволил себе побеспокоить вас и других высоких гостей, то только для того, чтобы сообщить вам приятную новость, которая, может быть, скрасит нашу общую тревогу за состояние здоровья его святейшества. Но в то время как великий христианин болен, и очень серьезно, великий еретик получит справедливое наказание.

У падре Михаэлиса отлегло от сердца. Ему на миг показалось, что обвиняемый — это он, хотя и не знал, в чем его обвиняют. И он спросил почти радостно:

— Это Карнесекки?

— Да, Пьеро Карнесекки. Прошу вас, епископ Симанкас.

Испанец старался говорить звонче, но итальянские слова выговаривал все равно с гортанным призвуком.

— Я воспользовался временным разрешением, которое мне дал в Неаполе император, и конфисковал переписку Карнесекки с покровительницей вальденсов Джулией Гонзага. Она при смерти, но у нас нет надобности дожидаться ее кончины. Процесс над еретиком Карнесекки может быть возобновлен с будущего месяца, и я уверен, что он станет последним.

— Можете на это рассчитывать, — сказал брат Гизлери с довольным видом. — Благодарю вас, доктор Симанкас. Я могу только добавить, что копия корреспонденции уже находится у великого герцога Козимо Медичи. Я получил от него личное уверение, что он более не будет поддерживать Карнесекки, как поддерживал до сих пор. Напротив, он ждет не дожидается часа, когда от него избавится. Что вы на это скажете, падре Михаэлис?

Михаэлис ликовал, но не потерял самообладания настолько, чтобы не обдумать ситуацию. Он знал, что папство не отказалось от требования выдачи архиепископа Карранца де Толедо, которого по приказу Филиппа II держал под арестом инквизитор Вальдес. И знал также, что в прошлом месяце в Испанию с мандатом о депортации в Рим заключенного прелата отправилась делегация Ватикана во главе с кардиналом Борромео. Он задал себе вопрос, не рождено ли усердие Симанкаса в отношении Карнесекки надеждой улестить нового Папу и расчетом на ответную милость, на «обмен любезностями». Но в такой трудный момент все эти соображения показались ему простой тратой времени.

Он склонил голову, стараясь казаться бесстрастным.

— Досточтимый великий инквизитор, нет такого христианского сердца, которое не возрадовалось бы при известии о крахе опасного еретика.

— Справедливо. А у вас есть особая причина возрадоваться, ибо вы усердно послужили успеху нашего дела. Его святейшество в скорбной своей агонии был так великодушен, что передал мне некоторые свои полномочия, и среди прочих право назначать инквизиторов. Вы принадлежите к ордену, который, как правило, отказывается от этих функций, и поэтому я хотел, чтобы сегодня орден иезуитов был представлен максимально. Я придерживаюсь мнения, что вы идеальный инквизитор, к тому же обладающий практическим опытом, и что пришло время иезуитам принять участие в прямых репрессиях против еретических заблуждений.

Падре Михаэлис задрожал от радости. Кровь прилила к вискам, что было у него признаком сильнейшего волнения. Он понимал, что нельзя сразу поддаваться эйфории, но ничего не мог с собой поделать и отдался ей со сладострастием.

От волнения он даже не расслышал вопроса, который брат Гизлери задал аудитории:

— Есть ли кто-нибудь среди присутствующих, кто возражает против назначения падре Михаэлиса на более высокую должность?

— Я возражаю.

Это произнес кардинал Фарнезе. Кровь тут же отлила от лица Михаэлиса, и его зазнобило. Ему надо было бы сообразить, что кардинал, далекий от Святой палаты, оказался здесь не случайно. Он вообразил, что мотивом его присутствия была близость к ордену иезуитов. Нервы натянулись до предела, он решил внимательно слушать, но напрягся и приготовился отразить любое нападение.

Великий инквизитор повернулся к прелату:

— Я слушаю вас, ваше преосвященство. Вам известно о каких-либо темных пятнах в прошлом падре Михаэлиса?

— К сожалению, да. Я могу свидетельствовать, что его на вид безупречная жизнь несет на себе серьезное пятно: это сладострастие.

Падре Михаэлис задохнулся от негодования. Ему хотелось закричать, но разум продиктовал, что пока не время. Он постарался не выказать гнева и возмущения на лице и сложил губы в саркастическую усмешку.

— Продолжайте, ваше преосвященство, — поощрил браг Гизлери.

— Вы помните, что во время процесса в Риме Карнесекки находился под охраной у меня. В том же монастыре я содержал молодую герцогиню Джулию Чибо-Варано. По причине отлучения от церкви она и ее мать лишились всех прав на феоде Камерино. Ее родственные связи с Карнесекки были мне весьма полезны в деле привлечения еретика к ответственности. Свидетель тому епископ Симанкас.

Испанец согласно кивнул:

— Кардинал Фарнезе боролся с Пьеро Карнесекки более чем кто-либо другой. Это благодаря ему у бывшего имперского посла в Венеции, Диего Уртадо де Мендоса, получены показания против архиепископа Карранцы. Дон Диего рассказал о венецианском кружке кальвинистов и о дружбе Пьеро Карнесекки с известными еретиками, такими как Пьетро Джелидо и сам Карранца.

Упомянуть дело Карранцы на этом собрании было неуместно. Брат Гизлери остановил Симанкаса резким жестом и обратился к кардиналу Фарнезе:

— Ваши заслуги всем известны, ваше преосвященство. Прошу вас вернуться к теме беседы.

— Непременно. Несмотря на видимость безупречной жизни святого, падре Михаэлис никогда не отказывал себе в утехх плоти. Краткое пребывание во Франции укрепило меня в мысли, что Джулия Чибо-Варано была постоянным предметом его вожделений. Он явился в инквизицию Франции, чтобы похитить ее, и кардинал де Лорена может лично засвидетельствовать, к каким средствам он для этого прибегнул. Но ему все было мало, и он сделал так, что ее возлюбленный, астролог по имени Габриэле Симеони, по ложному обвинению оказался перед римской инквизицией.

Брат Гизлери кивнул.

— Мне известен этот случай. Несчастного освободили несколько дней назад, и как раз сегодня он должен получить из нашего секретариата оправдательный эдикт. К несчастью, на допросах к нему применяли слишком строгий подход. Он перестал разговаривать и практически ослеп.

Кардинал Фарнезе указал на Михаэлиса.

— Может поблагодарить этого змея в человеческом облике.

Михаэлис выслушивал обвинения с нарастающим ужасом. Он с трудом поборол дрожь в руках и смог ослабить воротник: не хватало воздуха. Внезапно негодование выплеснулось

наружу.

— Это ложь! — крикнул он. — Он лжет!

Но голос сорвался на визг.

— Вы потом будете защищаться. Делаю вам предупреждение: вы посмели обвинить во лжи кардинала, — сухо сказал брат Гизлери и сделал знак Фарнезе: — Продолжайте, ваше преосвященство.

— Я уже говорил, господин великий инквизитор, что наблюдал за Карнесекки и за Джулией Чибо-Варано. Епископ Симанкас был свидетелем того, как падре Михаэлис похитил эту женщину из монастыря, где она содержалась в качестве гостьи, и сделал это явно не из добрых побуждений. Михаэлис силой усадил ее в свою карету и увез. Столь ужасный поступок...

— Ложь!! — заорал Михаэлис, вскочив на ноги. — Он все это выдумал! Это он использовал Джулию! Я ее освободил от мучений, которые...

Он кричал слишком громко, и приступ кашля не дал ему договорить. Закончил он тонким, надтреснутым голосом:

— Она находится в Риме! Выслушайте ее свидетельство! — И он снова закашлялся.

Алессандро Фарнезе невесело усмехнулся.

— Вы действительно этого хотите? Что ж, как вам будет угодно.

Словно по команде, один из пожилых доминиканцев поднялся со своего сиденья и отодвинул одну из портьер, отделявших зал от монастырского помещения. За портьерой стояла бледная как полотно Джулия. Михаэлис уставился на нее как на привидение. В скромном льняном платье она была по-прежнему очень красива, только выглядела совсем измученной. Темные круги залегли под голубыми глазами, на лбу и в уголках губ обозначились глубокие морщины. Было видно, что она проплакала не один месяц.

— Входите, дорогая, — поощрил ее кардинал Фарнезе почти братским тоном. — Не волнуйтесь, мы зададим вам всего несколько вопросов. Вы узнаете этого человека? — указал он на падре Михаэлиса.

— Да, — тихо ответила Джулия.

— Вы помните, как он выкрал вас из монастыря, где вы были моей гостьей? Что произошло потом?

Она опустила глаза и прошептала:

— Он использовал меня.

— Будьте любезны, повторите, пожалуйста. Вы хотите сказать, что он вас изнасиловал? Глаза Джулии увлажнились.

— Да. И продолжал насиловать до самой Франции.

— Благодарю вас, герцогиня. Можете вернуться к вашему жениху Симеони, который вновь обрел свободу.

Голос Алессандро Фарнезе звучал сердечно и был полон сочувствия к женщине.

— Не хочу предвосхищать не мои решения, но на месте будущего Папы я снял бы отлучение с вашего рода во имя всего, что вы пострадали. Как вы полагаете, брат Гизлери?

— Я бы поступил точно так же.

— Вот видите, дорогая? — Кардинал широко улыбнулся. — Идите, идите к вашему возлюбленному. Никто больше не причинит вам зла.

Джулия молча вышла в монастырскую половину. Из открытой аркады тянуло холодом, но падре Михаэлис ничего не замечал. В горле стоял комок, и впервые за десятилетия он почувствовал, что по щекам текут слезы. Он попытался справиться с собой, но у него ничего не вышло. Он никогда не смог бы обвинить эту женщину. Он ее слишком любил. Любил всегда. Он склонил голову, чтобы никто не видел его слез.

Брат Гизлери, видимо, ожидал от него реплики. Пауза затянулась; наконец инквизитор вздохнул.

— От инквизитора требуется безупречная жизнь. Но церковь всегда была готова простить слабости плоти, если в них искренне раскаялись. Ваши слезы, падре Михаэлис,

говорят об искреннем раскаянии. Прежде чем утвердить свое решение, я должен подумать об этом обстоятельстве. Если нет других обвинений...

— К несчастью, есть, — снова заговорил кардинал Алессандро Франезе. — И Джулия Чибо-Варано, и Симеони устно заявили, что убили в Провансе одного из влиятельных руководителей католической партии. И сделали это по наущению падре Михаэлиса.

— Не могу поверить! — воскликнул брат Гизлери и повернулся к иезуиту: — Это правда?

Михаэлис был растерян, но не настолько, чтобы не почувствовать угрозы, таящейся за вторым обвинением. Он со злостью вытер глаза и приготовился к атаке. И вдруг понял, что не сможет солгать, не впад при этом в смертный грех. Этот грех был простителен, когда речь шла об интересах церкви, и неприемлем, когда речь шла о личной выгоде.

— Да, это правда, — прошептал он.

После такого признания спасти его могли только высшие силы.

— Падре Надаль в курсе всего. Он дал мне отпущение грехов...

— Это неправда, — резко ответил Надаль. — Я обещал вам отпущение грехов, но не дал его. Вы говорили мне о преступлении, необходимом, чтобы спасти дело церкви. Я думал, речь идет о смерти гугенота, но никак не мог предположить, что убит католик.

Михаэлис взглянул в направлении падре Лаинеса и обмер: тот в гневе наставлял на него указательный палец.

— Прекратите, падре Михаэлис, — отчеканил генерал ордена. — Это по вашей вине ордену угрожал приговор Парижского парламента. Нам чудом удалось спастись. Ваши неуклюжие действия чуть не стоили нам провала. Вы не умеете отличить тонкость поведения от обмана, руководящую установку — от преступления. У меня нет оснований сомневаться в искренности вашей веры, но с должностью провинциала Франции вы не справились. Думаю, пребывание в нашем ордене вам тоже противопоказано.

Падре Оже кивнул.

— Согласен. Он посеял в нас непримиримую ненависть к... — Он чуть не сказал «к доминиканцам», но вовремя осекся: — К уличным разбойникам. Он честный человек, но непригоден к ответственным заданиям. Достаточно того, что он спровоцировал социальный конфликт в такой момент, когда нам жизненно необходимо согласие.

Падре Михаэлис уже ни на что не реагировал. Его парализовало чувство собственного бессилия. Он понял, что орден, которому он был так предан, принес его в жертву перемирию с французским парламентом. И стало ясно, что весь допрос был заранее срежиссирован и решение тоже было вынесено заранее. Что он мог сказать в свое оправдание?

Он почувствовал, что глаза снова наполняются слезами, и ему стало стыдно. Он согнулся на своем стуле, готовый ко всему, но не к тем словам, которые услышал от Симанкаса.

— На этом человеке лежит еще одна тень, — сказал испанец. — Еретические послания, адресованные Карнесекки, которые шли через Джулию Гонзага, подписаны женской рукой, но писала их рука мужская. Благодаря моему другу кардиналу Фарнезе я узнал, что письма подписывала Джулия Чибо-Варано. Эта дама, однако, утверждает, что их писал падре Михаэлис. Следовательно, это он был посредником между Карнесекки и так называемыми реформатами во Франции.

Это обвинение задело падре Михаэлиса за живое.

— Это неправда! Я не еретик! Обвиняйте меня, в чем хотите, но не в ереси!

Микеле Гизлери поднял руку.

— Я тоже в это не верю. Несмотря на ваши ошибки, я считаю вас добрым католиком.

Он подождал, пока Михаэлис немного успокоится, и продолжал:

— Более того, я считаю вас настолько искренним, что не снимаю своего предложения назначить вас инквизитором. Напротив, я выскажу его публично. Только считаю, что вам в этой должности надо предстать в других одеждах. Что скажете, кардинал Фарнезе?

Прелат пожат плечами.

— Я всегда считал, что процедура, в результате которой падре Михаэлис сменил доминиканский орден на орден иезуитов, была некорректной. По-моему, у нас есть все основания ее аннулировать.

Гизлери посмотрел на Диего Лаинеса.

— Вам есть что возразить, господин генерал?

— Нет. Он, по сути дела, никогда не был нашим.

Инквизитор с улыбкой взглянул на Михаэлиса, который сидел, опустив голову.

— Тогда вопрос решен. Приободритесь и снова наденьте рясу святого Доминика, без каких бы то ни было последствий. Вы играли не по чину азартно. Из вас получится прекрасный провинциальный инквизитор... Ну, что скажете?

Бездна унижения поглотила Михаэлиса. Он сглотнул и прошептал:

— Повинуюсь.

— Браво!

Все встали. Брат Гизлери сделал знак доминиканцам, сидевшим сбоку.

— Проводите его к выходу через монастырь. За монастырем ждет карета, готовая отвезти его во Францию. Под одним из сидений приготовлена ряса вашего ордена. Заставьте его надеть рясу и выпроводите.

Падре Михаэлис не сопротивлялся, когда его подтолкнули к выходу: он был уничтожен стыдом. Мутными глазами посмотрел он на кардинала Фарнезе, который, улыбаясь, шел к нему со свернутым пергаментом в руке.

— Вот, возьмите, это свидетельство о назначении вас инквизитором.

Он машинально взял пергамент и шагнул в холод монастыря.

Он уже почти дошел до противоположного входа, в сопровождении троих доминиканцев, как вдруг увидел Джулию, выходящую из маленькой монастырской дверцы. Его захватил вихрь желаний, раскаяния и чувства утраты. Теперь он не скрывал от себя своего чувства и знал, что имя всему этому — любовь. Он протянул руки к женщине и крикнул, в слезах:

— Джулия! Мы... я... я тебе все объясню...

И тут же осекся. Джулия заботливо помогала какому-то человеку преодолеть единственную ступеньку у двери. Вид этого человека мог испугать кого угодно. Вместо одного глаза зияла пустая глазница, другой глаз ослеп. Беззубый рот превратился в черную дыру. На покрытом шрамами черепе виднелись клочья сивых волос. На руках недоставало почти всех пальцев. Он отчаянно хромал, с трудом переставляя ноги.

Падре Михаэлис узнал Симеони, и слова, которые он хотел сказать, замерли в горле. Он увидел, как Джулия прижала к себе это чудовище, словно желая его защитить, а потом получил такой взгляд голубых глаз, который вряд ли когда-нибудь забудет.

Потрясенный, он почти выбежал из монастыря. Доминиканцы от него не отставали. В себя он пришел только спустя несколько часов, когда карета уже мчала его по покрытым снегом полям Савойи. Он завернулся в черную рясу, пряча окоченевшие руки в рукава белой туники, вытащил пергамент, который так и сжимал в руке, и прочел:

Priapus Sextus Episcopus, servus servorum Dei, attestat che il portatore della presente bolla, che si spaccia per inquisitore, e un furfante disgustoso e infido.

Ordina a tutti i fedeli di prenderlo a calci in culo, perch? un conto e essere perfidi, e un altro conto ? essere sordidi come topi. E ai topi, si sa, ? precluso il Regno dei Cieli.

Datum in Roma apud lupanarem Mariae Bononiensis.

M. D. LXV.

(Епископ Приап Шестой, слуга из слуг Господних, свидетельствует, что податель сей буллы, который выдает себя за инквизитора, на самом деле мерзкий и коварный мошенник.

Приказываю всем правоверным гнать его пинками под зад, ибо одно дело —

быть вероломным, а другое дело — быть мерзким, как мышь. А мышам, как известно, вход в Царствие Небесное заказан.

Выдано в Риме, в лупанарии Марии Благодатной.

М. Д. LXV.)

ПРЫЖОК В ПРОПАСТЬ

На дне пропасти крутился скарабей, следуя движению солнца. Этот образ особенно мучил Мишеля, когда он впадал в бред, все слабее понимая, что происходит вокруг. Он сразу начинал потеть и заворачивался в одеяло. Иногда он принимался кричать. Тогда прибегала Жюмель, а с ней Шевиньи или кто-нибудь из визитеров, ежедневно приходивших справиться об агонии пророка. Он закрывал глаза и притворялся спящим, пока рядом с ним не оставалась одна Жюмель. Легкое прикосновение ее рук было единственным бальзамом, который действительно облегчал страдания последних дней болезни.

Июнь 1566 года выдался жаркий, и утро 1 июля обещало знойный день. Мишель вынырнул из полудремы, в которой пребывал, не различая уже дня и ночи, затуманенными глазами посмотрел на сидевшую рядом Жюмель и улыбнулся ей.

— Вот ирония судьбы: кто умирает, моля добить его шпагой в бою, кто просит признать за ним славу, а я, со всеми моими амбициями, умираю с мольбой о возможности помочиться.

Она сжала его несгибающиеся пальцы.

— Ты не умрешь, любовь моя. Сегодня придет врач, вызванный из Лиона, доктор Жан Липарен. Он, конечно, искуснее местных медиков.

— Липарен! Вот так загадка! — пробормотал Мишель. — Я его никогда не видел, но переписывался с ним, когда он практиковал в Бурже. Однажды мне кто-то сказал, что его вдова вторично вышла замуж, и я был уверен, что его уже года два как нет в живых. А потом получил от него письмо из Лиона, где он писал, что предоставляет себя в мое распоряжение. Вот уж будет любопытно выслушать его объяснения.

— Не думай о враче, думай о своем здоровье. Как сегодня? Боли были?

— Я уже несколько дней вообще ничего не чувствую. Думаю, часть тела парализовало. Естественно, мне не хочется писать.

Мишель вздохнул.

— Анна, очень скоро ты станешь владелицей части дома и всего моего добра. Ты читала завешание?

— Да. Ты оставляешь мне треть дома, который когда-то был моим, и условием наследования ставишь то, что я никогда не выйду замуж. Почему ты боишься, что я соберусь замуж?

В голосе Жюмель он уловил нотку упрека. Вот уж чего не ожидал.

— Я... хочу, чтобы ты навсегда была моей... — прошептал он.

— А дочери получают наследство, только когда выйдут замуж. Для мальчиков же эта оговорка не предусмотрена. Почему?

Мишель не знал, что ответить.

— Так принято, — пробормотал он.

Жюмель покачала головой.

— Мишель, Мишель... Ведь ты умеешь видеть сквозь время, а от дурацких условностей своего времени так и не освободился. Понимаешь, что я хочу сказать?

Мишель пошевелился, насколько ему позволяло одеревеневшее тело.

— Может быть, я не то сделал, прости меня. Я не хотел, чтобы получилось плохо. Как только хоть чуть-чуть вернутся силы, я вызову нотариуса и свидетелей и все перепишу, обещаю тебе.

Жюмель положила палец ему на губы.

— Молчи, не надо ничего менять. Я тебя все равно люблю, хоть иногда тебе и кажется, что нет. Я убеждена, что ты поправишься. Но в любом случае позабочусь о том, чтобы твои пожелания были выполнены.

В этот момент на пороге комнаты появилась Кристина.

— Мадам, там внизу доктор Липарен из Лиона.

— Зови его прямо навверх.

Пока Кристина ходила за Липареном, Жюмель наклонилась над Мишелем и легко поцеловала его в бескровные губы.

— Смотри выздоравливай, мое сокровище. Умираю от желания ругаться с тобой еще долгие годы.

Когда врач вошел в комнату, она выпрямилась.

— Мне остаться? — спросила она тихо.

— Нет, прошу вас. И вы, господин Шевиньи, пожалуйста, выйдите. Если будет нужно, я вас обоих позову.

Доктор Липарен остался стоять возле кровати. Мишель силился его разглядеть. Постепенно из мути выплыла фигура невысокого седоволосого и седобородого человека. Лицо его было правильно и даже красиво, но Мишель видел его сквозь какую-то дымку, как на доньшке бокала.

— Кажется, я вас где-то видел, — сказал он.

— Вам не кажется, вы действительно со мной знакомы.

Липарен наклонился над больным и улыбнулся.

— Ну же, напрягите чуть-чуть вашу память. Мы были очень дружны и продолжали дружить, когда мне пришлось взять другое имя.

Мишель старался вглядеться, но потом бессильно покачал головой.

— Нет. Правда не помню.

— Так я вам скажу. Двадцать лет назад, когда я жил в Сен-Реми, меня звали Жозеф Тюрель Меркюрен. Потом я был известен как Денис Захария. Потом уж и не знаю, сколько имен сменил. Последнее — Жан Липарен.

Мишель очень разволновался, попытался протянуть руки, но они только чуть-чуть оторвались от постели. По его щеке побежала слеза.

— Меркюрен! А я ведь вам писал, не зная, кто вы.

— Я сам так захотел. Мне не хотелось компрометировать вас в глазах тех, кто охотился за мной во Франции. Когда вы мне написали, я был в Германии и работал на шахтах вашего клиента Ганса Розенберга. Вам понравился золотой кубок, который я для вас сделал?

— Значит, это правда? Вы можете делать золото?

Голос Липарена сделался грустным.

— Даже если бы и мог, зачем это нужно? Все наши рецепты, формулы и изобретения скоро перестанут работать.

Он приподнял одеяло и осмотрел чудовищно распухшие ноги Мишеля.

— Подходит к концу историческая эра, и, как все эры, она подходит к концу с кровью. Уверен, что новая наука, которая придет на место нашей, не сможет делать золото. Она разделит дух и материю как две несовместимые субстанции. Кое-кто уже придерживается этого метода.

Липарен начал ощупывать икры Мишеля, и тот застонал.

— Говорите, конец эры? Вы имеете в виду конец эры Марса и начало эры Луны? Но это и так уже случилось...

— Да, и магия погибает. Мы с вами последние ее поборники. Никто из тех, кто попытается нам подражать, наших высот не достигнет. Никто, ибо небо у них над головами будет пустым и холодным.

Липарен снова укрыл Мишеля одеялом и развел руками.

— Мишель, мы платим по счетам во вселенной, которая создана мыслями живущих. Изменяются эти мысли — изменится вселенная. Это и есть конец исторической эры: смена

доминирующей мысли и, как результат, изменение космоса.

— Я знаю. Вы не первый мне это говорите, — прошептал Мишель. — Но я убежден, что верны именно наши законы.

— Пока да, но и они изменятся.

Липарен выпрямился.

— Мишель, у медиков принято говорить друг другу правду. Из того, что я увидел, я могу заключить, что от вашей болезни средств не существует. Вам осталось жить несколько часов.

Мишель слабо улыбнулся.

— Вы забываете, Жозеф, или Денис, или Жан, что я тоже врач. К смерти я готов и покидаю эту жизнь без особого сожаления. Но меня пугает то, что ждет меня потом.

— Я вас понимаю, но знайте, что мир, который вас ждет, будет подчиняться старым законам. Он будет соответствовать тому, во что мы верим, а значит, будет поддаваться скальпелю нашей воли и воображения. Меняются земные времена, но не времена наших снов.

— Это-то меня и страшит. По ту сторону могилы меня ждет злокозненный колдун. Он свободно передвигается в астральном свете, изменяет по своей воле триста шестьдесят пять небес Абракса. Годами он посылает мне знаки, чтобы напомнить о вызове, который мне бросил.

Липарен нахмурил брови. Он подвинул к кровати стул, уселся на него и взял Мишеля за руки.

— Возможно, я смогу помочь вам лучше, чем как медик. Какие сигналы он вам посылал?

— Прежде всего, скарабеев.

Мишеля передернуло.

— Фаланги скарабеев, возникающие из ниоткуда. Они ползали по столу королевы Франции, по моей кухне, торчали изо рта моего кота.

Липарен немного подумал, потом сказал:

— Ну, это не такое уж мрачное явление. Плутарх описывал повадки этих насекомых, у которых нет самок. Из своего семени они скатывают шарики и катят их с востока на запад, подражая ходу солнца. Из такого шарика рождается новый скарабей, и ему не нужно вмешательство самки.

Он помолчал и спросил:

— Это вам о чем-нибудь говорит?

Мишель вдруг почувствовал, что его охватила лихорадка. Он был так поражен, что уже не понимал, откуда взялось лихорадочное состояние: от болезни или же от новости, которую услышал. Ему с трудом удалось выговорить:

— Ему нужна... Вселенная без женского начала... в которой будет Солнце, но не будет Луны... будет сила, но не будет жалости...

— Вот почему скарабеи! — воскликнул Липарен. — Скажите, Мишель, а еще были какие-нибудь знаки?

— Да, и много... Кольцо в форме змеи превратилось в настоящую змею и даже поползло... Но я уже был болен, и мне могло показаться.

— Ничего подобного!

Липарен был очень взволнован, и ему не терпелось все объяснить.

— Уроборос, змей, кусающий себя за хвост, всегда был символом единения мужского и женского начал. Имя Ева, *Хава*, происходит от *хайя*, «жизнь», и *хивья*, «змея». Змея, свернувшаяся кольцом, — добрая сущность, она включает в себя и мужское и женское начала, два лица космоса. А растянувшаяся змея, похожая на того змея, что сотворил Моисей, — это мужской символ, символическое изображение фаллоса.

— Я ничего этого не знаю, — прошептал Мишель смущенно и устало. — Знаю только, что кто-то ждет меня после смерти, и этот кто-то уповает на насилие как на абсолютный

мировой закон. И я не уверен, что у меня хватит сил ему противостоять.

Липарен вскочил на ноги.

— Простите меня, Мишель. Я совсем забыл, в каком вы состоянии, и напрасно вас утомляю. Знайте, силы у вас есть. Ведь вы же Маг.

— Я тоже так думал, но теперь стал замечать свое несовершенство.

— Без этого несовершенства вы не были бы человеком.

Липарен понизил голос.

— Маг — тот тот, кто владеет ключами от собственных снов и от снов всего человечества. Тот, кто имеет доступ к пятому состоянию, к квинтэссенции, то есть к общей душе всего живого. Но прежде всего Маг — это тот, кто обладает силой для изменения концепции. Вы этой силой обладаете.

— Сомневаюсь.

— Но это так. Вы можете видеть сквозь время, и это решает все. Вам известно, как ваш враг собирается осуществить свои планы?

Вопрос Липарена повис в воздухе, потому что в комнату вошла Жюмель. Глаза ее сияли.

— Доктор, вам еще долго осматривать его? Я спрашиваю потому, что там пришел падре Видаль, которого Мишель просил его исповедовать. Мне его отослать?

В последней фразе слышалась явная нотка надежды.

Липарен покачал головой.

— Нет, не надо его отсылать. Дайте мне еще несколько минут.

Поднеся к глазам платок, Жюмель молча вышла. Врач снова склонился над Мишелем.

— Я спрашиваю вас еще раз и прошу ответить. Знаете ли вы, каким образом тот, кого вы опасаетесь, намерен заставить Солнце убить Луну? Я имею в виду земное время.

— Демон Парпалус упомянул дату: тысяча девятьсот девяносто девятый год, то есть через две исторические эпохи, когда настанет эра Сатурна. Некий Владыка Ужаса сойдет с небес, и наступит затмение.

— Я помню ваш катрен. Тьма спустится с высоты, чтобы разжечь жестокие войны под предлогом благого дела. И помню дополняющий его другой катрен:

Quand le default du ciel lors sera,
Sus le plan jour le monstre sera veu:
Tout autrement on l'interpretera.
Chert? n'a garde: nul ny aura pourveu.

Когда ничтожно мало будет солнца,
Средь бела дня явится монстр ужасный.
Но из-за суетни, дороговизны
Его прибытие неверно истолкуют⁴³.

То есть когда тьма от затмения падет на землю, Владыка Ужаса станет видимым. Но его появление истолкуют ошибочно, и никто не сможет предвидеть надвигающегося кризиса.

Мишель бессильно шевельнул онемевшими пальцами. Ему было все труднее говорить.

— Я никогда не умел в полной мере прокомментировать строки, которые писал. Они рождались в глубине сознания, словно их диктовал демон.

— В таком случае я помогу вам. Что видно в темноте? Свет. И если при его появлении меркнет солнце, то он обладает огромной силой. Вот какое чудовище ваш недруг планирует выпустить над головами наших потомков. Это будет нечто, обладающее светом, равным

⁴³ Катрен XXXIV, центурия III. Перевод Л. Здановича.

свету солнца, которому он поклоняется.

Мозг Мишеля, как молния, пронзила жуткая строка: Придет смерть вместе со снегом, белее белого. И он вдруг понял, какой может быть смерть белее снега: это вспышка жарче солнца, которую не в силах вытерпеть человеческие глаза.

В воспаленном мозгу всплыли видения: катастрофические взрывы, от которых исходил нарастающий белый свет; целые острова в белом пламени; пламя, которое не было пламенем, но испепеляло сильнее, при этом разбрасывая яд на обе конфликтующие стороны. Даже в самом сердце земли те, кто предрекал триумф охотничьего, животного мужского начала, пытались сконструировать Око Бога, Митру, Абразакс, Гелиоса, Аполлона, Солнце. Они с радостью устраивали всемирный холокост⁴⁴, ибо были готовы принести себя в жертву хаосу и концу всех времен.

Вздрогнув, Мишель очнулся от бреда.

— Не знаю, хватит ли у меня сил, но когда-то тот, кто стал моим врагом, сказал, что я смогу помешать его планам. Для этого я должен встретиться на восьмом небе со своими заклятыми врагами и создать вместе с ними цепь любви. Тогда я смогу пересилить закон ненависти и перестроить космос по противоположному закону.

— У вас великодушный антагонист. Думаю, он назвал вам верное решение, хотя и очень трудное.

— Да, трудно заставить врага тебя полюбить, пусть и на мгновение.

— Дело не в этом. Самое трудное — узнать, кто твой настоящий враг.

— У меня их было столько... Но в особенности трое.

— Вчетвером, даже втроем, можно создать цепь любви. А вы действительно уверены в том, что те, о ком вы подумали, — ваши истинные враги?

— Да... я бы так сказал...

— Тогда как Маг вы должны вызвать их к жизни на восьмом небе, учитывая, что тот, другой Маг не станет сопротивляться. Это вполне возможно, ибо в том неслыханном мире они уже дали согласие на свидание с вами: ведь там время не движется. И битва с вашим врагом в самом разгаре... Каково ваше оружие?

Мишель нахмурил залитые потом брови.

— Гийом Постель настаивал на ритуале змея...

— Постель! Он совсем выжил из ума, но обладает тем же знанием, что и мы с вами.

В глазах Липарена промелькнула веселая искорка.

— Да, ритуал змея — это как раз то, что надо. Повторить действия змея, кусающего себя за хвост: соединить влажное и сухое, Селену и Гелиоса, женское и мужское начала. Думаю, ваш противник этого не ожидает. Кто будет с вами рядом?

— Наверное, никого, кроме демонов, планетарных духов и архонтов трехсот шестидесяти пяти сфер.

— Слабые союзники. В них отсутствует божественная искра... Но можно попытаться. Надо только найти настоящих врагов и постараться убедить их вам помогать.

Липарен в последний раз сжал руки Мишеля и поднялся.

— Мое присутствие больше не нужно. Вы скоро умрете. Вам страшно?

— Нет, не очень. Я боюсь только пропасти, в которую придется падать.

— Маг — создатель миров. Мир, в который вы попадете, покажется вам чуждым, но он будет чувствителен к вашим прикосновениям. Материя сна — как глина, из нее можно лепить. Лепите, и да хранит вас Господь. Придет день, когда Он призовет вас, признав частичкой божественной материи, и вы станете Его частью. Ведь астральный свет — только отблеск Его сияния.

Липарен направился к двери. Мишелю очень хотелось, чтобы он еще с ним побыл, но попросить он не решился. Только спросил:

⁴⁴ В дословном переводе слово «холокост» означает «всесожжение». (Прим. перев.)

— Куда вы теперь едете?

— Думаю, что еще раз сменю имя и поеду туда, где наша наука еще жива, чтобы помочь ей умереть достойно.

Он закатал рубашку и обнажил плечо с коричневатым крестообразным шрамом.

— Как видите, у нас с вами много общего. Передайте привет Ульриху, а потом убейте его.

Едва Мишель пришел в себя от удивления, как Липарен исчез. Раздались торопливые шаги вверх по лестнице, и через минуту у постели, с полными слез глазами, сидела Жюмель.

— Бедный мой! Доктор сказал...

Договорить она не смогла. Указав на пожилого человека в черном, который вошел следом за ней, она сказала:

— Это падре Видаль, как ты и просил. Хочешь исповедоваться?

— Да, через минуту. Сначала я должен спросить тебя кое о чем. Падре, вы можете чуть-чуть подождать за дверью?

— Да, конечно.

В руках у священника был какой-то сверток, но Мишель не успел разглядеть: может, помазание для соборования. Он отступил за порог, где его ждал мальчик, одетый в белое.

Жюмель вытерла глаза и опустилась перед кроватью на колени.

— О чем ты хочешь спросить, милый?

У Мишеля в горле стоял ком. Не сразу удалось ему сказать то, что хотелось:

— Жюмель, что есть в тебе такое, чего я не сумел понять? Что нас разделяет, хотя и кажется, что мы все время вместе?

Она сжала его руки.

— Не думай сейчас об этом, любимый, не время.

— Самое время. Ты любила меня?

— Да, очень.

— Но ты и ненавидела меня?

Жюмель разрыдалась. Он приподнялся на подушке.

— Ответь! Я хочу знать правду!

Она спрятала лицо в платок и прошептала, еле шевеля губами:

— Да, и ненавидела тоже. Я видела в тебе врага.

— Но почему? Почему?

Задышавшись от слез, Жюмель не могла говорить. Она вскочила и выбежала прочь. Расстроенный падре Видаль посторонился, чтобы пропустить ее, потом вошел и встал возле кровати.

— Вы готовы к исповеди?

Мишель вздохнул, закрыл глаза и сказал:

— Готов.

Когда священник выходил из дома, вид у него был очень озадаченный. День прошел спокойно. Шевиньи и Кристина привели детей повидаться с Мишелем. Жюмель, проплакав весь день, подняться не захотела.

Когда наступил вечер, Мишель понял, что это последний вечер в его земной жизни. Он вытянулся на постели и отпустил разум в блаженное небытие. Ему не было больно, он не испытывал никаких неприятных ощущений. Освободившись от веса своего тела, он блуждал среди каких-то расплывчатых фигур, населявших сумрак. Ему казалось, что он парит, и с физической оболочкой его соединяет тонкая нить, выходящая из затылка. Он видел себя самого, распростертого на кровати, слабого и беспомощного, и в нем росло опьянение безграничной свободой. Это было странное состояние: ни материальное, ни духовное. Именно в этом состоянии он без труда за миг перелетел через пропасть, которая его ожидала. Под ним развернулся запутанный, непостижимый мир, полный кишения и бурления жизни: его новое обиталище.

На рассвете следующего дня нить оборвалась, и Мишель перестал быть земным

существом. Он понял это потому, что все, что было скрыто во мраке, вдруг осветилось ярким светом и все размытые очертания стали четкими. Он бросил последний взгляд на свою оболочку, на неподвижное, безжизненное тело, окруженное близкими и друзьями в трауре. Потом увидел сверху — а может, и не сверху? — Салон, который когда-то так любил: дома, толпившиеся вокруг замка Эмперии и окруженные самыми прекрасными на свете полями, которым давал жизнь канал Крапонне. И вдруг под ним развернулись Франция, Италия, Германия, Испания, Англия... В воображении всплыли тени четырех гигантских всадников, чьи кони топтали и опустошали мир, который мог бы быть счастливым.

Но это было ничто в сравнении с тем, что может произойти, если Око Божье заключить в землю и раз и навсегда убить в мире женское начало. Эта мысль оторвала его от блаженного полета и ощущения постепенного растворения сознания. На восьмом небе его ждал поединок. Он собрался и ринулся в пропасть.

Не было ни страха, ни других чувств, кроме ощущения, что он Маг, творец и хозяин миров.

АБРАЗАКС. РИТУАЛ ЗМЕЯ

Темная фигурка с трудом пробиралась среди нагромождений льда, скользя на каждом шагу и не обращая внимания ни на гигантский эмбрион, спящий у нее под ногами, ни на его триста шестьдесят пять отражений.

Как только Нострадамус увидел копну рыжих волос, растрепанных невидимым ветром, у него сжалось горло. В этом странном мире ему приходилось пугаться, но то были страхи пустые. Настоящий страх начинался сейчас: ужас неминуемой встречи. Он страстно ждал этой встречи и смертельно ее боялся.

Когда фигурка приблизилась, сердце у Мишеля заколотилось в таком бешеном темпе, какого в земной жизни оно бы не выдержало. Он хотел заговорить, но не мог. Наконец какая-то неукротимая сила породила в горле крик:

— Магдалена!

— Привет, Мишель. Ну, как ты?

Нострадамус хотелось броситься к ней, но страх показать свою слабость перед Ульрихом удержал его на месте. Он смотрел на Магдалену полными слез глазами. Она была такая, как в Ла Зохе, в университетские его годы: те же веснушки, те же сияющие зеленые глаза, тот же вздернутый носик. На ней было простенькое легкое платье, никак не вязавшееся со здешним холодом и льдом. Хотя, в сущности, этот лед представлял не реальность, а состояние души.

Нострадамуса мучило желание попросить у нее прощения, но он почему-то сначала заглянул в темные глаза Жюмель. Они смотрели тепло, даже улыбались.

— Давай, Мишель, — сказала она. — Я знаю, тебе надо рассчитаться с большим долгом. Здесь у меня не получится ревновать.

— Спасибо, Жюмель, — прошептала Магдалена, подошла к Нострадамусу и протянула ему руку.

Он покрыл ее нежными поцелуями, а она сказала:

— Не надо мучить себя тем, что ты виноват передо мной. Прошло уже столько лет... Ты никогда не был злым. Если ты и причинил мне зло, то только потому, что, как и все мужчины, безотчетно разделял взгляды вот этого демона.

И она указала на Ульриха. Тот выглядел рассеянным: может, обдумывал возможные последствия происходящего.

А Нострадамус плакал, прижав к сердцу руку Магдалены. Он с нежностью выпустил ее из ладоней и сказал:

— Ведь я убил не только тебя, но и наших детей.

— Да нет же, вон они.

Магдалена указала на три звезды, сиявшие белым светом и хорошо видные на небе.

— Та, что в середине, — это я. Нет такой звезды, у которой не было бы души, и нет такой души, которая не была бы звездой.

Нострадамус судорожно разрыдался, притянул к себе Магдалену за плечи и обнял ее крепко-крепко. Он долго не выпускал ее из объятий, пока немного не успокоился и не вспомнил о Жюмель.

— Прости меня, — сказал он. — Думаю, ты меня понимаешь.

Она вздохнула.

— Конечно понимаю. Когда-то я тебе сказала, что Магдалена была намного сильнее меня. Она и сейчас сильнее. Она и есть ось той Троицы, которую ты хочешь воспроизвести. А обо мне не беспокойся, я всегда умела о себе позаботиться. У меня и в этом аду получится.

Тут Ульрих вышел из оцепенения.

— Какая трогательная семейная картинка! Это и есть враги, с которыми вместе ты будешь со мной драться, Мишель? Две дамочки, обе бывшие проститутки?

Нострадамус отстранился от Магдалены и скрестил руки на груди.

— Ты хорошо знаешь, что это они и есть. Ульрих, ты начинаешь бояться. Они любили меня, но в глубине души оставались моими врагами. С ними я и создам круг, который поможет перестроить Вселенную. И ты ничего не сможешь сделать. Маг не может быть настоящим Магом, если не обладает внутренней чистотой. Ты ею не обладаешь.

— А ты, значит, обладаешь?

— Чтобы ее достичь, мне понадобилась целая жизнь. И только в конце жизни я понял: чтобы уподобиться Богу, надо сочетать в себе самое и мужское, и женское начало. Думаю, что мне это удалось.

— Удалось, — прошептала Магдалена. — За это я тебя и люблю.

— И я тебя люблю за то же самое, — сказала Жюмель.

— Слишком поздно! — крикнул Ульрих и расхохотался деланным смехом. — Пока ты нежничал со своими шлюшками, Мишель, я запустил механизм уничтожения Шехины. Смотри, ты присутствуешь при величайшей в истории агонии, при увечье космоса.

Поднялся такой неистовый ветер, что, казалось, заколебалась небесная сфера. Вокруг раздавался шорох и треск: чудовищные растения с листвой в виде человеческих тел начали пробиваться со всех сторон. Они пульсировали, извивались, венчики их цветов казались живой плотью. В хаосе этого абсурдного мира мелькали какие-то прозрачные тела: крошечные женичины, распахнув рты, неслись по пульсирующим артериям, по пищеводам, по искривленным костям. Все они извергали кровь, валились гроздьями друг на друга и исчезали в никуда... От их беззвучных криков органы растений вздрагивали, а листва извивалась, как живая.

— Смотри, Мишель. На земле одиннадцатое августа тысяча девятьсот девяносто девятого года. Спускается Владыка Ужаса.

Застыв от ужаса, Мишель очутился в другом мире, знакомом ему, где Луна накрыла собой Солнце. Солнце продолжало светить, а Луна выглядела мертвым черным кругом, лишенным сияния.

Мир, раскинувшийся внизу, явно был земным. И в сумраке из глубины земли вырвался яркий свет. Ослепительно белая вспышка, ярче тысячи солнц, прошла сквозь землю и поборолась тьму. Нострадамус с ужасом понял, что кто-то пленил Око Божье и держал его под землей как в тюрьме, не заботясь о том, какой чудовищный костер может вспыхнуть и к каким последствиям все это приведет. В сиянии вспышки он увидел извилистые рукотворные лабиринты и гроты, в которых мельчайшие частицы материи непрерывно куда-то бежали, сталкивались, образуя хаотичные раскаленные горизонты. Может, обрела себя квинтэссенция, может, кагастро Парацельса. А может, Око Божье, укрощенное и разделенное спокойный белым лунным светом, стремилось высвободиться и уничтожить эту часть мироздания.

Но эта битва была не единственной, что разворачивалась перед глазами Мишеля. То

ли возбужденные исчезновением Луны, то ли тем, что Солнце оказалось в плену, мириады растерявшихся насекомых бились друг с другом в отчаянной схватке. То тут, то там вспыхивали крохотные солнца, дождем падали с неба, выпрыгивали из воды, искрами рассыпались по земле, готовя почву для грядущих агоний. Даже если и явился король Жоффруа, то у него хоть было за что сражаться с Франциском I графом Ангулемским. Теперь же все сражались непонятно за что, и каждая из сторон сторицей возвращала полученные удары. Похоже, единственный, кто видел смысл в этой свалке, был четвертый, бледный с прозеленью, всадник Апокалипсиса. Невидимо и тихо, отпустив поводья, ехал он среди всеобщей разрухи и ухмылялся про себя, радуясь, что тьма погребла под собой нежный полумрак женственности и что снова воцарится закон силы.

— Довольно, хватит! — закричал Нострадамус, и это не был вопль слабости, это был волевой приказ.

И призрачная картина сразу исчезла, а восьмое небо стало пустым и холодным. Только звезды Большой Медведицы снова перестраивались в привычную конфигурацию да виднелись еще три неярких звездочки.

Ульрих больше не хохотал, напротив, он обрел прежнюю мягкость.

— Видишь, Мишель? То, что ты стремился предотвратить, уже произошло. В тысяча девятьсот девяносто девятом году спустился не один Владыка Ужаса, а множество. Бесплезно дальше об этом хлопотать. Избавься от своих жениц или сделай их на худой конец рабынями и присоединяйся ко мне, чтобы властвовать в новой эре.

Нострадамус ощутил, как Магдалена и Жюмель взяли его за руки, каждая со своей стороны. Они не сказали ни слова, но этот жест вернул его к действительности. Он с иронией взглянул на Ульриха.

— Учитель, ты меня недооцениваешь, если решился на такой грубый обман. Здесь, на восьмом небе, времени не существует. Может, тысяча девятьсот девятый год уже наступил, а может, еще наступит. Ты мне показал не то, что произошло, а то, что может произойти: не реальность, а возможность. Все еще вполне можно изменить и спасти Шехину.

Он посмотрел на жениц, прижавшихся к нему.

— Вы верите в это?

— Да, — сказала Жюмель и поцеловала его в губы.

— Да, любимый, — отозвалась Магдалена и тоже его поцеловала.

Мишель почувствовал абсолютную уверенность.

— Круг любви создан! — воскликнул он взволнованно. — Теперь остается только выстроить вселенную, согласно закону Змея.

Ульрих отчаянно закричал, но Нострадамус уже начал читать заклинание, такое же древнее, как само человечество:

— Боже непознаваемый, взываю к тебе голосами всех мужчин:

ИСОО ОЙЕ ОСИ ЙЕ АОО ЭЙ ОЙ АОС ОЙС ЕООА ИСИ ОЕА ОСОО ЙЕУ АОО.

Взываю к тебе голосами всех жениц:

ИАС ЕОО ИОЙ ЕСИ ООА ЕС ИС АИ ЙО ШАИ ЕОО ОЙСЕ ИАО ЦАИ ЭОИС ИОЕИ ИОА.

Взываю к тебе как к ветрам, взываю к тебе как к заре. Взываю к тебе на север, на юг, на запад и на восток. Взываю к тебе как к земле, небесам и космосу...

Ульрих стал вдруг маленьким-маленьким. Он поднял тонкие ручки к небу, где мерцали звезды Большой Медведицы, и заорал что было силы:

— Не слушай его, о Солнце! Во имя великого Абракса, что держит в руках твои лучи, освети мое сердце! Благодарю тебя, Сеф Фиоф Барбариф! Благодарю тебя, о мой бог Деиодендеа Иаоф! Благодарю, Отец! Благодарю, Дух Святой! Раздавите древнего Змея, не дайте ему народиться вновь! Ты, о Иао! Ты, о Саваоф! Ты, великое Число, Абракс! Прошу у вас славы Солнца и света семи звезд, что освещает по ночам подземный мир, а днем светит над землей. Шабарах Ринишир Фунеро Фонтель, Азумар, Азумар!

С темного свода восьмого неба свесились уродливые, искривленные лица демонов. Там был Парпалус с лицом новорожденного; Раукагегил, повелитель Марса; Кана и Баруф, Литим и Фолиаф, Энедил и Зеброной. И вмерзший в лед эмбрион поднял наконец лицо, и оно оказалось вытянутой крокодильей мордой.

Однако от всего этого собрания космических ужасов веяло неуверенностью и бессилием. В углу небосвода снова начали собираться в круг и вращаться звезды Большой Медведицы.

Взволнованный Мишель крепче прижал к себе Магдалену и Жюмель. Слова сами слетали с его губ, словно подчиняясь божественной воле:

— Я называю тебя твоим именем, о бог всех богов! Если я произнесу его полностью, земля содрогнется, солнце остановится на небе и моря закипят. Потому я назову тебя только Йао. Прошу тебя, будь для меня рысью, орлом, фениксом, жизнью, силой, необходимостью, образом Бога, змеем. Возродись в образе Уробороса, возьми в зубы свой хвост и сочетай тем самым Изиду и Гора, Гекату и Юпитера, Селену и Аполлона, Христа и Барбело: покой и силу, любовь и разум, ночь и день! И да будет так, во веки веков!

Все демоны наверху жалобно завывали, а звезды Большой Медведицы, вращаясь, вычертили фигуру гигантского змея, кусающего себя за хвост. И тут же снова появились прозрачные ускользающие образы, но из них сложилась уже другая картина. Женские фигурки теперь не убегали, а радостно двигались вдоль сосудов, пульсирующих в теле вселенной. Кровь не сочилась из одного сосуда в другой, а восходила к женищине-архетипу, той, что сидела под балдахинном и держала в руках крест. Кагастро превращался в илиастро и становился потоком жизни, попав в который все тяжкое становилось легким.

Ульрих закашлялся и осекся. В последний раз хрипло и жалостно вскрикнув, демоны исчезли. У Нострадамуса создалось впечатление, что он снова видит перед собой затмение тысяча девятьсот девяносто девятого года, но теперь Луна сползала с Солнца и все больше бледнела, пока не исчезла совсем. Оба небесных тела снова разделились во времени. Око Божье, освещенное солнцем, погасло, хотя свалка на земле все еще продолжалась. Видимо, Владыка Ужаса обронил какое-нибудь свое оружие.

Наступило такое долгое молчание, что Нострадамусу показалось, что он очутился в другом измерении. Только тепло, исходившее от Жюмель и Магдалены, вернуло его к жизни. Они очутились в мире, который состоял уже не из льда, а из земли, камней и деревьев. В нескольких шагах от них стоял маленький старичок. Это был Ульрих. Благоприятную ночь озаряло кольцо змея, которое вращалось у них над головами.

Ульрих снова закашлялся, на этот раз согнувшись пополам. Он поискал палку и, не найдя, широко расставил ноги, чтобы держаться прямо.

— Думаешь, ты победил, Мишель? Ошибаешься. Ты сам видишь, что в земной сфере Марс все равно хозяин, есть затмение или нет. Война заставит время пойти вспять, и когда-нибудь вернется эра грубой силы. А с ней вернусь и я.

— Может, ты и прав, — ответил Мишель. — Но нет такой силы, которая рано или поздно не натолкнётся бы на превосходящую силу. Ты только что имел тому подтверждение. Твои планы разрушило единение многих сил и воли многих существ. Надеюсь, что это станет законом.

— А я надеюсь, что не станет.

Ульрих ничего больше не сказал. Он с трудом поднял с земли большую засохшую ветку и собрался уходить, опираясь на нее. Он уже сделал несколько шагов, как Нострадамус его окликнул.

— Что обычно говорят в таких случаях?

— Что ты имеешь в виду?

— Как прощается Маг?

Взгляд Ульриха помрачнел. Кзалось, его снова охватил гнев, но усталость взяла верх. Он опустил голову.

— До свидания, учитель.

— Прощай.

Нострадамус проводил его взглядом за смутно очерченный горизонт и повернулся к женщинам:

— А ведь он прав. Он вовсе не побежден.

— Так ведь и ты тоже не побежден, — возразила Жюмель. — Но гляди, как бы он снова не поднял голову.

— Не знаю, как мне удастся снова его одолеть: ведь я мертв, и этот мир теперь мне чужой.

Магдалена грустно улыбнулась.

— И нам тоже.

Жюмель нервно огляделась вокруг.

— Ладно, мы находимся непонятно где и не знаем, что нас ждет. Но по крайней мере, мы тут вроде бы на земле. Может, попробуем приспособиться? Ты ведь умеешь изменять сны, так попробуй тут кое-что поменять.

— Боюсь, что не получится, дорогая. Восьмое небо нестабильно, потому что так хотел Бог. Невозможно создать здесь видимость второй жизни. Этот обман долго не продержится.

— Но здесь мы живые! Должен же существовать способ остаться живыми! Если у демонов получалось, получится и у нас.

Нострадамус не знал, что ответить. Он уже собирался сознаться в собственном бессилии, но тут раздался тихий голосок Магдалены:

— Столько звезд на небе были когда-то живыми существами. Может быть, так на всех небесах и на восьмом тоже.

Жюмель рассмеялась.

— Я правильно поняла? Ты предлагаешь нам стать звездами?

— Почему бы и нет?

Магдалена посмотрела на Нострадамуса.

— Мишель, ты думаешь, это безумная затея?

— Да нет... Надо только найти нужное заклинание.

Маг задумался, потом сказал:

— Кажется, есть одно такое...

Все трое посмотрели друг на друга и улыбнулись, потом подняли глаза к небу. К своему новому дому.

Эпилог 1999 ПЛЕНЕННОЕ ОКО

Английские газеты «Гардиан» за 29 апреля и «Санди таймс» за 18 июля 1999 года опубликовали материал, который я резюмирую⁴⁵.

В Соединенных Штатах, близ Брукхейвенской национальной лаборатории на Лонг-Айленде, в галереях ускорителя тяжелых ионов в июне 1999 года должен был начаться эксперимент, состоявший в воспроизведении условий Big Bang — Большого взрыва (это явление опровергли предыдущие исследования, но эксперимент продолжили, ссылаясь на отсутствие альтернатив). Суть эксперимента состояла в том, чтобы многократно ускорить пучок ионов золота до границ скорости света и достижения температуры, в миллион раз превышающей температуру Солнца. Предполагалось, что при этих условиях произойдет расщепление протонов и нейтронов и получится плазма, состоящая из глюонов и кварков.

Одним из ожидаемых эффектов, в случае удачи эксперимента, было появление strangelets, то есть фрагментов кварков с непредсказуемым поведением. Ученые, работающие

⁴⁵ Автор обращается с физическими и инженерными терминами достаточно свободно. (Прим. перев.)

на ускорителе, признают, что теория не может с достаточной точностью описать это явление (см.: *M. Mukerje* . Маленький Big Bang. *Le Scienze*, № 369, май 1999). По одной из гипотез, *strangelets* , появившись в момент рождения Вселенной в свободной форме, могут «коллапсировать» и превращаться в «черные дыры», достигая плотности, искривляющей примыкающее к ним пространство, и всасывая окружающую материю.

При попадании в такую «черную дыру» человечество прекратит свое существование.

Запланированный на июнь 1999 года эксперимент откладывался месяц за месяцем по причине сомнений, высказанных самим директором Брукхейвенской национальной лаборатории. В конце концов он решил организовать экспертную комиссию, которая рассмотрела бы все риски, связанные с созданием таких «черных дыр» и возможными последствиями такого эксперимента. На настоящий момент решение так и не принято⁴⁶.

Департамент энергии США выделил на эксперимент триста шестьдесят пять миллионов долларов.

(Документы для резюме подготовили Джованни и М. Розарио Секондульфо.)

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Будучи романом, а не исследованием, мой «Маг» не претендует на историческую достоверность, и сразу предупреждаю, что в этом смысле позволил себе максимум свободы. Тем не менее в том, что касается известных сторон жизни Нострадамуса, я опирался на документированные сведения, достаточно научно обоснованные — что, увы, является редкостью на том поле, где веками расцветали воображаемые биографии и бредовые толкования.

Главными моими источниками были: *E. Le Roy* . Nostradamus. Ses origines, sa vie, son oeuvre. ?ditions Jeanne Laffitte, s. 1. 1993; *J-P. Cl?bert* . Nostradamus. Edisud, Aix-en-Provence, 1993.

С большими оговорками: *L. Schlosser* . La vie de Nostradamus. Pierre Belfond, Paris, 1985 (этот автор, который, кроме всего прочего, дает весьма оригинальные и острые толкования пророчеств Нострадамуса, поддается искушению включать в них эпизоды сомнительной достоверности; он также единственный, кто ссылается на Ульриха из Майнца, о котором речь пойдет ниже).

Я широко пользовался книгой, *J. Boulenger* . Nostradamus. ?ditions Excelsior. Paris, 1933, в которой указаны источники, но много пробелов в историческом контексте.

Для тех, кто всерьез хочет заняться Нострадамусом, абсолютно необходимо ознакомиться с работами Пьера Бренд'Амура, несомненно, лучшего из знатоков этой темы, к сожалению, недавно умершего: *Pierre Brend'Amour* . Nostradamus Astrophile. Les Presses de l'Universite d'Ottawa-?ditions Klincksieck, Ottawa, 1993; а также его великолепное издание *Nostradamus* . Les premi?res Centuries ou Propheties. Droz, Gen?ve, 1996. Я рекомендовал бы тем читателям, кого Нострадамус всерьез интересует как писатель и как историческая фигура, избегать любых текстов, не вошедших в библиографию Бренд'Амура.

Тем же, кому по вкусу более романтическая биография Нострадамуса, чем получилась у меня, предлагаю прочесть *M. B?ckl* . Vita e visioni del profeta Nostradamus. Piemme, Casale Monferrato, 1996, весьма любопытную работу, полностью выдуманную и ничего общего не имеющую с подлинной биографией Нострадамуса, кроме дат рождения и смерти.

Для изучения жизни Нострадамуса помимо уже перечисленного материала очень важны его письма, проливающие свет на повседневную жизнь пророка и помогающие понять ее «темные» места: Nostradamus, lettres in?dites. *Jean Dup?be* (под ред.). Droz, Geneve, 1983. Именно здесь можно найти доказательства близости Нострадамуса к ритуалам

⁴⁶ В середине мая 2008 г. было принято решение начать подготовку к проведению эксперимента, воспроизводящего условия Большого взрыва. (Прим. перев.)

египетской, греко-латинской и александрийской магии. Особенно ясно это прослеживается в письме № XLI, от 27 августа 1562 г., адресованном Франсуа Берару. В этом же письме упоминается демон Парпалус.

Абсолютно не заслуживает доверия коллекция текстов, подобранных Мишелем Руазеном (французским писателем, специализировавшимся на «псевдобиблии» о медиках XVI века), в которых появляется Ульрих из Майнца, «учитель» Нострадамуса: *M. De Roisin . Ulrich de Mayence. La bible de l'an 2000. ?ditions du Rocher, Principaut? Monaco, 1997*. Этот том включает в себя подборку статей, появлявшихся с конца шестидесятых годов в знаменитом медицинском журнале. Они снабжены даже «документами» и фотографиями, но, однако, не выдерживают никакой критики (к сожалению, втянутыми в орбиту обмана оказываются Луи Шлоссер и другие авторы). Это занятная и блестяще выполненная фальшивка. Но, поскольку автор представил свой труд как исторический текст, я поймал его за язык и воспользовался его персонажем. Хотя и Ульриху, и книге «*Arbor Mirabilis*» (которая в моем романе идентична знаменитой и таинственной «рукописи Войнич») я придал совсем другие черты.

Но перейдем к работам Нострадамуса. Чтобы расположить их в хронологическом порядке, нам будет совершенно необходим обширный том: *Robert Benazra . Répertoire chronologique nostradamique (1545–1989). La Grande Conjonction-Guy Tr?daniel ?diteurs, Paris, 1990*. Кроме своей библиографической ценности он замечателен тем, что, опираясь на исследования многих авторов, почти целиком реконструирует «Предсказания», которые Нострадамус публиковал ежегодно.

Что касается «Предсказаний», то теперь мы располагаем блестящим полным изданием с критическими статьями: *B. Cheignard . Pr?sages de Nostradamus. ?ditions de Seuil, Paris, 1999*.

Из менее значительных работ «пророка» я пользовался следующими: *Interpr?tation des hi?roglyphes de No?apollon*, в редакции Pierre Rollet, ?ditions Ramoun Berengui?, Barcelona 1968; *Le vray et parfait embellissement de la face*, факсимиле с издания Гуттенберга 1557 года, выполненное в Париже в 1979 году.

Вот мы и подошли к самим пророчествам. Углубившись в роман, читатель сразу поймет, что я не соблазнился возможностью их в очередной раз толковать. Чаще всего я приспособливаю их к тому или иному повороту повествования. В остальных случаях я пользуюсь теми толкованиями, что дал первым четырем центуриям Пьер Бренд'Амур в издании, которое я уже цитировал выше. Остальные центурии, к которым не приложил руку Пьер Бренд'Амур в «*Nostradamus Astrophile*», я пытаюсь расшифровать с помощью безотказного инструмента: *Michel Dufresne . Dictionnaire Nostradamus. Editions JCL, Chicoutimi-Ottawa, 1989* (работа Дюфрена считается лучшей среди представителей канадской школы «нострадамоведов»). Огромную ценность представляет также *Dictionnaire historique de la langue francaise*, ред. Alain Rey, 2 voll. Le Robert, Paris, 1992.

Я не пользовался многочисленными итальянскими переводами центурий, которые все почитаю более или менее спорными: не по вине переводчиков, а потому, что Нострадамус зачастую непереводаим. Подлинные тексты, которые я привожу, взяты либо из работы Пьера Бренд'Амура, либо из самого Нострадамуса: *Les oracles. ?dition ne varietur etablie par Anatole Le Pelletier, vol. II (том I посвящен толкованиям). Eleuron, Geneve, 1995*.

Толкования же центурий я целиком черпал из *R. Pr?vost . Nostradamus, le mythe et la r?alit?. Robert Laffont, Paris, 1999*. Автор, человек весьма эрудированный, соотносит пророчества Нострадамуса с современными «пророку» событиями (как уже поступал Л. Шлоссер), находя порой очень убедительные и неожиданные толкования. Относясь в высшей степени скептически к дару предвидения Нострадамуса, Прево, на мой взгляд, допускает одну ошибку: он не принимает во внимание, что первые центурии датированы задним числом. А поскольку не заслуживающая доверия научная литература утверждает обратное, то вывод получается парадоксальный: Нострадамус во многих случаях очень точно предсказывал будущее, хотя и заглядывал вперед всего на несколько лет. Подозреваю, однако, что великий эрудит Роже Прево совсем не это имел в виду...

Тот же, кто убежден, что Нострадамус предвидел в деталях будущее человечества, может обратиться к занятым и прекрасно написанным книгам следующих авторов: Giorgio Giorgi, Carlo Patrician, Renuccio Boscolo, Serge Hutin, Ottavio Cesare Ramotti, David Ovason, Jean-Charles de Fontebrune (из книги последнего автора, *Monsieur de Nostradamus*. Ramsay. Paris, 1997, я выудил *ястребиную траву*, хотя и подозреваю, что это искаженное прочтение прилагательного *геркулесова*), а также к остальным многочисленным «расшифровщикам» знаменитых катренов.

Что касается исторического фона, я не буду перечислять все работы, с которыми консультировался, хотя особую пользу извлек из следующих: *Michelet*. Renaissance et R?forme. Robert Laffont, Paris, 1998; *J. Cornette*. Chronique de la France moderne. Le XVI si?cle. SEDES, Paris, 1995; *A. Jouanna J. Boucher, D. Biloghi, G. Le Thiec*. Histoire et dictionnaire des guerres de religion. Robert Laffont, Paris, 1998. Из литературы о пророчествах и магии эпохи Возрождения я пользовался прежде всего следующими изданиями: *P. Zambelli*. L'ambigua natura della magia. Il Saggiatore, Milano, 1991; *P. B?har*, Les langues occultes de la Renaissance. ?ditions Desjonqu?res, Paris, 1996; *AA. VV.* Proph?tes et propheties au XVI si?cle. Presses de l'?cole Normale Sup?rieure, Paris, 1998.

Второстепенные персонажи моей истории явились из книг: *R. Cantagalli*, Cosimo I de'Medici, granduca di Toscana. Mursia, Milano, 1985; *M. Vannucci*, Lorenzaccio. Lorenzino de'Medici: un ribelle in famiglia. Newton Compton, Roma 1984.

Что же касается испанской и не только испанской инквизиции в эпоху Возрождения, то здесь главными текстами были: *H. C. Lea*. A History of the Inquisition of Spain, 4 voll. AMS Press, New York, 1988; *J. A. Llorente*. Historia critica de la Inquisicion en Espa?a, 4 voll. Ediciones Hiperion, Madrid, 1981; *L. Sala-Molins* (под ред.). Le Dictionnaire des inquisiteurs. Editions Galilee, Paris, 1981; *V. La Mantia*. Origine e vicende dell'Inquisizione in Sicilia. Sellerio, Palermo, 1977.

Теперь обратимся к «эзотерическому» уровню романа. Я взял на себя смелость сделать Нострадамуса и никогда не существовавшего Ульриха из Майнца адептами александрийской магии гностического толка только на основании тех ссылок и намеков на магическое искусство египетской школы, которые делает сам Нострадамус в своих сочинениях, и в особенности в письмах. Все ритуалы и формулы, которые я привожу, почти всегда их усредняя или изменяя, имеют три источника: *H. D. Betz* (под ред.), The Greek Magical Papyri in Translation. Volume one: Texts. The University of Chicago Press, Chicago-London, 1992; *M. Meyer-R*. Smith. Ancient Christian Magic. Coptic Texts of Ritual Power. Harper, San Francisco, 1994; *J. Doresse*. The Secret Books of Egyptian Gnostics. MGF Books, New York, 1986. Сведения о «магии зеркал» я почерпнул из *R. Kieckhefer*. Forbidden Rites. A Necromancer's Manual of the Fifteenth Century. The Pennsylvania State University Press, s. l., 1997.

И последнее: уже упомянутую мной «рукопись Войнича» я совершенно произвольно отождествил с «Arbor Mirabilis», которую изобрел писатель Мишель де Руазен, сделав ее автором Ульриха из Майнца. Не думайте, однако, что моя интерпретация загадочной рукописи не заслуживает доверия: в ней содержится доля истины, поскольку текст представляет собой некий синтез многих гностических египетских текстов на коптском языке. В основном я базировался на двух изданиях: *M. D'Imperio*. The Voynich Manuscript: an Elegant Enigma. Aegean Park Press, Laguna Hills s. d.; *L. Levitov*. Solution of the Voynich Manuscript. Aegean Park Press, Laguna Hills, 1987 (во втором издании меня интересовали почти исключительно иллюстрации). О легендах, окружающих рукопись, см.: *J. Beggier*. Les livres maudits. J'ai Lu, Paris, 1971.

При репродукции страниц текста, хранящегося в библиотеке Бейнеке в Йельском университете штата Коннектикут, я пользовался EVA Hand 1 font, созданным Габриэлем Ландини в Бирмингемском университете.

Я хочу поблагодарить своих друзей Тициану Маркези и Луизу Марию Фускони, которые прочли предварительную редакцию текста и дали мне множество полезных советов.

Эта книга посвящается кроме Тицианы и Луизы моему блистательному, преждевременно ушедшему из жизни коллеге Пьеру-Алексису Понсон дю Террайлю (1829–1871).

Валерио Эванджелисти